ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Государство и его институты:

гримасы политической модернизации

(последняя четверть XIX — начало XX вв.)

Алетейя

inslav

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

inslav

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Человек на Балканах
Государство и его институты

•

Гримасы политической модернизации
(последняя четверть XIX — начало XX в.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

inslav

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)
Ч39

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Е. Л. Валева*
кандидат исторических наук *Р. Н. Игнатьев*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Р. П. Гришина*

Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы
Ч39 политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.): Сб. статей. — СПб.: Алетейя, 2006. — 358 с.

ISBN 5-89329-875-6

В книге рассматриваются вопросы строительства «новых» государств на Балканах, образовавшихся на основе решений Берлинского конгресса 1878 г., рекомендации которого в главном сводились к перенесению западной государственно-политической модели на балканскую почву, недостаточно подготовленную для этого в социально-экономическом отношении. Одним из следствий явилось функционирование в ряде балканских стран наряду с государственными так называемых нелигитимных, парагосударственных органов власти. Методологически работа строится на базе общей теории модернизации, включая дополнительные разработки, относящиеся к особенностям протекания процесса модернизации в «другой», незападной, Европе. Авторами привлечен большой фактический материал по отдельным балканским странам, включая северо-западный ареал региона.

Для историков, социологов, антропологов и других, интересующихся нестандартными страницами хода исторического процесса.

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00-197а)

ISBN 5-89329-875-6

© Коллектив авторов, 2006
© Институт славяноведения РАН, 2006
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2006
© «Алетейя. Историческая книга», 2006

inslav

Предисловие

Вниманию читателя предлагается сборник статей, посвященный опыту изучения феномена «человека на Балканах» в ходе процессов модернизации середины XIX–первой половины XX в. Результаты первого этапа этой работы сложились в книгу коллектива исследователей, вышедшую в 2004 г. под названием «Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности». Интерес его авторов был сосредоточен на анализе внутренних и внешних импульсов к запуску модернизационных процессов в «новых» балканских государствах, освободившихся в XIX в. от турецкого гнета, степени готовности-неготовности тогдашнего балканского — архаичного общества (общества традиционного типа) с преобладающим крестьянским населением к вступлению на путь модернизации, использовании «передовыми» балканцами моделей западноевропейских политических институтов и доктрин и т. п. При этом в центре изучения находился «человек на Балканах» (Homo balkanicus) в аспекте проявления его социальных и психологических особенностей, мироощущения и ментальности в изменяющихся исторических условиях.

Не покидая этой главной исследовательской установки как своего рода стратегической, коллектив ученых Института славяноведения РАН и ряда специалистов, привлеченых из других учреждений, сделал следующий шаг — приступил в конце 2004 г. к изучению темы «Государство и его институты» в балканском преломлении, имея в виду опять-таки специфический ход модернизационных процессов середины XIX–первой половины XX в. в балканском регионе. Одним из отправных моментов при этом служило четкое понимание, что синдром отягощенной социально-экономической наследственности и степени цивилизационно-культурного развития самого «балканского человека» непосредственным образом отразился на том, какого рода государства могли появиться (и появились) на карте Европы в то время.

Конечно, определенный предварительный задел в деле государственного строительства у балканских народов имелся, но с приобретением в 1878 г. статуса самостоятельных княжеств Сербией и Черногорией, а также статуса полунезависимого княжества — Болгарией картина изменилась кардинально. Вновь образуемые на Балканах государства должны

inslav

были налаживать свою жизнь, как формулировалось в решениях Берлинского конгресса, — «в смысле европейского строя». К такой перемене применимо употребляемое одним из авторов настоящего сборника понятие «институциональной революции», поскольку новое государственное строительство должно было сопровождаться фактическим внедрением на балканской почве западной политической модели с ее важнейшими конструктивными элементами — конституционным порядком, парламентом, системой политических партий и другими либерально-демократическими институтами.

Весь этот процесс в общем почти полностью подпадает под понятие вестернизации. И не случайно специалисты называют государственно-политические атрибуты новых балканских государств имитирующими, заимстововованными[1].

Сейчас можно только размышлять, был ли институциональной революцией прерван ход самостоятельного, естественного развития балканских народов, строительства ими собственной государственности. Или, наоборот, ему был придан дополнительный импульс, в частности, в связи с тем, что повсюду на Балканах уже имелась, пусть тонкая, прослойка интеллектуалов-западников. Или пуще того — возможен и такой вариант, указание Берлинского конгресса совершенно не отвечало потребностям существования балканского населения. Но что получилось, то получилось.

Следует при этом иметь в виду, что любая пересадка формы на новую почву меняет, и иногда очень существенно, содержание явления. В рассматриваемом случае это особенно важно, так как формировавшиеся в балканских государствах властные структуры не располагали столь важными в этом деле ресурсами, как развитое правосознание населения, политическая культура, интеллектуальная среда и т. п. И если *экономический менталитет* балканцев в пору, когда они уже вступили на путь модернизации, характеризовался такими чертами как кооперативизм, этатизм, коррупция[2], то их *политический менталитет*, естественно, не мог находиться в отрыве от этой базы. Он состоял, как отмечают специалисты, из компонентов, генетически и исторически связанных с понятиями общинности, соборности, локального патриотизма (в основном уже преодоленных на Западе) и в гораздо меньшей степени с понятием государственности.

---

[1] См., например, *К. В. Никифоров*. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3.

[2] *Р. Аврамов*. Стопанският XX век на България. София. 2001. С. 107.

inslav

Свой аспект в формировании политического менталитета балканцев имело их сознание многосторонней зависимости от более крупных и цивилизационно уже устоявшихся «великих держав». Даже в XX веке это положение находило отражение в лексиконе, например, сербов, болгар, говоривших о своих странах как о «державицах», т. е. уменьшительно, приниженно. На этом фоне психологически естественным было формирование другой крайности в их самоидентификации, вроде развития идей «Великой Сербии», «Великой Болгарии» и даже «Великой Албании». Такая изначальная неустойчивость, легкий переход из одной крайности в другую, психологически свойственные как отдельным неуверенным в себе людям, так, очевидно, и отдельным народам, глубинно отражались на характере балканских общественных и политических отношений и в XIX, и в XX вв.

Сходным по значению фактором можно считать и сознание своей малости, малочисленности большинством балканских народов. В 1880 г., как отмечают некоторые авторы, население Сербии составляло 1,9 млн человек, Болгарии — 2,8 млн, Греции — 1,7 млн[3]. Где-то около 1 млн насчитывали словенцы.

Не без связи с этими обстоятельствами проблема создания собственной государственности и осознания ее важности населением представала для каждого из балканских народов сложной и трудоемкой. И не только с точки зрения «технической» (создания системы государственных атрибутов, органов управления, парламентов, партий и других институтов, в том числе монархического), но и с точки зрения идейно-духовной. В частности, имея в виду выращивание-воспитание в народе «*государственнического чувства*», которое, по мнению отечественного социолога А. И. Панова, является определяющей, главной чертой политического менталитета нации[4].

Если говорить серьезно, то отпущенного на это балканским странам исторического времени (примерно с середины XIX до середины XX вв.) было предельно мало. Особенно, если учесть, что балканские территории и их население оказались в положении «пропустивших» несколько культурных эпох, которые в свое время пережила Западная Европа. Р. Аврамов, говоря о Болгарии, справедливо отмечает, что корни цивилизационных различий уходят в глубину веков — ко времени разделения Римской империи; свой урон нанесли византийское господство, религиозная

[3] The Balkans in Transition. Essays on the Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth Century. Berkeley and Los Angeles. 1963. P. 347.

[4] *А. И. Панов*. Офицерский корпус и политические процессы в обществе: мировой опыт и российская действительность. М. 2000. С. 46; см. также Е. А. Ануфриев. Политический менталитет как фактор общественной жизни // Политология. М. 1999.

inslav

схизма, османское владычество. При всех важнейших континентальных и глобальных событиях Болгария оказывалась «по другую сторону», не там, где формировалось нынешнее понятие культурной идентичности. Отмечая, что «такие столетние циклы» не проходят бесследно, Р. Аврамов относит нехватку нескольких слоев культурного развития не только к Болгарии, но к балканскому региону в целом[5].

Государственническое сознание трудно воспитывалось не только в пассивной массе преобладавшего слоя балканского населения — крестьянстве, но и среди формировавшегося управленческого аппарата. Значительная его часть главным для себя считала приблизиться к власти и получить (и получать!) от этого привилегии. Из такой касты натужно формировались активные силы, которые могли бы стать носителями социальных реформ, мало кто из власть имущих заботился о действительных нуждах государства. Чувство гражданственности и ответственности на всех этажах общества вырабатывалось очень медленно. Из-за недостатка квалифицированных кадров стадия становления управленческого аппарата бесконечно затягивалась, общество в балканских странах до Первой мировой войны в целом оставалось аморфным. То есть складывавшиеся в балканских странах политические системы являлись как бы «недофункциональными», ибо далеко не в полной мере выполняли свою роль фактора, организующего политическую жизнь государства, будь то забота о его внутренней стабильности, или осуществление связи между высшими правящими структурами и населением, или выработка идейных программ, политическое просвещение народа, или стремление стать выразителями социальных интересов тех или иных групп населения.

Удивительно, но необходимость такой работы поняла католическая церковь. Уже в начале XX в. возникшее в католичестве так называемое социальное направление, резко критикуя либеральные идеи и жесткость мер экономической модернизации, «социальные католики» не выступили против нее как таковой, но попытались самортизировать беспорядочность ее ударов для населения путем создания специальных социальных программ, поощрения кооперирования и т. п. И не осталась внакладе: влияние и авторитет католической церкви выросли не только за счет увеличения ее паствы, но и как фактора общественной, а затем и политической жизни.

Само государство, его правительственные сферы, естественно, характеризовались примерно теми же качествами, что и политические системы. Из пут архаичных представлений было трудно освободиться даже

[5] *Р. Аврамов.* Стопанският XX век на България. София. 2001. С. 81.

inslav

правителям, находившимся на самом верху. Преобладали ценностные ориентации (семья, религия, язык, собственное прошлое), а не целевые[6]. Действительно, выработка, скажем, **государственной цели**, ее формулирование и гражданское осознание, мобилизация народа на ее достижение — такой задачи до начала Балканских войн мы не встретим нигде на Балканах.

Пожалуй, единственная цель, которую, кому раньше из числа балканских государств, кому попозже, удалось четко сформулировать, оказалась военной. И это не случайно. Ряд авторов отмечает как бы изначальную милитаризованность сознания балканцев и связывает ее в первую очередь с необходимостью для них постоянно обороняться то от одних, то от других завоевателей. Возможно, к этому следует присовокупить и влияние первичной матрицы, впитавшей в себя особенности жизни горцев. Поэтому четничество — формирование и уход в горы небольших вооруженных групп — родилось, по-видимому, естественно, став на Балканах как бы повседневной практикой. Поначалу с целью охраны населения. Но эта архаичная гражданственность с течением времени породнилась с разбойничеством, а к рубежу XIX-XX вв. романтические герои все чаще стали возглавлять четы, занимавшиеся террором и насилием уже в политических целях. Им даже удавалось устанавливать на части территории собственное управление (ВМРО). Так что для государственной практики ряда балканских государств стало обычным опираться на действующие нелегально четы и другие неконституционные образования, входить с ними в контакт, а также использовать заговорщиков, тайные комитеты, способные на многие нелегитимные деяния, вплоть до совершения государственного переворота.

Из всех управленческих структур — при слабости, как правило, государственной власти в новых балканских государствах — быстрее всего стало развиваться именно военное ведомство. Офицерство как общественная группа людей, более грамотная и специально обученная и потому способная четко мыслить, хотя и в узком направлении, научившаяся обстоятельствами определять цели и задачи не только в рамках своей компетенции, быстро вышла на первые роли в казалось бы несвойственной ей политической сфере. Офицерский корпус стал ощущать себя гарантом национального суверенитета и независимости своей страны.

Военных, считавших себя носителями национальной идеи, осуществления которой следует добиваться чего бы это ни стоило, не устраивали бесконечные рассуждения в обществе по поводу нерешенности националь-

[6] *В. Г. Федотова.* Модернизация «другой» Европы. М. 1997. С. 244.

inslav

ного вопроса (как оказалось, в каждой балканской стране). Словесно «национальные страсти» постоянно подогревались интеллектульными и политическими кругами, радикальной прессой; возникали многочисленные проекты славянского объединения, в том числе в виде федерации (и большинство из них — без достаточной аргументации). Увы, вся эта деятельность ограничивалась говорением, обсуждением, даже написанием отдельных программ. И отсутствием конкретных действий.

Лишь на переломе веков и особенно после событий 1908 г. необходимость борьбы за «национальный идеал» все более стала осознаваться в качестве главной государственной задачи. Однако далеко не всем обществом. И не всеми правящими структурами. Правительства балканских стран, подвергавшиеся резким нападкам экстремистов, как не имеющие должной энергии для осуществления национальных идеалов, колебались, находясь под давлением с разных сторон. В результате верх взяли наиболее решительные кадры офицерского корпуса и нелегальных «патриотических» организаций. Война на Балканах — для решения национального вопроса, для соединения с братьями, оставшимися за пределами национальных государств, и за приобретение территорий, на которых они проживают, — стала неизбежной. Замечательно сформулировал тезис о действиях военных в государствах со слабой властью современный военный обозреватель А. Жилин: «Когда власть не может четко сформулировать государственные приоритеты и игнорирует проблемы армии, — пишет он, — армия воспринимает это как угрозу стране и пускается на поиски альтернативы существующей власти»[7].

Балканские войны 1912-1913 гг., а затем Первая мировая война изменили и карту Европы, и ход модернизационных процессов на Балканах. В конце концов не балканцы, а версальские «миротворцы» «разрешили» в 1920 г. балканские проблемы. Не вникая в них по существу и раскроив Балканы по собственному разумению, они грубо и произвольно сшили отдельные куски территории белыми нитками, так что даже созданное ими крупное государственное образование — Королевство СХС — не ушло от жесткой внутренней конфронтации и разнонаправленности устремлений вошедших в него народов. Всебалканским результатом действий версальских миротворцев явилось крайнее обострение отношений балканских государств между собой и превращение региона в очаг грядущего реваншизма.

Р. П. Гришина

[7] *А. Жилин.* Бунтовщики – неодиночки //В. Шлыков. Гражданский контроль над вооруженными силами. Иностранный опыт и специфика России. М. 1999. С. 127.

inslav

Аншаков Ю. П.

Становление государственности и органов власти в Черногории (XVIII — первая треть XIX в.)

Черногория представляла собой маленькую горную страну на юго-западе Балканского полуострова. Она граничила с Герцеговиной и Северной Албанией, находившимися под османской властью, с венецианцами, а после падения Венецианской республики под ударами французов и заключения Кампоформийского мира между Австрией и наполеоновской Францией (1797 г.) — с австрийскими владениями на Далматинском побережье.

Прежде входившие в состав Зеты (область средневекового сербского государства, которой принадлежала основная часть территории Черногории) равнины с плодородными землями в районе Подгорицы, Никшича, Спужа и др. были завоеваны турками в ходе покорения Балкан. По условиям Пожаревацкого мира (1718 г.) отошли к Венеции, а в конце века к Австрии приморские общины Грбаль, Побори, Маине и Браичи, в результате чего Черногория лишилась выхода к Адриатическому морю. Но черногорцы продолжали считать эти земли, как и всю Боку Которскую (Адриатическое побережье, включающее большой залив, город и систему крепостей), своими и предпринимали попытки включить их в состав своего государства. Население этих областей Приморья поддерживало тесные и многосторонние связи с черногорцами в, том числе и родственные.

В рассматриваемый период Черногория была наиболее отсталой страной на Балканах. Стесненная в горах на небольшой территории, она не имела в достаточной степени ни материальных, ни людских ресурсов для экономического развития. Вплоть до 1878 г. в Черногории не было городов, ее административным и религиозным центром было местечко Цетинье, которое и в 20-40-х гг. XIX века оставалось небольшим поселением, состоящим из монастыря и нескольких десятков небольших строений. Основная часть населения страны жила в маленьких селах, расположенных в речных долинах или на склонах гор.

inslav

Промышленность в Черногории отсутствовала, ремесла не получили должного развития. Экономическую структуру Черногории определяло сельское хозяйство, где получили развитие скотоводство и земледелие. В Черногории преобладала мелкая земельная собственность, крестьяне были лично свободными и имели в личном пользовании небольшие участки земли, обрабатываемые усилиями малой семьи. Крупным собственником по черногорским понятиям была церковь. Монастыри, в особенности Цетинский, различными способами (дар, ипотека, завещание) присваивали движимое и недвижимое имущество населения. На монастырских землях крестьяне выполняли различные феодальные повинности (отработочная и натуральная рента). Интенсивную скупку земель производили также старейшины (сердары, воеводы, кнезы). Наряду с частной (семейной) формой владения землей, существовало в Черногории и общинное землепользование («коммунице»). К общинным землям относились пастбища, леса, луга, крупные водоемы, принадлежавшие всему племени, в действительности пастбища в большей степени использовались племенными старейшинами, так как они имели больше скота.

Точных данных о численности населения Черногории рассматриваемого периода нет. В середине XVIII в. в стране проживало приблизительно 30-35 тысяч жителей. По австрийским данным, на начало 80-х гг. в Черногории насчитывалось 4884 дома и около 40 тысяч жителей. Сами черногорцы в обращении к русскому двору (1778 г.) заявляли, что в Черногории проживает более 60000 человек, а в 1820-х годах население увеличилось до 80 тыс.

Территория Черногории включала 4 нахии (области): Катунскую, Риечскую, Црмницкую и Лешанскую. Это были исконные черногорские земли, так называемая Старая Черногория. Пятая нахия — Пешивачская — в 90-е гг. XVIII в. объединилась с Катунской.

Катунская нахия являлась наиболее крупной по территориально, но и самой бедной. Лучше обеспеченными материальными и природными ресурсами были Риечская и Црмницкая нахии. В ходе освободительной борьбы в конце XVIII в. к Черногории была присоединена часть соседней горной области Брды, полное их объединение состоялось в 1820-е — 1840-е гг..

В каждой нахии в Черногории было несколько племен, а всего в Черногории их насчитывалось 24. Черногорское племя «означает не что иное, как часть нахии или кнежина в Сербии, которые только по размеру и численности населения намного превышают черногорские племена», — го-

inslav

ворится в «Сербском словаре», составленном Вуком Караджичем[1]. Племя объединяло в своем составе весьма обширную группу населения, живущего на одной территории, но, что особенно важно, не связанного между собой кровным родством. Родственные узы членов черногорских племен были фиктивными, что сумел установить выдающийся исследователь Черногории П. А. Ровинский. Племя Негушей, например, состояло из переселенцев из Герцеговины, Боснии, Приморья, которые слились со старожилами[2].

Черногорское племя отличалось от классического родового связью на основе общей территории, а не кровного родства, отсутствием коллективного труда всех членов племени, наличием социального и имущественного расслоения. Вместе с тем слабое развитие производительных сил, жизнь в примитивных условиях, отрыв от внешнего мира — все это способствовало сохранению родоплеменных обычаев, например, кровной мести. Племенная организация удерживалась в Черногории долго, но

---

[1] См. различные данные о численности населения Черногории: *Распоповић Р. М.* Дипломатија Црне Горе. 1711-1918. Подгорица-Београд, 1996. С. 23. *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XYIII вјеку. Београд, 1912. С. 42; *Александров Г. Н.* Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. 1876. No7. С. 260. *Никчевић Г.* Још један француски извештај о Црној Гори са почетка XIX вјека //Историјски записи (далее ИЗ). 1970. Књ XXY. Св. 2. С. 265-276; *Броневский В.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818. Ч. I. С. 241; *Пејовић Б. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981. С. 252. Не совсем обычный подход к оценке демографической ситуации в Черногории высказывал в 40-е гг. XIX в. известный ученый и общественный деятель, публицист-славянофил Ф. В. Чижов, считавший, что «если бы беспрестанные сшибки с турками не уменьшали народонаселения, тогда менее нежели в десять лет оно увеличилось бы до такой степени, что им негде было бы жить, не только нечем питаться» (*Чижов Ф. В.* Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 г. // Московитянин. 1845. No7. Ч. IV. Отд. 1. С. 37). Это мнение русского ученого можно в полной мере спроецировать и на XVIII в. Если учесть, что Черногория даже при столь малом количестве населения не так уж редко становилась жертвой голода, то суждение Ф. В. Чижова не покажется лишенным логики. Поэтому для Черногории вопрос о расширении территории, возвращении отторгнутых земель был буквально вопросом жизни и смерти.

[2] *Караџић В.* Српски ријечник. Београд, 1935. С. 522-523. Задолго до В. Караджича русский дипломат С. А. Санковский в донесениях в МИД проводил аналогию между племенами и княжинами //*Достян И. С.* Описание Черногории в донесениях С. А. Санковского // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 299, 330; В 30-50-е гг. XIX в. и другие сербские исследователи, например, Н. Попович, именовали черногорские племена княжинами //Дурковић-Јакшић Л. Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори. 1833-1851. Београд, 1951. С. 61.

inslav

ее внутреннее содержание имело мало общего с племенами, существовавшими в эпоху первобытно-общинного строя. Таким образом, черногорский союз племен не был тождественен союзу племен, описанному Ф. Энгельсом и означавшему начало разрушения родовой организации и «зарождающееся государство"[4]. Основу союза черногорских племен составляло не кровное родство, что является специфической чертой доклассовой организации общества, в то время как общность территории является признаком наличия государственной организации. Черногорское племя было административно-территориальной единицей и одним из факторов, участвовавших в процессе создания общегосударственных учреждений, формировании аппарата по управлению страной.

С начала XVII в. по 1851 г. включительно религиозными и политическими лидерами Черногории выступали митрополиты, сумевшие постепенно сосредоточить в своих руках духовную и в значительной степени светскую власть. В XVIII в. — первой трети XIX в. Цетинскую митрополию возглавляли представители рода Петровичей-Негошей (Данило Шчепчевич, Савва, Василий, и Петр I), исключая короткий промежуток времени (1782-1784 гг.), когда во главе митрополии находился представитель другого рода — Арсений Пламенац. Приход и утверждение митрополитов во власти объясняется главным образом их активным участием в антиосманской борьбе, что обеспечило им мощную поддержку антитурецки настроенной подавляющей части черногорского общества.

Цетинская епархия как церковная организация входила в состав Печской патриархии, вплоть до упразднения последней турками в 1766 г., после чего Цетинская митрополия обрела большую самостоятельность, формально находясь под юрисдикцией Константинопольской патриархии. Но сербские патриархи лишь могли рукоположить в сан митрополитов, которые избирались на Общечерногорском зборе (народном собрании), а позднее — скупщине. Черногорские митрополиты имели право церковной юрисдикции не только над черногорским, но и над соседним православным населением Приморья и Северной Албании, Герцеговины. Это способствовало увеличению религиозного и политического престижа Цетинской митрополии на Балканах, росту ее влияния в пограничных землях с христианским населением.

Заметим, что Черногория в XVI-XVII вв. находилась под верховной властью Порты, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной террито-

[4] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства //*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 99, 111.

inslav

рии. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов, отсутствовала османская административная и судебная системы. Единственный признак вассальной зависимости Черногории от Османской империи в XVIII в. — это довольно редкая уплата харача, собираемого зачастую при помощи карательных экспедиций, который, полагаем, следует рассматривать скорее как вынужденный откуп, нежели, чем дань. Впрочем, некоторые племена и нахии в отдельные периоды добровольно платили дань Порте. Черногорцы обладали известной долей политической самостоятельности еще с конца XVII в. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П. А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике (1698 г.), что вблизи Котора и Пераста «живут вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временем войну точат с турками, а временем воюются с венетами"[5].

С начала XVIII в. антиосманская борьба Черногории вступает в новую фазу. Теперь она ведется за полное освобождение из-под власти Порты и создание самостоятельного государства. Руководящая роль в этом длительном процессе принадлежала цетинским митрополитам.

Православная религия в Черногории на протяжении столетий способствовала поддержанию и развитию национального самосознания, что было чрезвычайно важно в условиях антитурецкой борьбы. Монастыри в Черногории, впрочем как и повсюду на Балканах, были очагами культуры. В них хранились рукописи, поддерживалась славянская письменность. Попытки распространить в среде черногорцев католицизм и ислам встречали решительный отпор. Но на рубеже XVII-XVIII вв. османская политика исламизации покоренных народов, принесшая успех в соседних Боснии и Албании, стала приносить плоды и в Черногории, где появились семьи принявшие ислам, что создавало угрозу полного подчинения Черногории Турции, угрожало ее растворением в окружающем мусульманском мире. Поэтому, несмотря на то, что некоторые черногорцы — мусульмане, когда речь шла об общих интересах, сражались бок о бок с православными черногорцами против турок, владыка Данила принял радикальное решение «в божьем стаде истребить заразу» и в начале XVIII в. большинство «потурченцев» в Черногории были уничтожены. Иные вновь обращены в православие, некоторым удалось спастись бегством. Это был жестокий, но вынужденный акт. И дело заключалось не в повышенной религиозной нетерпимости, достаточно сказать, что черногорцы имели побратимов в

[5] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 19.

inslav

соседних мусульманских землях, а в желании сохранить «малое гнездо свободы сербской», православную религию, самобытное положение своей родины. Ведь вместе с верой люди зачастую меняли образ мыслей, идеалы, обретали иные политические ориентиры, а этого не желали ни преобладающее большинство черногорцев, ни их владыки. По народному преданию, позже воспетому в поэме Негоша «Горный венец», расправа с потурченцами произошла в Рождественский сочельник и была единовременным актом, неким подобием Варфоломеевской ночи. На самом деле это легенда. В реальности полное избавление Черногории от «потурченцев» происходило постепенно, на протяжении всего XVIII века.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что религия и церковь пронизывали в Черногории все общественные и властные структуры, что народ и его духовные пастыри отличались повышенной религиозностью и тем более фанатизмом. Подавляющее большинство черногорских священников были невежественны в вопросах богословия и богослужения. Они внешне мало выделялись среди народной массы, ходили вооруженными, снимали оружие лишь на время церковных проповедей, принимали самое активное участие в боевых действиях. Основная масса черногорцев была не столько религиозна, сколько невежественна и суеверна. Черногорцы боялись проклятия со стороны владыки, которое иногда было более действенным способом наказания за преступление, нежели уголовное преследование.

Православие служило знаменем народного единения и освободительной борьбы черногорцев. Это идеологическое оружие успешно использовалось Цетинской митрополией и ее владыками, поскольку церковь в Черногории являлась в большей степени политической, нежели религиозной организацией. В сознании черногорцев православие и свобода слились в единое целое.

Черногория при митрополитах — это не теократическое государство, поскольку церковь никогда не оказывала определяющего влияния на законодательство. Политический строй Черногории нельзя уподобить, например, имамату (теократическое государство) Шамиля (1834-1859 гг.) на территории Дагестана и Чечни, где обычное право было полностью заменено сводом религиозно-этических и правовых предписаний — шариатом, а мюридизм (послушничество) проповедовал духовное совершенствование на основе религии и слепое подчинение свои наставникам и вождям. В Черногории была иная ситуация, поскольку долгое время жизнь общества регулировалась нормами обычного права, а с конца XVIII в. письменным законодательством, где отсутствовали какие-либо законоположения теократического характера.

inslav

Вплоть до провозглашения Черногории княжеством (1852 г.), в стране происходило постепенное формирование института монархии. До этого, при митрополитах, на наш взгляд, существовала примитивная республиканская форма правления со значительными элементами патриархального уклада в общественной жизни[6].

Органом высшей власти в Черногории издавна являлся Общечерногорский збор (он являлся преемником средневековых сербских саборов, которые вели свое происхождение от народных собраний периода военной демократии), а затем скупщина, которая со второй половины XVIII в. становится собранием народных старейшин — представителей различных нахий и племен. Русский дипломат С. А. Санковский, выполнявший в Черногории и Которской области в 1805-1807 гг. различные поручения российского правительства, отмечал в донесении в МИД, что черногорский народ, собранный на «генеральный сейм..., заступает лицо и имеет власть государя», и все распоряжения каких-либо иных органов правления считаются недействительными, «если оный народ их не утвердит; равно как без его согласия не могут существовать и быть постановлены законы; без его ведомства не можно также иметь с чужестранными дворами сношения, и от его решения зависит, начать войну или сделать мир"[7]. В компетенцию збора, а затем скупщины, входило разрешение всех наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешних отношений (выборы митрополитов, губернаторов, сердаров, воевод и пр.), и с конца XVIII в. народное собрание избирало правительство и выполняло законодательные функции. Черногорский митрополит Василий Петрович в 1753 г. в письме к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину указывал, что после прекращения правления династии Црноевичей (правителей средневековой Зеты) Черногория стала «республикой под владением своего митрополита», оставаясь таковой и в дальнейшем[8]. О Черногории как о республике говорилось и в одном из проектов черногорско-австрийской конвенции 1779 г[9]. Республикой Черногорию считали некоторые современники описываемых событий. Так, С. И. Мазарович, уроженец Пераста, несколько

---

[6] Подробнее о республиканском устройстве Черногории см.: *Александров А. И.* «Нова Кола» од Николе I // Ученые записки императорского казанского университета. 1897. Кн. 3. Раздел критика и библиография. С. 8-26; Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856 гг.). М., 1998. С. 58-67.

[7] *Достян И. С.* Описание Черногории начала XIX в...С. 298.

[8] Политические и культурные...С. 185.

[9] *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом...СПб., 1888. Т. I. С. 747; *Дашић М.* Огледи из историје Црне Горе (студије о догађајима од краја XVIII вијека до 1918). Подгорица, 2000. С. 50.

inslav

лет проведший в Черногории, а в дальнейшем служивший в российском МИД, отмечал в 1808 г., что митрополит Петр I Негош сумел полностью подчинить себе черногорских старейшин и сосредоточить власть в своих руках. Но вместе с тем он подчеркивал, что «это маленькое государство» является республикой, притом в высокой степени демократичной.

К этому присоединялся участник военной экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1806-1807гг.) В. Б. Броневский, писавший о Черногории как о республике «в полном смысле слова». Профессор Дерптского университета, специалист по русскому и славянскому праву А. М. фон Рейц, посетивший Черногорию в 1832 г., также считал, что пять нахий Черногории и Брды образуют республику. Исследователь и путешественник В. С. Клементьев, в 1841 г. посетивший Черногорию, отмечал авторитарные черты, присущие власти митрополитов в XIX в., но относил народную скупщину к высшему органу власти, стоящему под исполнительной властью. Форма правления страной определялась им как демократическая, т. е. республиканская. Аналогичных взглядов придерживался исследователь быта и нравов черногорцев, знаток черногорского законодательства А. Н. Попов, а также известный английский этнограф Г. Вилкинсон, посетивший Черногорию с научной целью в 1844 г[10].

Оценивая «республиканское устройство» Черногории, следует отметить, что для Европы нового времени государственный строй Черногории был явлением примитивным, архаичным. По нашему мнению, республиканский строй Черногории в определенной степени напоминал форму, известную еще со времен античной Греции. Черногория при митрополитах напоминала республиканскую Спарту. Заметим, что именно со Спартой сравнивал Черногорию В. Б. Броневский[11]. Кроме прочего, Спарту и Черногорию сближало и то обстоятельство, что оба эти государства

[10] Црногорско-руски односи. 1711-1918. (Черногорско-русские отношения. 1711 — 1918). Подгорица — Москва, 1992. Књ. I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С. 147; *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1836. Ч. 1. С. 192; *Рейц А. М.* Слободне земаљске общтине Црне Горе (Монтенегро). Прилог упознавању јужнословенскога племена. Црна Гора. Положај и устав. //*Миловић Ј. М.* Петар II Петровић Његош свом времену. Титоград, 1984. С. 78; *Клементьев В. С.* Черногория. Из записок русского путешественника в 1841 году. //Благовест. 1891. Вып. 18. С. 547, 550-551; *Попов А.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 138; *Дурковић-Јакшић Љ.* Енглези о Његошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С. 188-189.

[11] *Броневский В. Б.* Записки...Ч. I. С. 192.

inslav

в значительной мере оставались изолированными от внешнего мира и представляли собой военизированные общества: военный характер был присущ спартанской общине, черногорское же племя являлось не только административно-территориальной единицей, но и военно-политическим объединением. Следует также отметить, что в республиканской Спарте, находившейся, как и Черногория, на раннеклассовом этапе общественного развития, существовали значительные остатки родового строя, черты которого сохранялись и в Черногории. Причем, если для Спарты (как, впрочем, и других античных республик) это было естественным состоянием общества, совершившего переход от родового строя к государству, то для Черногории родоплеменные черты общественной жизни и политического строя являлись в большей мере следствием других причин. На их реанимацию повлияли османское завоевание и исторически сложившаяся затем изолированность страны, ставшая причиной резкого регресса общественной и хозяйственной жизни. Однако оживление патриархального уклада, на наш взгляд, не привело к утрате черногорцами государственности, в то время как некоторые югославские историки полагают, что в Черногории XVIII в., когда она избавилась от власти султана, существовали «классические родоплеменные отношения» и что Черногория вновь обрела государственность лишь в XIX в[12].

Разумеется, проводить полную аналогию между Черногорией и Древней Грецией не следует. Черногория рассматриваемого периода, безусловно, отличалась от античных обществ социальной структурой; достаточно вспомнить, что в Черногории, наряду с патриархальным укладом, существовали элементы феодальных, а не рабовладельческих отношений, имелись и другие отличия, обусловленные разными временными эпохами. Вместе с тем политическая организация власти античных государств — республик и Черногории была схожа, и прежде всего это выражалось в роли народных собраний, являвшихся как в античной Греции, так и Черногории, наследием первобытно-общинного строя, а также в постоянно возраставшем влиянии старейшинской верхушки на внутриполитическую жизнь общества. Архаичный республиканский строй Черногории резко отличался и от республик на тех же Балканах. Дубровник, а позже Ионическая республика находились на несравненно более высокой ступени политической организации.

Черногорскому руководству постепенно становилось очевидным, что для успешного сопротивления османскому натиску необходимо единение

[12] *Чубриловић В.* Терминологија племенског друштва у Црној Гори. Београд, 1959. С. 28-29, 41; *Vujović Д.* Specifičnosti razvitka crnogorske države //Jugoslovenski istorijski Časopis. 1973. Br. 1-2. С. 41-56 и др.

inslav

всех внутренних сил страны. Только оно могло укротить межплеменную вражду, ускорить создание более совершенного экономического базиса для развития государства. Церковь, в лице Цетинской митрополии, часть старейшин понимали, что успешная освободительная борьба неотделима от внутренних преобразований, направленных на ликвидацию родоплеменных пережитков. Преодоление сепаратизма и создание централизованного государства были процессом длительным и сложным у всех народов. Успех его зависел от внутренних условий, в которых приходилось действовать господствующим общественным силам. В Черногории формирование централизованного государства проходило хотя и не медленнее, чем в других странах, но этот процесс, завершившийся в 50-х гг. XIX в., имел свои особенности. Его спецификой являлось учреждение, в первую очередь, общечерногорских судебных органов.

Идя по этому пути, митрополит Данило в 1713 г. создал общечерногорский суд из 12 старейшин во главе с В. Вукашиновичем, известный в югославской историографии как «Суд владыки Данилы». Этот общегосударственный орган власти проделал полезную работу, направленную на объединение черногорских племен и пресечение межплеменной розни. На состоявшимся в 1723 г. Общечерногорском зборе было принято решение, дающее право членам суда производить конфискацию имущества преступников, приняты иные суровые меры наказания[13].

Черногорские митрополиты проявляли большую заинтересованность в установлении, развитии и укреплении взаимоотношений с Россией, начало которым было положено Прутским походом Петра I (1711 г.), когда царь призвал к антитурецкому выступлению балканские народы, и черногорцы откликнулись на него, выступив против Османской империи. Русско-черногорскому сближению, помимо общности политических интересов, в значительной мере способствовала этническая и языковая близость, единая православная религия. Первым митрополитом, посетившим Россию, был Данила (1715 г.), который, помимо прочего, просил установления покровительства России над Черногорией, но ему удалось добиться только денежной помощи для восстановления пострадавшего от турецкого нашествия (1714 г.) Цетинского монастыря. Вместе с тем с этого времени черногорцы и их владыки стали считать, что Черногория находится под покровительством России.

Прорусская ориентация не мешала черногорцам поддерживать тесные экономические и политические связи с соседней Венецией. Во время войны 1714-1718 гг. решением збора (1717 г.) Черногория вновь встала

[13] *Павићевић Б.* Стварање...С. 42.

inslav

под политическую защиту республики Св. Марка и оказала значительную помощь венецианцам в военных операциях в Далмации, что в конечном итоге имело для Черногории сугубо отрицательный результат. Уже отмечалось, после победы Австрии и Венеции над Османской империей по Пожаревацкому миру (1718 г.) Черногория потеряла выход к Адриатическому морю. Как ни парадоксально, но тогда для Черногории объективно было выгоднее не ввязываться в эту войну, чтобы Турция, этот главный враг Черногории, одержала в ней верх. В таком случае для Черногории сохранялось статус-кво, а перешедшие под власть Венеции приморские общины остались бы в составе Черногории. Новые властители черногорского Приморья ничем не компенсировали Черногории важнейшие для ее экономики и народонаселения территориальные потери, и в конечном итоге оказались далеко не лучшими соседями. Венецианские власти поощряли междоусобицы и сепаратизм в Черногории, тайно провоцировали пограничные конфликты своих подданных и черногорцев, оставаясь при этом в тени. Нестабильная, раздираемая внутренней враждой Черногория была более приемлема для венецианцев. Даже набеги черногорцев на венецианские территории с целью угона скота, конфликты из-за земли, представлялись венецианцам меньшим злом, чем сплоченная и сильная Черногория, способная повести за собой значительную часть славянского населения венецианских владений.

В 1717 г. по предложению Венеции черногорцы ввели светскую должность губернатора (гувернадура), функции которого вначале ограничивались внешней политикой, но в дальнейшем губернаторы стали небезуспешно претендовать на светскую власть в более широком объеме, и их роль в народных собраниях иногда становилась определяющей. Эта должность закрепилась вначале за семейством Вукотичей, а затем перешла к Радоничам, которые вступили в политическое соперничество с митрополитами. Губернатору и ряду племенных старейшин власти Венеции установили денежную плату, что делало их проводниками венецианской политики. Впрочем, губернаторы не всегда придерживались сугубо провенецианской ориентации в политике. В дальнейшем, при удобном случае, они проявляли готовность сотрудничать и с Россией, не порывая при этом тесных связей с Венецией, а затем и Австрией.

После смерти владыки Данилы в 1735 г. Цетинскую митрополию возглавил митрополит Савва, оказавшийся слабовольным правителем, неспособным сплотить черногорцев, пресечь или хотя бы ограничить внутреннюю вражду, возглавить борьбу за создание независимого государства. Эту роль взял на себя его племянник и соправитель Саввы митрополит Василий Петрович (1750-1766), который, реализуя свои внешнеполити-

inslav

ческие планы относительно Черногории, решил первоначально прибегнуть к помощи Австрии.

Следует заметить, что внешний фактор многое значил для Черногории. Он в значительной мере определял ход и развитие освободительной борьбы черногорцев, влиял на успех или неудачу внутренних преобразований, направленных на пресечение анархии и самоуправства в черногорском обществе, создание и совершенствование государственного аппарата по управлению страной, централизацию власти.

В 1751 г. Василий Петрович отправился в Вену, где, помимо прочего, обратился к императрице Марии-Терезии с обширным меморандумом. В нем он обосновывал тезис о многовековой независимости Черногории, этой «чистой девицы, одной особой республики» под управлением митрополитов из рода Петровичей. Василий Петрович просил венский двор взять под покровительство Черногорию и предлагал заключить союз между Австрией и Черногорией ради освобождения балканских земель из-под власти Турции[14]. В Вене в то время мало что знали о Черногории, но Василий Петрович был там уже известен как человек непредсказуемый, склонный к вымыслам и его предложения были оставлены без внимания. Заметим, что тогда Василий Петрович весьма слабо разбирался в большой европейской политике, не знал, что в то время политика Австрии не предполагала каких-либо аннексионных планов на Балканах.

Убедившись в бесперспективности надежд заинтересовать венский двор Черногорией, Василий Петрович полностью переориентировался на Россию, где он с большим успехом будет стараться воплотить в жизнь те идеи, какие оказались неприемлемыми для австрийской империи.

В 1752 г. Василий Петрович едет в России, сначала в Петербург, а затем в Москву. Здесь он обосновался более чем на год. В России митрополит установил связи с видными политическими деятелями, писал многочисленные письма в Синод, Коллегию иностранных дел, русским сановникам, желая заинтересовать церковные круги, российское руководство проблемами Черногории, ее народа. В феврале 1753 г. Василий Петрович обратился в Коллегию иностранных дел с изложением истории черногорско-турецкого военного противостояния с 1712 по 1739 год, а затем послал туда «Краткое географическое описание Черногории». Василий Петрович включал в состав черногорских земель не только собственно Черногорию с ее четырьмя нахиями, но и часть территории Приморья, Герцеговины, все брдские племена, а также североалбанских католиков

[14] *Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његова доба. 1740-1766. Београд, 1978. С. 98.

inslav

(Хоти, Климентн, Кастрати)[15]. Делал он это преднамеренно, поскольку четко осознавал, что раздираемая внутренней анархией, маленькая, оторванная от моря Черногория не способна вызвать сколько-нибудь значительный интерес у русского двора. Находясь в России, он действовал как политический деятель, упорно настаивающий на том, что поскольку Черногория никому не подчинена, и является достаточно обширным и могущественным государством, она способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы от османского ига. Преследуя эти цели, Василий Петрович в апреле 1753 г. направил письмо канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, где утверждал, что Черногория никогда не была завоевана Турцией, а его страна всегда оставалась республикой во главе с митрополитом. Он также предлагал установить протекторат России над Черногорией и заверял канцлера, что в случае русско-турецкой войны «все окрестные славяно-сербские народы присовокупились, и отдали б себя под протекцию всероссийскую"[16].

К заслугам Василия Петровича следует отнести то, что он являлся первым черногорским историографом. Мысли, высказанные им в обращениях к российскому руководству, нашли развитие в изданной в 1754 г. типографией Петербургской академии наук книги Василия Петровича «История о Черной Горы». В ней он развивал идеи, возникшие ранее у Юрия Крижанича и Георгия Бранковича о славянской общности, о создании в Юго-Восточной Европе обширного славянского государства, прототипом которого, должна была стать средневековая сербская держава в период ее расцвета и могущества. Впоследствии его идеи нашли сторонников и продолжателей среди черногорских государственных и общественных деятелей. Вместе с тем, книга содержит много неточностей, заметно преувеличивает роль Черногории в антитурецкой борьбе. Василий Петрович значительно преуспел в решении задач своей миссии. Издание книги «История о Черной Горы», общение митрополита с русскими государственными деятелями способствовали формированию у правительства и просвещенной российской общественности представления о Черногории как о неподвластном Порте государстве.

Удовлетворив финансовые и церковные просьбы Василия Петровича, российское правительство оставило открытым вопрос об установлении протектората России над Черногорией до тех пор, пока не прояснится,

---

[15] *Станојевић Г.* Митрополит Василије...С. 102-103; Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 73; Политические и культурные...С. 187-190.

[16] Политические и культурные...С. 185-186.

inslav

как представляют себе черногорцы степень зависимости от России и пока не поступит «формальное от сего народа прошение». И хотя такое прошение впоследствии было направлено[17], однако положительной реакции русского двора оно так и не вызвало. Зато российское руководство и сама Елизавета Петровна без доли сомнения отнеслись к заверениям Василия Петровича в том, что Черногория независима. Когда в 1754 г. встал вопрос о переселении партии черногорцев в Россию, посол в Вене Г. К. Кейзерлинг получил от Елизаветы Петровны рескрипт следующего содержания: «хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты. Хотя в договоре между Портою и Венециею черногорцы и уступлены Порте, но договор остается безо всякой силы, потому что вольного народа нельзя уступать без его согласия"[18].

Из этих слов императрицы, безусловно, возникших на почве суждений о Черногории Василия Петровича, верным было лишь то, что черногорцы находились в постоянной вражде с турками (под турками черногорцы подразумевали всех мусульман, вне зависимости от их этнической принадлежности), и то, что ранее принадлежавшие Черногории приморские земли были уступлены без согласия черногорцев. Впрочем, в соответствии с нормами международного права этого согласия и не требовалось, поскольку формально Черногория являлась составной частью Османской империи.

В 1758 г. Василий Петрович вновь прибыл в Санкт-Петербург, где развернул энергичную деятельность, добиваясь от русского двора уже не протектората, а принятия «народа черногорского» в российское подданство.

Для обращения к русскому двору Василием Петровичем был выбран неподходящий момент. Продолжалась война с Пруссией, и поэтому любое обострение отношений с Портой, в том числе и из-за черногорцев, было крайне нежелательно для России. Тем более, что в эти дни министр-резидент А. М. Обресков доносил из Константинополя, что султан хочет войны с Россией[19]. Если новый султан Мустафа III искал любого повода к войне, то задача русского двора сводилась к тому, чтобы не дать

[17] Там же. С. 200.

[18] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. XII. С. 205.

[19] Там же. С. 464

inslav

его. Поэтому, удовлетворив, как и ранее финансовые и церковные просьбы черногорского владыки, а также дав согласие на сформирование из черногорских переселенцев в России гусарского эскадрона, императрица этим и ограничилась.

Что же касается вопроса о приеме черногорцев в российское подданство, то Елизавета Петровна посчитала делать это нецелесообразным, поскольку для черногорцев оно могло обернуться бедой «по великой близости окружающих их неприятелей и по толикому нашей империи отдалению». Поэтому дело откладывалось до «лучших времен"[20]. Отказывая в приеме черногорцев в подданство, российское руководство не отходило от политики покровительства Черногории. Так, в ответ на отказ Синода выдать Василию Петровичу архиерейское облачение, решением Конференции (высший совещательный орган при императрице) Синоду рекомендовалось удовлетворить просьбу митрополита, поскольку решение Синода противоречило «прежде отказанным милостям и покровительству российского двора Черногории"[21]. Следует заметить, что, оказывая фактически покровительство Черногории, русское правительство ни тогда, ни позже не заявляло об этом официально, не облекало его в международно-правовую форму, чего впоследствии, будет добиваться черногорское руководство.

Императрица также согласилась удовлетворить просьбу Василия Петровича о пожаловании черногорскому народу ежегодной субсидии в 15 тыс. рублей. Однако, пока субсидия выделялась только на один год. Ее дальнейшая судьба зависела то того, сумеют ли черногорцы приложить старание для «учреждения между собою доброго порядка и согласия», а также способности снабдить себя «Потребными воинскими орудиями» и добиться установления «нужного регулярства» и доброй дисциплины». Просьба митрополита о направлении в Черногорию постоянного дипломатического агента была отклонена Елизаветой Петровной, поскольку, считала императрица, этого «нынешние обстоятельства совсем не дозволяют"[22].

Для доставления субсидии в Черногорию вместе с Василием Петровичем в Черногорию направился специальный эмиссар русского правительства полковник С. Ю. Пучков. Главная его задача состояла в разузнании истинного положения дел в Черногории, сборе сведений о стране и ее народе.

---

[20] Политические и культурные...С. 221.

[21] РГИА. Ф. 796. Оп. 33. 1752-1762 гг. Д. 197. Л. 146-146 об.

[22] Политические и культурные...С. 234.

inslav

В августе 1759 г. митрополит, с сопровождавшей его свитой, а также С. Ю. Пучков прибыли в Черногорию. Здесь русский эмиссар объехал несколько нахий, посетил Цетинье. По возвращению из Черногории, в начале 1760 г. С. Ю. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт, в котором сообщал, что «черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют между собой добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе». В его словах много правды. Межплеменная и внутренняя вражда, кровная месть — все это было главным препятствием для единения черногорского общества, преодолеть которое было крайне трудно в стране, где люди, в результате ссоры по самому ничтожному поводу, «друг друга режут или застреливают, а потом убегают в другие провинции». Пучков рапортовал о расхищении русских денег «начальниками черногорскими» и их родственниками, о присвоении узким кругом лиц 1000 золотых «жетонов», в то время как «преосвященному Савве одну только грамоту отдали"[23].

Вместе с тем, изложив состояние черногорских дел в самых мрачных тонах, С. Ю. Пучков допускал излишнюю категоричность, что частично объясняется и тем, что он за получением информации нередко обращался к митрополиту Савве и другим недоброжелателям Василия Петровича. Его обвинение в расхищении присылаемых из России денежных сумм, а также о том, что Василий Петрович тратит русские деньги не ради государственных интересов, а «по своим нуждам» было несправедливым. В действительности эти средства, как с осуждением сообщал митрополит Савва в письме Венецианскому сенату, тратились на развитие освободительного движения[24]. Часть русских денег была роздана на состоявшемся вскоре после отъезда Пучкова из Черногории зборе, причем не только черногорцам, но и приморцам, Василий Петрович, в отличие от Саввы, не был корыстолюбив. Пучков отмечал отсутствие в Черногории какого-либо правопорядка, так как каждый сам себе «высший властитель и судья». Такое суждение слишком категорично, поскольку в стране действовали нормы обычного права, хотя и слабо, но функционировал такой орган, как «суд добрых людей», состоявший из наиболее влиятельных и уважаемых старейшин[25]. Действовал в Черногории и такой судебный орган как «кметский суд», состоящий из 24 судей и разрешавший различ-

[24] Краткая выписка о черногорском народе, б/г. // РГВИА. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Ч. I. Д. 248. Ч. 6. С. 180-181.

[25] Бажова А. П. Русско-югославянские...С. 83.

[26] Црногорске исправ XVI-XIXвв. Цетиње, 1964. Док. 67, 74.

inslav

ные споры между черногорцами[26]. Василий Петрович был «жестоким и отважным» человеком; ему удавалось «держать в страхе» беспокойных черногорцев, замечал позже другой российский эмиссар Г. Мерк[27]. С. Ю. Пучков черногорские реалии мерил на российский аршин, для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным порядкам, многое, если не все, казалось странным и диким в этой стране.

Однако в Петербурге полученная от С. Ю. Пучкова информация была воспринята с полным доверием. Поэтому черногорцам пришлось навсегда забыть о продолжении получения субсидий в размере 15 тыс. рублей, но субсидия Цетинскому монастырю по линии Синода не была отменена. В начале царствования Екатерины II русское правительство также руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, «кроме излишних хлопот и холодности с турецким двором и венецианской республикой"[28].

Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть, в лице императрицы Екатерины II, будет проводить новую внешнюю политику, где достойное место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург, но в марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге в Александро-Невской Лавре. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию очередную денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. На родину также возвращались сопровождавшие Василия Петровича в поездке в Россию иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович-Негош — будущий черногорский митрополит. Их сопровождал подпоручик Севского полка М. Тарасов, который должен был доставить в Черногорию грамоту Екатерины II, церковную субсидию и личные вещи Василия Петровича, оставшиеся после его смерти. М. Тарасову было также поручено выяснить «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся, также об их правлении, порядках и внешних делах"[29].

---

[26] Там же. Док. 72, 75. Следуя по пути митрополита Данилы, Василий Петрович еще в 1751 г. учредил верховный судебный орган из 12 влиятельных старейшин (сердары, воеводы, кнезы), но он через короткое время прекратил свое существование. // Ражнатовић Н. Црногорско-приморска митрополија и настанак државе Црне Горе (ИЗ. Подгорица, 2000. Бр. 1-2. С. 63).

[27] Донесение Г. Мерка, 6/17 сентября 1768 г., Вена // РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 67об.

[28] Краткая выписка о черногорском народе, 6/г. // РГВИА. Ф 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/194. Ч. I. Д. 248. Ч. 6. Л. 184; Бажова А. П. Русско-югославянские...С. 84.

[29] Бажова А. П. Русско-югославянские...С. 85.

inslav

Находясь в Черногории М. Тарасов вел ежедневные записи происходивших событий, а по возвращении представил письменный отчет Коллегии иностранных дел[30]. Записки М. Тарасова содержат сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории и соседних земель, быте и общественной жизни черногорцев. Тарасов отмечает бедственное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю вражду. Внутреннюю нестабильность М. Тарасов объяснял отсутствием должного правления и крайней слабостью митрополита Саввы, титул которого — «черногорский правитель» — не приемлется черногорцами, почитающими его лишь за митрополичий сан, а «он виновному, кроме проклятия», сделать ничего не может.

Вместе с тем Тарасов отмечал, что суд в Черногории все же существует, и описывал, как он происходит: «Соберутся старшины их несколько человек в архирейском доме и, севши за стол, судят винного, и суд обычно кончится при великом крике такою сентенциею: ежели есть смертное убийство, то позволяется учинить равномерное отмщение, а когда дело состоит в краже, то в семеро против цены украденного виноватый заплатить должен». Подметил он и определенное неравенство в черногорском обществе, где старейшины «не по заслугам, но по древности фамилии и по достатку» выбираются, а бедные обыкновенно «из интересу на то согласны бывают, потому что они к начальникам своим почасту прибегают занимать денег, хлеба и прочие необходимые вещи».

В отличие от полковника Пучкова, подпоручик Тарасов с несколько большим пониманием относился к проблемам Черногории, сознавая, что многие беды черногорцев обусловлены не только их внутренними порядками и нравами, но и тяжелейшими природными условиями, внешними обстоятельствами. Все же, в целом в его выводах сквозит больше пессимизма, нежели оптимизма, как в оценке внутреннего положения страны, так и перспективы русско-черногорских отношений. Он заметил, что среди черногорцев невеликое число «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги». Оценивая это суждение М. Тарасова, следует учесть, что разного рода пожертвования (в основном, церковные) и «милостинная дача» Цетинскому монастырю (500 рублей в три года), не пополняли существенно доходы Черногории, хотя крайняя их скудость заставляла ценить любые, даже такие небольшие денежные подношения. Однако пройдет совсем

[30] См.:Журнал М. Тарасова и Приложение к нему // Црногорско-руски односи. 1711 — 1918 ...С. 48-64.

inslav

немного времени, и станет ясно, что «русская идея», хотя и в своеобразной форме, окажется живучей в сознании не только большинства черногорцев, но и приморцев. Она выйдет на первый план, и не только из-за сугубо прагматических расчетов.

Со смертью Василия Петровича Савва вновь стал единолично распоряжаться митрополичьим престолом. Его государственная деятельность попрежнему отличалась безынициативностью и пассивностью. Черногорцы отзывались о Савве следующим образом: «Ни с ним не лучше, ни без него не хуже».

Тем временем в Черногории вновь расцвело самоуправство, а кровная месть истощала и без того скудные людские ресурсы страны. Выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович в годы своих странствий в 1764 г. посетил Черногорию, которая произвела на него удручающее впечатление. Он писал о черногорцах следующее: «Поганы, прокляты и вечного позора достойны те обычаи, когда, свершая кровную месть за кого-то, некий изверг убивает другого, которой ни в чем вовсе не повинен. Такие жестокие, проклятые дела свершаются там, где нет ни праведных законов, ни правления...Итак, во имя Бога живого! Наведите порядок в своей среде, выберете главенствующего и ведите у себя закон добротный"[31]. И такой человек не заставил себя долго ждать: время правления в Черногории Степана Малого (1767-1773) явилось прорывом к авторитарной власти.

Все началось с того, что в расположенной на Адриатике сельской общине Маине в 1766 г. появился безвестный странник, называвший себя Степаном Малым. Он нанялся в работники к богатому крестьянину Вуку Марковичу (по другим источникам — Марко Вукович), влиятельному среди местных черногорцев человеку, и своим умением врачевать обрел популярность среди местных жителей. Однажды после свершения религиозного обряда в местном монастыре, где среди икон находился и портрет российского императора Петра III, Степан Малый потребовал от Вука Марковича, чтобы он, поочередно вглядываясь, сравнил его лицо с портретом Петра III. Сделав, как ему было сказано, Вук пришел к убеждению, что перед ним никто иной, как русский царь. Вскоре по всему Приморью распространились слухи, что у Вука Марковича под видом батрака живет император Петр III, покинувший Россию из-за происков врагов и пожелавший обрести покой среди единоверных черногорцев. Самозванец внушал народу, что «от восставших его подданных всероссийская императрица

[31] Цит. по: *Петрович Р. В.* Степан Малый — загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Пер. с сербского С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996. С. 80.

inslav

сама его спасла и выпустила из государства, предоставя народу вместо его похожего как две капли воды на него другого, подлого и в то же время умершего человека"[32].

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. В самом конце сентября — начале октября 1767 г. состоялось два Общечерногорских збора, в Цекличах и Цетинье, где в присутствии тысяч человек — черногорцев и приморцев — Степан Малый был признан не только Петром III, но и государем Черногории. Тогда же титул государя за Степаном под давлением обстоятельств был вынужден признать и митрополит Савва.

Степан Малый мог праздновать полную победу. Он стал повелителем Черногории, в народе его называли царем.

Однако республиканское начало в стране сохранялось, ни один из предыдущих государственных институтов, в том числе и народные собрания, сохранявшие прежние функции, не были ликвидированы. Они по-прежнему созывались при решении всех наиболее важных дел черногорского общества, хотя, безусловно, и учитывали, особенно на пике власти Степана Малого, его суждения и мнения. Монархическое начало пока еще не укоренилось в массовом народном сознании. Для черногорцев Степан Малый был, в первую очередь, православным русским царем, служившим символом защиты и опоры в освободительной борьбе, отстаивании идеалов свободы. Именно то обстоятельство, что в глазах черногорцев Степан Малый был русским царем, позволило ему достичь таких высот, о которых никто из природных черногорцев XVIII в. не мог даже помыслить. Сам же Степан Малый, насколько это было возможно в той или иной ситуации, избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил о себе, что он — «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими». Впрочем, как и все самозванцы, он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к роду правящей средневековой династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим — что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «дезертир из Лики» и т. п. [33]

---

[32] Донесение Г. Мерка, 6/17 сент. 1768 г., Вена // РГАДА. Ф. 149. оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 69.

[33] *Бажова А. П.* Русско-югославянские...С. 93, 97. Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснено. А. П. Бажова полагает, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в. Однако ее

inslav

Степан Малый предпринимал эффективные меры, направленные на наведение порядка в стране, и, в частности, на искоренение кровной мести. Он ввел смертную казнь за кровную месть, учредил суд, исполнение приговоров которого контролировал специальный военный отряд. Приговоры отличались суровостью. Так, «В Цермнице брат убил брата, и Степан Малый повелел отыскать нового Каина, выволочь его из укрытия, которое он для себя избрал; а то была церковь неподалеку от Подгорицы — укрытие, по тем временам священное и ненарушимое. Он же заставил отца убийцы и оставшихся в живых братьев повесить его перед дверьми родительского дома (по другой версии, родственники вешали уже труп расстрелянного накануне убийцы), чтобы устрашить каждого, кто осмелился бы занять себя подобным преступлением». По приказу Степана Малого была построена тюрьма, (именуемая в народе «Степановой темницей»), внутрь которой можно было в любой момент пустить воду. Некоторых преступников Степан Малый наказывал «по московскому обычаю»: он велел закапывать их в землю по горло, оставлял в таком положении несколько дней, после чего изгонял из страны до дня Святого Георгия. Самым суровым

предположение, что под именем Степана Малого мог скрываться один из организаторов переселения черногорцев в Россию С. Петрович, является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия в декабре 1777 г. — июне 1778 г., С. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем (*Строев А. Ф.* «Те, кто попровляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 277). Недавно скончавшемуся югославскому историку Р. Петровичу, безусловно, принадлежит главная заслуга в исследовании жизни и государственной деятельности Степана Малого. Вместе с тем, в своей последней работе о нем «Степан Мали. Загонетка је решена (Степан Малый. Загадка решена)». Београд, 2001, Р. Петрович выдвинул гипотезу, согласно которой под именем Степана Малого скрывался И. Балевич, находившийся в Росси и на военной службе и умерший (согласно челобитной его сына С. И. Балевича от 1780 г.) в 1769 г. (Политические и культурные отношения...С. 326). Зная об этом документе Р. Петрович все же полагает, что И. Балевич был одним из трех российских эмиссаров, которые, согласно дубровницкому источнику, были в 1766 г. направлены в Морею, а затем один из них якобы пробрался в Черногорию и объявился Степаном Малым (С. 56). Безоговорочно доверяя этому источнику, Р. Петрович полагает, что в 1769 г. тогда еще шестилетний сын И. Балевича поверил в ложный слух о гибели Степана Малого, зная при этом, что самозванец его отец (С. 53-54). По мнению Р. Петровича, Екатерина II направляя в 1768 г. с миссией в Черногорию старого знакомого И. Балевича полковника С. Эздемировича, также знала, что самозванец не кто иной, как И. Балевич. Эти и другие аналогичные предположения представляются крайне сомнительными. Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он и решил разыграть роль императора в Черногории.

inslav

образом карался угон скота, и это в стране, где подобное занятие считалось делом обычным; кражи, даже мелкие, жестоко наказывались. Так, у одного черногорца из Белице (Катунская нахия) был украден петух, и когда об этом сообщили Степану Малому, он велел выдать потерпевшему в качестве компенсации цехин, а старейшинам села под угрозой смерти велел отыскать вора и, когда тот попадет им в руки, повесить на дубе, а петуха привязать ему к ноге[34].

Вынужденная суровость и жестокость мер, предпринимаемых Степаном Малым, была оправданной, поскольку царившую в Черногории анархию и своеволие невозможно оказалось устранить без применения радикальных мер.

Степан Малый старался по мере сил пресечь грабительские набеги черногорцев на соседние венецианские и турецкие владения, предпринимал меры по созданию регулярного войска. Он ввел личную вооруженную охрану, установил караульные посты на горных перевалах и других стратегически важных пунктах страны, активно занимался прокладкой дорог. Степан Малый предпринял попытку ввести налоги, чего ранее в Черногории не было. Так, посетив Црмницкую нахию, он обложил каждый дом податью. Налог был введен только в одной нахии, но, безусловно, Степан Малый хотел распространить налогообложение на всю Черногорию. При нем началась перепись населения, которая закончилась уже после смерти Степана Малого, в 1776 г. С его именем связано открытие школы в Петровце, где монах Елисей «обучал детей веронауке и русскому языку»[35]. Обучение русскому языку было делом объяснимым: «русский царь Петр III» обязан заботиться о распространении русского языка в черногорской среде, прививая и поощряя тем самым дружеские чувства к родственной православной России.

Осенью 1770 г. судьба нанесла тяжкий удар Степану Малому. При проведении ремонтных дорожных работ он случайно подорвался на заложенной в скале мине и в результате этого ослеп. Помещенный в монастырь в Брчеле, он продолжал руководить страной и с нетерпением ждал прибытия русского флота в Адриатику, чтобы объединенными силами обрушиться на врага. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Подосланный шкодринским пашой наемный убийца грек Станко Клазомуня заколол спящего Степана кинжалом. Произошло это в сентябре 1773 г.

Так трагически пресеклась жизнь Степана Малого. Он был похоронен в монастыре Св. Николы в Брчеле, где его прах покоится и поныне. Сте-

[34] *Петрович Р. В.* Степан Малый...С. 45, 46, 80, 220.

[35] *Бажова А. П.* Русско-югославянские...С. 99.

inslav

пан Малый говорил о себе: «Я — пахарь, пашущий землю, пашу и буду пахать ее, пока не родит она плод. Хочу или умереть или работать — и вскоре окончить работу. Так повелевает мне Бог, над которым нет владыки. Настанет время, когда уразумеете мое слово, не забывайте его и веруйте в его исполнение»[36].

Биограф Степана Малого югославский историк Р. Петрович емко и верно оценивает его роль в становлении черногорской государственности: «Учреждением суда в стране, где уже в прежние времена существовали сабор, митрополит, губернатор, сердары, воеводы, кнезы, прокладкой дорог, постройкой крепостей и тюрем, установкой виселиц, открытием школ, созданием постоянного войска и назначением командующего — было укреплено государство Черногория, государем которого стал Степан Малый»[37].

После смерти Степана Малого на политическую сцену Черногории уже в третий раз вышел дряхлый митрополит Савва, и страна опять зажила привычной жизнью, где не было места порядку, но царили вражда и повсеместный произвол.

Явная неспособность Саввы к делам государственного управления, открыла дорогу к власти губернатору Йовану Родоничу, ставшего после гибели Степана Малого играть главную роль в политической жизни Черногории. Й. Родонич видел свою цель в улучшении внутреннего положения страны, уничтожении внутриплеменной и межплеменной анархии, в создании более современного государственного устройства, отвечавшего интересам как старейшинского слоя, так и всего черногорского общества. Однако при этом губернатор, прежде всего, опирался на помощь извне. В его внешнеполитических планах чередовалась ориентация на Венецию, Россию, а в последние годы жизни — и на Австрию (от которой он получал пенсию), что не создавало ему популярности среди православного населения Черногории. К тому же после падения республики Св. Марка границы Черногории сомкнулись с австрийскими владениями, и отношения с новыми соседями складывались весьма напряженно. Сосредоточившись исключительно на внешнеполитических делах, губернатор Й. Родонич и его окружении постепенно утрачивали доверие народа. Этому во многом способствовало и то, что акции по отношению к венскому двору предпринимались без санкции Общечерногорского збора.

---

[36] Цит. по: Яцимирскиц А. И. Лже-Петр III у черногорцев // Исторический вестник. 1907. No8. С. 522.

[37] *Петрович Р. В.* Степан Малый..., с. 221.

inslav

Следует заметить, что наряду с силами, заинтересованными в централизации власти, действовали силы прямо полярные, и именно: консервативная часть населения, цепко державшаяся за патриархальные порядки, а также сепаратистки настроенные элементы в пограничных районах страны (Црмницкая, Риечская нахии, некоторые брдские племена). Но в конечном итоге не им принадлежала ведущая роль в черногорском обществе, а тем силам, которые объединились вокруг Цетинской митрополии и её нового владыки.

В течение почти половины столетия черногорским митрополитом был Петр I Петрович-Негош (1784-1830) — выдающийся государственный деятель, мудрый и дальновидный политик, талантливый военачальник, сумевший в значительной мере сосредоточить в своих руках как духовную так и светскую власть в стране. С его именем связаны заметные успехи в развитии черногорской государственности. Укрепив свое положение главы государства, он повел решительную борьбу с племенным сепаратизмом, добиваясь объединения всех сил, чтобы противостоять опаснейшему противнику Черногории Махмуду-паше Бушати, правителю Северной Албании.

В результате двух блестящих побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) над многократно превосходящими силами противника Черногория, объединившись с населением Брды, закрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага — Махмуда Бушати, погибшего в бою. В связи с этим следует заметить, что в югославской, советской и современной российской историографии бытует мнение, что именно 1796 г. является рубежным — с него начинается фактическая независимость Черногории от Турции, но при этом игнорируется тот факт, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати. Дело в том, что М. Бушати действительно мог завоевать Черногорию, но сам практически не подчинялся Порте, являлся злейшим ее врагом. Поэтому в Стамбуле были крайне обрадованы, что черногорцы избавили Порту от «самого беспокойного неприятеля», угрожавшего самим устоям Османской империи[38]. В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Махмудом Бушати ровным счетом ничего не меняла, разве что вызвала у турок кратковременное чувство симпатии и благодарности к черногорцам, впрочем, ненадолго. Порта, игнорируя реальное положение вещей, по-прежнему считала Черногорию составной частью Османской империи.

[38] См. об этом реляцию В. Кочубея Екатерине II от 15/26 окт. 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1796 г. Д. 833. Л. 15-15 об.

inslav

Тогда же к Черногории присоединилась часть Брды (Пипери, Белопавличи), но окончательное объединение Черногории и Брды произошло только в 20 — 40-е годы XIX века.

Военные победы 1796 г., укрепление фактической независимости страны создали в Черногории условия для централизации государственной власти, которая постепенно началась сосредоточиваться в руках митрополита, позиции же губернатора заметно ослабли. В марте 1798 г. Негош информировал константинопольского архиепископа Григория, что губернатор Радонич «между нами почтенен именем, а не властью»[39]. Митрополит Петр I Негош и его окружение, проводя последовательно политику централизации власти, создания более совершенного государственного устройства Черногории, стремились опереться на помощь России.

На состоявшейся 19/31 мая 1798 г. в Цетинье скупщине был принят проект государственного устройства Черногории, в июле того же года доставленный в Петербург архимандритом С. Вукотичем. Проект содержал замыслы Петра I Негоша и черногорского руководства относительно становления черногорского общества и государства[40]. Этот документ, подписанный митрополитом Петром, гувернадуром Йованом Радоничем (умер в 1802 г.), 6 сердарами, 12 воеводами и 6 кнезами состоял из следующих пунктов:

1. Высшая власть в Черногории должна принадлежать народной скупщине; она выражает суверенитет народа, в ее функции входит: принятие «новых законов"; выбор митрополита, губернатора, сердаров, воевод.

---

[32] АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1792-1799. Д. 24. Л. 17.

[40] См. текст документа в кн.: *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетиње, 1951. С. 74-76; *Бажова А. П.* Русско-югославянские...С. 113-114; *Павићевић Б.* Политика цара Павла I према Црној Гори. //Гласник Цетињских музеја. Цетиње, 1970. Бр. 3. С. 28-29; Бојовић Ј. Р. Законодавство и органи централне власти у Црној Гори у вријеме митрополита Петра I Петровића (1784-1830). //ИЗ. 1982. Св. 1-2. С. 55-56 и др. Кроме этого документа И. Вукотич представил в Коллегию иностранных дел еще прошение, в котором перечислялись заслуги черногорцев перед Россией, содержалась просьба о протекции русского двора Черногории и выражалась надежда, что Павел I будет способствовать проведению государственных преобразований в стране. //Политические и культурные...С. 379-382. И. С. Достян полагает, что Д. Вуксан впервые опубликовавший это прошение в адрес «царя» (без указания его имени) ошибается относя документ к 1798 г. И. С. Достян считает, что Вуксан имел в своем распоряжении недатированный отрывок из более позднего прошения черногорцев к Александру I, относящемуся к 1805 г., который по содержанию текста совпадает с частью прошения, направленного через С. А. Санковского в Петербург в 1805 г. См. об этом: *Достян И. С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. //Балканский исторический сборник, IV. Кишинев, 1974. С. 28.

inslav

Скупщина утверждает налоги и определяет, какого рода они будут, принимает грамоты от русского императора. В случае объявления войны Россией какому-либо государству черногорцы обязывались на стороне России участвовать в войне.

2. Так как Черногория поделена на нахии и созыв общенародной скупщины вызывает определенные затруднения, то, чтобы «весь народ участвовал в осуществлении верховной власти», правительство учреждает определенное число представителей в скупщине от каждой нахии. Все нахии должны иметь представителей в скупщине, лишь в этом случае скупщина будет выражать волю всего народа.

3. В целях сохранения свободы и независимости, «ради обеспечения своих прав, охраны своих законов, ради спокойствия, мира и общей пользы» народ доверяет испольнительную власть правительству. Правительство, выполняя свои обязанности, должно «неусыпно заботиться о народном благе и быть верным народу и своему покровителю».

4. Решения правительства являются обязательными для каждого черногорца, но и правительство в своей деятельности обязано исполнять законы, утвержденные народом и высоким покровителем (т. е. русским царем).

5. Судебные органы как по уголовным, так и по гражданским делам, находятся в подчинении правительству. Оно выбирает судей, которые решают дела на основании существующих законов, подлежащих утверждению русским императором. Правительство должно обеспечивать мир и порядок и принимать меры, чтобы они не нарушались, работать над усовершенствованием старых законов, а новые вносить на утверждение скупщины. Лишь после утверждения законов скупщиной они должны вступать в силу. Правительство по согласованию с «высоким покровителем» уполномочено заключать мир и включать в свой состав временных членов из числа старейшин.

6. Правительство возглавляется двумя председателями и состоит из двух частей: сената младших и старших сенаторов. Сенаторы выбираются из числа сердаров (2 сенатора), воевод (3 сенатора), кнезов (7 сенаторов). Из первого состава сенаторов четверо выбираются на один год; четверо — на два и ещё четверо — на три года.

7. Председателями правительства являются митрополит и губернатор. Поскольку их власть не может быть полностью самостоятельной, они должны работать в тесном сотрудничестве. Духовная власть митрополита независима от правительства, а каждый вновь избранный митрополит обязан прибыть в Петербург и получить подтверждение на сан от Св. Синода.

inslav

8. Черногорский и брдской народ через свое правительство объявляет перед всем миром, что Черногория находится под покровительством русского императора. «Народная власть и правительство», черногорский народ, просят императора прислать на некоторое время русские войска для обеспечения безопасности народа и правительства в случае борьбы против тех сил, которые покусились бы «нарушить законы и мир» в стране.

Под «нарушителями законов и мира» подразумевалась не какая-либо оппозиция намечаемым в Черногории преобразованиям, а внешняя угроза, которая, по мнению черногорских властей, исходила от Австрии и Турции. В Петербурге сочли эти опасения безосновательными, но обнадежили черногорцев готовностью российской средиземноморской эскадры под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова прийти им на помощь в случае необходимости. Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, укреплении власти митрополита. В грамоте от 11 января 1799 г. черногорскому народу, отправленной с Вукотичем, при упоминании о выделении в помощь Черногории денежных средств в размере 1 тыс. червонных (3 тыс. руб) золотом ежегодно подчеркивалось, что они «обращены будут на общенародные надобности и наипаче на всякие полезные заведения, кои, утверждая в народе христианские добродетели и доставляя оному просвещение, споспешествовать будут неминуемо благосостоянию земли»[41].

Доставленный С. Вукотичем в Петербург проект государственного устройства имел республиканскую направленность. Он был призван модернизировать черногорское общество, преобразовать и усовершенствовать аппарат управления страной. По сути дела проект 1798 г., как и последующие проекты конституционного устройства Черногории, разработанные в 1805 г. при содействии русских представителей М. К . Ивелича и С. А. Санковского, о которых речь пойдет далее, во многом фиксировали ту форму правления, какая уже существовала в Черногории, лишь совершенствуя и приспосабливая ее, хотя бы частично, к условиям Европы нового времени. Однако реализовать проект в том виде, как это замышлялось черногорским руководством, тогда не удалось.

Следующим шагом в процессе формирования черногорского государства явилось принятие Законника общего для черногорского и брдского населения, который утвердила 18 октября 1798 г. скупщина в Станевичах. В югославской исторической и правовой науке известен как За-

[41] Грамота Павла I черногорскому народу, 11 янв. 1799 г. //Политические и культурные... С. 385.

inslav

конник Петра I, владыки черногорского. Тогда же было сформировано Правительство суда черногорского и брдского, или Кулук (первое время правительство исполняло свои обязанности бесплатно, отсюда и его название Кулук — барщина) — как общечерногорский орган власти. Сведений о его составе не сохранилось, но имеются данные о следующем правительстве и суде, которое было реорганизовано из предыдущего в сентябре 1799 г. и включало 50 чиновников из числа старейшин[42]. Заметим, что обществам со слабым развитием черт феодализма свойственна неотделенность суда от администрации (то есть органы и должностные лица, которые осуществляют законодательную власть и управление, выполняют и судебные функции). Это относится как к высшим, так и к местным органам власти, и в равной степени в монархиях и в республиках[43]. Правительство суда черногорского и брдского было институтом центральной власти, но слабой и недостаточно концентрированной. В этой связи уместно вспомнить слова Ф. Энгельса, что публичная власть «может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдельных областях...»[44].

При правительстве имелась Народная канцелярия, возглавляемая народным секретарем, в ее штат входили еще несколько секретарей. Через этих служащих Народная канцелярия объявляла решения о созыве скупщин, мобилизации на войну, ее чиновники имели право решать маловажные судебные дела, занимались разбором конфликтов, возникавших между черногорцами и австрийскими подданными. Народная канцелярия поддерживала внешнеполитические контакты и наделяла полномочиями черногорских представителей, отправлявшихся в другие государства.

Законник общий черногорский и брдский включал 16 статей, а позже, в 1803 г., был дополнен еще 17 статьями и насчитывал всего 33 статьи. Законник базировался на нормах обычного права, некоторые исследователи прослеживают в нем византийское влияние. Его автором был Петр I Петрович-Негош[45].

---

[42] *Павићевић Б.* Стварање...С. 110-112.

[43] Российское законодательство X — XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 17-18.

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 21. С. 171-172.

[45] См. текст Законника в кн.:Црногорски законици: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе: зборник докумената (Приредели: Павићевић Б., Распоповић Р.). Подгорица, 1998. Књ. 1. С. 10-19; Следует заметить, что в АВПРИ (Ф. ГА. II-25. 1803-1807 гг. Д. 1. Л. 26-31) находится рукопись Законника

inslav

Основная цель Законника — разрушение остатков родоплеменных обычаев, пресечение кровной мести. «Если черногорец убьет брата своего черногорца или брдянина без всякой вины, то он подвергается смертной казни» (ст. 2). Эта мера включалась в противовес существовавшему родоплеменному обычаю, дававшему убийце возможность откупиться. Если преступник, повинный в кровной мести, говорилось в законнике, скрывался за пределами Черногории и не мог быть пойман, то его имущество подлежало конфискации, часть — в пользу семьи погибшего, другая — в государственную казну (ст. 3). Поймавший убийцу мог убить его, и за это не нес ответственности перед законом (ст. 5).

Власти понимали, что архаичные представления о чести и морали, глубоко укоренившиеся в сознании черногорцев, будут мешать отправлению правосудия. Эту возможность должна была пресечь статья Законника, по которой укрыватель убийцы «подлежал одинаковому с ним наказанию», т. е. смертной казни. По-иному трактовалось неумышленное убийство и убийство в целях обороны (ст. 10). За такое преступление полагалось менее суровое наказание. В судебных материалах содержится дело убийстве в целях обороны, за что с ответчика был взыскан крупный денежный штраф[46]. За нанесение раны во время ссоры на виновного накладывался денежный штраф.

Защита интересов в первую очередь зажиточной части населения, выражавшаяся в охране частной собственности, предопределила суровость мер, направленных на пресечение грабежей и воровства (ст. 13, 14, 16, 17). Следует учитывать, что эти законы вводились в стране, где такое преступление, как угон чужого скота, считалось своеобразным героическим поступком, проявлением «юначества». Не нес уголовного наказания и человек, убивший или ранивший вора, застав его на месте преступления (ст. 13). Аналогичная статья содержится в «Русской правде»[47]. Таким образом подтверждается правило, установленное обычаем, — право убить вора на месте преступления, правило присущее законодательству обществ, находящихся на раннеклассовой стадии развития.

Купля-продажа недвижимого имущества предоставляла преимущественное право на приобретение его родственникам и ближайшим соседям владельца (ст. 15). Примечательно, что право покупки недвижимой собственности (племенщины) закреплялось и Полицким статутом, но распро-

1798-1803 гг. написанного рукою С. А. Санковского и обнаруженного И. С. Достян (Достян И. С. Проблема государственной организации...С. 31).

[46] Црногорске исправе..Док. 137.

[47] Памятники русского права. Выпуск первый. М., 1952. С. 80.

inslav

странялось только на близких родственников, которые обладали правом выкупа племенщины[48]. Черногорский Законник не содержал подобной оговорки, однако на практике суд предоставлял такую возможность, руководствуясь уже нормами обычного права.

В Законнике имелась статья, которая должна была способствовать улучшению условий торговой деятельности, в чем был особенно заинтересован старейшинский слой — беспорядки на базаре приравнивались по силе вины к беспорядкам в церкви (ст. 19). Не были обойдены и международно-правовые отношения, касающиеся, в частности, австрийского Приморья. Черногорцы обязывались «держать с приморцами добрососедский мир и тишину, какая приносит обеим сторонам взаимную пользу» (ст. 18). В последующих статьях упорядочивалась система судопроизводства, предусматривались тяжкие наказания судьям за взятки и злоупотребления. Причем наказанию подлежал и взяткодатель. Закон предписывал каждому черногорцу и брдянину «подчиняться, уважать и любить судей ими же выбранных» (ст. 26). Менее значительные гражданские дела должны были решаться местными судьями. Правительство и сам Петр I наказывали судей за следование патриархальным обычаям в судебной практике. Однако если встречались дела, не подпадавшие под действие норм Законника, судьи могли рассматривать их и выносить приговор по «обычаям и по своей совести».

Для функционирования государственных органов необходимо было их финансирование. На содержание Правительства и суда шли суммы из денег, попадавших в казну в качестве штрафов. Но основным источником финансирования являлись субсидии России, рассматриваемые митрополитом Негошем как необходимое средство для поддержания государственной организации в Черногории. В сентябре 1799 г. митрополит сообщал черногорскому посланцу Н. Черноевичу-Давидовичу (Чирковичу) в Петербург: «Определяемая в ежегодное течение по 1000 червонцев сумма денег имеет быть здесь употребляема во общую пользу для содержания в судах достойно определенных старшин»[49]. Наряду с денежными суммами, получаемыми непосредственно от русского правительства, существовала еще такая форма дотации, как денежные пожертвования Цетинскому монастырю русским Синодом. Однако необходимо было найти собственный постоянный источник содержания аппарата власти, и За-

[48] *Греков Б. Д.* Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице XV — XVII вв. М., 1951. С. 238.

[49] Петр I Негош — Н. Черноевичу-Давидовичу, 10/21 сент. 1799 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1799 — 1800 гг. Д. 31. Л. 7.

inslav

конником впервые вводится налог с каждого дома. Необходимость этой меры обосновывалась Петром I Негошем весьма убедительно: «Ни один народ не может быть уважаемым и счастливым, не имея законного суда и хорошего правительства, а ни одно правительство без помощи народа существовать не может. Поэтому все народы на свете ежегодно платят общий налог, сколько, в каком месте и государстве установлено, платят его не для других, а для самих себя, чтобы на эти деньги содержать правительство, суды и войска, которые их будут защищать от нападения неприятелей и охранять от всякого злого и дурного человека, чтобы народ мог мирно и без всякого страха заниматься своим делом и жить спокойно и мирно. А это и нам очень нужно, и потому постановляет, чтобы каждый дом платил ежегодный налог в 60 динаров» (ст. 20).

Не все статьи Законника сразу и легко были введены в жизнь. Например, во времена Петра I Негоша так и не был налажен регулярный сбор упомянутого выше налога, но не вызывает сомнения весьма широкое применение Законника в судебной практике[50].

Некоторые историки представляли митрополита Петра I Негоша как смиренного духовного пастыря, который, видя зло, царящее вокруг, лишь по-отечески увещевал враждующих. Безусловно, Негош в борьбе за искоренение беззаконий использовал свой авторитет главы церкви, но в случае необходимости возглавляемое им Правительство суда черногорского и брдского не останавливалось и перед наказаниями, вплоть до смертной казни. В октябре 1803 г. Петр Негош извещал русского консула в Дубровнике К. К. Фонтона о том, что вследствие издания закона и по настоянию судей схвачены совершившие разные преступления черногорцы, их дела расследованы и рассмотрены, по закону некоторые из них осуждены. Сообщалось о приведении в исполнение смертной казни и других наказаний, в том числе денежными штрафами в пользу «обиженных»[51]. В 1815 г. священник Н. Калуджерович, который «пошел с Кулуком» по Черногории, вынес около 1500 судебных приговоров[52].

Появление такого юридического кодекса, как Законник общий черногорский и брдский, объясняется развитием внутриполитических и социально-экономических процессов, происходившими в черногорских землях

---

[50] См. об этом подробнее: Павићевић Б. Стварање...С. 148-162. Особенно большой материал относительно применения Законника содержат документы, опубликованные Б. Павичевичем и Т. Никчевичем (Црногорске исправе...); Чизмовић М. Богишићево мишљење о примјени Законика митрополита Петра Првог и Законика књаза Данила. // ИЗ. 1992. Св. 1-4. С. 81-99.

[51] Црногорске исправе...Док. 126.

[52] *Пејовић Ђ. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II...С. 56.

inslav

в конце XVIII — начале XIX в., когда примитивные формы жизни, тормозившие формирование государственных институтов, вступали в противоречие с интересами старейшинского слоя, постепенно выделявшегося в господствующую социальную группу. Законник привел к определенной централизации власти. Благодаря мерам, направленным на пресечение кровной мести, охрану частной собственности и упорядочение торговли, он сыграл положительную роль в создании более прочных, нежели ранее, основ государственной организации и соответствующего потребностям времени правопорядка. Подтверждением тому является включение этого юридического документа в свод законов первого светского правителя Черногории князя Данилы в 1855 г.

В связи с возросшей активностью наполеоновской Франции на Балканах митрополит Петр I Негош в 1802 году предпринял попытку вступить в контакт с Францией, предложив её вооруженную поддержку в расчете на то, что Наполеон вступит в войну с Османской империей, в результате которой удастся расширить территорию черногорского государства. Эта акция митрополита не имела каких-либо реальных последствий, однако она на время резко ухудшила русско-черногорские отношения.

Между тем Петр I Негош задумывался о дальнейшем совершенствовании государственного аппарата, ведь Правительство суда черногорского и брдского имело преимущественно судебные функции. На скупщине в августе 1803 г. была принята вторая часть Законника и вновь декларировано создание правительства, о чем митрополит сообщил в Петербург. Направленный в Черногорию М. К. Ивелич с целью нейтрализации возможностей для распространения в Черногории французского влияния и организации обороны Адриатического побережья на случай высадки французского десанта, поддержал просьбу Негоша к царю «утвердить» черногорское правительство, считая, что это укрепит в стране русское влияние[53].

В начале марта 1805 г. митрополит обратился к посредничеству Ивелича для получения денежных средств от царского правительства на создание новых государственных органов и гвардии. Ежегодные расходы на государственный аппарат должны были составить сумму в 33. 000 руб. «Национальная гвардия» обязана была поддерживать внутренний порядок (ликвидация кровной мести, охрана церковного имущества), проводить в жизнь правительственные и судебные постановления, охранять границу и взимать пошлины. За несение службы должно было выплачиваться соответствующее жалованье. Высшую власть представляли

[53] *Достян И. С.* Проблемы государственной организации...С. 13-14.

inslav

президент, шесть сенаторов, чрезвычайный российский советник, шесть депутатов и восемь чиновников (секретарь, казначей и др.) Чиновникам начислялось ежегодное жалованье[54]. Осуществление этого проекта позволило бы создать более стройную, централизованную систему управления республиканского типа, стабилизировать обстановку в стране.

В апреле 1805 г. Ивелич информировал Чарторыйского о своем свидании с черногорскими старшинами и митрополитом, которые были обеспокоены беспорядками в стране. Ивелич считал, что без создания «национальной гвардии» в 500 человек и без учреждения правительства по проекту митрополита мир в стране не будет восстановлен[55].

В это время Россия готовилась к войне с Францией и, полагая, что Балканы и Средиземноморье станут одной из арен предстоящих баталий с Наполеоном, активизировала свою политику на балканском направлении. В связи с этим проявлялась и заинтересованность в укреплении черногорского государства, совершенствовании его государственного аппарата, модернизации военных сил. В марте 1805 г. в Черногорию прибыл русский дипломат С. А. Санковский. В инструкции, полученной им от Чарторыйского, говорилось: «Для нас очень важно иметь точное и определенное представление о форме правительства, созданного митрополитом, числе судей, его составляющих; знать, является ли это правительство постоянным или временным, какова широта его власти и степень влияния в нем этого прелата (Петра Негоша. — Ю. А.). Вы собираете об этом все свидетельства, которые сможете добыть, и уведомите нас также, принимает ли народ какое-либо участие в решениях, исходящих от правительства, и насколько существующее правительство обещает быть прочным. Может быть, чтобы его сделать таковым, нужно было бы основать постоянное управление и составить его, например, из 12 членов во главе с управителем, которым, по-нашему мнению, было бы возможным ассигновать содержание»[56].

На Санковского, помимо других поручений, возлагалась задача окончательно уладить русско-черногорские взаимоотношения, обострившиеся из-за уже упоминавшейся попытки Негоша вступить в контакты с Францией. С. А. Санковский доставил в Черногорию грамоту Алексан-

---

[54] *Хитрова Н. И.* Из истории русско-черногоских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804-1813 гг. Београд, 1983. С. 323-324.

[55] М. К. Ивелич — А. А. Чарторыйскому, 23 апр. /5 мая 1805 Г. //АВПРИ. Ф. ГА. I-7. 1803-1809 гг. Д. 4. П. 6. Л. 243-245.

[56] *Достян И. С.* Проблемы государственной организации...С. 14-15.

inslav

дра I и 3 тыс. дукатов золотом. Он довольно быстро завоевал доверие и расположение черногорского митрополита. «Ничто отнюдь не делается на Черной Горе в противоположность моей просьбе», — писал он Чарторыйскому[57]. С целью изучения обстановки в стране русский дипломат совершил вместе с митрополитом поездку по Черногории, проявив себя при этом не как сторонний наблюдатель, а как самый деятельный помощник Петра Негоша. Он оказал всемерное содействие митрополиту, пресекавшему междоусобицы среди черногорских племен.

Санковский подробно проанализировал деятельность черногорского правительства, подчеркнул его заслуги в борьбе с сепаратистскими тенденциями отдельных старейшин. В письме к Чарторыйскому от 4/16 июня 1805 г., рассказывая об одном таком конкретном случае, он отмечал, что правительство, имея доверие и уважение к себе народа, имело также власть осудить и приказать дом сего главаря разорить, запрещая, чтоб никогда более не был бы оный построен вновь[58]. Санковский заключал, однако, что черногорское правительство постепенно утрачивало свою власть. Его 50 членов-судей, не получая платы за службу и не будучи в состоянии себя содержать, стали расходиться по домам или брать взятки с «челобитствующих». Видя свою задачу в том, чтобы «приложить старание дабы возможно было учредить на Черной Горе постоянное правление, сходственно с правами, обычаями и нравами сего народа...»[59], русский дипломат принял активное участие в составлении проекта модернизации государственного устройства в Черногории.

Новый вариант такого проекта (перекликавшегося с проектом 1798 г.), подписанный митрополитом Негошем, губернатором В. Радоничем и пятью сердарами нахий, а также проект внутренней организации черногорского правительства были направлены Санковским в Петербург в октябре 1805 г. [60]. Содержание этих документов позволяет судить о тех идеях и намерениях, которые в конце XYIII в. и в первые годы XIX в. созрели у Петра Негоша и его ближайшего окружения в отношении дальнейшего развития государственного строя в Черногории.

Высшим органом государства в указанном проекте объявлялась народная скупщина (по терминологии Санковского — генеральный сейм):

---

[57] С. А. Санковский — А. А. Чарторыйскому, 5/17 сент. 1805 г. //АВПРИ. Ф. ГА. I-5. 1805-1821 гг. Д. 1. П. 2. Л. 179.

[58] С. А. Санковский — А. А. Чарторыйскому, 4/16 июня 1805 г. //Там же. Л. 64 об.

[59] *Достян И. С.* Описание Черногории...С. 305, 321.

[60] См. текст проекта: *Достян И. С.* Проблемы государственной организации...С. 29-39. Далее цитируем по этой публикации.

inslav

«Народ черногорский и брдский будет пользоваться во всем своем пространстве прежними правилами. Собран на сейме, он будет иметь верховную власть, состоящую в утверждении новых законов, в выборе непременных своих начальников, как-то: митрополита, губернатора, сердарей и воевод, которые, однако ж, должны повиноваться правительству и иметь от него ограниченную власть...». Народной скупщине принадлежит право «поставить налоги», принимать грамоты от государей «в присутствии правительства и чрез митрополита и губернатора», объявлять войну «с согласием своего высочайшего покровителя», участвовать в войне на стороне России, «посылая своих людей сражаться везде с неприятелем». Закреплялся принцип равного участия в исполнении верховной власти депутатов каждой нахии. Правительству вменялось в обязанность «учредить законный порядок, каким образом генеральный сейм должен собираться и сколько именно депутатов каждая княжина (племя — Ю. А.) должна на оный послать».

Исполнительная власть возлагалась на правительство — Сенат. Он состоял из Сената старших, которому принадлежала административная власть, и Сената младших, имевшего судебные функции. Тем самым делался шаг к разделению этих сфер деятельности.

Правительство должно было возглавляться двумя президентами — митрополитом и губернатором, а их преемники — утверждаться народной скупщиной. Характерно, что власть президента-митрополита по проекту была несколько шире, чем президента-губернатора. Митрополит имел единоличное право созвать народную скупщину, приостановить исполнение смертного приговора, он обладал в правительстве правом лишнего голоса. Провозглашалось отделение духовной власти митрополита от светской.

Предполагалось, что, пока Черногория не имеет собственных доходов, ее правительственные учреждения будут содержаться на средства России, которая пришлет и отряд своих войск. Все это способствовало бы международному признанию покровительства России, утвердило бы «власть народную и правительства». В проекте упоминалось также о чиновниках в нахиях, назначаемых правительством и ему подчиненных, а в донесениях Санковского указывалось на необходимость учредить местные органы власти — «трибуналы»[61].

Таким образом, проект предусматривал создание в стране стройной системы управления, демократический характер которой выражался в широких правах народной скупщины как верховного органа власти, в

[61] *Достян И. С.* Описание Черногории...С. 323.

inslav

постоянной смене членов Сената и его ответственности перед скупщиной. Авторы этой своеобразной конституции учитывали специфику общественно-экономического и политического положения Черногории. Патриархальные обычаи не подвергались коренной ломке, а приспосабливались к новым условиям. Проект сочетал опыт и планы митрополита и его окружения в отношении государственной организации страны и взгляды на эту проблему Санковского, старавшегося учесть интересы России. Черногория, получив международное признание своей самостоятельности, попадала в сильную политическую и экономическую зависимость от русского правительства. Имея свой кодекс законов и утвержденную царем конституцию, эта маленькая славянская республика с сильной центральной властью, с сохранявшейся главенствующей ролью народной скупщины могла стать образцом для других балканских народов. Но осуществить такую задачу черногорцы могли лишь при самой активной политической и материальной помощи России. В бурную эпоху наполеоновских войн, когда международная обстановка в Европе принимала совершенно неожиданные повороты, такая помощь не могла быть предоставлена, замыслы государственных преобразований в Черногории остались неосуществленными. Но идеи, заложенные в конституционных проектах 1798-1805 гг., не были забыты. Они оказали известное влияние на процесс формирования государственной организации страны в 1830-е годы.

Деятельность Санковского и составленный при его участии проект черногорского правительства имели прямую связь с замыслами политической перестройки балканских земель, которые в ходе наполеоновских войн выдвигались как правительством Александра I, так и балканскими деятелями, в частности Петром I Негошем.

Еще в 1790-е годы черногорский митрополит пытался заинтересовать царское правительство планом образования объединенного югославянского государства с центром в Черногории. Но русское правительство, не желая конфронтации ни с Портой, ни с Австрией, не поддержало эти предложения.

В условиях ожидавшегося наступления французов на юго-восток Европы, начиная с 1804 гг. в правительственных кругах Петербурга стали возникать планы основания на Балканах автономных или независимых государств, которые могли бы стать заслоном против дальнейшей экспансии наполеоновской Франции. Их автором был фактический руководитель МИДа А. А. Чарторыйский. Предпринимались и некоторые дипломатические шаги с целью склонить Великобританию к такого рода намерениям. При этом было выдвинуто предложение о создании «славян-

inslav

ской республики», ядром которой, по-видимому, предполагалось сделать Черногорию[62]. В 1806 г. в результате поражения третьей коалиции международная обстановка в Восточном Средиземноморье и западной части Балканского полуострова заметно осложнилась Черногория, как и Ионические острова, приобрела еще большее значение для русской политики в Юго-Восточной Европе. Особое место в планах Чарторыйского, которые он начал формулировать еще в самом начале 1806 г., отводилось Черногории: «Черногория становится средоточением наших действий; и, кажется, нам не найти лучшего места, в виду как географического положения этой страны, так и настроения митрополита с его заметным влиянием на все эти соседние народы»[63]. Этот вариант предусматривал сохранение русско-турецких союзнических отношений. По мнению Чарторыйского, если бы Порта пошла на этот шаг, то можно было объяснить черногорцам и другим славянским народам, что соглашаясь на номинальный сюзеренитет Турции, они, стараниями России, получат на деле «счастливое, правильное и независимое существование»[64]. Согласно этому варианту образовывалось славянское федеративное государство из Черногории, Герцеговины, Боки Которской, Далмации и Сербии.

Петр I Петрович-Негош поддерживал тесные контакты с Д. Н. Сенявиным, С. А. Санковским и другими русскими, а поэтому знал обо всех этих внешнеполитических проектах. По-видимому, это и побудило его направить в Петербург собственный план создания «Славено-сербского царства». В нем предлагалось объединить Черногорию (с Подгорицей, Спужем и Жабляком), Боку Которскую, Герцеговину, Дубровник и Далмацию. Это обширное государство должно было находиться под верховной властью царя и управляться президентом «из природных россиян». Вице-президентом или товарищем президента предлагалось назначить черногорского митрополита, «украсить его титулом князя российского». «Народы сии,— говорилось в заключение,— желают сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством российского престола»[65].

Объединение югославянских земель в единое государство Петр I Негош связывал с осуществлением успешного совместного антиосманского

---

[62] См. об этом подробнее: *Станиславская А. М.* Англо-русские отношения и проблемы Средиземноморья 1798—1807. М., 1962, с. 335—352, 411—425; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой половине XIX в. М., 1972, с. 52—59.

[63] Записка А. Чарторыйского от 11/23 февр. 1806 г. // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 269.

[64] Там же. С. 274.

inslav

вооруженного выступления этих народов. Начавшаяся русско-турецкая война 1806—1812 гг. усилила надежды на реализацию этих обширных планов. Пребывание русской эскадры в Адриатике и тесные военно-политические контакты, установившиеся с черногорцами, а также сочувственное отношение к планам Негоша Д. Н. Сенявина поддерживало эти надежды. На наш взгляд, проект Негоша реализовать было крайне сложно даже при самом благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств. Если объединение Черногории с Бокой Которской могло пройти сравнительно безболезненно, поскольку в Боке явно преобладало православное население, стремившееся соединиться с Черногорией, то совершенно иначе выглядела ситуация с присоединением других земель. При объединении Черногории с областями турецких владений встал бы вопрос о переселении значительной части их мусульманского населения в другие места Османской империи, поскольку, в противном случае, неизбежны были острейшие конфликты. Еще менее перспективным представляется включение Дубровницкой республики в планируемое государственное образование. В этом случае, если даже не принимать во внимание религиозные различия и недавнее военное противостояние лета 1806 г., когда русско-черногорско-бокельские войска осаждали занятый французами Дубровник, безусловно дало бы себя знать резкое различие социально-экономических структур Черногории и Дубровника. Доминанта черногорского начала в объединенном государстве привела бы к серьезнейшим конфликтам, возможно, непреодолимым мирным путем, на почве различных подходов основной массы черногорцев и дубровчан к пониманию проблем построения экономической жизни общества. Поскольку иллиризм в хорватском обществе зародится значительно позже, рассчитывать на готовность Дубровника пойти на жертвы ради югославянского единства не приходилось. Но уже в первой половине 1807 г. международная обстановка в Европе резко переменилась. Поражение четвертой коалиции вынудило Россию пойти на заключение Тильзитского мира с Францией. После ухода русской эскадры из Адриатического и Ионического морей и передачи Франции Боки Которской военно-политические контакты с черногорцами перестали поддерживаться правительством Александра I, планы создания в западной части Балканского полуострова объединенного славянского государства так и остались неосуществленными.

[65] Доклад А. Я. Будберга, начало мая 1807 г. // Сборник РИО, СПб., 1893. Т. 88. С. 42.

inslav

В 1813 г. черногорцы при поддержке английского флота вновь заняли Боку Которскую. Скупщина бокельцев и черногорцев приняла решение об объединении Боки Которской с Черногорией. Но по соглашениям, заключенным между Россией, Австрией и Пруссией, бывшие владения Франции на восточном побережье Адриатики переходили к Австрии. Это позволило венскому двору, опираясь на поддержку части католических общин Боки Которской, которые выражали желание присоединиться к Австрии, усилить нажим на черногорцев. В июне 1814 г. Бока Которская была занята австрийскими войсками. Надежды черногорцев на расширение своей территории и получение выхода к морю вновь сменились тяжелым разочарованием.

В югославской историографии доминирует резко отрицательное, во многом построенное на эмоциях, отношение к согласию Александра I на присоединение Боки Которской к Австрии. На наш взгляд, эти суждения не учитывают реального положения дел на европейской арене и расклад сил в тот период. В Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России, которые неизбежно проявились бы в случае реализации плана объединения Черногории с Бокой Которской. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион, поскольку после победы над Наполеоном она не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе. К тому же за ее спиной стояла Англия.

Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться своим преобладанием в Средиземноморье. Более того, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы острую ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю сделало бы этого естественного врага Порты соседкой в турецких приморских владениях. А Порта даже сохранения международного престижа могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. В результате здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-турецких противоречий, что было бы лишней головной болью для России.

inslav

После окончания наполеоновских войн экономическое и общественно-политическое положение Черногории было очень тяжелым. Но Петр I Негош не оставлял попыток получить помощь правительства Александра I в деле совершенствования государственной организации страны. Так, в 1815 г. была возобновлена просьба утвердить проект образования правительства, составленного в 1805 г. при участии Санковского и принятого народом, но ответ на нее не был дан[66].

Не рассчитывая больше на одну Россию, Петр I Негош в 1822 г. решил обратиться за поддержкой к европейским державам. Он направил европейским монархам, собравшимся на Веронский конгресс, обращение, в котором уверял их в лояльности и расположенности к ним своего народа и просил монархов принять Черногорию под их совместную защиту и покровительство, а также добивался содействия в просвещении его родины, утверждении здесь европейских законов и обычаев[67]. Эта демонстративная акция оказалась, как и следовало ожидать, безрезультатной и не привела к внешнеполитической переориентации страны.

В 1825 г. в российское министерство иностранных дел обратился черногорец, находившегося на русской службе, И. Вукотич. Он представил в МИД «Записку о настоящем положении митрополита Петра Петровича Негоша и управляемого им черногорского и бердского народа»[68]. В ней излагались как собственные мысли Вукотича относительно задач преобразования общественно-политического устройства страны, так и взгляды на эту проблему черногорского митрополита. Для установления твердого порядка в Черногории, говорилось в обращени, требовалось «дать народу гражданское управление», позаботиться о его просвещении. Все нововведения должны делаться с возможным уважением к местным обычаям, а учредительная инициатива — принадлежать «не посторонним, но соотечественникам» или тем лицам, коих они сами избрать пожелают. Необходимость совершенствования аппарата управления требовала, по мнению Вукотича, принятия мер, направленных на развитие экономики и торговли. Следовало «завести капитал общественных доходов», ремесленные училища и фабрики. Но важнее всего — расширить государственную территорию, получить выход к морю. Вукотич считал также

[66] *Достян И. С.* Проблемы государственной организации...С. 25—26.

[67] *Миловић Ј. М.* Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи. 1821-1830. Књ . 2. Титоград, 1988. С. 88-89.

[68] АВПРИ. Ф. ГА. V-А2. 1823. Д. 680. Л. 4-9 об. ; *Хевролина В. М.* Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг. //Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Материалы международной научной конференции. М., 1992. Ч. I. С. 94-95.

inslav

необходимым провести военную реформу и обучать военному делу детей поглаварей, завести регулярную пограничную стражу, дозорные объезды и т. п., открыть «первоначальное училище» при Цетинской митрополии. Для осуществления этих нововведений от русского двора требовалось предоставление Черногории единовременного беспроцентного займа в размере 10 тыс. червонцев, а в течение последующих 10 лет — по 5 тыс. червонцев.

В августе 1825 г. о просьбах митрополита было доложено Александру I, и он распорядился возобновить выдачу Черногории государственной субсидии (ее выдачу прекратили в 1807 г.), установленной еще Павлом I в размере прежней суммы, т. е. 1 тыс. червонных ежегодно, которая в дальнейшем вместе с личной пенсией митрополита регулярно получалась Петром I Негошем через консула в Дубронике Й. Гагича.

Начало русско-турецкой войны 1828—1829 гг. оживило надежды черногорцев на получение поддержки со стороны России. Митрополит направил в Петербург черногорского родственника И. Вукотича Матия Вучичевича с письмами царю и некоторым русским сановникам. В них содержалась просьба об «открытом покровительстве» России Черногории, предоставлении ей необходимых средств для содержания правительства и заведения училища[69].

В письме Николаю I от 20 июля 1829 г., пересланном через того же М. Вучичевича, Петр Петрович просил, чтобы при заключении мира с Турцией Россия добилась присоединения к Черногории порта Бара на Адриатике и территорий бывшей Зеты, с каковыми приобретениями Черногория могла бы установить правительство и учредить все прочее, потребное к образованию народа и к удержанию независимости[70]. Письмо митрополита попало в российское министерство иностранных дел, когда Адрианопольский мир был уже подписан.

Таким образом, перед правлением Петра I Петровича-Негоша стояли две важнейшие задачи: во-первых, упрочить международное положение Черногории, добиться расширения ее территории и получить выход к морю; во-вторых, создать в стране централизованные органы управления и суда. Если первый комплекс этих задач остался неосуществленным, то в решении второго из них был сделан значительный шаг вперед: создано Правительство суда черногорского и брдского, являвшегося как бы пе-

---

[69] *Павићевић Б.* Припреме за долазак Вукотића и Вучићевића у Црну Гору 1831 година. //ИЗ. 1968. Св. 4. С. 545—547.

[70] Петр I Петрович-Негош — Николаю I, 20 июля 1829 г. // АВПРИ. Ф. ГА V—А2. 1829. Д. . 686. Л. . 8об.

inslav

реходным органом власти от племенного самоуправления к централизованной системе правления, и кодекс государственных законов. Предпринимались также меры для создания Сената как высшего органа исполнительной, законодательной и судебной власти, что могло подготовить переход к светской форме правления. Но на пути создания центральных органов управления имелись серьезные препятствия, — а именно: патриархальные обычаи, племенной сепаратизм, отсутствие денежных средств. Проекты создания черногорского правительства, которые по своему содержанию имели демократический характер, не были проведены в жизнь.

В октябре 1830 г. митрополит Петр I Петрович-Негош скончался. Но его неутомимая и последовательная организаторская деятельность по укреплению черногорского государства не пропала даром. Почва для создания центральной исполнительной, законодательной и судебной власти в стране к началу 30-х годов была в достаточной мере подготовлена. Более благоприятно стала складываться и международная обстановка, ибо правительство императора Николая I стало проявлять большой интерес к черногорским делам. Но стране предстояло еще пройти долгий и тяжелый путь борьбы за разрешение своих насущных внутриполитических и внешнеполитических задач, направленных на создание централизованного государства, расширение территории и международного признания независимости и суверенитета черногорского государства.

inslav

М. В. Белов

Проблема институализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг.*

Создание «современных» политических структур и институтов вопреки господствующей логике началось раньше других в тех балканских странах, где существовали наиболее архаические общественные порядки, а именно: в Черногории и Сербии конца XVIII — начала XIX века. В Сербии этот процесс был вызван перерастанием локального конфликта по поводу реформ низами-джедид в окраинном Белградском пашалыке с участием христианской райи в национально-освободительное восстание сербского народа[1]. Как и в случае с другими историческими событиями, такой переход не был и не мог быть молниеносным, хотя по большим историческим меркам он таковым воспринимался и воспринимается до сих пор. Кроме того, этот переход во многом был вынужденным, ситуативным. Сербы оказались заложниками межтурецой борьбы. При этом политические ожидания «освободившихся» от турецкого ига повстанцев заметно опережали реально случившееся. Помимо кризиса власти внутри Османской империи, на развитие событий в повстанческой Сербии большое влияние оказывала и борьба «великих» европейских держав за влияние на Балканах, обострившаяся в связи с Революцией и «наполеоновскими войнами». «Великие» державы (в лице России) пытались адаптировать свой собственный государственный опыт к сербской специфике, но добиться его органического включения в иную социально-политическую среду удавалось отнюдь не всегда.

---

[1] См.: *Грачев В. П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00047а.

inslav

Переход повстанческой Сербии от патриархального уклада жизни турецкой райи к предполагаемой независимости и национальной государственности порождал инверсивные политические конструкции, в которых «старое» иногда декларативно выдавалось за «новое», «традиционное» за «современное». В этом заключается коренное отличие балканского региона, как и других регионов вторичной модернизации, от Западной Европы, где, в сущности, новые институты и представления нередко прятались под покровом старины, *постепенно* разрушая ее «оболочку» и, тем самым, обеспечивая относительную стабильность и преемственность власти[2]. Невозможно отрицать трансформацию или отмирание «старых» общественных институтов в новых условиях, но этот процесс требовал длительного времени. Характерная для Сербии тенденция сжатого «осовременивания» была теоретически обоснована в концепциях «патриархальной демократии» и, как ее вариант или подраздел, «кнежинской автономии». Эти теоретические модели задним числом приписывали сербской традиции «современные» демократические черты, которые сохранились под спудом турецкого угнетения. Их существование, по идее, избавляло сербов от необходимости повторения столь длительного пути к «современной» цивилизации, по которому следовала Западная Европ а. С точки зрения одного из главных основоположников теории «патриархальной демократии» С. Марковича, чьи воззрения под углом марксизма получили дальнейшее развитие во «второй» Югославии, бесклассовая ситуация, возникшая в повстанческой Сербии с уходом турок, давала ей шанс перейти сразу и к демократии, и к социализму[3].

Однако если рассматривать «современное» политическое устройство как взаимосвязанную систему отличную от предшествующих систем по многим параметрам, такой скачок, о котором мечтали в свое время, как и Маркович, славянофилы, Герцен, вожди народничества и большевизма, — такой скачок был вряд ли возможен. Обеспеченный одной переменой власти, *простой* институциональной революцией, «современный» порядок правления, не говоря уже о его социальных аспектах, оборачивался нестабильностью и пробуксовкой по принципу «шаг вперед — два шага назад», поскольку он не был подкреплен необходимыми ресурсами власти: «современной» политической культурой, правосознанием,

---

[2] См., например: *Барг М. А.* Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI–XVIII веков // Вопросы истории. 1975. No 9. С. 69–88. Он же. Категории и методы исторической науки. М., 1984. Гл. IX.

[3] *Маркович С.* Сербия на Востоке // Избранные сочинения. М., 1956. С. 354–369. О теории кнежинской автономии см.:Грачев В. П. Сербская государственность в X–XIV вв. (Критика теории «жупной организации»). М., 1972. С. 51–72.

inslav

демократической (или какой-то иной) процедурой и интеллектуальной средой[4].

Отечественные исследователи (В. П. Грачев и И. С. Достян) совершенно обоснованно констатировали, что в эпоху Первого восстания 1804–1813 гг. зародились и приобрели исходную форму основные компоненты и институты Сербской государственности: территория и население; наследственная монархия, скупщина и совет[5]. Но какова была эта исходная форма, из чего она была слеплена, насколько «современной» и насколько «традиционной» она была? Рассмотрим последовательно три названных института, а затем проанализируем то, каким образом институциональный опыт Первого восстания и его идейно-политический багаж был использован в борьбе за признание сербской автономии (1815–1830 гг.).

Начнем, пожалуй, со скупщины, с помощью которой чаще всего, особенно до формирования Совета, артикулировалось «истинное желание народа сербского». Кто в них участвовал? Выделяются три основные категории: военные предводители (нахийские коменданты, часть которых, например, Я. Ненадович и М. Стойкович контролировали сразу несколько нахий), представители местного самоуправления (кнезы), влияние которых падало, и священнослужители. Народной скупщиной, таким образом, она именовалась чисто условно, хотя дело, разумеется, не в этом — любая демократия, по большому счету, декларативна. Другой вопрос, насколько способным был этот институт эволюционировать в направлении парламента современного типа. Известно, что в некоторых странах Запада представительная власть формировалась на основе сословных собраний разного уровня, состава и влияния. Разница только в том, что их права были зафиксированы, как правило, документально, а их понимание являлось предметом политического торга между властью и оппозицией. Кроме того, представительные институты на Западе состояли в значительной степени из «высших сословий», осознающих себя «политическим классом» давно существующего государства. Коренное отличие ситуации

[4] С. Хантингтон дает следующее определение: «Институализация — это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» // Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 32. Ср.: Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 122. См. также вводную статью в монографии: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / В. Г. Хорос, Г. И. Мирский, К. Л. Майданик и др. М., 1996. С. 13–18. Под легитимацией далее будет в основном пониматься процесс идеологического узаконения властных институтов. См.: Политология...С. 151–153.

[5] Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII – 70-е годы XIX в.) / Отв. ред. И. С. Достян. М., 1986. С. 110.

inslav

на Балканах и в частности в Сербии — отсутствие узаконенного порядка и какой-либо процедуры представительства, не говоря уже о процедуре работы скупщины и, в конце концов, принятия решений. Скупщины собирались от случая к случаю, их состав был произвольным, обсуждение поставленных вопросов было либо хаотичным, либо заранее режиссированным[6]. Милош Обренович позднее довел подготовку скупщин до совершенства, собирая их регулярно, он использовал собрания старейшин (иногда в узком, а иногда в расширенном кругу) исключительно для саморекламы и запугивания воображаемой оппозиции.

В период Первого восстания скупщины неоднократно решали судьбоносные вопросы (о выборе верховного коменданта, обращении за помощью в Петербург, о проведении политических реформ и вступлении в войну на стороне России). Однако мы слишком плохо знаем, как принимались эти решения. Никому и в голову не пришло фиксировать, хотя бы кратко, ход заседаний скупщины. Зачем? Все, кому это было интересно, и так присутствовали, а прочитать протоколы, даже если бы они были написаны, все равно никто не мог.

Скупщина не рассматривалась как постоянный и влиятельный орган власти ни в текущее время, ни на перспективу. Неудивительно, что о ней не вспоминали русские чиновники, предлагавшие проекты политического устройства независимой (или полунезависимой) Сербии. Это можно списать на их авторитарные привычки и классовую ограниченность. Допустим, заскорузлый в своих реакционных взглядах митрополит С. Стратимирович тоже не хотел признавать «власть народа». Но ведь существует и другой пример — деятельность Б. Груйовича, исповедовавшего передовую для того времени буржуазно-демократическую идеологию: теорию «естественных» прав и свобод, принцип равенства перед законом, идею правового государства и т. п. Однако если взять составленные им программные документы, речи и, тем более, принятые по его настоянию

[6] Так или иначе это признают сербские историки государства и права: Јанковић Д. Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955. С. 14–15. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 73. Кандић Љ. Састав скупштина и почетак претставничког система у Србији у првој пол. XIX в. (до 1839) // Анали правног факултета – Београду. 1960. No 1–2. С. 141–144. Kandić L. Skupštine u sistemu vlasti države Prvog ustanka. Beograd, 1963. Ђорђевић М. Преглед развитка политичких и правних установа од краја XVIII до почетка XX века. Ниш, 1984. С. 23–24. Ср.:Митрановић Ч., Брашић М. Југословенске народне скупштине и сабори. Београд, 1937. С. 3–15. См. также: Ристић М. Народне скупштине. Београд. 1955. Избегая окончательных оценок, автор дает палитру мнений в финале этого позитивистского очерка: Там же. С. 145–149.

inslav

законы, то в них не найдется слов о скупщине и ее роли в политической системе. Все усилия Б. Груйовича были направлены на то, чтобы сделать высшим органом управления Совет, который бы сосредоточил в своих руках всю полноту власти — законодательной, исполнительной и судебной. Просвещенный идеолог почему-то забыл фундаментальный принцип политической философии Просвещения — разделение ветвей власти.

Следует предположить: Груйович знал, что у Сербии, охваченной огнем восстания, с ее замедленным, если не регрессивным типом развития, просто не хватит необходимых ресурсов для создания сложной системы «сдержек и противовесов». Автор проекта надеялся найти 12 достаточно «разумных» людей, по одному от каждой нахии Белградского пашалыка, способных принимать взвешенные решения. Именно они призваны были составить Совет (вроде задуманного Петром I Великим Сената) — и правительство, и парламент, и высшую судебную палату при отсутствии низших — в одном лице[7]. Однако «советский» тип государства опять-таки в Сербии не сложился. Русский дипломатический агент, прибывший в Белград в августе 1807 г., то есть спустя примерно два года после учреждения этого органа власти, сообщал начальству: «Совета сербского я нашел токмо тень пустую, состоящую из четырех неграмотных и делающих то, что прикажут;...”[8].

Можно много рассуждать о том, какими передовыми являлись законы, утвержденные повстанцами в октябре-ноябре 1805 г., как это делают некоторые сербские историки[9], и насколько они соответствовали идеям Великой французской революции, но печальная реальность заключается в следующем. Народная скупщина способна была принять любое, и самое-самое демократичное решение испытанным «соборным» методом, но воплощать его на практике было совершенно некому.

И, наконец, институт первого лица. Первоначально глава повстанцев именовался верховным комендантом, но затем утвердился другой титул — верховный вождь, возвышающийся, очевидно, в ряду других сербских вождей — предводителей восстания. Академик В. Чубрилович на-

---

[7] Самым полным очерком истории Совета до сих пор является объемная статья полувековой давности: Јанковић Д. Правитељствујушчи совјет // Историски гласник. 1954. No 1–2. С. 15–87.

[8] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. 1804–1807. М., 1980. No 300. С. 418 (К. К. Родофиникин–И. И. Михельсону, 30 августа 1807 г.). См. также: Богишич В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 115 (К. К. Родофиникин–А. Я. Будбергу, 4 сентября 1807 г.).

[9] См., например, книгу с красноречивым названием: Десница Г. Велико откриће вожд Карађорђе творац српске државе (сретење 1804–1813). Београд, 2003

inslav

звал систему власти, сложившуюся в повстанческой Сербии «военной монархией» и сопоставил ее, безусловно, лестным для национальной историографии образом с режимом Наполеона I во Франции[10]. Иную параллель провел не обремененный ложным чувством гордости М. Попович в книге «Видовдан и честный крест», книге, шокирующей и концепцией, и отдельными пассажами. Например, таким: «В отношение с турками они (сербские повстанцы. — *М. Б.*) были дики, суровы, отсекали головы, убивали турецких стариков и детей. Воевода Карагеоргия Плякич сжигал ведьм как истинно мифологический человек. Протопоп Матия [Ненадович] подобно своим давним предкам считал, что богу необходимо служить, принося ему в дар как жертву чужую кровь. Люди повстанческого вождя Я. Ненадовича закололи человека Чурчии ножом, как жертвенного ягненка. Боец Карагеоргия П. Йокич свидетельствовал, что повстанцы, подобно индейцам, снимали скальпы с голов убитых врагов. Повстанческие предводители, как и вожди индейских племен, звались поглаварями»[11]. Вождизм — древнейший институт власти, предшествовавший возникновению государства, — был воспроизведен в ходе вооруженной борьбы повстанцев. Традиция тоже бывает разной. В данном случае речь идет о глубоко архаической традиции. Что же касается наименования «поглаваря», то оно, помимо индейских параллелей, рождает и иные ассоциации. Поглаварь — главарь, предводитель разбойников или гайдуков. Современные исследования, начиная с известных статей Д. С. Лихачева, написанных на Соловках, продемонстрировали, что преступная асоциальная среда воспроизводит архаические структуры власти и социума[12].

Образованные сербы, привлеченные к управлению после крушения дахийской диктатуры, очевидно, понимали неполное соответствие вождизма как института первого лица государственной модели развития. В период выработки программы автономизации Белградского пашалыка

---

[10] *Чубриловић В.* Ук. соч. С. 79—80. Это сопоставление, игнорирующее социально-политическую природу бонапартизма, не выдерживает критики. Термин «военная монархия», предложенный Чубриловичем, применительно к власти Карагеоргия, на мой взгляд, также неадекватен ситуации в Сербии, где армия отсутствовала как постоянно действующий институт, с присущей ему механизмом субординации, дисциплины, консенсуса и ротации.

[11] *Поповић М.* Видовдан и часни крст. Оглед из књижевне археологије. Друго допуњено издање. Београд, 1977. С. 95.

[12] *Лихачев Д. С.* Следы первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992 и др.

[13] Первое сербское восстание...No 55, 60. С. 108—111, 116—119.

inslav

(1805 г.) речь уже шла о «председателе [совета]» и о «верховном кнезе»[13]. В проектах, подготовленных с участием русского дипломатического агента в Белграде или же им самим (1807–1808 гг.), говорится о князе, председательствующем в совете. В так называемом «конституционном акте» 1808 г., составленном группировкой М. Миловановича, Карагеоргий получает титул «господарь», сличный с господарями Дунайских княжеств. Наконец, по реформе 1811 г. та же группировка, оказавшаяся в конце концов у власти, утверждает титул «Верховный сербского народа вождь», но с наследственной властью[14]. Возможно, наградить Карагеоргия княжеским достоинством архитекторы реформы не решились из-за боязни негативной реакции со стороны России. Но династический статус по существу уже делал вождя князем де-факто. Его положение в строящейся системе власти обосновывалось с помощью идеологической модели «государственной семьи», в которой Карагеоргию отводилось роль «спасителя», «отца» сербов[15]. Эта модель активно использовалась в дальнейшем.

Поражение сербов осенью 1813 г. и установившийся вслед за ним режим турецкого террора связали вопрос об ответственности за случившееся с поиском выхода из сложившейся ситуации, при этом место героя-спасителя оставалось вакантным. 21 апреля 1814 г. в оккупированной турками Сербии было составлено народное прошение к русскому царю, где главным виновным объявлялся, в сущности, прежний верховный вождь: «Кто был причиною жестокого и грозного сего поражения и страдания народу сербскому? Вашему Императорскому Величеству известнейше быть может; ибо народ столько принужден был повиноваться бывшим старейшинам своим и как ему повелено, так творил — следовательно невин[овен] есть"[16]. Иными словами, тирания, которую установил Карагеоргий, согласно объяснению авторов документа, лишила народ (а вместе с ним и тех, кто не находился на вершине власти) какой-либо

[14] *Новаковић С.* Уставно питање и закони карађорђева времена. Београд, 1988. С. 35–38, 57–58, 102–108. О неоднозначности вождизма см.:Политология...С. 49–51.

[15] См. подробнее: *Белов М. В.* Сербская повстанческая государственность и ее идейное обоснование // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. СПб., 2005. С. 39–56.

[16] *Милутиновић С.* История Сербие од почетка 1813е до конца 1815те године. Лайпциг, 1837. С. 232. Петровић В. и Н. Грађа за историју Краљевине Србије. Време Прве владе Милоша Обреновића. Књ. II. 1821–1823. Београд, 1884. С. 47–49. Гавриловић М. Милош Обреновић. Књ. I. Београд, 1908. С. 79–85, 108–111. Версия событий, в то время отстаиваемая Карагеоргием, изложена в анонимной брошюре: Сербие плачевно пакипорабощение лета 1813...[Венеция], 1815.

inslav

инициативы и ответственности за произошедшее. Прошение подписали архимандрит Г. Радойичич, по предположению М. Гавриловича, составивший его текст, «бывшие воеводы» (Милош Обренович и некоторые др.) Когда письмо было доставлено в Срем, свои подписи добавили эмигранты М. Ненадович, П. Молер, С. Чупич, М. Крестич, близкие кругу архимандрита М. Никшича. Последний после поражения повстанцев перенес в монастырь Фенек в Среме мощи Св. Короля (Стефана Первовенчанного), небесного покровителя Сербии, и по протекции митрополита С. Стратимировича стал его настоятелем. Никшич поддерживал связи с издателями выходивших в Вене «Сербских новин» Д. Давидовичем и Д. Фрушичем, а также с архимандритом С. Филиповичем, который был вхож к русскому посланнику в Австрии графу Штакельбергу.

Следующее послание из покоренной Сербии было датировано 8 августа 1814 г.[17] Авторы письма, среди которых были те же самые лица, что и в апрельском послании, обращались к М. Ненадовичу и П. Молеру «от имени всего бедного народа сербского». Помимо тягостных эмоций, восклицаний и отчаянных надежд, в этом письме, пожалуй, ничего и не было. Никаких внятных планов. Центр власти намеренно выносился вовне — ко престолу российского императора. Письмо, как, впрочем, и предыдущий документ, не содержало *прямых* обвинений против Карагеоргия.

Поручение отправиться в новую депутацию получил тот самый М. Ненадович, который возглавил первую из них в 1804 г. Его «Полномочие» от 14 августа 1814 г. по содержанию полностью повторяло соответствующий документ десятилетний давности: он делегировал сербским депутатам «народный суверенитет», что было, для того времени, важным изобретением[18]. На этот раз две части несчастного «народа» (бежавшие в Австрию и оставшиеся в Сербии старейшины как его представители) соединялись с помощью параллельных столбцов в подписной части «Полномочия». Будучи откинутыми назад, ко временам турецкого владычества, сербские предводители вновь пошли по пути, проторенному Первым восстанием.

К идее властного представительства эмигранты добавили ясную политическую поляризацию. «Партия» Никшича стремилась опередить Карагеоргия, который был в это время освобожден из-под австрийской стра-

[17] *Милутиновић С.* Ук. соч. С. 235. Ненадовић М. Мемоари. Београд, 1867. С. 219–222. Гавриловић М. Ук. соч. Књ. I. С. 111–113.

[18] *Петровић В. и Н.* Ук. соч. Књ. II. С. 52–53. Ср.:Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. No 17. С. 44–45. См.:Белов М. В. Восстание 1804–1813 годов и развитие сербской национальной идеи // Славяноведение. 2004. No 2. С. 8.

inslav

жи и направлялся в Россию. М. Ненадович получил письма к русским сановникам (Александру I, Н. П. Салтыкову, К. К. Родофиникину, митрополиту Амвросию, М. К. Ивеличу), а также к архимандриту С. Филиповичу, которые были подписаны «от имени целого народа» М. Обреновичем, хотя он сам не имел к ним прямого отношения[19]. Эмигранты, таким образом, способствовали адаптации Милоша к роли нового верховного вождя. Некоторые добровольные помощники (в том числе Никшич и Молер) поплатились за это жизнью: Милош не терпел и тени конкуренции.

Но главным, после просьбы о помощи, во всех письмах являлась уничтожающая критика прежнего сербского руководства во главе с Карагеоргием. При этом подчеркивалось, что никто более не полномочен выступать от имени сербского народа. И сверх того, «что весь народ никоим образом прежде бывшего начальника с его последователями и родственными воеводами, которые хуже турок в народе проявились, принять в страну и вернуться в свое отечество не позволит» (письмо Александру I). В письме Салтыкову это обвинение конкретизируется следующим образом: «Известно, что народ всегда с турками мог примирение и уговор сотворить. Но зверообразный помянутый предводитель наш никогда не хотел истинное турецкое предложение нам сообщить». В письме Ивеличу Карагеоргий уподобляется «бессовестному волку». Он и его приспешники «бедный народ злейше турков пленили, мучили и убивали». Родофиникин, вероятно, утвердился в свое правоте, прочитав, как прежние сербские старейшины, «...народ обманув, с награбленным народным имуществом в австрийскую державу ночью бежали и так нас, бедный народ, в величайшую беду и гибель поставили и рассеяли». А все потому, что «...только за свои интересы глядели, а не за благосостоянием народным. Вам также известно, как бывшие старейшины наши в богатстве купались, а бедный народ голодный, голый и босой бедное оружие против тирана-турка носил» (письмо архимандриту Филиповичу). И, тем не менее, сербы лишь «напоследок усмотрели, что предводители наши мирского и духовного чина неправедны и неродолюбцы были» (письмо митрополиту Амвросию).

В ходе пропагандистской кампании против Карагеоргия использовались доводы, приводившиеся ранее русскими чиновниками и от них проникавшие в оппозицию (так называемая «русская партия»). Схожими аргументами оперировали сам Карагеоргий и его окружение в борьбе с воеводами оппозиционерам 1810–1811 гг. В сложившейся ситуации верховный вождь противопоставлялся простым сербам и изолировался от народа,

[19] *Петровић В. и Н.* Ук. соч. Књ. II. С. 54–62, 64–66. Гавриловић М. Ук. соч. Књ. I. С. 114–118.

inslav

интересы которого превозносились как высшая ценность. Не выполнивший назначенную миссию герой-спаситель был превращен в свою полную противоположность — кровопийцу и губителя отечества, что соответствует теории Р. Жирара о «жертве отпущения»[20].

В боевых действиях 1815 г., составивших Второе сербское восстание, Милошу суждено было сыграть назначенную роль нового мессии — ту роль, которая ранее принадлежала Карагеоргию. С ним его будут теперь сравнивать, да и сам Обренович постоянно оглядывался на своего предшественника. Во время турецкой атаки у Пожаревца 18 июня 1815 г., когда сербские ряды дрогнули, Милош с пистолетом в руке выступил перед ними: «Куда бежите несчастные сыны? Куда хотите вы уйти? Где тот город, в котором вы скроетесь? <...> Тут ваш дом, — показывая пистолетом на турецкие укрепления, — тут жены, тут дети; а если их оставите, остальное все пропало. Кто за мной не последует, тому голову отсеку, нечего ждать, когда турки отсекут»[21]. Способность управлять при помощи пистолета, быть вынужденно жестоким по отношению к своим «сынам» («братьям» и т. д.) — сближает образы власти Карагеоргия и М. Обреновича. В отличие от первого верховного вождя Милош, однако, чаще расправлялся со своими противниками чужими руками.

В документах, составленных в первое время после восстания 1815 г., Милош фигурировал то как «(верховный) вождь», то, чаще, как «верховный Сербии князь», но также — «Милош Обренович султаном Махмутом наречен[ный] II кнез сербский». По замечанию тонкого наблюдателя и безжалостного критика М. Гавриловича, в турецкой одежде с чалмой на голове и еменлиями (туфли с украшениями) на ногах М. Обренович был больше похож на богатого менялу или торговца, нежели на политического представителя сербского народа: «Милош столько же представлял князя, сколько Сербия государство». Марашли-паша, который был намного старше Милоша, называл его сыном, и тот послушно играл эту роль[22]. Новый верховный вождь, будучи более пластичным, быстро менял маски.

---

[20] *Жирар Р.* Насилие и священное. М., 2000. Особ. Гл. III. С. 87–111. Символическое убийство Карагеоргия состоялось за 3 года до его физического умерщвления, обставленного, по настоятельной просьбе М. Германа, post factum рутинными самооправданиями. Гавриловић М. Ук. соч. Књ. I. С. 346–376. Документы опубл.:Савић В. Б. Карађорђе: Документи. Књ III. Београд, 1988. Прил. 6, 10. С. 1508–1510, 1514–1517.

[21] Цит. по: Гавриловић М. Ук. соч. Књ. I. С. 172–173.

[22] *Петровић В. и. Н.* Ук. соч. Књ. II. С. 100–181. Гавриловић М. Ук. соч. Књ. I. С. 259–264.

inslav

В первых письмах к русскому посланнику в Стамбуле (например, от 13 сентября 1816 г.) Г. А. Строганову М. Обренович еще подписывался «верховный кнез и кавалер российский»[23]. Спустя год (в письме от 1 августа 1817 г.) подпись меняется: «Верховный кнез и правитель народа сербского»[24]. И, наконец, в посланиях более позднего времени, когда Милош повел борьбу за достижение наследственного княжения: «Верховный Сербии князь»[25]. Изменив всего одну букву в названии «кнез», как поступали до него, сознательно или бессознательно, и некоторые другие амбициозные балканские деятели, вступавшие в контакты с русским правительством, Милош превратился из лидера местного самоуправления в претендента на особу княжеского рода — монарха с голубой кровью. Добиться признания этой транскрипции, а, следовательно, и легитимации княжеской монархии как внутри Сербии, так и за ее пределами еще предстояло в трудной борьбе и постоянной пропагандисткой работе.

Первый шаг в этом направлении уже был оформлен в виде народного решения — как «Адрес народной скупщины» от 6 ноября 1817 г., в котором «заключением произвольным целого народа сербского» принесена клятва верности «брату нашему» Милошу Обреновичу и его наследникам, назначенным по завещанию из числа «самых ближайших родственников»[26]. Однако это был, по существу, только черновик. Во время подготовки сербско-турецких переговоров в 1820 г. вопрос о внутреннем устройстве автономии конкретизировался: обсуждалось соотношение власти Князя, Совета (Сената) и скупщины[27]. Начало греческого восстания отодвинуло дипломатическое решение сербского вопроса. Но в то же самое время (период «бун» 1820-х гг.) на скупщинах, которые проводились регулярно — два раза, а то и чаще, в год, — оттачивалось демагогическое мастерство М. Обреновича и его идеологов. В популистских целях речь заходила порой о создании Совета с самыми широкими полномочиями[28]. Однако дальше слов в этом направлении дело не пошло. К финалу борь-

---

[23] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2661. Л. 2.

[24] Там же. Л. 11–11об.

[25] Там же. Л. 24–24об. (от 20 августа 1819 г.). Изложение см.:Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 2. Т. III (XI). М., 1979. Прим. 50. С. 735. См. также: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. No 147. С. 220–221 и др.

[26] [Новаковић С.] Адресе народних скупштина од 1817 и 1827. кнезу Милошу // Споменик Српске краљевске академије. XXXI. Београд, 1898. С. 154–156.

[27] *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. I. С. 444–481. Документы опубл.:Там же. Прил. I–V. С. 525–547.

[28] См.: *Попов Н. А.* Россия и Сербия. Ч. 1. М., 1869.

inslav

бы за признание Сербской автономии во главе с династией Обреновичей была разработана целая система пропагандистских аргументов другого рода.

По принятии Аккерманской конвенции и Отдельного акта о Сербии (1826 г.) Милош созвал очередную скупщину, куда всякий нахийский кнез мог привести от 25 до 60 кметов. Она открылась в день св. Саввы 14 января 1827 г. (или, если верить В. С. Караджичу, 15 января) в Крагуевце, где тогда находилась княжеская резиденция[29]. Скупщина явилась прологом и репетицией событий 1830 г., когда формальная автономия, наконец, будет достигнута. Устами своего секретаря Д. Давидовича Милош обратился к прибывшим с пространной речью, которую посвятил толкованию проводившейся доныне политики[30]. В ее экспрессивном начале на слушателей были излиты целые потоки крови. Повстанческое прошлое превратилось в величественный и зловещий задник на фоне, которого возникает герой нового типа, сразу разгадавший смысл создания Священного союза, мудростью добившейся того, чего не удалось обрести безрассудным геройством. Милош, в отличие от его противников, принес не войну, а мир.

Карагеоргий, уже почти десять лет покойный, оставался главным историческим противником Милоша. Второе восстание с его миротворческим замыслом противопоставлялось Первому, значение которого всячески низводилось: «Да и сам карагеоргиевский раздор отяготил нас странствованиями по чужим землям и гонениями и порабощением детей и утробы нашей...». Позитивного итога восстания в виде Бухарестского мира, без которого не было бы ни Аккерманской конвенции, ни Отдельного акта, Милош увидеть не захотел. Что уж говорить о «бунах» 1820-х гг. Они принесли с собой лишь «...погубленные многие души, междоусобную брань, взаимную ненависть между единокровными братьями, спаленные дома и потерянные семьи, и бесчестие имен наших навеки!»

Чем ближе оказывалось желанное благоденствие («чтобы и мы народом европейским стали»), тем опаснее становились происки врагов[31]. Их безумная ярость делалась все сильнее. Жестокость в отношении смутьянов — вынужденное средство. Оно ничуть не противоречит ми-

---

[29] Изложение хода скупщины см. подробнее: Гавриловић М. Ук. соч. Књ. II. Београд, 1910. С. 236–243.

[30] *Караџић В. С.* Милош Обреновић [1828] // Историјски списи. Књ. I. Београд, 1969. С. 87–91. Ненадовић Љ. Прилози за српску историју. Св. 1. Земун, 1858. С. 16–22. Вариант Караджича отредактирован так, чтобы не бросить тень на репутацию Милоша, признающегося в своих преступлениях.

[31] Ср. с тезисом об обострении классовой борьбы с приближением к социализму.

inslav

ротворчеству, а вытекает из него. Вождь Второго восстания выполнил святую обязанность перед родом и отечеством, будучи готов «и тысячи нас» жертвовать для сохранения «всей общины». «Совесть моя свидетельствует мне, — продолжал Милош, а вернее: Давидович, говоривший за него, — что я долг мой исполнил по возможности моей и по обстоятельствам; непоколебимым моим постоянством только и правдолюбивой строгостью поддерживал в земле мир и тишину и всякий порядок...Я живот мой жертвовал и смерть презирал; я неправедные ваши укоры слушал, хотя из-за них страдал и печалился, и опять их простил, и только то перед очами имею, чтобы отечеству права приобрести, на столетия основать и вас счастливыми сделать и себе предоставить». По смыслу этих слов, которые были повторены в нескольких вариантах, получалось, что Милош, выполнив обязанности, покидает свой пост. Однако замысел состоял в другом.

Стратегия великодушия на показ дала ожидаемый результат. Как компенсация за причинные обиды и в благодарность за многие труды — тожественный акт, где народ в лице скупщины умоляет Милоша остаться его князем и клянется быть верным ему и его семье. «...Просим вас усердно, сыновне и нижайше: не отрекитесь и в будущем руководить нами, как и до сих пор к счастью и благополучию, доброго и слабого защищая, а злого казня по правосудным законам; и примите от нас как залог счастье наше и добро наше. <...> Все мы, выше названные, повторяя все наши прежние клятвы от 1817 и 1826 годов, подтверждаем Вас, Сиятельнеший Князь! единодушно и единогласно и за нас, и за наших детей, и из рода в род Господарем и Князем нашим и клянемся и за нас, и за наших потомков, как Вам, так и братьям и детям, и всей вашей фамилии, что будем Вам всегда и во всяком случае верны и послушны...»[32]. Принесение клятвы (и ее выколачивание с помощью моральных претензий) превратилось в своеобразный ритуал, разыгрываемый властью и «избранным» обществом. Скупщина 1827 г. была не последней в этом ряду постановок.

Специально было составлено и «Прошение о наследственном княжении» от 17 февраля 1827 г., которое имитировало народное, а на самом деле резюмировало многие положения прозвучавшей на скупщине речи. С ним отправилась на переговоры в Стамбул очередная сербская депутация[33]. Сложившаяся таким образом аргументация будет использоваться в дальнейшей борьбе за титул.

---

[32] *Караџић В.* С. Ук. соч. С. 91. Полный текст см.:[Новаковић С.] Адресе... С. 156–163.

[33] См.: *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. III. Београд, 1912. С. 3–10.

inslav

Любопытным документом, относящимся, вероятно, к январской (1827 г.) скупщине, является «Слово в день много желаемый радостного собрания рода нашего сербского торжественного в богохранимой крепости Крагуевце»[34]. Можно предполагать, что «Слово» произнес (или собирался произнести) на скупщине после акта клятвы Милошу Обреновичу ужицкий митрополит Герасим, заменявший белградского владыку, который находился в Земуне по болезни.

В названном документе с помощью библейской и исторической аргументации обосновывается идея восстановления монархической власти. В частности в нем говорится: «А кои народ или один человек неблагодарен бывает своему Царю и Королю, своему владетелю, своей высочайшей власти...такое безумие самому Богу противно и не достоин на земле жить». В результате, даже великие народы пропадают «из-за несогласия, небратолюбия, из-за гонения, из-за неблагодарности». Было время, когда и сербы были великим народом: «Не от наших ли предков, не от наших ли Царей и Королей другие Цари и Короли трепетали». Куда же пропала сербская слава? Далее исторический экскурс следует за традицией, в окончательном виде представленной у И. Раича. Упоминаются Стефан Душан, добрый Урош и неблагодарный Вукашин, уподобленный волку и змее: «...убил проклятый сын своего царя Отца Земли Сербской и уничтожил и истребил стол и славное племя, нет его рода: ах, убей его, Бог!» Во времена князя Лазаря попытались было восстановить «сильное и страшное» сербское имя, но напоили «кровью сладких твоих [Сербия] сынов» поле Косово. «Верному сыну Отечества» Милошу Обиличу и другим косовским героям противопоставлен «неблагодарный сын», он же Иуда, «ядовитая змея» Вук Бранкович, из-за которого сербы попали под тяжкий ярем рабства. Оно продолжалось до «Богом поставленного вождя и Духом Святым умудренного предводителя великого нашего Государя Его Сиятельства Милоша Обреновича времени». Последний осыпается всеми лестными комплиментами, которые уже сам подарил себе, походя, в начальной речи, а, кроме того, уподобляется «Солнцу» и «светлой звезде». В финале автор «Слова» призывает: «Так выкажите же большую верность, большее почитание, большую благодарность своему Милошу, своему сладкому роду, своему и всемилостивейшему избавителю...». На-

[34] Архив Србије. Збирка Мите Петровића (ЗМП). No 1816. Л. 1—4об. (сербский текст), 5—9 (церковно-славянский вариант). По описи датирован 16 января 1827 г. Возможно, документ на самом деле относится к январской (1830 г.) скупщине, где после богослужения (27 числа) выступал владыка Герасим. См.:Гавриловић М. Ук. соч. Књ. III. С. 161.

inslav

родно-монархическая идеология Обреновичей как новой династии приобрела законченный вид.

Способности Милоша дирижировать народным волеизъявлением прекрасно продемонстрировали и события января 1830 г. — пролог и причина последующих дебатов с русскими дипломатами.

11 октября 1829 г., следуя положениям Адрианопольского мира, увенчавшего окончание русско-турецкой войны, турки объявили сербским депутатам в Константинополе предварительный хатти-шериф о сербской автономии. Однако это решение оставалось пока только на бумаге, поскольку предстояло решить вопрос о границах нового автономного образования и о размерах дани. Турки тянули волынку до конца декабря, когда, наконец, под давлением России был назначен комиссар для проведения размежевания. Связывая формальное введение автономии с вопросом о ее внутреннем устройстве, Милош поспешил обеспечить себе прочные тылы. На очередной скупщине 25 января 1830 г. была прочитана пространная речь, обращенная ко всем соотечественникам[35].

Ближайшее будущее представлено здесь обретенным раем на земле. Оно обрисовано в популистских или, с позволения сказать, национально-демократических тонах. Местоимения «мы» и «наши», этноним «сербин», определение «родной»/«урожденный» в различных вариантах и сочетаниях повторяются бесконечное количество раз: «...Мы установим и обретем наше собственное правительство; обретем наш суд; судьями будут наши соотечественники, родные братья наши и сыновья, будут всякий промежду нас и всякий сербин, кто только способен на это; а судить будут по благоизбранным законам нашим всякого, и бедного и богатого, и малого и великого, беспристрастно и праведно. Я уже о том постарался и распорядился для нашего народа составить судейские законы; ...как и по всем остальным просвещенным и благополучным царствам и государствам делается». Крестьянам обещаны правовые гарантии на их земельный надел, включая право наследования. В соответствии с положениями фирмана Милош указывает на заманчивые перспективы в деле создания системы образования и здравоохранения, доступной для всех: «Дети всякого из нас будут иметь, где учиться чтению и просвещению...Когда обретем способных наших сынов, не нужно будет нам для службы иностранцев по свету искать и приводить». Национально огороженный элизиум будет воздвигнут.

---

[35] *Ненадовић Љ.* Ук. соч. С. 38–47. Гавриловић М. Ук. соч. Књ. III. С. 153–157. В публикации Ненадовича указано 24 января 1830 г.

inslav

В интерлюдии между двумя смысловыми частями речи Милош возвращается к собственной персоне: «Это, братья, я вас к тому привел непрерывным трудом и непоколебимым постоянством моим, связанным с большими издержками. <...> Мне более ничего не остается желать, как чтобы благосостояние и счастье прелюбезного моего отечества и рода продолжалась вечно». Мавр сделал свое дело.

Теперь от сладости достижений и перспектив пора перейти к суровой правде жизни — к цене всех этих успехов. Милош подчеркивает разницу между прежним и нынешним положением: «...до сих пор мы были безусловные подданные самовластия турецкого и рабы, а теперь мы становимся самобытным народом...Теперь мы становимся равными остальным благообразным и счастливым народам христианских государств! Отныне нам нужно и в правительстве нашем, и в судах, и во всех прочих внутренних земских учреждениях остальным процветающим и счастливым народам подражать и с ними сравняться». Речь идет о тех же школах, больницах, организации армии и т. д. Но, прежде всего, по мнению Милоша, Сербии с ними (т. е. с «великими» европейскими державами) необходимо сравняться... по величине доходов верховного правителя и высших правительственных чиновников. «Свет нас до сих пор считал за рабов, разбойников и бунтовщиков, а теперь нас все дворы освобожденным и самобытным народом признают и как таковой рассматривают». Поэтому: «Князь ваш, который будет, должен вам и народу образ осветлить, ибо он и ваш, и народный образ! И ваш князь должен во владении и в [частной] жизни быть равен другим князьям; чем он отменней и лучше, тем больше честь ваша, то светлый образ, то великая слава народная».

Речь Милоша поражает соединением, казалось бы, несоединимых элементов: безудержного самовосхваления и отстраненной скромности, прекраснодушного оптимизма и холодного расчета, романтического народолюбия и циничного эгоизма. Милош, демагог и творец фиктивной реальности, даст сто очков вперед многим современным политикам.

Одной вступительной речи, которая была, очевидно, прочитана на скупщине от имени верховного вождя, Милошу показалось недостаточно, и он взял слово, которое уже целиком и полностью посвятил своей собственной персоне. М. Гаврилович называет эту вторую речь «заранее подготовленной «импровизацией»[36]. В ней заслуги верховного вождя перед народом и Отечеством выписаны столь щедрыми и сочными краска-

[36] *Гавриловић М.* Ук. соч. III. С. 158. Речь полностью опубл.:Ненадовић Љ. Ук. соч. С. 48—57.

inslav

ми, что, кажется, не может быть и вовсе никакого предела торжествующему самовозвеличиванию и самолюбованию.

С одной стороны, Милош — один из многих, равный среди равных. И обращается он к собравшимся на скупщине исключительно как к «братьям», «сербским сынам». Прежде чем приступить к рассказу о своих повстанческих деяниях, замечает: «Мало вас, братья, осталось, кто знал меня прежде...». Разумеется, верховный вождь умолчал, что и он приложил руку к тому, чтобы сократить число свидетелей. Но он не забыл об общих утратах, к которым был сопричастен во время Первого восстания, подчеркивая свою руководящую роль в нем с самого начала: «Всякий из нас неоценимую жертву, кто-то родителя, кто-то сына или единоутробного брата, кто-то премилого приятеля своего напрасно жертвовал! <...> В то самое время, когда мы, то есть, проливая кровь нашу, за отечество боролись с огромной силой неприятельской, никогда я не был последним в рядах защитников отечества, но один из первых предводителей и старейшин ваших!» Впрочем, имена остальных «первых» старейшин даже не названы. Переписывание истории — увлечение многих политиков и государственных деятелей, стремящихся откорректировать свой карьерный след, особенно, биографию до прихода к власти. И многим это удавалось. Так в сербской историографии утвердился идущий от обреновичской пропаганды штамп: Карагеоргий — это революционер-разрушитель, а Милош — дипломат-созидатель.

По версии Милоша, после поражения восстания все прочие предводители, спровоцировавшие столько «напрасных» жертв, в страхе перед турками, «ища всякий собственное спасение», бросили на произвол судьбы своих собратьев — рядовых сербов. На авансцене истории выделился одинокий герой, презревший страх и оставшийся вместе с несчастным народом. Поглавари Первого восстания (все за единственным исключением) вычеркнуты из прошлого проявленной трусостью, вольным или невольным предательством. Вот оборотная сторона медали — Милош, такой, как все, оказывается, тем не менее, исключительной личностью.

Но герой вновь создаваемой истории выбрал жизнь в Сербии не просто так, а во имя спасения своего народа. Он подлинный мессия, Моисей, который вывел сербов, если не из египетской пустыни, то из ада турецкой мести и бесчинств. Все и так это знают, но Милош напоминает, как, рискуя жизнью, он договаривался с турками о милости к сдавшимся. Отвращал от безрассудного предприятия Хаджи-Продана. Воевал с «кровожадным» Сулейман-пашой. Вновь вел переговоры и возвращал пленных. «Отворял врата» к султану и императору всероссийскому. Боролся с турецкими провокациями и интригами «злоумышленников» за пределами Сербии. Поминал Милош и злополучные «буны» 20-х гг.:«И между нами самими

inslav

бывали несчастные сыновья сербские, кои окаянную руку свою против прелюбезного нам и всякому истинному сербину святого отечества поднимали! И за этими извергами рода человеческого велся несколько раз, на великую жалость мою, и народ наш, веруя скверным речам их». Милош вынужден был действовать силой, чтобы уберечь народ от искушений, будучи готов «...своего собственного сына немилостиво проклясть и смерти предать, только бы знал, что этот сын его на общенародную гибель и разорение идет». Метафора семьи, которую бесконечно эксплуатировал Милош, резервируя за собой роль отца (старшего брата), снимала с него любые подозрения и оправдывала всякую жестокость: «Должны мы были брат на брата идти, только уничтожить того, кто первый на погибель отечества и общенародную погибель пошел». Мотивы действий всех участников исторической драмы приобрели однолинейную морально-бытовую трактовку. Добрый отец не может быть несправедливым. А негодные и неразумные сыновья...Что с них взять?

Всю оставшуюся часть речи (а это почти ее половина!) Милош укорял собравшихся и вообще сербский народ, который платил ему неблагодарностью за его благодеяния: «Сколько вас было, кто меня понимал? Но в моем постоянстве, которым я вас к этому благосостоянию принудил, видели властолюбие; в старании моем, чтобы у нас на сегодняшний день в кассе народной для выкупа нашего нужные суммы нашлись, видели сребролюбие; в бунах своих называли меня славолюбивым, вымогателем, кровопивцем и тираном! Не смейте сказать, что этого не бывало! Еще в живых те, кто это говорил, и я их по именам знаю! А за что? За то, что я вас заставлял меня слушаться, пока вас и отечество счастливыми не увижу». Если русскую дипломатию Милош пытался шантажировать угрозой мятежей в беспокойном и неразумном народе, то собравшихся на скупщине (т. е. сам «народ») — всепоглощающей отеческой любовью вопреки всему, вопреки самой ненависти: «Но опять все преодолела любовь моя к вам. Постоянным оставался я в любви моей к вам и отечеству и непрестанно трудился, чтобы вас однажды сюда привести». Упоминание об именах злопыхателей, известных верховному вождю, каждый мог принять на свой счет. К любви и великодушию примешивалась вполне реальная угроза расправы.

Как рефрен Милош повторял: «...не могу для вас и отечества более учинить, чем уже учинил...». Или: «О какой признательности могу надеяться, когда вам уже более добра учинить не могу». И еще: «Теперь [настало] время, чтобы и я после стольких моих трудов отдохнул, время и вам и всему свету показать, что я не тот, за кого меня многие считали, чтобы и вам и свету засвидетельствовать, что в делах я не руководство-

inslav

вался властолюбием и сребролюбием, как многие думали». Милош прямо отказывался от княжеского достоинства: «...мне власть не нужна, а вы изберете себе другого князя», — и дезавуировал решения предыдущих скупщин по этому поводу. Правда, вспоминал он о них как-то уж слишком подчеркнуто, с укором.

Оратор упивался показным бескорыстием. Ему самому-де ничего-то не надо за верную службу. Одну только добрую память и еще...надежду на взаимность: «И теперь, братья, никакой другой награды не прошу, кроме одной чистосердечной любви вашей...». Ну, как тут отказать? И как народ может *доказать* любовь к вождю? Только попросив его править дальше!

По словам М. Гавриловича, «речь Милоша вызвала настоящую бурю: депутаты кричали, что хотят князем только его и его потомство, чтобы он и далее управлял народом и устроил страну в соответствии с новыми потребностями. Посреди этого грая Милош покинул скупщину, и она тут же толпой пошла за ним, чтобы проводить до двора. А оттуда все отправились в Народный суд, где особая комиссия составила три акта, которые были приняты единогласно, переписаны на три пергамента и подписаны за всех присутствующих посланников, так что на всяком могло быть до тысячи подписей»[37].

Следует отдать должное Милошу Обреновичу: он оказался хорошим постановщиком. Искусными риторическими ходами и эффектными мизансценами, когда главный герой покидает взволнованную массовку, он сумел вызвать неподдельный эмоциональный накал по всем правилам «заражения» толпы с выплеском верноподданнических чувств и запрограммированным заранее нужным результатом в виде финальных актов. Впрочем, он воспользовался приемом, которым оперировали до него многие правители. Вспомним хотя бы демарш Ивана Грозного накануне введения опричнины[38].

Произошедшее на январской скупщине 1830 г. волеизъявление, разумеется, никак не укладывается в западные нормативы с принятием решений в парламентском заседании, где требуется соблюдение установленного порядка, уважение законов и традиций. Их и не было, если вести речь о *правовых* традициях. Вместо зала заседаний — прогулки в приподнятом настроении на свежем воздухе, вместо рутинной процедуры — импровизация-хэппенинг, вместо спикера — правитель-тиран под личиной

[37] *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. III. С. 160–161.

[38] Сотрудник русской миссии в турецкой столице привел другие примеры: «Он хотел идти только по стопам Наполеона и Боливара колумбийского и остальных знаменитых людей в истории, которые всегда отрекались от власти, но никогда от нее не отреклись» // Цит. по: Гавриловић М. Књ. III. С. 209–210.

inslav

робкого кандидата. На Западе подобное ненормативное правотворчество происходило в период революционной ломки («чистка» Долгого парламента и разгон «охвостья» в Англии середины XVII века, «ночь чудес» или решение о созыве Конвента во время Великой французской революции, например). Но и тогда оно не становилось регулярным способом организации политической жизни. В Сербии Милоша было именно так.

Между Милошем и народом, казалось участником скупщины, нет ни посредников, ни препятствий, ни расстояния. Театральное действо породило чудо сопричастности власти. Однако, как демонстрируют предшествующие («буны» 1820–х гг.) и последующие события (борьба вокруг конституции) это была только иллюзия. «Народная монархия» являлась пьесой, которую сочинял Милош вместе с несколькими добровольными помощниками, периодически разыгрывая сцены из нее вместо того, чтобы править по закону (хотя, еще раз повторюсь, едва ли это было возможно в тех обстоятельствах). Условно правильнее было бы назвать такой режим *демагогической* монархией. На самом деле бездна, отделявшая Милоша от народа, и в экономическом, и в политическом плане была гигантской. Отсутствие общественного мнения в стране открывало для власти изменчивую сферу «народных чувств», которая использовалась двояко. С помощью режиссерских ухищрений на скупщинах достигалась временная поляризация эмоционального фона в заданном направлении. А затем полученный результат выдавался за устойчивое настроение, которое в действительности не поддавалось проверке и становилось очевидным лишь в моменты потрясений или побед.

27 января Милош был приглашен в церковь, где ему торжественно вручили все три акта (один из них был обращен к «Избавителю и Отцу Сербии», другой — султану и третий — русскому императору)[39]. Скупщина повторила клятву верности Милошу, а он дал клятву народу. Таким образом, как и в предыдущих случаях, была использована процедура-ритуал из эпохи Первого восстания. Она уходит корнями в обычное право. Интересно, однако, что выборы князя, в отличие от решений январской скупщины 1811 г., на этот раз не увязывались с решением «конституционного вопроса», а обязательства избранного правителя не были зафиксированы на бумаге.

Безусловно, главный с идеологической и легитимистской точки зрения итоговый документ — это обращение скупщины к Милошу Обреновичу. В нем, в частности, говорится: «Поздравляя Вас сыновне и все-

[39] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2672. Л. 2–3об., 38–39об. Первый акт опубл.: Гавриловић М. Ук. соч. Књ. III. С. 559–560. Обращение скупщины к Николаю I см.: Политические и культурные отношения...No 228. С. 316.

inslav

усердно с плодом неусыпных трудов Ваших, избавлением и возобновлением дражайшего нашего отечества, просим Вас нижайше (умилно) не откажитесь от нас милостиво принять заслуженное имя «Избавителя и Отца Сербии», которое Вам покорнейше подносит Род и Отечество в знак безграничной и великой благодарности своей». Участники скупщины подтверждали, таким образом, решения прежних скупщин и клялись за себя и за своих потомков в верности новому-старому господарю и князю, а также всем наследникам его власти — сыновьям, братьям и т. д.:«И сам Спаситель супостат будет тому, кто клятву эту народную нарушит и кто распоряжения ваши преступит. Потом, милостивейший Господарь, коего нам сам Бог как избавителя и князя подарил и кто нас в число счастливых и освобожденных народов возвысил, установите Правительство и все прочие внутренние учреждения для нас, доброго [человека], как и прежде, защищая, а злого изгоняя и казня».

Милошу было, отчего радоваться. Народный акт, очевидно, по подсказке агентов верховного вождя, составивших документ, резюмировал основные положения его речей, развивая тезисы документа 1827 г. Акт закреплял в идеологическом пространстве, разработанную во времена Первого восстания, модель «государственной семьи» и полусакральный статус спасителя-избавителя, позаимствованный Милошем у Карагеоргия. Последний приобрел его изначально спонтанно и лишь затем сторонники первого верховного вождя попытались закрепить легендарный образ в политико-пропагандистской работе. Обренович конструировал и культивировал этот образ на регулярной основе, прибегая по большей части не к народным легендам, а к воспитательным беседам и театрализованным постановкам на скупщинах. Кроме того, он опирался, как явствует из текста акта и вышеприведенных примеров, на поддержку церкви, ее традиционную идеологию и «ритуалы власти», надеясь стать «помазанником Божьим». Участники скупщины даровали Милошу полную свободу действий по организации управления и трактовали отношения власти с народом не в политических, а в чисто моральных категориях (добро и зло), санкционирующих произвол их избранника как посланца Бога-творца и союзника Спасителя.

Модель внутреннего устройства, апробированная Милошем, вызвала полемику вовне. Отклоняя упреки русских дипломатов, верховный вождь разразился 13 июня того же года развернутым посланием от имени оскорбленной добродетели[40]. «Слова г. посланника обвиняют меня, — писал в

[40] АВПРИ. Ф. 180. Оп. 1 (517). Д. 2762. Л. 93–97. В извлечениях: Гариловић М. Ук. соч. Књ. III. С. 217–221.

inslav

ней, в частности, Милош, — в том, что я непрерывно стремлюсь к деспотическому самовластию над сим народом, что я сопротивляюсь постановлению Совета сербского...». При этом: «...не сам ли я постановил оный, и не существует ли он уже с стольких лет назад под названием народного сербского суда...».

Милош не стал распространяться о том, как формировался, функционирует, какие полномочия стяжает этот «народный суд». Здесь похвастаться было нечем. Однако второй верховный вождь (или тот, кто помогал ему составлять письмо) являлся уже опытным демагогом. Поэтому от суда-совета он тут же перешел к «думе» о народе: «...народ сей никогда не захочет, чтоб князь с 10 или 12 советниками без ведома и одобрения всенародного важные предметы разрешал и подати распределял на оный. Народ сей не невооружен и не кроток, как другой какой-либо, но вооружен; у каждого, так сказать, полон дом огня. Мы видим из его бунтов, доселе бывших, за какие малозначащие причины он — народ — бунтовал, и так — [в]скочит ли кто и закричит ли один только, толпы к нему и пристают». Вслед за этим Милош поведал об устройстве сербской «патриархальной демократии». (В понимании ее странным образом сошлись деспот-правитель и сербский радикал-социалист С. Маркович, рассуждавший о демократическом правлении 40 лет спустя). «...Каждая деревня от своего кмета (старосты), каждый срез (повет) от своего капитана и т. д. отчет требует, желая знать о каждой своей копейке — куда девалась; как и молодой, и старик кричит и ропщет против каждого нового постановления до тех пор, пока им не докажут происходящую от того пользу народу». Теперь оставалось только сделать вывод, горделиво льстящий патриотическим чувствам, поборником которых взялся выступать Милош Обренович: «Из всего краткого описания довольно видно, что сербскому народу уже врождено быть всенародно управляемым. Отклонение сего образа правления оскорбило бы машинальное понятие народа о свободе его, о свободе, которую ни порабощение, ни угнетение турок не могли похитить у него из виду». Чтобы этого не произошло, необходимо и впредь сохранить «народный сейм», то есть скупщину как орган, занимающийся, прежде всего, раскладкой податей и решением других важных вопросов. Верховный вождь не стал распространяться о его устройстве и порядке формирования, но выразил готовность согласовывать «гражданские и судопроизводственные законы» с правительством России. При этом Милош вступил в полемику не только с русскими дипломатами, но и со своим секретарем. По его мнению, «законоустав или конституция» ограничит самоопределение Сербии, дарованное Аккерманской конвенцией. Иными словами, если внести пункт о законах в хатти-шериф, как

inslav

предлагал Давидович, Порта получит возможность вмешательства во внутренние дела автономии, в то время как Милош признает только консультации с Россией. «Демократия» без конституции, без границ и процедур, означающая на практике манипулирование князя-спасителя — вот подлинный идеал первого из Обреновичей.

Далее речь идет о предлагавшемся русской дипломатией способе организации Народного совета. Это был тот путь, который отчасти реализовался в ходе «конституционной реформы» января 1811 г., а ранее предлагался К. К. Родофиникиным в проектах ноября 1808, а именно: приглашение в Совет нахийских предводителей. Что-то здесь было и от проекта Б. Груйовича (август 1805 г.). Несменяемые и авторитетные советники, представляющие «свои» нахии, мыслились как противовес княжеской власти. В этом принципиальном вопросе Милош сразу пошел ва-банк, противопоставив свое благополучное время карагеоргиевскому: «В прошлую эпоху от 1804 до 1813 года имели мы Сенат, составленный из старейшин всех уездов, и какой он был? <...> Немного способных людей, которых имеем, и с которыми я до сих пор занимался, все почти рождены в Австрии, а здесь прирожденные сербы. Взирая на теперешнюю низкую ступень просвещения, на которую, к сожалению, сбросило нас сцепление обстоятельств, можно ли надеяться, что наши соотечественники прежде 100 или еще менее лет могут достигнуть совершенства, нужного каждому, могущему быть членом, хотя и среднего [звена] управления?» С точки зрения Милоша, отсутствие системы просвещения не препятствует принципу демократии (народоправства), но — вот парадокс! — мешает созданию органов управления, начиная со среднего звена, из представителей того же народа. Поэтому Сербия вынуждена искать иностранцев (то есть не турецких, а австрийских сербов), как это делала и делает ее покровительница — Российская империя, в результате достигшая нынешних высот и ни в чем не уступающая теперь иным «великим» державам. Милош умело передергивал карты: сербскую «демократию» он ловко подтасовывал к опыту российской чиновной системы, как бы удивляясь между строк, почему самодержавная монархия предлагает ему другой способ организации власти.

В итоге турецкий хатти-шериф от 3 августа 1830 г. и одновременный берат являлись выгодным для Милоша компромиссом по данному вопросу, поскольку допускали разное толкование. В пункте 2 хатти-шерифа, в частности, говорилось, что Милошу Обреновичу вручается внутреннее управление «с соучастием скупщины, составленной из поглаварей страны». А уже пункт 15 гласил: «До тех пор, пока члены совета, о котором выше сказано (т. е. в пункте 2, где называется скупщина. — *М. Б.*), не

inslav

совершат какое-либо тяжкое преступление или против моей Высокой Порты или против законов и учреждений страны, не могут быть без причины ни свергнуты, ни удалены от звания"[41]. Молчанием обойден вопрос о механизме принятия законов и учреждений нового автономного образования. Милош сохранял, таким образом, полную свободу рук в этом отношении.

В конце 1830 г. Милош праздновал победу. Вскоре после того, как турецкий уполномоченный вручил ему утвержденные документы, были организованы манифестации с их официальной читкой. Подробное описание этих мероприятий и подготовки к ним составил М. Гаврилович. По словам историка, «Милош хотел, чтобы читка этих актов была как можно более торжественной и блестящей, чтобы содержание их стало лучше известно, и чтобы этой торжественностью подчеркнуть их значение"[42]. Главное же значение он, безусловно, усматривал в признании за ним прав на наследственное княжение. Милош решил собрать до трех тысяч человек со всей Сербии (за их счет), которые должны были рассказать по возвращении в родные места обо всем увиденном и услышанном своим землякам. Кроме того, в соответствии с планом, в торжествах приняло участие несколько сотен военнослужащих, существование которых санкционировал в хатте султан, при полном параде, а также облаченные в особую форму чиновники. Это усиливало демонстрационный эффект. 23 ноября «княжеская гвардия», исполняя в марше сербские песни, впервые вступила в Белград. Она произвела должное впечатление. Переправившийся из Земуна «пречанин» остался немало удивлен, увидев до 400 воинов в парадных зеленых мундирах с красными воротниками, в синих штанах с красными лампасами при бакенбардах и в фуражках с козырьком, на которых начертана литера М (Милош). У княжеской резиденции

[41] *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. III. Прилози. XIII. С. 605, 609. В свою очередь в берате ни о скупщине, ни о совете и вовсе не упоминалось. Там же. Прилози. XIV. С. 607–609. См.:Љушић Р. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 8–9. Прим. 15. Ђорђевић М. Проблема самоуправе Србије 1791–1830. Београд, 1972. С. 127. Люшич, ссылающийся на М. Джорджевича, очевидно прав, когда говорит, что под скупщиной в хатти-шерифе подразумевается именно совет. Пункт 15 конкретизирует пункт 2. Однако двойственность формулировки замутнила сущность.

[42] *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. III. С. 286. Описанию торжеств посвящена XV глава, с. 285–300. В качестве своих источников, помимо архивных данных, историк называет: Георгијевић Г. Знатни догађаји. Београд, б/г. С. 101–105. Купиберт Б. Српски устанак и прва владавина Милоша Обреновића. Београд, 1901. С. 256, 265. Светковина у Београду на дан Св. Првозваног Андреје 1830 године. (Успомене једног ветерана) // Бршљан. 1885. No 5. С. 58.

inslav

был выставлен караул из двух человек, отдававший честь всякому входящему или выходящему. Такой же или еще больший восторг предстояло испытывать и самим «сербиянцам», не оставившим потомкам письменных свидетельств пережитых чувств.

В качестве дня оглашения хатта и берата был избран день св. Андрея Первозванного 30 ноября, который выпал на воскресенье. Помимо прочего, как замечает Гаврилович, этот день знаменателен еще и тем, что 30 ноября 1806 г. повстанцы под предводительством Карагеоргия заняли Белград.

Выезд Милоша к месту манифестации в сопровождении свиты из княжеской гвардии, членов семьи и «чиновников» всех уровней был обрамлен в пеструю цветовую гамму. На платье Милоша — бело-желтый плащ, на его сыновьях — красные накидки. Д. Давидович и А. Симич, как высшие сановники, красовались в синих, а остальные чиновники в голубых плащах поверх униформы. Богатство красок подчеркивало торжественность момента и, очевидно, соответствовало крестьянским представлениям о подлинном празднике.

После читки документов на турецком языке визирь одарил Милоша харванией (накидкой) с бриллиантовой застежкой под горлом, а за пазуху вложил ему свитки обоих документов, так что они образовали крест на груди, пояснив, что это знаки султанской милости. В таком виде Милош показался перед собравшимися сербами, которые встретили его восторженными возгласами. Давидович тем времен произнес краткую речь, пообещав вскоре перевести и представить с комментариями полный текст полученных актов. Затем Милош отправился в церковь, где митрополит Антим совершил над ним таинство миропомазания (то же было сделано и с харванией как символом власти переданной султаном). Митрополит помимо обычных прочитал молитву, которая использовалась во время вступления в должность молдавских князей. При этом там, где речь заходила о Милоше и о его княжеском достоинстве, священник переходил с греческого на сербский. Какое-то влияние на выработку этого обряда могла оказать и русская церемониальная традиция. Во всяком случае, в распоряжении Милоша имелось описание церковной службы приуроченной к коронации Николая I.

Под звон колоколов и ружейную пальбу священники и миряне целовали полы харвинии, а затем провожали Милоша к его резиденции, где мастер с говорящим именем Йова Ковач вывесил изготовленный им из металла сербский герб — белый крест с четырьмя огнивами на красном поле.

На следующий день 1 декабря торжества были продолжены. После обещанного ранее чтения хатти-шерита и берата в переводе на сербский

inslav

язык слово от имени князя, который тем временем сидел в шатре на возвышенности облаченный в харвинию, взял Д. Давидович. Гаврилович приводит выдержку из того места этой речи, где говорилось о наследственном княжении[43]. Уже известные доводы в его пользу приобрели дополнительное обоснование: «...им привяжем князя теснее к народу; наследственный князь не будет только и глядеть, как бы обогатиться и с богатством в иностранные государства бежать, как это некоторые господари в других странах много раз делали, которые временными князьями были; наследственная княжеская фамилия не будет считать себя пришельцем, который сегодня — есть, а завтра — нет, как те князья, которые не наследственны;...». Мотив родной крови — Отца и Спасителя сербов — звучит здесь приглушенно, но получит отражение в развитии сценария торжеств. Однако близость правителя и народа подчеркивается настойчиво, как и выгода для всех от наследования власти семейством Обреновичей. Грубоватая прямота в изложении корыстных целей власть имущих и способах борьбы с этим злом — это ответ народной молве и зачинщикам «бун», которые на нее опирались в своей пропаганде. Теперь, после утверждения в наследстве, воровать не будут... или, во всяком случае, оставят награбленное богатство в стране — своим детям!

В заключительной части речи резюмировалось значение прочитанных документов: «Со вчерашнего дня мы становимся народом, который имеет свое собственное правительство, не по факту и опирающееся на силу, как до сих пор, а по закону. Со вчерашнего дня признает нас наш, всеми державами в качестве законного государя признанный, султан правительством; со вчерашнего дня не прочь и другие государства признать нас за таковое. Теперь мы уподобляемся венграм под Австрией и полякам под Россией. Они имеют свои права, мы имеем наши, и они и мы под другим владением [находимся]; но то, под которым мы стоим, не вмешивается в наши внутренние дела. Земли их, правда, имеют высокое имя королевств, но и имя княжества, которое нашему отечеству султан дал, не низкое». Таким образом, Сербское автономное княжество «наносилось» на политическую карту Европы. При этом, как видно из цитаты, термины «народ» и «правительство» (государство) использовались синонимически с заменой их на местоимение «мы» как пароль связи власти и общества. В результате понятие «народ» приобретало значение нации, т. е. политического народа.

Другой заботой оратора, после ориентировки княжества в пространстве, являлась ориентировка во времени, т. е. «нанесение» празднуемо-

[43] *Гавриловић М.* Ук. соч. Књ. III. С. 297–300.

inslav

го события на историческую шкалу: «Счастливый род, счастливая Сербия, — обращался Милош к народу устами Давидовича, его соавтора, — кто когда-либо надеялся, что сможешь ты до этой точки дойти?! Кто когда-либо мыслил, что Сербия на поле Косовом и в поздние времена, а именно при последнем поражении 1813 года, в рабство обращенная, когда-либо, повторяю, голову поднимет?! Теперь ее подняла! Радуйся тому и ты, святая земля отечества нашего, радуйся и ты, род, прелюбезный род мой!» Обретение узаконенной автономии (1830 г.) противопоставлялось двум датам (1389 и 1813 гг.), выбранным не случайно. Милош искупил трагедию утраты сербской государственности (Царства, согласно литературно-эпической легенде) на Косовом поле и поквитался со своим историческим соперником Карагеоргием, добившись того, чего тому не удалось.

Как всегда много места, наряду с благодарностями султану и русским императорам, в речи отведено заслугам самого Милоша Обреновича, исполнившего свой долг: «Я исполнил его как человек, как сын отечества, как любитель рода, как правитель ваш, — последовательно перечисляет он все ипостаси, выстраивая пирамиду, на вершине которой находится. — <...> Для меня всегда ваша польза с моей пользой не только нераздельна была, но я всегда вашу пользу моей предпочитал, о чем свидетельствуют дела мои, засвидетельствуют и те, с кем я трудился, чтобы вас до этой точки довести». Это уже излюбленный штамп, после которого должны следовать ответные слова благодарности в адрес князя. Но не только. Милош (с помощью Давидовича) фиксировал за собой верхнее место в социальной шкале, благодаря которому конструкция приобретала устойчивость, поскольку сверху вниз на всех и вся изливается поток благодеяний. Здесь, в триумфальной персоне нынешнего правителя, сходятся и оси пространственно-временной (политико-исторической) ориентации.

Какая же роль в этой системе отводилась рядовым сербам, тем, что находятся у основания пирамиды? Роль послушных статистов: «И сохраните их (приобретенные автономные права. — *М. Б.)*, — поучал оратор, — послушанием ко мне, к властям и старейшинам вашим, почитанием законов, которые в скором времени в судах наших будут заведены, защитят правого и строго накажут виноватого и бунтовщика, и, наконец, не ропщите и не бунтуйте против домородного своего правительства». Характер обещанных законов, по этому краткому упоминанию (о порядке их разработки и принятия не говорится и вовсе), можно все-таки оценить, и представить как улицу с односторонним движением: законы гарантируют власть князя и пресекут поползновения против нее. Такая институализация вполне устраивала Милоша. Об уважении законов самим правительством в данном случае говорить было бы нелепо.

inslav

Там, где не хватало разумных доводов, в дело вводились сильные переживания с открытым проявлением чувств. Милош сообщал через Давидовича: «...словами не могу выразить, пускай слезы будут вам залогом, слезы радости, которые мне теперь глаза наводняют». Конечно, собравшиеся на торжества находились в большом возбуждении. И сам Милош, по словам Гавриловича, «был сильно тронут». В письме депутатам в Стамбул, написанном по горячим следам, говорилось: «Думаю, нельзя было увидеть человека, который бы не плакал от радости». Нет оснований ему не верить. Всеобщий радостный плач, как момент единения правителя и народа, был вполне искренним, хотя и спровоцированным организаторами торжеств. Вообще высокая возбудимость и открытость в эмоциональной сфере как стандарт публичного поведения — характерная черта традиционного общества. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример плачущих баронов во главе с Карлом Великим из «Песни о Роланде»[44].

Если на скупщинах 1827 и января 1830 г. вовлечение статистов в политический спектакль осуществлялось с помощью эффектной интриги — симуляцией отставки и новых выборов, то на торжествах 30 ноября — 1 декабря 1830 г. то же самое достигалось внешними ухищрениями разного рода. Отсутствие политического церемониала заменил аляповатый, но яркий, скопированный из разных источников, церемониал праздника. При отсутствии развитых институтов и процедур — легитимирующей власть Милоша становилась идеология отцовства.

После речи, прочитанной Давидовичем, сам Милош, не удержавшись, еще раз как заповедь напомнил всем про «междоусобную любовь и согласие, и чтобы по всем церквям читалось благодарение этому счастливому событию». Наконец, шабацкий протоиерей Йован Павлович выступил с речью, в которой вновь превозносил заслуги Милоша перед народом и страной. В Архиве Сербии хранится текст обращения «от имени всего народа» с печатью Народного Суда и тремя датами: 30 ноября, 1 и 2 декабря 1830 г. [45]. Этот документ подвел итог состоявшегося государственного праздника, когда после стольких мучений «праотцов» сербы вернули себе «утраченные земские права и законы и наследственного правителя», «милостивого отца и щедрого избавителя рода и отечества». Большую часть текста составляет здравица Милошу, его храбрости, самопожерт-

[44] *Коломинский Я.* Алгоритмы общения // Популярная психология: Хрестоматия / Сост. В. В. Мироненко. М., 1990. С. 194.

[45] Архив Србије. ЗМП. No 2082. Л. 5–6.

inslav

вованию, трудолюбию, мудрости, родолюбию, а в конце — ставшая уже ритуальной клятва верности Милошу и его потомкам «из рода в род».

Повстанческая Сербия и, может быть, еще в большей степени Сербия эпохи Милоша Обреновича реализовала утопию Ж.-Ж. Руссо, мечтавшего о государстве, в котором отсутствуют сложные политические ухищрения (процедуры и институты). «Мир, единение, равенство — враги всяких политических ухищрений, — рассуждал он. — Людей прямых и простых трудно обмануть именно потому, что они просты; приманки, хитроумные предлоги не вводят их в заблуждение: они недостаточно тонки даже для того, чтобы быть одураченными. Когда видишь, как у счастливого в мире народа крестьяне, сойдясь под дубом, вершат дела Государства и при этом всегда поступают мудро, можно ли удержаться от презрения к ухищрениям других народов, что делают себя знаменитыми, несчастными и ничтожными с таким искусством и со столькими таинствами?"[46]. Как показал опыт, крестьянские собрания под дубом все-таки нельзя отождествить с государством, т. е. с системой власти и субъектом внутри- и внешнеполитических отношений. Они хороши для деревенского управления, а в масштабах страны превращаются всего лишь в демократическую декорацию, поскольку важно, кто подготовит встречу у бутафорского государственного дуба, кто на нее будет приглашен, и как реализованы принятые на ней решения.

[46] *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре // Трактаты. М. 1969. С. 228.

inslav

Чуркина И. В.

Образование партийно-политической системы в Словении (90-е гг. XIX в. — 1914 г.)

Словенские земли были периферией Австрийской империи и в экономическом и в социальном отношении. Словенцы жили, хотя и в одном государстве, но в разных провинциях, представлявших собою отдельные политико-административные единицы со своими сословными учреждениями, своей элитой. Они формировались на протяжении нескольких столетий, за это время внутри них сложились прочные экономические связи. Словенцы обитали в Крайне, Штирии и Каринтии. В Крайне они составляли большинство населения, в Штирии и Каринтии приблизительно одну треть. Они не ощущали себя единым народом. Вплоть до революции 1848 г. жители Каринтии и Штирии называли себя словенцами, а жители Крайны — краинцами. С раннего средневековья словенский народ формировался как народ с неполной социальной структурой — подавляющее большинство его составляли крестьяне и городские низы, а элита в словенских землях была инонациональной — немецкой и отчасти итальянской. Поэтому словенская интеллигенция вербовалась главным образом из духовенства, светских лиц среди нее были единицы. До революции 1848 г. словенское национальное движение не выходило за рамки просветительства и затрагивало очень ограниченное количество населения. Словенские будители никаких политических планов не разрабатывали, они ограничивались написанием книг хозяйственного и религиозно-нравоучительного содержания, распространением их среди народа, сбором фольклора. Их главной целью было поднять национальное самосознание народа. В 30-ые гг. XIX в. в словенских землях, прежде всего в Штирии и Каринтии, которым больше всего угрожала германизация, стали распространяться идеи иллиризма. Его сторонники полагали, что все южные славяне — словенцы, хорваты, сербы, болгары — являются единым народом иллирами, который имеет общее происхождение, общий язык и общую культуру.

inslav

В политическом отношении начало модернизации словенской общественной жизни можно отнести к революции 1848/49 гг. Именно тогда появилась первая политическая программа словенцев Объединенная Словения, которое подразумевала объединение всех словенских земель в единое административно-политическое целое в рамках Австрийской империи. В Объединенной Словении в учреждениях и школах должен был быть введен словенский язык. Несомненно, на форминование этой программы оказали большое влияние национальные движения: в немецких землях за объединение Германии, в ительянских — за объединение Италии.

Авторами программы Объединенной Словении являлись священник Матия Маяр, сторонник иллиризма, этнограф и лингвист, а также студенты-юристы члены общества Словения, объединявшего венских студентов, А. Глобочник и М. Семрайц. Почти одновременно ими и другими словенскими деятелями была выдвинута югославянская программа, согласно которой Словения должна была вместе с хорватскими и сербскими землями образовать особую политико-административную единицу в составе Габсбургской монархии. [1] Обе программы Объединенная Словения и югославянская — стали знаменем словенских политиков вплоть до окончания Второй мировой войны.

В 1848 г. не только появились первые словенские политические программы, но и наметился раскол в словенском национальном движении на либералов и консерваторов. Однако наступившая в 1849 г. реакция, получившая название «баховского абсолютизма» по имени австрийского премьер-министра А. Баха, затормозила этот процесс более чем на 10 лет. Словенские национальные деятели вынуждены были вернуться к культурно-просветительской деятельности. Она развивалась как будто в дореволюционном русле: как и в 30-40ые годы обсуждался вопрос о литературном языке для словенцев, при этом часть словенских патриотов ратовала за создание искусственного общеславянского языка. Это прежде всего Матия Маяр, оставшийся верным своей идее до конца жизни, а также каринтийцы А. Янежич и А. Эйншпиллер, издававшие частично на общеславянском языке в Целовце (нем. Клагенфурт) журнал «Словенска бчела» (апрель 1850 — июль 1853), и штириец Р. Разлаг, выпустивший в 1852 и 1853 гг. альманах «Зора», тоже на общеславянском языке. Интерес к общеславянскому языку не был случайным. За пропагандой общеславянского языка, казалось бы чисто литературным предприятием, ясно прослеживалась политическая тенденция. Так, Разлаг писал: «Мы должны трудиться, чтобы разные наречия и поднаречия слились в один единс-

[1] *Кирилина Л. А.* Словенцы и революция 1848-1849 гг. М. 2000. С. 33,34.

inslav

твенный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ, один за всех и все за одного»[2]. Однако уже к середине 50-ых гг. оба издания прекратили свое существование за отсутствием подписчиков, которые отказывались читать на непонятном языке.

В результате революции изменилось сознание словенских национальных деятелей. Раньше они безусловно были преданы Габсбургам, поддерживали их в 1848-1849 гг., надеясь, что монархи удовлетворят их национальные требования. Габсбурги их надежд не оправдали. Этот факт усилил у словенских политиков интерес к другим славянским народам, как к возможным союзникам в борьбе за национальные права, а также к России, единственной славянской стране, сохранившей свою независимость и ставшей великой державой. Учащаяся молодежь была настроена радикально. Студент Ф. Ериша в статье, помещенной в ноябре 1849 г. в газете «Словения», так характеризовал настроения словенских студентов: они мечтают о политическом объединении югославян, а затем о соединении всех славян под эгидой России.[3]

Политическая жизнь в словенских землях оживилась после поражения Австрии в войне с Италией в 1859 г. Венское правительство вынуждено было в октябре 1860 г. и в феврале 1861 г. издать диплом и патент, которые вводили в Габсбургской монархии некоторые конституционные нормы. Объявлялись свобода слова, собраний, обществ, предусматривалась местная автономия. Но автономия предоставлялась не отдельным народам, а исторически сложившимся административным единицам — землям (провинциям). Избирательные округа по выборам в представительные учреждения были устроены таким образом, что преимущество в них всегда обеспечивалось немецкому населению. Так, в Крайне немцы составляли всего 5% населения, а число их депутатов в провинциальном собрании никогда не было меньше 28%, в Штирии, где треть населения составляли словенцы, представительство последних в провинциальных органах никогда не превышало 13%.[4].

Но даже и весьма неполные конституционные права, введенные в габсбургских владениях, дали сильный толчок развитию словенской общественности. После выхода октябрьского диплома и февральского патента словенские национальные деятели вновь вернулись к лозунгам 1848 г.

---

[2] Slovenska bčela. Celovec. 1850. X. S. 126.

[3] *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. 1. Ljubljana. 1955. S. 235.

[4] *Melik V.* Volitve na Slovenskem (1861-1918). Ljubljana. 1965. S. 6

inslav

13 марта 1861 г. Маяр выступил со статьей, в которой писал об Объединенной Словении, братском союзе словенцев и хорватов и укреплении их взаимности со всеми славянами. Его поддержали многие словенские политики. Они представили главе австрийского правительства А. Шмерлингу петицию, которую подписали 20 тыс. человек. В ней указывалось на необходимость объединения всех словенских земель в единое политико-административное целое, введении там словенского языка в школы и учреждения. Осенью 1861 г. в единственной словенской газете «Кметийске ин рокоделске новице» (Сельско-хозяйственные и ремесленные новости) был поставлен вопрос о создании в пределах Габсбургской монархии югославянского объединения. [5]

Однако спустя некоторое время словенские политики, ориентируясь на программы других австрийских славян, выступавших с позиций исторического права, приняли Мариборскую программу (1865). Согласно ей вместо Объединенной Словении предполагалось возродить политико-административную единицу Внутренняя Австрия. Такое образование действительно существовало в 1564-1747 гг. Оно включало в свой состав провинции Штирию, Каринтию и Крайну. Мариборская программа была мертворожденным детищем, поскольку словенцы во Внутренней Австрии составляли 43% населения и, следовательно, словенский национальный вопрос не решался. Поэтому уже через несколько лет программа Объединенной Словении вновь стала знаменем словенских национальных деятелей.

В 60-ые гг. возникло множество различных национальных организаций словенцев. Огромную роль в развитии словенской культуры сыграли издательские учреждения Общество св. Могора (1851 г.) и Словенская Матица (1864 г.), печатавшие и распространявшие словенские книги. Общество св. Могора выпускало сочинения религиозного, поучительного и хозяйственного содержения, предназначавшиеся для широких слоев населения — крестьян, городской мелкой буржуазии, рабочих. Матица же стремилась удовлетворить потребности словенской интеллигенции и печатала научные труды, художественную литературу, учебники для средних словенских школ. Во многих городах и крупных селах появились читальни, отделения молодежного гимнастического общества Южный Сокол, в Любляне было основано Драматическое общество. Особенно широко были распространены читальни. По данным председателя Словенской Матицы Этбина Косты в конце 60-ых гг. их насчитывалось 58[6], большая

[5] *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. II. 1956. S. 56.

[6] *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М. 1978. С. 203.

inslav

часть из них действовала достаточно активно. Читальни не только представляли своим членам газеты и книги на словенском и других славянских языках, но и устраивали вечера, на которых читались лекции о культуре и политике, выступали самодеятельные артисты и хоры. Члены Южного Сокола нередко совершали походы в села, где проводили среди крестьян беседы на патриотические темы, пели словенские песни. Эти организации способствовали распространению словенской культуры и политического самосознания среди словенцев, мобилизовывали их на борьбу за национальные права.

Словенские национальные деятели стремились обеспечить права словенского языка, словенской культуры, выступали против германизации словенцев. Правда, методы различных течений словенского национального движения были разными. Консерваторы, во главе с Я. Блейвейсом не выходили за рамки легитимности, их преданность династии и власти была несомненной. Они получили название старословенцев. Молодое поколение, сформировавшееся уже после 1848 г., а также примкнувшие к ним либералы времен революции, образовали левое крыло в национальном движении — младословенцев, которое стремилось к модернизации и радикализации форм борьбы за права словенцев. Старословенцы и младословенцы входили обычно в одни и те же общества, где нередко спорили друг с другом, но главным для них являлись защита национальных прав словенцев и противостояние их германизации, поэтому окончательного разрыва между ними не происходило.

В 1866 г. в связи с поражением Австрии в войне с Пруссией, на повестку дня встал вопрос о переустройстве империи — на централистской, дуалистической или федералистской основе. В австрийских политических кругах развернулась дискуссия, в которой приняли участие и словенские политики. Большинство их выступило за федералистский принцип. В австрийской федерации на равноправной основе должна была существовать словенская административная единица, Объединенная Словения. К поддержке своей программы словенские национальные деятели привлекли крестьян и городское население. С августа 1868 г. по август 1871 г. им удалось провести 18 митингов (таборов), которые собирали по 5-6 тыс. человек. На них принимались решения о необходимости расширения прав словенского языка и создания Объединенной Словении. Инициаторами таборов являлись младословенцы, но в них приняли активное участие и сторонники Блейвейса. Представители обоих течений выступали на них с общими требованиями.

И старословенцы и младословенцы придерживались умеренных религиозных взглядов, атеистов среди них было немного. Но одновременно

inslav

с ними в словенских землях существовала группа фанатиков-католиков, которые объединялись около газеты «Згодня Даница». Они считали католическую веру главным признаком словенской нации и протестовали против всяких попыток вывести словенскую литературу за рамки аскетизма и морализма. Именно сторонники «Згодней Даницы» публично осуждали стихи лучших словенских поэтов того времени: Ф. Левстика (1854), С. Енко (1865), Й. Стритара (1869), С. Грегорчича (1869). Однако вплоть до конца 70-ых гг. клерикалы не имели широкой поддержки даже среди духовенства, значительная часть которого сочувствовала либеральным католикам. Газета старословенцев «Кметийске ин рокоделске новице» не раз выступала против их крайностей.

Положение в словенской общественной жизни стало меняться с конца 60-ых гг., когда в политические дискуссии на таборах были вовлечены широкие массы словенцев. В 1868 г. младословенцы организовали свою газету «Словенски народ», которая стала их рупором. Безусловная преданность Габсбургам и до тех пор не отличавшая их, после введения в Австрийской монархии дуализма стала для либералов не обязательной. А победа России в войне против Турции в 1878 г. и освобождение ею от османского ига балканских славян еще более укрепили надежды либералов в возможность помощи с ее стороны в достижении словенцами своих национальных целей.

Восстание славян на Балканах против турецкого гнета, русско-турецкая война 1877-1878 гг. способствовали объединению словенского общества. Все словенцы без исключения горячо сочувствовали повстанцам, сербам и русским. Они воспринимали их битву с турками как свое национальное дело. События на Балканах, отмечает словенский историк В. Мелик, стали для словенцев неотъемлемой частью их политической борьбы. Поскольку немецкая партия симпатизировала туркам, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение — также и словенским поражением». [7] При этом авторитет России поднялся не только среди словенской интеллигенции, но и у простого народа. Корреспондент из Краса писал о настроениях местных крестьян в «Словенски народ»: «Русский в глазах нашего крестьянина — храбрый силач, которого никто не может победить». [8] Правда, к середине 80-ых гг. русофильские симпатии в словенском обществе

[7] *Melik V.* Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja. // Zgodovinski časopis. 1968. N1-2. S. 272.

[8] Slovenski narod. 29. 3. 1878.

inslav

сильно поубавились не без стараний австрийского правительства. Только у части либералов они затем перешли в политические концепции.

Важным фактором, способствовавшим модернизации словенского общества, стал развернувшийся в начале 70-ых гг. в габсбургских владениях экономический кризис. Он был вызван развитием капиталистических отношений в деревне, конкуренцией на мировом рынке русского, американского и аргентинского хлеба, большими налогами на крестьян, упадком деревенских подсобных промыслов (ремесел, извоза) в связи с развитием фабричной промышленности и железнодорожного сообщения. Развитию кризиса способствовала и политика венского либерального правительства. В 1866 и 1868 гг. были отменены законы, ограничивавшие проценты по займам, разрешалось брать проценты с процентов. Уже в 70-ые гг. в Крайне проценты на ссуды достигали 250 в год. Положение словенских крестьян резко ухудшилось после того, как с конца 60-ых гг. началась череда неурожайных годов. В 1873 г. разразился кризис в сельском хозяйстве, повлекший за собою и общий экономический кризис.[9] Очень тяжело он протекал в словенских землях, где его сопровождала массовая пауперизация крестьян, с одной стороны, и выделение небольшой группы богачей — с другой. Разорившиеся крестьяне уходили на заработки в город, в Боснию, Хорватию, Россию. Многие навсегда покидали свою родину, отправлялись в Германию, Францию, но главным образом в Южную и Северную Америку. До начала стабилизации, т. е. до середины 90-ых гг. XIX в. из словенских земель эмигрировало около 100 тыс. человек. Эмиграция составила более половины естественного прироста населения. Кризис способствовал усилению классового размежевания словенского общества в селах и городах. Уже в 1870 г. в Любляне основалось Люблянское рабочее просветительское общество, объединявшее немецких и словенских рабочих и не имевшее национальной окраски. Попытка младословенцев взять его под свою опеку не увенчалась успехом.

Но кроме социально-экономических предпосылок модернизации словенского общества имелись и предпосылки политические. Помимо таких событий, как уже упомянутые введение дуализма в Габсбургской монархии и освобождение балканских славян от османского ига, следует отметить еще чрезвычайно важный момент. В последней четверти XIX в. — начале XX вв. усилилась германизация словенских земель. К этому времени значительная часть словенской промышленности находи-

[9] *Pančur A.* Oderuštvo na Slovenskem v drugi polovici 19 stoletja. // Zdodovinski časopis. 1999. N1. S. 39-41.

inslav

лась в руках немецкого капитала, например, Краинское промышленное общество, Трбовельское угольное общество. По подсчетам словенских историков Ф. Гестрина и В. Мелика соотношение между словенским и инонациональным (прежде всего немецким) капиталом в промышленности было как 1:10. [10]

Засилье немецкого капитала создало материальную основу для усиления германизаторского натиска в словенских землях. Целенаправленная германизация в словенских землях началась с 60-ых гг. XIX в.,когда к власти в Вене пришли немецкие либералы. В период их правления на германизацию словенцев была направлена жестская немецкая пропаганда. Немецкие либералы подчеркивали, что они выступают не против словенцев, но против клерикльной, феодальной, реакционной словенской партии за прогресс. Свою политику в словенских землях они представляли как борьбу за культуру, часть «Культуркампфа», провозглашенного ими в Цислейтании. Деятельность либералов по онемечиванию словенцев поддерживал весь чиновничьий аппарат.

Насколько успешной была политика либералов в словенских землях, показывает пример выборов в венский парламент в главной словенской провинции Крайне. Если в начале их правления во время выборов 1870 г. Крайна послала в Вену 5 словенских депутатов и 3 немецких, то в 1877 г. от немецкой партии в Вену поехали 7 депутатов, а от словенской всего один.

Положение изменилось с приходом к власти консервативного правительства Э. Таафе, возглавлявшего его в 1879-1893 гг. В борьбе против либералов он стремился заручиться поддержкой и национальных славянских партий Цислейтании. При Таафе во время выборов в венский парламент в 1883 г. были избраны 7 представителей словенской партии и один — немецкой. Такое положение не устраивало немцев. В 1896 г. они основали Немецкую народную партию, которая не скрывала своих националистических взглядов. Главными своими врагами она провозгласила черных (славянских клерикалов), красных (социал-демократов) и желтых (еврейских либералов). С середины 90-ых гг. в словенскких землях все немецкие огранизации: Немецкая народная партия, националистическая группа Шенерера, явившаяся предшественницей фашистов, аграрии, либералы — выступали против словенцев единым фронтом. [11] Они создали специальные общества для проведения германизации: Зюдмарк

[10] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana. 1966. S. 236.

[11] *Melik V.* Volitve na Slovenskem. S. 211-215.

inslav

и Шульферейн. Зюдмарк скупал земли разорившихся словенских крестьян и поселял на них немецких колонистов. Шульферейн проводил германизацию через учебные заведения, создавая немецкие детские учреждения (детские сады, школы), в которые охотно принимались словенские дети на льготных условиях. Многие немецкие предприниматели требовали от рабочих и служащих отказа от своей национальности. Особенно быстро шло онемечивание в пограничных районах Каринтии и Штирии. Так, в словенской части Каринтии по переписи 1880 г. словенцев имелось 102 тыс., а в 1910 г. их осталось 81 тыс. В словенской Штирии положение было лучше: в 1880 г. там насчитывалось словенцев 89%, а в 1910 г. — 84%.[12] В этих провинциях существовало и государственное давление на словенцев. Например, в Каринтии им было очень трудно попасть на государственную службу. Здесь на словенской и смешанной словенско-немецкой территории в 1913 г. в государственных и провинциальных учреждениях словенцы составляли всего 4,3% от общего числа служащих, а на железных дорогах только 3% работников являлись словенцами.[13]

Словенцы пытались противодействовать германизации. В 1886 г. они основали Кирилло-Мефодиевское общество, целью которого было создание словенских школ прежде всего на территориях, наиболее подвергавшихся опасности денационализации, а именно в Каринтии, Штирии и районе Триеста (в Триесте и его округе словенцам угрожала романизация). Общество успешно развивалось — к 1890 г. существовало 90 его отделений, из них — 11 в Каринтии. В 1907 г. Кирилло-Мефодиевское общество содержало за свой счет 15 детских садов, 5 школ. Особый успех оно имело в округе Триеста.[14] Германизаторский натиск ускорил процесс модернизации словенского общества.

Последняя четверть XIX в. в словенских землях ознаменовалась ростом влияния католической церкви. Это было связано с деятельностью выдающегося религиозного деятеля папы Льва XIII (1878-1903). В 50-70 гг. позиции папства очень ослабли. Папа выступил против объединения Италии, и после создания единого Итальянского государства у него была отнята власть над Папской областью. Предшественник Льва XIII папа Пий IX, пытаясь укрепить свой авторитет, добился принятия в

[12] *Melik V.* O razvoju slovenske nacionalno-politične zavesti 1861-1918. // Zgodovinski časopis. Ljubljana. 1970. N1-2. S. 45.

[13] *Графенауер Б.* Национальное положение в Каринтии. Любляна. 1946. С. 11.

[14] Известия С. Петербургского славянского благотворительного общества. 1890. №38. С. 689; 1909. №5. С. 707.

inslav

1870 г. догмата о непогрешимости папы. Но многие епископы, в том числе и в габсбургских владениях, его не поддержали. Лев XIII поставил перед собою цель укрепить положение католической церкви путем приспособления ее политики к новым условиям, ее активного вмешательства в светскую жизнь. Он издал ряд энциклик. Самая знаменитая из них «Rerum novarum»(1891) ознаменовала решительный поворот католической церкви к социальным проблемам. В ней папа осуждал новейшее рабство, созданное капитализмом, но одновременно выступал и против отмены частной собственности. Он указывал, что решить социальный вопрос можно лишь на основе христианства при тесном взаимодействии церкви, государства, работодателей и рабочих. [15]

Уже первые энциклики Льва XIII активизировали католическое движение в словенских землях. В него включалось все больше священников, стремившихся поднять значение католического христианства в глазах общества. Идеи католичества, не пользовавшиеся особым успехом у словенцев в 50-70-ые гг., к началу 90-ых гг. приобрели большое количество сторонников. Не случайно, поэтому, первой словенской партией в современном смысле этого слова стала Католическая национальная партия (с 1905 г. — Словенская народная партия), основанная в 1892 г. По своему составу она была неоднородной. В нее входили крайние реакционеры, возглавлявшиеся католическим фанатиком А. Махничем, и демократически настроенные христианские социалисты во главе с Янезом Креком. Католическая партия объединяла самые различные слои словенского общества от высшего духовенства до рабочих, но основную ее массу составляло крестьянство.

Либералы создали свою партию через два года после католиков — в 1894 г. Она получила название Национально-прогрессивной. Возглавили ее И. Хрибар и И. Тавчар. Либералов в городах поддерживала либеральная интеллигенция, буржуазные слои населения, в деревне — зажиточные крестьяне, учителя. Эта партия явилась наследницей младословенского течения.

Наконец в 1896 г. была основана Югославянская социал-демократическая партия. Она стремилась объединить в своих рядах всех югославянских социал-демократов, но в ее состав вошли только словенские и хорватские рабочие Крайны, Триеста, Истрии, Далмации и Цельского округа Штирии.

---

[15] *Pirc J.* Utopija »nove krščanske družbe« //Cerkev, kultura in politika. 1890-1941. Ljubljana. 1993. S. 109,110.

inslav

Таким образом, в 90-ых гг. XIX в. в словенских землях образовалось три политических партии, которые отражали интересы основных классов буржуазного общества, оформившихся к тому времени. И политика этих партий соответствовала интересам указанных классов.

Католическая партия сразу приобрела большую популярность среди самого многочисленного класса словенского общества — крестьян. Этого она достигла благодаря деятельности христианских социалистов, возглавленных Янезом Креком. Они выдвинули социальную программу, отвечавшую интересам не только крестьян, но и рабочих. Она предусматривала отмену долгов, ограничение процентов при займе, создание ссудно-сберегательных и закупочно-сбытовых кооперативов, повышение заработной платы рабочим, сокращение рабочего дня и т. д. Эти требования не только провозглашались, но и проводились в жизнь. Особенно много сделали сторонники Крека для создания кооперативов, которые защищали беднейшие слои населения от нещадной эксплуатации ростовщиков. К началу Первой мировой войны ими было организовано до 800 коопертивов-задруг, объединявших мелких собственников.[16] Крек выступал и за всеобщее избирательное право. Стоявший в начале XX в. во главе Католической партии И. Шуштершич, хотя и являлся консерватором, социальную деятельность христианских социалистов все же поддерживал.

Либеральная партия не имела столь четкой социальной программы, как Католическая. Официально она приветствовала создание кредитных и хозяйственных кооперативов. Однако под напором своих сторонников из среды зажиточных крестьян она не раз отступала от этой линии. Так в конце XIX в. орган либералов «Словенски народ» начал настоящую кампанию против кооперативного движения, а их лидер И. Тавчар даже призвал провинциальные власти Крайны запретить его. Такая политика привела к потере либералами сторонников среди крестьян. Так во время первых всеобщих выборов в 1908 г. в главной словенской провинции Крайна либералы получили всего 12 мест в провинциальном собрании, в то время как клерикалы — 26. Неуспехи словенских либералов объяснялись не только недостатками ее социальной программы, но и тем, что словенская буржуазия, интересы которой они представляли, была очень слабой.

Значительно меньшее влияние в словенских землях имела социал-демократическая партия. Она выступала за создание общества, «в котором не будет ни богачей, ни бедняков, где никто не сможет эксплуатировать

[16] *Potočnik V.* Krek in socialna misel pri slovenskih katoličanah. // Cerkev...S. 82.

inslav

своего ближнего».[17] На Первом съезде Югославянской социал-демократической партии (ЮСДП) в 1896 г. была признана официальная программа австрийских социал-демократов — Гайнфельдская программа. Социал-демократы активно действовали в промышленных центрах, где организовывали забастовки, манифестации (Трбовлье, Храстник и др.).

Политические программы словенских партий были достачно схожи. Все они боролись за права словенского языка и культуры, против германизации. Однако культуру либералы и католики понимали по-разному.

Идеологом католиков в этом отношении являлся профессор Горицкой семинарии Антон Махнич. В 1897-1920 гг. он был Кршским епископом. Свою культурную деятельность он начал с наступления на словенскую литературу, на таких ее замечательных писателей и поэтов, как Й. Стритар, Я. Трдина, Ф. Левстик, Й. Юрчич, И. Тавчар, А. Ашкерц. «Истинный словенский художник лишь тот, — писал Махнич, — кто несет словенцам сверхестественную христианскую красоту ...Кто скрывает христианские истины, тот враг христианства и предатель словенского народа». О великом поэте Прешерне он писал, что поэт «преподносит нам яд грешной страсти в золотом, искусно сделанном сосуде».[18] Либералы же выступали за свободу творчества и решительно боролись против тех, кто пытался его ограничивать.

И католики и либералы стремились к созданию автономии словенских земель в пределах Австро-Венгрии. Многие политические события они оценивали одинаково. Так и те и другие приветствовали аннексию Боснии и Герцеговины Веной, сочувствовали Ильинденскому восстанию в Македонии, радовались свержению Александра Обреновича в Сербии. И те и другие считали, что словенцы должны опираться на славянскую взаимность. Однако клерикалы подчеркивали, что рамки этой взаимности должны ограничиваться только теми славянами, которые исповедуют католичество.[19]. В 1898 г. в Трсате они вступили в союз с хорватскими правашами. В соглашении указывалось, что их сотрудничество базируется на трех китах: христианство, хорватское государственное право, которое включает в себя и программу Объединенной Словении, и создание экономических организаций для народа.[20]. Таким образом, уже в 1898 г. наметились основные контуры югославянской программы клерикалов,

[17] Rdeči prapor. Trst. 1898. 5. VI.

[18] *Paternu B.* Cerkev in poezija. // Vloga cerkve v slovenskem kulturnem razvoju 19. stoletja. Ljubljana. 1989. S. 147.

[19] *Gontar Godina I.* Neoslavizm in slovenci. Ljubljana. 1994. S. 143-146.

[20] *Чуркина И. В.* Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны. // На путях к Югославии: за и против. М. 1997. С. 272.

inslav

видевших своих главных союзников в хорватах. В дальнейшем эта программа югославизма превратилась в программу триализма. Так, приветствуя аннексию Боснии и Герцеговины, Шуштершич в венском парламенте потребовал объединения словенских и хорватских земель с новыми провинциями в единое политическое целое, которое бы получило равные права с Австрией и Венгрией. Об этом же говорил и Крек на краинском провинциальном собрании в январе 1909 г. Свой проект преобразования Австро-Венгрии на триалистической основе клерикалы представили 25 июля 1909 г. в меморандуме наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду. В нем говорилось, что государственной программой Словенской народной партии является триализм, который чрезвычайно важен не только для словенцев и южных славян, но и для династии. «Объединение южнославянских провинций и областей, — подчеркивалось в нем, — в третий государственно-правовой субъект в рамках монархии является необходимостью для династии, так как этим создается успешный противовес трем опаснейшим врагам династии — венгерскому шовинизму, итальянскому и сербскому иредентизму. Югославянское государство в рамках монархии, включающее Хорватию и Славонию, Боснию и Герцеговину, сербские земли Венгрии, словенские и хорватские провинции и области Цислейтании, а именно Далмацию, Приморье, Крайну, словенские части Штирии и Каринтии, поставило бы день ото дня возрастающие югославянские национальные стремления на службу международной политике династии». В меморандуме указывалось, что габсбургское югославянское государство стало бы привлекать к себе малые югославянские государства на Балканах.[21] Как можно видеть, в 1909 г. клерикалы допускали вхождение в югославянское объединение сербов, отойдя от первоначального чисто католического югославизма.

Клерикалы считали, что Австрию может спасти только верность католицизму. Наиболее их консервативная часть ненавидела сербов за их православие, но некоторые, например Я. Крек, полагали, что долг словенцев и хорватов привести православных славян назад к католичеству. Клерикалы стояли за решение национального вопроса только в рамках Габсбургской империи. Поэтому они боролись против всех, кто стремился к ее разрушению — против итальянских иредентистов, венгерских националистов, сторонников великосербской идеи. В 1912 г. клерикалы объединились в единую партию с правашами, сторонниками М. Старчевича. Ее председателями были избраны Шуштершич и Старчевич.

[21] *Grdina I.* Nekaj opazk o Šušteršičevi politiki pred in med prvo svetovno vojno. //Zgodovinski časopis. 1999. N3. S. 357.

inslav

В начале XX в. среди словенских клерикалов снова стали распространяться идеи о существовании единого словенско-хорватского народа, о необходимости словенцам принять в качестве литературного хорватский язык. Во время Балканских войн большинство клерикалов симпатизировало Сербии, но убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда всколыхнуло в их рядах антисербские настроения. Однако в период Первой мировой войны большинство членов Словенской народной партии стало проявлять сочувствие к России и сербам.

Либералы при всей своей легитимности все же не отличались безусловной верностью Габсбургам. Они поддерживали идеи триализма, но с самого начала обязательно включали в этот проект сербов. Идея славянской взаимности всегда была популярна у либеральной интеллигенции. Накануне Первой мировой войны многие из них увлекались новоиллирскими идеями, сторонники которых выступали за принятие хорватского языка словенцами в качестве литературного. Видным представителем новоиллиров являлся председатель Словенской Матицы Ф. Илешич. Как уже говорилось выше, эти идеи были популярны и у клерикалов, имели они сторонников и у социал-демократов.

Славянские связи либералов были значительно шире, чем у клерикалов. Они активно участвовали в неославистском движении, где сотрудничали с чехами и русскими. Неослависты призывали активно развивать экономические и культурные контакты между славянами, одной из главных их целей было содействие политическому сближению Австро-Венгрии с Россией и привлечение Австро-Венгрии к Антанте. Особенно горячим сторонником сотрудничества славян с Россией являлся многолетний глава Любляны (1896-1910), один из выдающихся либеральных лидеров Иван Хрибар. Он активно ратовал за экономическое сотрудничество славянских народов. Во время пребывания в 1908 г. в России на встречах с русскими неославистами он предлагал создать Славянский банк, который бы способствовал развитию торговли между славянскими землями и развитию в них промышленности, посылать в славянские земли Австрии молодых крестьян из России, чтобы они обучались там новейшим методам хозяйствования. В 1913 г. Хрибар снова приехал в Россию и оттуда отправился по поручению русских друзей в Белград и Софию, чтобы предотвратить Вторую Балканскую войну. Сделать ему это не удалось, но сам факт указывает на большое доверие, которое питали к нему его русские единомышленники.[22]

[22] *Hribar I.* Moji spomini. Zv. 2. Ljubljana. 1984. S. 23-25.

inslav

Однако в среде либералов имелись и более радикальные течения, которые не связывали свои политические планы исключительно с Габсбургской монархией. В 80-90 гг. XIX в. это были словенские русофилы, которые группировались вокруг газеты «Словански свет». Их глава Ф. Подгорник подписывался псевдонимом «Друг рабочих». В это понятие он включал наряду с работниками промышленных предприятий крестьян, мелких промышленников, ремесленников, поденщиков, поскольку все они страдают от крупного капитала.[23] Политическая программа русофилов подразумевала объединение всех славян под эгидой России, так как они были уверены, что создание малых славянских государств не спасет славянские народы от политической и культурной зависимости от более крупных и сильных народов. «Кроме русского народа, — писал «Словански свет», — ни один славянский народ в настоящее время не имеет необходимых условий для своего самостоятельного существования и необходимого культурного развития»[24] В начале XX в. движение русофилов угасло.

На смену ему пришли национальные либералы. Политика либеральных лидеров в социальных вопросах вызвала протест у либеральной молодежи. В 1902 г. общество словенских студентов в Вене Словения раскололось на либералов и национальных радикалов. Последние начали издавать свой журнал «Омладина». Новую организацию возглавили Т. Жерьяв и А. Равнихар. Национальные радикалы сочувствовали идеям Масарика. Им удалось провести несколько съездов — в 1905, 1907, 1909 и 1912 гг. Главными своими врагами они считали клерикалов. Пытаясь отвлечь от них крестьян, национальные радикалы стали создавать свои кооперативы, которые в 1907 г. объединились в Союз словенских задруг. Правда, по массовости либеральное коопертивное движение значительно уступало католическому. Практически все крестьянство шло за клерикалами до Второй мировой войны.

Национальные радикалы не оставили без внимания и нацинальный вопрос. Сначала они придерживались программы культурно-национальной автономии, но в 1912 г. провозгласили необходимость борьбы за Объединенную Словению. Их съезд в Любляне (1909) был посвящен югославянскому вопросу. В принятой резолюции национальные радикалы призвали словенскую молодежь укреплять межславянские связи с южнославянской молодежью в университетах Вены, Граца, Праги, Загреба, Белграда, Софии. Дальше стремлений к культурному единению южных славян они

[23] Slovanski svet. 1893. N21 (10. 9) S. 405.
[24] Slovanski svet. 1893. N9 (10. 5) S-161,162.

inslav

не шли. Национальные радикалы никогда и нигде не высказывались о том, что словенцы могут существовать вне пределов Габсбургской монархии. В 1912 г. они вновь объединились с либералами, от которых и раньше находились в финансовой и политической зависимости.[25]

Накануне Первой мировой войны среди либералов появилось новое левое течение — препородовцы. Общество Препород (возрождение) возникло в 1912 г. Его организовали словенские студенты и гимназисты. Они имели контакты с радикальными группами учащихся в Хорватии, Далмации, Боснии. Во главе препородовцев стояли Ф. Фабиянчич, Л. Клеменчич, А. Енко. Препородовцы были убеждены, что австрийское правительство ничего никогда не даст южным славянам, поэтому они должны создать свое государство вне Габсбургского государства и против него. Препородовцы считали югославян единым народом.[26]

Социал-демократы также имели свою государственную программу. Их лидер Э. Кристан в июне 1897 г. выступил на VI конгрессе Социал-демократической партии Австрии (СДПА) с предложением ввести в программу партии принципы культурно-национальной автономии. Он подчеркивал, что ЮСДП стремится к культурному единению славян и выступает против государственно-правовых программ буржуазии. Кристан был уверен, что между самодержавием, конституционной монархией и республикой практически нет различия. Народы должны быть равноправны и свободно развивать свою культуру, в каком бы государстве они ни жили. Он полагал, что проведение в жизнь его идей приведет к исчезновению границ и государств. Программа культурно-национальной автономии Кристана отличалась от широко известной программы культурно-национальной автономии К. Реннера. Реннер полагал, что она должна укрепить австрийское государство и ее нужно проводить в жизнь только мирным путем. Кристан же был уверен, что она может быть воплощена вместе с решением социального вопроса и только через революцию путем уничтожения австрийского и других государств.[27] Программа Кристана не нашла поддержки у австрийских социал-демократов и была отвергнута на Брюннском конгрессе СДПА (Вена, 1901).

В 1905-1906 гг. ЮСДП превратилась в массовую партию. В ее рядах все больше распространялись идеи югославизма. В 1909 г. на Тивольской

---

[25] *Gontar Godina I.* Narodno-radikalno dijaštvo. // Zgodovinski časopis. 1982. N3. S. 219-229.

[26] *Gestrin F., Melik V.* Opt. cit. S. 324,325.

[27] *Чуркина И. В.* Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты. // Вопросы истории. №4-5. 1999. С. 75-79.

inslav

конференции Кристан поднял вопрос об объединении южных славян в единый народ. Он заявил, что югославянам грозит гибель, если они не консолидируются в единую нацию с единым языком и письменностью, которая будет насчитывать 15-16 млн. человек. На основании доклада Кристана была принята резолюция, гласившая, что югославяне Австро-Венгрии должны стремиться к национальному объединению, невзирая на различные диалекты, письменность, религии. В выступлениях на конференции представителей сербских социал-демократов Д. Туцовича, Ю. Деметровича высказывалась мысль о необходимости объединения не только югославян Австро-Венгрии, но и сербов и болгар, т. е. всех южных славян, независимо от разделяющих их государственных границ.[28] Не все словенские социал-демократы поддержали Тивольскую резолюцию. Против создания единого южнославянского народа выступал А. Препелух, указав, что словенцы не должны отказываться от программы Объединенной Словении. Х. Тума поднял вопрос о Балканской федерации, присоединившись к популярному в то время среди политиков лозунгу «Балканы — балканским народам!»

Наиболее радикально о национальной программе социал-демократического характера высказался знаменитый писатель И. Цанкар, которого называли словенским Горьким. Выступая в 1913 г. перед рабочими общества Взаимность, он призвал к созданию южнославянской республики, которая бы объединила словенцев, хорватов, сербов, болгар.[29]

Таким образом, во всех словенских партиях пользовались успехом самые разнообразные идеи югославизма: новоиллиризм, т. е. формирование единого народа из всех южных славян; триализм, создание югославянской политической единицы в пределах Австро-Венгрии, и даже основание самостоятельного югославянского государства. Вопрос об учреждении последнего стали поднимать только накануне Первой мировой войной наиболее радикальные элементы из либералов и социал-демократов. Социальные программы словенских партий существенно отличались друг от друга. Вместе с тем их политические программы мало рознились друг от друга, являясь вариантами того или иного вида югославизма. Первая мировая война еще более нивелировала различия между программами государственного югославизма либералов и клерикалов, заставила словенских социал-демократов отбросить программу культурно-национальной автономии и перейти к борьбе за независимую Югославию. Этому способствовало поражение Австро-Венгрии и ее союзников.

[28] Zgodovinski arhiv KPJ. T. V. S. 192-201.

[29] Gestrin F., Melik V. Opt. cit. S. 323.

inslav

Ю. В. Иванова

Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX — начале XX века: принципы Национального Возрождения и традиционное общественное мышление

Идея провозглашения самостоятельного албанского государства возникла в последние десятилетия XIX в. и воплотилась в жизнь в 1912 г. История формирования, развития и реализации самой этой идеи может быть рассмотрена с трех позиций. Во-первых, — это отношение к проблеме представителей европейских держав, которые считали своей прерогативой политическое урегулирование в Юго-Восточной Европе. Во-вторых, — деятельность руководителей албанского национально-освободительного движения, которое было по существу одной из составляющих широкого движения, получившего в исторической науке название Национального Возрождения балканских народов. Наконец, в-третьих, необходимо выяснить как осознавалась эта проблема в гуще самого народа, судьбы которого решались на тайных переговорах политиков, на полях сражений и на страницах мирных договоров, подписываемых дипломатами.

1

Во второй половине XIX в. в период борьбы — в первую очередь дипломатической — вокруг событий на Балканах в связи с очевидным ослаблением Османской империи и подъемом освободительных движений балканских народов у всех на устах были слова о балканских славянах — подданных султана. В дипломатических документах накануне Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, во время военных действий и на завершивших войну конференциях в Сан-Стефано и в Берлине говорилось только о судьбах балканских славян. Например, в ходе беседы российского императора Александра II с английским послом в 1876 г. в Ливадии речь шла о созыве международной конференции для урегулирования проблем, возникавших в связи с восстаниями славян в Европейской Турции. Во время

inslav

самой русско-турецкой войны и на завершавших ее конференциях английская политика того времени, руководимая Бенджамином Дизраели, была направлена на сохранение целостности Османской империи, она преследовала свои интересы — не допустить усиления России на Балканах. Так как Российская империя выдвигала на первый план озабоченность судьбами православного населения, под которым подразумевались в те времена только славяне, то и в английских документах значились именно они. За умолчанием о неславянском населении Балкан отнюдь не стояла только недостаточная осведомленность дипломатов[1]. Скорее можно предположить, что неславянские народы не вписывались в тогдашнюю политику России и Англии.

Другие европейские державы делали иные ставки. Франция, а особенно Италия, соперничая с Австро-Венгрией за влияние на Балканах, принимали во внимание те события — нешуточного масштаба, — которые разворачивались на землях Европейской Турции, населенных преимущественно албанцами. В инструкции Российского МИДа, направленной в середине XIX в. своему дипломатическому представителю в г. Скутари (Шкодре), значилось: большинство населения Северной Албании — католики, находятся под влиянием Австрии и Франции. И далее: «В покровительстве, оказываемом ныне турецким христианам западными державами, скрывается, кроме религиозных целей, стремление к политическому преобладанию, направленное особенно против России»[2].

В 1876 г. албанцы отказывались от набора в турецкую армию, воевавшую в то время с Черногорией. В горной области Мирдита, жители которой вооруженной силой никогда до тех пор не пропускали в свои пределы турецких солдат и жандармов, повстанцы объединялись вокруг правителя этой области Пренка Биб Доды. К ним присоединялись горцы из областей (по албански «краин») Дукагина, Кмелы, Люры, Лежи. Возник план выступления совместно с черногорцами. Это народное движение поддерживали представители Франции, а особенно Италии[3]. Российский консул в г. Призрене И. Ястребов сообщал, что о создании особого

[1] В России были известны сообщения Е. Ковалевского, совершившего несколько поездок по Черногории, публикации П. А. Ровинского, проведшего в Черногории 27 лет, донесения российских дипломатов, работавших в разных пунктах Османской империи, в материалах которых содержится подробное описание соседей славян — албанцев и других. . См.: *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. СПб.,1888; Т. II. СПб.,1915; *Ковалевский Е. П.* Черногория и славянские земли. СПб., 1872.

[2] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Главный архив V-А2 . Оп. 181. Д. 865. Л. 32 об. — 33.

[3] Там же. Д. 674. Л. 3 об.; Д. 865. Л. 32 об. — 34.

inslav

албанского княжества «мечтает» крайняя итальянская партия, в то время как умеренные хотят только конкурировать с Австрией на Адриатическом побережье — от Дульцино до Греции. Дипломат полагал, что для России создание албанского княжества невыгодно: это противоречило бы основной линии России на Балканах — «способствовать славянским государствам округлять свои владения»[4].

Власти Греции тоже пытались извлечь выгоду из антитурецких движений: в июле 1877 г., когда исход русско-турецкой войны был неясен, состоялись тайные переговоры между представителем Греции Э. Мавроматисом и одним из видных деятелей албанского движения Возрождения Аблюлем Фрашери. Предметом переговоров была возможность создания самостоятельного албанского государства. Греческая сторона предполагала видеть во главе независимого княжества греческого принца, претендуя при этом на включение в его границы обширной албанской территории вплоть до реки Семени, которую считала частью Эпира (области смешанного расселения греков и албанцев). Естественно, такой план был неприемлем для албанской стороны. Надо заметить, что и ныне греческая статистика зачисляет в разряд этнических греков албанцев православного вероисповедания, так что эти показания оказываются далеки от истины.

Сан-Стефанский мирный договор 1878 г. предполагал расчленение албанской этнической территории: в границы Большой Болгарии предлагалось включить юго-восточные пределы албанских земель, в том числе г. Корчу — крупный торгово-ремесленный и культурный центр, населенный православными албанцами. На севере районы со смешанным албано-славянским населением должны были отойти к Сербии и Черногории.

При наметках будущих границ возникало много сложностей, прежде всего — из-за претензий вновь образуемых государственных единиц на определенные территории, по той или иной причине казавшиеся им «своими», «необходимыми». Но были и объективные трудности, они вытекали из смешанного расселения здесь людей различной этнической принадлежности. Представители великих держав брали на себя решение судеб балканских жителей, исходя из своих интересов и своих видов на этнографическую карту того времени.

Ясного представления об этнической принадлежности той или иной группы жителей не было в ту эпоху. В османское время, то есть на протяжении почти пяти веков, правовое положение индивида определялось его конфессиональной принадлежностью — «турками» называли всех мусульман, за этим названием стояло многое: право землевладения, службы

[4] Там же. Д. 674. Л. 8 об. – 9 об.

inslav

в армии (другие должны были платить особый налог), занятия определенными видами ремесла и торговли, возможность исполнять некоторые должности в управленческом аппарате и многое другое. Многие представители балканских народов принимали ислам под давлением этих порядков, стремясь избежать особенно тягостных налогов и т. п. [5]. Феодальные владетели сохраняли таким путем свои земельные владения и свои привилегии, вливаясь в слой османской верхушки[6].

«Греками» называли православных, кроме собственно греков к ним могли причислять албанцев, валахов, македонцев и болгар, живших смешанно. «Латинами» именовали католиков.

Пути формирования смешанного населения на спорных территориях были различны. На северном албано-славянском пограничье люди разной этнической и религиозной принадлежности состояли между собой в разнообразных давно установившихся взаимосвязях. Эта особенность вытекала из жизни в единой природной среде — на высокогорье, где вырабатывалось особое направление хозяйственной деятельности — отгонное скотоводство и связанные с ним устройство повседневного быта, общественные порядки, правовые нормы и даже психика людей. Складывалось албано-славянское двуязычие и на его основе — общие фольклорные сюжеты. Люди разного происхождения вступали в личностные связи — браки, кумовство, побратимство[7]. Недаром большой знаток этих мест австрийский консул в городе Скутари (Шкодре) Й. Ган особо подчеркивал сходство быта и жизненного склада албанцев и черногорцев: «Или албанцы — албанизированные иллирийцы, либо черногорцы — славянизированные албанцы»[8]. Упомянутый русский консул И. Ястребов, хорошо изучивший обстановку, употреблял в своих донесениях выражения: «поарнаутившиеся сербы и болгары»[9] («арнаутами» называли в те времена албанцев — от искаженного греческого наименования их «арванитес»).

В иных областях на западе Балканского полуострова албанцы и славяне тоже были связаны многими нитями: между ними шел торговый и меновой обмен продукцией сельского хозяйства, ремесел, строительного

---

[5] О переходе в мусульманство сербов сообщал российский консул в Призрене И. Ястребов (там же. Д. 675. Л. 33).

[6] Характерна судьба сына сербского феодала Лазара, который командовал объединенными силами балканских народов в битве против турок на Косовом поле в 1389 г. Уже через несколько лет он оказался в стане османов.

[7] *Иванова Ю. В.* Северная Албания в конце XIX – начале XX в. М., 1973.

[8] *J. Hahn.* Albanesische Studien. Jena, 1854. S. 89.

[9] АВПРИ. Ф. Гл. архив. V-А2. Оп. 181. Д. 672. Л. 11.

inslav

дела. Эти связи усиливали отхожие промыслы, различные виды временной или постоянной миграции, которые сопровождались или адаптаций переселенцев к новым условием, освоением языка принимающей среды, или полным включением индивида-мигранта в инородную группу (адопцией). Иными словами — имели место межгрупповые информационные связи различных категорий. Рознь на почве религиозных убеждений могла возникнуть в среде феодальной знати, чаще всего по причинам экономического характера и кланового противостояния. Подчеркивали свое превосходство местные чиновники (даже детей своих приучали бить крестьян просто за то, что они православные). Но среди трудового крестьянского населения царила взаимная терпимость, которую не раз с удивлением описывали иностранные наблюдатели.

Смешанное расселение неизбежно вовлекало людей в общие хозяйственно-культурные комплексы (или «типы», как принято называть их в этнографической литературе). В процессе их функционирования складывались и закреплялись связи, превращавшиеся с течением времени в традиции. Например, некоторые группы валахов, в силу ограниченных возможностей их традиционного кочевого скотоводства, расселялись в албанских городах, принимались за новые занятия, на первых порах еще связанные со скотоводством — изготовлением молочных продуктов, конской упряжи, обслуживанием торговых караванов. Постепенно они слились с албанцам, освоили их язык. Славянские группы, оказавшиеся в плотном албанском окружении, постепенно ассимилировались (такие процессы происходили, например, в местности Опар).

Смешанное расселение на албано-греческом пограничье имело иные причины: Али-паша Янина, правивший от имени султана Янинским пашалыком, включавшим Фесссалию, Эпир и часть Южной Албании (конец XVIII — начало XIX в.), поселял своих подданных по разным местам собственных владений, в одних случаях — чтобы сломить сопротивление жителей захваченных им силой областей, в других — в хозяйственных целях. Переселяя крестьян целыми деревнями, он действовал как типичный восточный деспот[10].

В литературе, а чаще всего в газетно-журнальной прессе, утверждается, что раздел между этносами определяется их религиозной принадлежностью. На самом деле это не так: в интересующую нас эпоху в толще народа царила отмеченная выше веротерпимость. Рознь подогревалась

[10] *Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XIX – начале XX в. М.,1963. С. 194, 197, 207, 222, 234, 253, 260 – 301 и др.

inslav

заинтересованными лицами — политиками, духовенством. Например, в окрестностях г. Призрена в последней четверти XIX в. католические и православные клирики вели между собою ожесточенную борьбу, каждая сторона старалась привлечь к себе побольше приверженцев из числа местного населения (как славянского, так и албанского). При этом православные церковники опирались на поддержку российских дипломатов, а католические — на местные турецкие власти[11]. Константинопольская патриархия стремилась подчинить своему влиянию болгарские, сербские и албанские епархии[12].

Для балканских жителей в ту эпоху неспокойного политического состояния, военных столкновений и активных миграций был характерен свободный и частый переход из одной конфессии в другую. Помимо отмеченного выше массового перехода в ислам крестьян, торговцев и землевладельцев (каждая из этих групп имела свои резоны) имело место обратное превращение — мусульман в христиан. Добившись формальной независимости от Османской империи в 1878 г., черногорцы изгнали со своих земель «потурченцев»; мусульмане славянского происхождения выселялись в Боснию, где таким образом мусульманский элемент усилился, а албанцы — в г. Шкодру. В том же 1878 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, тотчас же мусульмане славянского происхождения объявили себя христианами. Примеров свободного перехода от одной конфессии в другую можно привести немало[13], что еще раз подтверждает поверхностность тогдашней исламизации нетурецкого населения во-первых (албанцы и ныне отличаются значительной индифферентностью в вопросах религии), и постоянную связь церкви и политики, во-вторых.

Иначе складывается жизнь, когда в период политического напряжения и политизированной деятельности церкви конфессия становится эт-

---

[11] АВПРИ. Ф. Гл. архив. V-А2. Оп. 181. Д. 668. Л. 9.

[12] Там же. Д. 675. Л. 25, 25 об, 26; Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее — РО РНБ). Ф. 14 (Аксакова). Оп. 1. Д. 573. Л. 5 об. — 6 об. ; Ф. 356 (Е. П. Ковалевского). Д. 33. Л. 4, 4 об.

[13] В окрестностях Призрена православные просили прислать к ним священников для исполнения обрядов крещения и погребения. В противном случае грозились пригласить католических или даже мусульманских священнослужителей (сообщение русского консула в Призрене И. Ястребова в 1880 г. (АВПРИ. Ф. Гл. архив V-$А_2$ Оп. 181. Д. 675. Л. 26). О переходе из одной конфессии в другую по разным, порою даже случайным причинам см.: Там же. Д. 669. Л. 10, 12, 31об.; Д. 674. Л. 5; Д. 867. Л. 70 — 70 об.; Д. 868. Л. 20 об — 21. См. *Bartl P.* Die albanischen Muslime zur Zeit der nationalen. Unabhängigkeitsbewegung. Wiesbaden, 1968.

inslav

нической маркой, включается в набор отличительных признаков. Так произошло с албанцами в областях Косова и Метохия уже в рамках югославянского государства: в плотном окружении иноэтничной среды, в недрах которой культивировались антиалбанские настроения, религия, так же как и особенности бытовой культуры, стали объединительными факторами для этой группы и одновременно — разделительными по отношению к славянским жителям края[14]. Помаки (богары-мусульмане) в статистике современной Болгарии не отделяются от остальных соплеменников, а те, кто живут на северо-востоке Греции, не считают себя болгарами, для них важна не только религиозная принадлежность, но и общественный и семейный уклад, даже повседневная одежда. Дело в том, что официальная греческая статистика выделяет группу «мусульмане» (аналогично югославской), невзирая на то, что в нее включаются люди разного происхождения и языка — славяне, турки, цыгане и другие. Таким образом, политики используют религиозные верования в своих целях. Так было на протяжении всей европейской истории, начиная от времени раскола христианской церкви и кончая нашими днями.

Международные договоры 1878 г. обошли интересы албанского народа: он не только не получил независимости от Османской империи, но и должен был отдать вновь возникшему государству Черногории некоторые земли, заселенные албанцами. Этот факт послужил толчком к подъему национально-освободительного движения албанцев — одному из составляющих широкого движения балканских народов, известному под названием национального Возрождения.

В 1878 г. в г. Призрене собрались представители местных организаций — комитетов защиты прав албанцев — из разных мест области Косовы и провозгласили объединение, получившее название Албанской (или Призренской) лиги. Ее деятельность стала центральной частью всей эпохи албанского национального Возрождения.

2

Эпоха национального Возрождения в истории балканских народов, ознаменовавшаяся национально-патриотическими движениями народов, подвластных Османской и Австро-Венгерской империям, их стремлением завоевать независимость, достаточно подробно освещена в специальной литературе[15]. В данном случае важно отметить, что именно в это время, в

---

[14] *Иванова Ю. В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. No 128. М., 1999.

[15] *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса. М.,1965; *Лещиловская И. И.*

inslav

ходе событий, получивших в истории наименование Восточного кризиса 1875 — 1881 гг., выявилась во весь рост проблема возникновения самостоятельного албанского государства. Такого не было на всем протяжении многовековой истории албанцев.

Историю предков современных албанцев можно проследить по данным разных источников, начиная с конца I тыс. до н. э. В ту эпоху возникали политические образования иллирийских общностей, которые в исторической литературе именуются «племенами». В эпоху средневековья албанцы наряду с людьми славянского, восточнороманского и иного происхождения оказывались в составе разных государств — Рима (провинции Иллирик, Македония), Восточной Римской империи (Византии), Болгарского царства (IX — XI вв.), норманнских владений (XI в.), Анжуйского королевства (XIII в.), королевства серба Стефана Душана (XIV в.). С XIV в. известны феодальные государственные образования, именуемые в нашей литературе «княжествами», которые не только не объединяли албанцев средневековой эпохи (именовавшихся тогда *арбрэшами*, или *арбэрийцами*, или *арванитами*; это наименование осталось за албанцами, живущими ныне в Италии и в Греции), но и включали в свои границы людей иного этнического происхождения.

Турки-османы наступали на Балканский полуостров, начиная с XIV в., отхватывая часть за частью византийскую территорию, постепенно распространяя свое господство на обширные балканские земли. Их военные экспедиции начинались, как правило, весной; «присоединив» к своим владениям очередную территорию, обложив ее данью, посадив надзирателей за новым порядком и сборщиков налогов, турецкие военачальники уводили свои отряды. Из-за этого албанский народ не мог вести регулярное хозяйство и разорялся; недаром сложилась поговорка: «Когда уходят турки, приходит зима, когда уходит зима, приходят турки». Отпор могли дать только объединенные силы. Это понял мудрый политический деятель и талантливый полководец Георгий Кастриоти, вошедший в историю под именем Скандербега. В течение 25 лет (1443-1468 гг.), объединив силы нескольких феодальных владетелей, он отстаивал независи-

Иллиризм. М.,1968; *она же*. Роль народных масс в формировании наций в Центральной и Юго-Восточной Европе //Bulgarian historical review. Sofia,1985. № 2; *Иванова Ю. В.* Балканское крестьянство в антиосманских движениях XVIII – XIX веков // Balcanica posnaniensia. Poznan, 1989. S. 313 – 324; Historia e popullit shqiptar. Vol. II. Tiranë, 2002. F. 17-20; *Buda A.* Çështja lindore // Studime historike. Vol. 3. Tiranë, 2002. F. 334 – 359; Краткая история Албании. М.,1992. С. 147-235; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 25 – 33; Славянские матицы. М., 2004.

inslav

мость значительной части Средней Албании. Деятельность Скандербега может рассматриваться как первая в истории попытка создания албанского объединения с определенными чертами государственности.

После смерти Скандербега князьки разбежались по своим доменам и были один за другим покорены турками. «Албания» (в европейском произношении) или Арнавутлук (по-турецки) существовали лишь как географическое понятие.

В конце XIX в. впервые возникла идея объединения албанцев в самостоятельное государство.

В изучаемую эпоху на албанских землях господствовала многоукладность: частнособственнические земельные владения крупных собственников (чифлигаров), пользовавшихся трудом зависимых крестьян-арендаторов (чифчиев), церковная и монастырская собственность, мелкие земельные владения, общинные владения. Многие горные области оставались практически независимыми, их население не платило налогов, не пропускало в свои пределы турецких солдат и жандармов. В таких областях был введен принцип непрямого управления — через лиц, возглавлявших на основании традиционного обычного права родо-племенные и территориальные объединения[16]. В этих труднодоступных горных местах хозяйство было мелкотоварным со многими элементами натурального. На остальной албанской территории преобладало мелкое и крупное товарное хозяйство, складывался слой безземельных крестьян, работавших на землевладельцев при условии отработочной или все более распространявшейся денежной ренты (частично земля обрабатывалась, частично превращалась в пастбища для крупных стад, обеспечивавших товарное хозяйство). Возникла категория людей, продававших свою рабочую силу — сельскохозяйственные поденщики, подсобные рабочие на мелких производствах, грузчики в портах и т. п. Промышленное производство находилось в самом зачаточном состоянии. Преобладал торговый капитал.

Центрами экономической и культурной жизни были города: Шкодра, Призрен, Пейя, Гьякова (Джяковица), Тетово, Шкуп (Скопле), Эльбасан, Берат, Корча, Гьрокастра, приморские города-порты Дуррес, Влёра, Саранда, Парга. Торговые центры втягивали в обмен сельскохозяйственной и ремесленной продукцией жителей пригородных местностей, обеспечивали выход на внешние рынки. На внутренних базарах и ярмарках предлагались изделия домашнего ремесла — ковры разнообразных видов, ткани, одежда. Оружейное дело, весьма развитое в середине XIX в., шло на

[16] *Иванова Ю. В.* Северная Албания в XIX – начале XX в. Общественная жизнь. С. 97 – 123.

inslav

убыль, не выдерживая конкуренции с импортными изделиями. Вывозились зерно, шерсть, кожи, мед, воск, большое значение имела добыча и вывоз соли. Экспорт направлялся преимущественно в Италию, Турцию, Австрию. С постройкой железной дороги, проходившей через Македонию, расширились возможности экспорта, значение морской торговли уменьшилось[17].

Эпоха Восточного кризиса 1875 — 1881 гг. ознаменовалась острыми столкновениями политических, социальных и экономических интересов. На всем Балканском полуострове шел процесс вызревания начатков буржуазных отношений, социального расслоения внутри каждого этноса. Выявлялись позиции различных общественных групп. Правящая верхушка османского общества по происхождению своему была полиэтничной, в ее составе было немало албанцев-мусульман, поддерживавших власть султана. На противоположном полюсе оказались повстанцы, силой оружия добивавшиеся своих целей — иногда — социальной справедливости (в их субъективном понимании), порою — личного обогащения через разбойничество. Их именовали *юнаки, гайдуки, ускоки, четники, кочаники, цуби, клефты, поликары*. Разбойничество в истории европейских народов всегда возникало в период неустойчивого политического состояния[18]. Между этими крайними силами располагалось множество социальных групп, позиции которых в национально-освободительных движениях не всегда совпадали.

В начале XIX в. идеи Великой французской революции не обошли стороной Балканы. Определенные слои албанского, как и греческого, населения оказались под воздействием антимонархических демократических идей[19]. Однако в последней четверти века наиболее радикально настроенные патриоты, ратуя за создание независимого албанского государства, видели его — в соответствии с представлениями того времени — в качестве княжества, т. е. государства монархического типа. Более уме-

---

[17] *Prifti K.* Disa të dhëna për gjendjen ekonomiko-shoqërore të Shqipërisë në vitet 90 të shek. XIX // Studime historike (далее — St. hist.). 1983. No 2. F. 99 — 121; Shkodra Z. Esnafet shqiptare (shek. XV — XX). Tiranë,1973; *idem.* Çështje të tregut shqiptar gjatë Rilindjës Kombëtare// St. hist.. 1978. No 2.

[18] О разных видах разбойничества на Балканах многократно сообщали российские дипломаты и путешественники. См.:АВПРИ. Ф. Гл. архив. V-А2 Оп. 181. Д. 673. Л. 4 об., 14 об., 24, 24 об., 44 — 49, 50-51; Д. 674. Л. 7; Д. 675. Л. 19-21, 26 об., 37; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 34. Отд. II. Д. 248. Л. 3; РО РНБ. Ф. 356 (Е. П. Ковалевского). Д. 25. Л. 2 об.

[19] Краткая история Албании. С. 99; *Арш Г. Л.* Великая французская революция и Балканы (новые архивные данные) // Новая и новейшая история. 1989. No 5. С. 40 — 54.

inslav

ренные полагали достаточной автономию в рамках Османского государства. К этой последней группе следует отнести представителей медленно нарождавшегося слоя буржуазии, преимущественно торгово-ростовщической. Радикальные слои представляли в первую очередь интеллигенты-просветители.

Такова была обстановка в 1878 г., когда возникла Албанская (или Призренская) лига. За три года существования этого объединения (1878 — 1881 гг.) произошли столь важные события (не только для албанцев, но и для Европы в целом), что можно говорить об эпохе Лиги. Созданная первоначально с ведома стамбульского правительства для защиты небольших феодальных владений Плавы и Гусиньи от притязаний Черногории, которой эти места были предназначены постановлением Берлинского конгресса[20], Лига переросла во всеалбанское объединение, поставившее своей целью отделение албанских земель от Османской империи или по крайней мере административной самостоятельности в той или иной форме.

О составе Лиги, ее деяниях, о деятельности наиболее известных ее руководителей, о военном противоборстве с турецкими войсками, и, наконец, о причинах ее разгрома существует обширная литература на албанском, русском и других языках[21]. В данной работе нет необходимости повторять эти сведения: ее задача иная — проследить взаимоотношения теории и практики деятелей национального албанского Возрождения с одной стороны, и традиционные понятия и общественном мышлении их соотечественников в то время — с другой.

Выдающиеся деятели албанского просвещения, интеллигенты в полном смысле этого слова, имели сходные судьбы. Они, как правило, жили не в родных пенатах, а в крупных городах империи, владели помимо родного и государственного языков еще и европейскими, обладали вследствие этого широким кругозором.

Первым в этом ряду следует назвать Наума Векильхарджи, жившего в 1830-х — 1840-х гг. в Валахии, в Бухаресте, связанного с другими представителями балканской эмиграции. Он первым сформулировал

---

[20] Характерный пример конфессионального положения на Балканах: османский феодал Али-паша Гусынье, владелец этой местности, который, естественно, не хотел расставаться со своим достоянием, был сербом по национальности.

[21] Краткая история Албании. С. 163 — 222; *Желязкова А.* Албанските идентичности // Албания и албанските идентичности. София, 2000. С. 52 — 58; *Buda A.* Çështja shqiptare dhe marrëdhëniet ndërkombëtare në vitet 1878 — 81 // Buletin për shkencat shoqërore (далее — Bul. Shk. shoq.). 1962. No 4; *Pulo A.* Problemi shqiptar dhe Fuqitë e Mëdha në gjysmën e dytë të shekullit XIX — fillim të shekullit XX // St. hist. 1970. N 3. F. 127 — 140.

inslav

прин-ципы национального албанского Возрождения, за основу которого принимал просвещение. Он первым из албанских просветителей разработал специальный албанский алфавит, издавал на нем буквари, ратовал за основание албанских школ (его алфавит, трудный для практического использования, не получил применения в дальнейшем)[22]. Зеф Юбани, уроженец Шкодры, связанный с демократическими итальянскими кругами, историк, лингвист, фольклорист, пытался создать специальный албанский алфавит, боролся за учреждение светского образования (взамен монополии католического клира). Его современник, деятельный просветитель Константин Кристофориди, уроженец Эльбасана жил в эти годы в Стамбуле, также как и Исмаил Кемали, который происходил из знатного рода беев Влёры, и Пашко Васа — крупный чиновник султанского правительства и в то же время активный борец за албанское дело, автор книги «Правда об Албании и албанцах». К этой когорте принадлежали Ндуэ Бютючи из Косовы, католический священник Петер Зариши из Мирдиты, член францисканского ордена Леонард де-Мартино, происходивший из арбрешей Калабрии, его соотечественник Иероним де-Рада.

Заметными фигурами эпохи албанского национального Возрождения были братья Фрашери, уроженцы местечка Фрашери. Они происходили из состоятельной семьи, принадлежавшей к мусульманской секте бекташи, члены которой всегда отличались деятельным характером.

Шамседдин (в албанском варианте — Сами) Фрашери может считаться в равной степени деятелем и турецкой, и албанской культуры. Он составил большой толковый словарь турецкого языка, создал турецко-французский и франко-турецкий словари, шеститомную «Энциклопедию наук», имевшую историко-географическое направление, писал на турецком языке романы, повести, пьесы, переводил на турецкий произведения европейских авторов. В то же самое время С. Фрашери много сделал для развития албанской культуры: стамбульское «Общество албанской печати», президентом которого он был, задавалось целями просвещения албанцев. С этой же целью в другом крупном культурном центре того времени — Бухаресте выходили журналы на албанском языке «Дрита» («Свет») и «Дитурия» («Знание»), которые редактировал Сами Фрашери. Главная его книга — «Албания, какой она была, какая она есть, какой она будет» (1899 г.). Кроме того он разработал алфавит для албанского языка на латинской графике (1879 г.), создавал учебники по албанской

[22] *Арш Г. Л.* Новые данные о видном деятеле албанского национально-освободительного движения XIX в Науме Векильхарджи // Новая и новейшая история. 1974. No 6. С. 55 – 62.

inslav

грамматике. С. Фрашери опубликовал в стамбульской газете «Рупор Востока» первую в албанской истории программу политической автономии Албании, сформулированную радикальным крылом Албанской лиги.

Старший из братьев — Абдюль Фрашери, проявил себя крупным организатором албанского движения за независимость. Он возглавил комитет, созданный в Янине в 1877 г., в который вошли представители почти всех районов Южной Албании, в том же году он в числе немногих албанцев был избран в османский парламент. В столице империи под его председательством был создан Центральный комитет по защите прав албанского народа. Он разрабатывал программу дальнейшей деятельности Албанкой лиги, ратуя за создание независимого демократического албанского государства в противовес решениям Берлинского конгресса, обошедшего молчанием интересы албанцев. В 1879 г. Абдюль Фрашери вместе со своим соратником Мехметом Али Вриони совершил поездку по европейским столицам, отстаивая целостность албанских земель, доказывая европейским дипломатам несправедливость их решения передать Греции албанскую землю Чамерию, т. е. Южный Эпир, населенный албанцами-чамами. Миссия эта не имела конкретного успеха, но по крайней мере, способствовала разъяснению европейской общественности истинное положение вещей. Этой же цели служили публицистические статьи А. Фрашери в австрийской и французской печати.

Младший брат — Наим Фрашери — просветитель, поэт, автор романтической поэмы «Стада и пашни» и эпической поэмы «История Скандербега», писавший на албанском и греческом языках, был ярким представителем левого, наиболее радикального крыла национального албанского движения.

Этот далеко не полный перечень имен выдающихся албанских интеллигентов — просветителей объясняет главный нерв эпохи Возрождения: люди, происходившие из разных албанских краин, различавшиеся по социальному положению и вероисповеданию, служили одной идее — добиваться политической самостоятельности для своей Родины (в той форме, которая соответствовала их понятиям) и просвещения своего народа.

3

Деятельность Албанской (Призренской) лиги, несмотря на ее кратковременность, составила примечательную эпоху в истории албанского народа. Впервые объединились все патриотические силы: в составе ее руководства были приверженцы разных направлений — и радикального, и более умеренного (именно эти последние одержали верх). В повстанческом отрядах сражались выходцы из практически всех албанских областей,

inslav

они пользовались поддержкой широких слоев жителей городов и сел. Несогласованность действий руководителей, слабая материальная база повстанческого движения, отсутствие поддержки извне и прочие причины привели к военному разгрому лиги. Однако ее деятельность имела чрезвычайно важный для албанской истории результат — объединение албанского народа.

До того времени краины были в значительной степени изолированными в географическом, экономическом и идеологическом плане. Вилайеты Османского государства разделяли границы, таможенные барьеры, что мешало экономическому единению всей территории[23]. Между Северной Албанией, население которой говорило на гегийских говорах албанского языка, и южными землями с их тоскским диалектом существовала психологическая граница. Всесторонние информационные связи в Тоскерии и были более интенсивными, не случайно местные говоры слились в единый диалект. (Специалисты утверждают, что примерно до XVII в. близость локальных говоров была большей, но в связи с административной политикой Порты связи между отдельными группами единого народа ослабели[24]). В целом в стране превалировало областническое (или локальное) самосознание, особенно среди территориально-родовых групп в северном высокогорье. Это сказывалось и на военных действиях Албанской лиги и других повстанческих движений: зачастую случалось так, что изгнав турецкие отряды из своей местности, горцы расходились по домам, не поддерживая борьбу своих соседей.

Деятельность Албанской лиги переломила сепаратистские тенденции. Это была общенациональная организация (само ее название должно было напоминать о «Лиге князей», созданной Скандербегом для совместной обороны от завоевателей). Первый общеалбанский совет — *кувенд* — собрался 10 июня 1878 г. в г. Призрене. Согласно старинной народной традиции делегаты дали общую клятву — *бесу* — защищать землю своих предков, оставив в стороне принадлежность отдельных групп к разным религиям. Отмеченная выше веротерпимость, свойственная народному

[23] Большой знаток балканской жизни Е. П. Ковалевский доносил в Азиатский департамент российского МИДа о положении в Румелии: таможни губят хозяйство, они остаются в «...прежней своей силе, разрушающей самостоятельность торговли подданных Турции и угнетающей их промышленность и даже сельское хозяйство, не допуская свободного провоза ни на ярмарки, ни на рынки городов и местечек и обратно ни одного самого ничтожного произведения земли и труда» (РО РНБ. Ф. 356 (Е. П. Ковалевского). Д. Л. 37. Л. 5).

[24] *Десницкая А. В.* Албанский язык и его диалекты. Л., 1968; *она же.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

inslav

албанскому менталитету, проявилась в деятельности Лиги в полной мере. В последующем были и другие съезды, возникали известные споры и взаимное непонимание (что привело в конце концов к поражению Лиги), но объединительные идеи, заложенные Лигой, продолжали оказывать влияние на дальнейшую судьбу народа. Достаточно напомнить о Национальных конгрессах в Монастыре (1908 г.), в Дибре и Эльбасане (1909 г.), о последовавшем за ними восстании албанцев Косовского вилайета (1910 г.), которые были в прошлые времена опорой султанских сил. Наконец, общеалбанское освободительное восстание в апреле — августе 1912 г. завершилось провозглашением независимого албанского государства.

Вторым важнейшим делом просветителей стала организация школьного дела, составление учебников, внедрение единого алфавита (до того применялись латинский, греческий и арабский алфавиты, училища разных уровней работали на греческом, итальянском, турецком языках). Сами Фрашери утверждал: «Не может быть Албании без албанцев, не может быть албанца без албанского языка, не может быть албанского языка без албанской письменности, без школ, где обучают албанскому языку». Первая албанская школа открылась в г. Монастыр, затем в г. Корче (7 марта — день ее открытия в 1887 г. отмечается в современной Албании как праздник просвещения). В Эльбасане в 1897 г. вспыхнули «беспорядки»: жители закрыли базары и держали в осаде мютесарифа (османского чиновника). Оказалось, что восставшие требовали уменьшить налоги и ввести албанский язык в местных училищах[25]. Пусть грамотность в те годы была достоянием очень небольшого числа молодых людей, но самый этот факт служил к новой оценке человека как самостоятельной личности[26].

Идентичность (или самосознание) той или иной человеческой общности иерархична. Низшая ее единица — локальная. В Албании существовало два вида локальной идентичности. Первая — по признаку родства: *фис* (чаще всего переводится не точно как «род») соединял родственников по мужской линии, вторая — *краина* — небольшая область (речная долина, горная котловина и т. п.), обычно концентрировалась вокруг городского центра. Это последнее объединение — возможно, наследие средневеко-

[25] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1449. Л. 7 – 8 об.

[26] *Berisha Rr.* Jehona e Lidhjës shqiptare të Prizrenit në kengët historike // Gjurmime albanologjike. Folkloredhe etnografia. No VIII. Prishtinë,1974. F. 31–45; *Mile Z.* Rreth luftës për arësimin kombëtar në qarkun e Korçës në fund të sh. XIX–në fillim të shekullit tone // St. hist. 1969. No 2. F. 91–100; *Sokolova B.* Les institutions scolaires et culturelles nationales en Albanie et la formation de l'intelligentsia albanaise a l'époque de la Renaissance // Ètudes balkaniques. 1986. N 3. P. 38 – 61.

inslav

вой эпохи, территории небольших феодальных держаний. В изучаемую эпоху локальное сознание было весьма крепким.

Более высокая степень идентичности — этническая. Для Албании преодоление локального, тоесть местного сознания и сложение этнического — общеалбанского выражалось прежде всего в создании языковой идентичности, из которой напрямую вытекает сознание культурно-языковой, т. е. собственно этнической идентичности.

Эндоэтноним shiptar — самое выразительное подтверждение этого феномена: ship — «говорить ясно, понятно», следовательно шчиптар — человек, который говорит понятно, «по нашему», не чужеземец. Shqipëria — то пространство, где живут «наши» люди, говорящие на «нашем» языке. Этот терминологический ряд закреплялся в XVIII — XIX вв., сменив этнонимы, производные от корня arb/alb — Arbëria / Albania. Arbëreshi /açβav τεζ и т. п.

За этнической идентичностью следует государственно-политическая идентичность, что и означает гражданское сознание. В изучаемое время гражданская категория идентичности формировалась последней.

Для государственного строительства необходимо самосознание государствообразующего этноса. Очевидно, начало его формирования следует отнести к эпохе национального Возрождения: тогда уже укрепился общий эндоэтноним shqipëtar, было явно преодолено значение религиозных различий. «Вера албанцев — албанство!» — провозглашали деятели национального Возрождения, которые сами принадлежали к разным религиозным общинам, были уроженцами различных краин. Они призывали своих соотечественников — горцев, горожан, крестьян, аристократов — к взаимной терпимости. Культурно-просветительская деятельность способствовала формированию единства духовной жизни.

Складывался строй общенациональных символов: Скандербег — вот личность, в подражание которой следует действовать. Этническая символика приобрела мобилизующий характер: 28 ноября 1912 г., провозглашая возникновение самостоятельного албанского государства, Исмаил Кемаль в г. Влёре поднял знамя Скандербега — черный орел на красном фоне — то самое, которое в 1443 г. 28 ноября (день-в-день!) герой албанского народа поднял над своей родовой крепостью Круей. 1878 год — дата образования Лиги — значилась на знаменах, печатях и официальных документах тех патриотических организаций, которые возникали на рубеже веков уже после разгрома Лиги.

Для гражданского сознания важно само понятие личности. В традиционном албанском обществе преобладало групповое сознание: отдельный человек не выделялся из коллектива: оценивались честь, доблесть, ха-

inslav

рактер не данного человека, а семьи, рода; проступок одного ложился на весь коллектив — семейный, родовой, локальный, который должен был отвечать за него своим именем, имуществом, а порою и жизнью. На коллективной ответственности основывались институты кровной мести, гостеприимства, побратимства, строились брачные союзы. Не исключение группового сознания, а преодоление его доминирующего места в общественной жизни — такова была тенденция того момента.

Конечно, и при доминировании групповой ответственности в традиционном бществе выделялись из общей массы харизматические личности, которые могли подвигнуть своих соплеменников на неординарные мнения и поступки (запретительные параграфы обычного права красноречиво говорят об этом[27]). О значении для албанского общественного мнения поступков выдающихся личностей сообщали российские дипломаты[28]. Некоторые из таких людей могли возглавлять отряды повстанцев-разбойников[29]. Можно смело предположить, что они возглавляли отряды Албанской лиги. Позже — в середине XX в. подобные личности оказались во главе воинских соединений Национально-освободительной армии Албании, сражавшихся в ходе Второй мировой войны с итальянскими и немецкими оккупантами, а еще позже возглавляли устройство нового государства на социалистических принципах.

В деятельности Албанской лиги закладывались начатки органов государственного управления: были основаны албанские суды в противоположность турецким, действовавшие на основе обычного права с примесью законов шариата. Члены Лиги умели наводить порядок в повседневной жизни страны, пресекать разбойничество, которое широко распространялось по всей Европейской Турции. Так сложилось *двоевластие*: успех той или иной стороны зависел от местных условий и от личностных качеств руководителей. Выделение личности из общинной системы — это тоже одно из последствий деятельности Лиги. И успехи Лиги, и ее неудачи — следствие не только расстановки социальных сил, но в известной степени и поединок личностей. В конце концов, трагический период обустройства границ вновь провозглашенного албанского государства (1912 — 1913 гг.), завершившийся потерей территориальной целостности, насыщен столкновениями не только социальных сил и политических группировок, европейских и местных дипломатов, но и противостоянием отдельных личностей.

---

[27] Памятники обычного права албанцев османского времени. М., 1994.

[28] Например, И. Ястребов из Призрена. См.:АВПРИ. Гл. архив. V-$А_2$. Оп. 181. Д. 672. Л. 5, 15 об.; Д. 867. Л. 87 об.; Д. 868. Л. 31-31 об.

inslav

Осознание общности албанцев, их языка и культуры, проникшее в широкие народные массы — один из главных результатов деятельности Лиги, это сознание продолжало руководить патриотическими силами и в последующие годы. Равным образом продолжалась деятельность культурно-просветительских обществ.

К моменту возникновения самостоятельного албанского государства уже складывалось представление об общих (следовательно — национальных) культурных ценностях жителей Арбэрии / Шчипэрии. Изобразительное искусство, в том числе иконопись, архитектура, письменность живших на территории албанского государства греков, валахов, а также славян (как православных, так и католиков) вошли органически вместе с произведениями, созданными албанцами, в культурный фонд нового государства.

inslav

В. И. Косик

Размышления о судьбах Болгарии, Стефана Стамболова, государственности

По сути дела вся всемирная история человечества представляет собой постоянный взаимообратный процесс перехода от рабства к свободе, вбирающий в себя неисчислимое количество путей, фаз, элементов, превращений, характерных для каждого отдельного освобождения и закрепощения. Такая сентенция применима к любому народу на земле. Не является исключением и Болгария. Достаточно вспомнить турецкое иго, которое было сменено, по мнению некоторых болгар, русским владычеством, потом после войн и некоторого роздыха, предоставленного стране Европой, опять наступило время войн и очередного «закрепощения» Болгарии Россией, укрытой под четырехбуквенным обозначением СССР. Потом опять наступило время освобождения от «вечных братушек», страна которых была развалена. Сейчас Болгария встала на путь перехода в Европу. Какие плоды принесет это болгарам, не знаю, но одно очевидно: любое освобождение всегда связано с закрепощением, и приобретая свободу в одной сфере, теряешь ее в другой.

Однако я не хотел бы заниматься плетением словес.

Перейду ближе к теме. Все же за прошедшие века существования Болгарии в ее истории наблюдался упомянутый процесс, связанный напрямую с Россией — освободительницей и хозяйкой. Пожалуй, главным героем этого взаимообратного процесса был Стефан Стамболов, который был и болгарским Гладстоном и диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским. При этом, судя по многим документам, всюду он был искренен в своих действиях, всегда направленных на благо своего отечества.

А что же из себя представляло в последней трети девятнадцатого века его Болгария, строителем которой он был?

Это было небольшое княжество, на территории которого проживала небольшая часть болгарского народа, который разделили великие непра-

inslav

вославные державы в Берлине, не считавшие возможным закреплять позиции России в этом стратегическом регионе,-- на него зарились многие просвещенные европейцы. Однако предполагаемая дорога к освобождению и воссоединению со своими братьями была слишком длинна. И политические деятели в Софии здесь надеялись на Россию, на ее мощь, на способность, как это показала война 1877—1878 гг., решить за относительно короткий срок вопрос о воссоединении болгарского народа. При этом, надо думать, они рассчитывали на выгодность подобного предприятия для самой России с ее мечтой о Царьграде.

Был и еще один фактор, заставлявший стремиться к пересмотру положений Берлинского трактата. Это — получившая независимость Сербия — соперник Болгарии за македонские души, имевшая сильного покровителя — Вену. Эта страна мешала болгарским планам.

И еще один момент: само воссоединение могло совершиться только через войну, революцию, иначе говоря, только насильственным путем. Соответственно воссоединение не могло не увязываться болгарами с улучшением своего статуса, возможно даже с достижением суверенитета своей страны. При этом болгары, видя помощь России в создании болгарских вооруженных сил, в защите территорий Южной Болгарии от размещения на них турецких гарнизонов, не могли не полагаться на Россию.

«Проигранная война»1877—1878 гг. должна была раздразнить самолюбие «русского медведя» и заставить его продолжить приближение к Царьграду через объединение Болгарии военным путем.

Эти мысли обязательно должны были присутствовать в головах болгарских патриотов — консерваторов, либералов и прочих политических деятелей.

Само деятельное участие России в государствообразующей деятельности в Болгарском княжестве, ее помощь в военном деле в Южной Болгарии, русский ставленник на престоле, русский офицер на посту военного министра, русский генерал в кресле премьер-министра в 1882—1883 гг. — все это служило наглядным доказательством не только для болгар, но и для всех интересующихся международной политикой, что Россия рано или поздно, но «закроет» Восточный вопрос и объединит болгарский народ. Дело было только во времени.

Здесь Россия явно не спешила, дожидаясь удобного момента, когда в обширных все еще владениях Османской империи произойдет что-либо экстраординарное, например, мятеж в какой-либо ее части. В этой ситуации можно было «половить рыбку в мутной воде» и добиться раздела османских владений, отобрав у Стамбула Болгарию.

inslav

Если задаться постфакторным моделированием, то можно припомнить Критский вопрос, который мог послужить причиной для подобной «ловли». В конце концов, всегда можно было устроить какой-либо теракт, чтобы использовать его в своих геостратегических интересах. Медлительность России была вызвана, по крайней мере, еще двумя обстоятельствами.

Первое, Россия, не была тем государством, которое может решать вопросы войны и мира единолично, что показало время от Сан-Стефано до Берлина. Второе, первый болгарский князь Александр Баттенберг не оправдывал надежд, возлагавшихся на него Петербургом. И именно отсюда надо говорить о состоянии государственности.

Государственность — это власть, а таковой в Болгарии не было. Была страна Болгария, управление которой, но не власть, переходило из рук в руки, не всегда чистые. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать прессу того времени. Общественно-политическая жизнь Княжества была похожа на взбаламученное море, где можно было с успехом «половить рыбку» и для себя и для партии, число которых увеличивалось.

Добавлю, что и сам принцип монархической власти плохо приживался в стране после пятисот лет турецкого владычества, тем более что ее носитель не был болгарином. Владелец трона, но не страны был в сущности не «королем», а «пешкой» в политических играх русских и болгарских деятелей. При этом «неспособность» князя быть простым исполнителем воли Петербурга, а чаще всего следовать «советам-приказам» отдельных русских представителей, каждый из которых имел свое видение ситуации в стране, вела к его плохой «приживаемости» на троне и в конечном счете — удалению из страны.

Методом проб и ошибок страна все же накапливала опыт управления, но, пока, не власти. Свою роль играли здесь играли и такие факторы, как отсутствие опыта, традиций, кадров, но прежде всего — опекунство России. . Это парадоксально, но тем не менее так. Освободить «задунайскую» территорию было гораздо легче, положив свыше двухсот тысяч солдат, нежели неявно руководить в стране, где болгарский национализм требовал — «Болгарию для болгар». Россия же должна была выполнить одно: воплотить Сан-Стефано в жизнь.

И ей постарались помочь, устроив в 1885 г. революцию в Южной Болгарии и воссоединение с Северной Болгарией под главенством ненавистного царю Александра Баттенберга.

В сущности, новую ситуацию можно было сравнить с той, в которой оказалась Россия, подписавшая Сан-Стефанский договор. Теперь Болгария с князем оказались в положении стороны, вынужденной «исправ-

inslav

лять» ситуацию. Но история, если и повторяется, то вероятно, и в «кривом зеркале», что и произошло.

Правда, «исправлением» занялась Россия. Она разорвала отношения с Болгарией, правители которой оказались «неспособны» покориться. Стараниями России князь Александр был в 1887 г. вынужден «освободить» престол.

Об этом сюжете написано уже достаточно много, чтобы повторять сказанное. Могу лишь напомнить, что в Санкт-Петербурге после разрыва с Софией отношений в ноябре 1886 г. считали, что в той обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипломатии, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским.

Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит на первый взгляд, болгарам в этой сложнейшей ситуации помогал их вассальный статус. Они могли тянуть дипломатическую игру очень долго с помощью Европы, называвшей русского царя своим «страшилищем». Именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя Фердинанда из дома Кобургов. Католическая вера нового монарха не смущала цивилизованную Софию. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая вначале Петербургом фигура русского подданного князя Н. Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России.

Конечно, русская дипломатия стала прилагать все усилия, чтобы побудить Османскую империю к отказу от признания вассального ей князя. Однако Великая Порта заявила, что будет следовать в этом вопросе мнению великих держав. При этом она ссылалась на Берлинский трактат, где говорилось, что «князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портой с согласия держав». Таким образом, Россия оказывалась в плену положений Берлинского договора, за сохранение которых она же и выступала. Тем не менее Россия не собирала сь «оставлять» Болгарию католику.

Но там главную скрипку играл «болгарский Бисмарк», известный Стамболов, решивший побороться с Россией за «Болгарию для болгар» и разгромивший русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение о России. И его взгляд на Россию разделяли многие националисты, неприязнь, неверие которых к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована в следующих словах-объяснениях.

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.

2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.

inslav

3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.

4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?

5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?

6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?

7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.

8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.

9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Да, конечно, Стамболов и иже с ним в своей решимости спасти страну от слишком «навязчивой» России, и ратуя за «свободу от нее», в итоге превращались в «крепостников» независимости Болгарии, свирепо подавляя инакомыслие и русофильские настроения.

Болгария, Болгария и еще раз Болгарии, ее «спасение» от России — вот что ставилось во главу угла.

Но что было возможно в легенде о Давиде и Голиафе, не подтверждалось течением болгаро-русских отношений. **Надо думать, что сама государственность страны была не более чем фикцией при наличии прежнего статуса вассальности и непризнанном великими державами князе.**

Болгария стала государством для болгар, но для своих соседей и Европы она как бы не и существовала. Ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Помочь восстановлению Болгарии из государственного небытия, появлению ее на международной арене могла только Россия.

В этой ситуации, в стране, очевидно, были и те, кто, зная историю, предвидел конец диктатуры Стамболова, расценивая ее как необходимый, но преходящий этап по переходу власти в руки «доброго и справедливого» Фердинанда в отличие от «злого и несправедливого» Стамболова. Такой вариант проигрывался и самим болгарским диктатором, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии. Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что освобождение престола князем устроится без каких-либо действий с ее стороны. Действительно, София, оказавшись в изоляции, терпела неудачи одна за другой. Все это весьма ясно просматривается в сюжете, связанном с «обращением» Софией на свою сторону Турции, стращая ее объявлением своей независимости в случае

inslav

отказа в официальном признании князя Фердинанда. Авантюрный прием Болгарии был рассчитан на страх Стамбула перед политическими осложнениями, которые могли втянуть Турцию в войну. Расчет, казалось, оправдывал себя. Встревоженная Порта в 1889 г. провела ряд чрезвычайных совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию. Турецкое правительство с Абдул-Гамидом II предприняли ряд попыток склонить русскую дипломатию к совместному признанию законности пребывания князя Фердинанда на престоле. Султан, объясняя русскому послу в Стамбуле А. И. Нелидову всю вынужденность предполагавшегося шага, обусловливал его интересами европейского мира. Однако собеседник Абдул-Гамида II был непреклонен, заявляя, что угождая «честолюбцам », поставившим Фердинанда в Болгарию, султан забывает, что «Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции ». После столь недвусмысленной угрозы Нелидов теперь уже «по дружески» уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот, вызовет их рост: требование независимости, присоединение македонских земель, а также территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран. В конечном итоге, как заключал российский дипломат, эта уступка явится толчком к «окончательному разложению Турции». В сущности, время показывало правоту царского тезиса, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России.

Итак, освободитель Болгарии от России Стамболов оказывался ее «крепостником» вместе с Фердинандом. Даже отстранение от власти Стамболова весной 1894 г. Фердинандом не поколебало позицию русского царя. Хотя, устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем ». Князь сумел отлично сыграть финальную партию своей борьбы со Стамболовым. Достаточно вспомнить хотя бы сюжет с изменением вероисповедания его сына Бориса, рожденного в католическом браке с Марией-Луизой Пармской. Здесь Стамболов, проведя 28 мая 1893 г. через Великое Народное собрание, изменение конституции, которым разрешалось престолонаследнику принадлежать к неправославному вероисповеданию, рассчитывал укрепить католическую династию Кобургов в Болгарии и облегчить международное признание страны. Однако тем самым как писал П. Н. Милюков, Стамболов, сам того не желая, дал козырь для «будущей торговли с русскими дипломатами» и «ставил самого себя в положение единственного препятствия

inslav

на пути к примирению». Болгарский Бисмарк был отправлен «на отдых» с благодарственным рескриптом. Только урегулирование отношений с Россией давало Софии возможность узаконить династию Кобургов на болгарском престоле, облегчить вхождение в Европу и с новой силой заняться решением третьего этапа по воссозданию единства болгарского народа — македонским вопросом. Однако в болгарской столице не могли не понимать, что принесение Стамболова в жертву будет недостаточно и Россия продолжит методично настаивать на устранении Фердинанда. И тем не менее надежда оставалась уже в силу того, что сама отставка Стамболова давала повод для нового разбора болгарского вопроса в России и возможного изменения правительственного курса. В самой стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. Однако в МИД, судя по циркулярным материалам, считали отставку Стамболова лишь началом процесса по удалению князя.

20 октября 1894 г. Александр III скончался. В следующем году погиб Стамболов. 3 июля 1895 г. на него было совершено покушение тремя выходцами из Македонии, вооруженными отравленными ятаганами, мстившими за своих близких, пострадавшими во время правления Стамболова. В агонии умиравший сказал: «Это Кобург убил меня...». По мнению русского военного агента в Софии Г. Д. Романовского (донесение от 29 августа 1916 г.), а также позднейших исследователей, в убийстве был замешан Фердинанд. Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России. Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвига Станислава Хавьера (1894—1943), принца Саксен-Кобург Гота по православному обряду (крестным отцом Бориса стал русский царь). Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии и ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь Фердинанд в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза».

inslav

Однако эти высокопарные слова так и остались словами. Главное было в другом — Болгария вновь появилась на международной арене, чтобы с новой силой продолжать борьбу за воссоединение всех болгар.

А что же Стамболов? В чем была его роль? Чему он научил своих соотечественников? Была ли его деятельность напрасной жертвой или нет?

Судя по мемориальной табличке, укрепленной на месте покушения на Стамболова, не снимавшейся при всех властях, а также по памятнику, воздвигнутому в центре Софии, болгары чтут память своего государственного деятеля, посмевшего побороться с Россией.

Для многих из них фигура Стамболова есть олицетворение стремления своей страны к свободе и независимости, правда, добавлю, через насилие. И любовь к свободе Болгарии «воспитывалась» зачастую «палкой». Было ли это эффективным средством? Вероятно, нет. А может быть, да!

Тем не менее этот эпизод из истории строительства государственности Болгарии свидетельствует только об одном — для достижения своих целей возможны любые средства.

Таков тривиальный вывод из этой нетривиальной ситуации.

inslav

Р. П. Гришина

Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные

Постановка вопроса о государстве и его институтах в Болгарии после ее Освобождения в 1878 г. неотрывно связана с проблемами социальной организации болгарского населения в это время, его отношения к формирующимся государственным структурам, адаптации к новому строю.

Берлинский трактат 1878 г. стал для Болгарии поистине судьбоносным: я имею в виду не только признание факта Освобождения болгар из-под турецкого гнета (при сохранении однако вассальной зависимости от Турции); но и то обстоятельство, что берлинские статьи (при ссылке на еще более ранние постановления Парижского трактата 1856 г.[1]) ориентировали вновь образуемые на Балканах государства, в том числе Княжество Болгария, на устройство в них жизни — **«в смысле европейского строя»**, что предполагало установление на Балканах **конституционных монархий и парламентаризма.**

Часть современных исследователей считает нелишним подчеркнуть обоснованность такого подхода, ссылаясь на компаративизм процессов, свойственных всем европейским странам. В общем, широком плане или при беглом обзоре, это, пожалуй, верно. Но в нашем конкретном — балканском — случае мы вынуждены говорить не столько о естественном «самопроизрастании» здесь новых государственно-политических форм, сколько о **заимствовании** таковых, уже выработанных на Западе, и о попытках пересаживания их на гораздо менее приспособленную для этого балканскую почву. На наш взгляд, при отсутствии общей линии старта в разных частях Европы — среднеевропейской и балканской — ссылки на компаративизм европейских процессов могут способствовать лишь «спрямлению нестандартных углов» в истории «проблемных» стран, подгонке их к внушающему оптимизм стандарту и игнорированию их специ-

[1] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. 1952. С. 181.

inslav

фики. А ведь именно последняя оказывает иногда наибольшее влияние на вектор развития того или иного государства.

Население балканских стран не знало ни Реформации, ни Промышленной революции. Реализация рекомендации Берлинского конгресса об устройстве жизни «в смысле европейского строя» влекла за собой трудный для населения, резкий переход от традиционного типа правления, осуществлявшегося на основе повседневной практики, к рациональному, когда властные отношения должны были строиться на договоре (конституции), покоиться на законе. По мнению М. Вебера, такая форма правления «более уместна» в индустриальном обществе, до которого на Балканах было еще очень далеко[2]. Приходится только удивляться решительности российской дипломатии, не просто присоединившейся к революционным рекомендациям Берлинского конгресса, но игравшей инициативную роль в выработке их содержания, в том числе в разработке основных положений будущей болгарской конституции. Притом что сама Россия, будучи также в большой степени аграрным, хотя и куда более сильным государством, чем балканские, так и не рискнула в те годы встать на путь политической модернизации, а ее подобный опыт в начале XX века, включая реформы П. А. Столыпина, свидетельствовал о чрезвычайных трудностях, вставших перед реформаторами, в том числе в деле преодоления природной ментальности населения[3].

Этот пример лишь оттеняет и подчеркивает те препятствия, которые предстояло преодолеть балканским строителям новых политических и государственных структур, в деле освоения управленческого опыта, навыков гражданского поведения.

Устои нового государства — Княжества Болгария определялись введением **Конституции 1879 г.** как основного закона и таких новых органов **как парламент и институт монархии**. К конституции население привыкало постепенно. Поскольку Княжество Болгария сохраняло вассальную зависимость от султана, то и прежние шариатские нормы еще некоторое время сохраняли свое значение для болгар. Вместе с тем полученное Освобождение многие понимали в виде «полной свободы» без всяких ограничений. Современник — политический деятель консерва-

---

[2] *Дидерикс Г. А., Линдблюд И. Т. и др.* От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. Пер. с англ. М. 1998. С. 10.

[3] См., например, *Боханов А.* Император Александр III // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884—1894 годы. Авторы—составители А. Боханов и Ю. Кудрина. М., 2001. С. 30.

inslav

тивной партии К. Стоилов при открытии Народного собрания 21 октября 1879 г. записал в своем дневнике: «Люди не просто против личностей, но вообще **против всякой власти и всякого авторитета**, министров обливают презрением, никто их не слушает»[4].

Впрочем парламент как орган власти, где определенным составом людей обсуждаются и принимаются законы, был, вероятно, относительно понятен православному народу, уже имевшему определенный опыт соборного решения церковных вопросов. Так, еще в 1856 г., когда стоял вопрос о самостоятельности болгарской церкви, на собор в Цариграде приезжали делегаты из собственно болгарских общин. Также соборно в 1871 г. был принят в том же Цариграде экзархийский устав. На эти обстоятельства, справедливо, на мой взгляд, обращает внимание болгарский исследователь Пламен Цветков. Но вряд ли можно согласиться с его дальнейшими размышлениями и вытекающей из них оценкой церковных соборов как своеобразного предпарламента. К такому недостаточно обоснованному, на мой взгляд, выводу Цветкова подталкивает его повышенное патриотическое чувство и стремление, где только возможно подчеркнуть первенство болгар; в данном случае — в качестве «одного из немногих народов мира, созвавших свой парламент» еще до приобретения собственного государства[5]. Во всяком случае парламент, смысл которого — обсуждать и принимать законы о порядке в государстве, недаром получивший в болгарском княжестве название Народное собрание, не вызвал отрицательных эмоций среди населения, с течением времени был им принят и поддержан как орган государственной власти.

В последующие годы «настройке» регулярной работы Народного собрания уделялось специальное внимание, совершенствовались правила распорядка, регламент работы. Однако за 1887–1912 гг. из-за общей неустойчивости власти только три созыва парламента из 11 сумели целиком использовать свой мандат. Остальные вследствие краткосрочности пребывания правительств у руля государства, подлежали досрочному роспуску, за чем следовало проведение новых парламентских выборов[6]. Такой порядок являлся нарушением установленных правил, придавал преувеличенное значение фактору личности премьер-министра и его от-

---

[4] *Д-р Константин Стоилов.* Дневник. Ч. 1. Под научната редакция на проф. д-р Е. Стателова и проф. д-р Р. Попов. София. 1996. С. 40.

[5] *Цветков Пл.* Българският парламентаризъм като традиция и като начин на възпроизвеждане // Известия на българската орда. София. 2002. No 1 (63). С. 26.

[6] *Николова В.* Българският парламент и опитите за превръщането му в действен орган (1887–1912) // Исторически преглед. София. 1988. No 5. С. 5.

inslav

ношений с монархом (угодный или неугодный ему), а в конечном счете ставил исполнительную власть над законодательной, нарушая таким образом принятую иерархию структур.

Особо следует сказать о Тырновской конституции. В политических кругах она постепенно стала восприниматься в качестве своеобразного **фетиша, образа демократии**. За ее сохранение или восстановление всякий раз, когда случалась ее отмена или приостановление действия, шла серьезная политическая борьба — как за главный акт, свидетельствовавший о легитимности болгарского государства. Конечно, с течением времени Конституция подвергалась разного рода изменениям и дополнениям, но в целом именно Конституция стала для Болгарии, на мой взгляд, тем стержнем, ориентируясь на который, страна сумела устоять в сложнейших условиях внутри- и внешнеполитического существования. Под последними я имею в виду, во-первых, идеологию и практику болгарских как крайне левых, так и крайне правых **неконституционных, нелегитимных органов и организаци**. А во-вторых, особенно опасную для Болгарии игру **международных сил** вокруг нее: с точки зрения оказания поддержки модернизационным усилиям Болгарии на всем протяжении ее «буржуазного существования» влияние так называемого международного фактора — что западного, что восточного (российского) — следует оценить скорее как отрицательное, нежели положительное. Правда, этот вопрос до конца еще не прояснен и нуждается в специальном рассмотрении. Здесь лишь напомним о том, что «опора на помощь и поддержку наиболее развитых государств» является одним из непременных условий для успеха попыток модернизации[7]).

* * *

На рассмотрении **института монархии** в Болгарии остановлюсь подробнее.

Первое, что заставляет задуматься — вопрос о том, насколько органичным был этот институт в структуре государственно-политических форм Княжества Болгария. Часть авторов считает учреждение монархии в 1879 г. актом естественным для страны и, главное, связанным с исторической памятью народа, «накопленной» во времена существования средневековых Первого и Второго болгарских царств, так что Княжество Болгария становилось как бы Третьим. «Зачатки этого нового, третьего по счету государства болгар, — говорится в предисловии к сборнику ста-

[7] *Пантин В. И.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 96.

inslav

тей с актуализированным названием «Модерна България», — появились задолго до появления требования болгарского государства, сформулированного как политическая программа»[8]. Но посмотрим, как это было в действительности.

Прежде всего нелишне отметить, что в этот «подготовительный период» в размышлениях и спорах народных подвижников, пытавшихся организовать освободительную борьбу, — Г. Раковского, В. Левского, Хр. Ботева и других, в вопросе о будущем освобожденной Болгарии — станет она монархией или «святой и чистой республикой» — ясности не было. Ясность была привнесена сверху — решениями Берлинского конгресса.

Следом за этими решениями явился и первый болгарский князь (монарх) — 22-хлетний гессенский принц Александр Баттенберг, находившийся в родственной связи с английской королевской семьей и с российским императорском домом. Последнее обстоятельство выступало главным, так как именно Россия тем же Берлинским конгрессом наделялась правом помощи в первоначальной организации болгарского государства и, следовательно, имела большие возможности влиять на действия Александра. Да и просто хотела постоянно определять направление его политики.

Казалось, при распространенном тогда в Княжестве русофильстве (кстати, Баттенберг как офицер русской армии участвовал в Освободительной войне 1877–1878 гг.) учреждение института монархии и вокняжение прорусского ставленника не должно было вызвать осложнений. Но не случилось! К полному приятию конституционной монархии оказались не готовы обе стороны. Хотя новый владетель государства, как личность, не вызвал у местного населения отрицательных чувств, наоборот, молодой, красивый иностранный офицер был встречен любезно и с интересом, для народа оставалось непонятным — зачем он нужен болгарам, чем отличается от недавнего хозяина — султана, почему монарху надо подчиняться и т. п.

«Общество, — отмечает болгарский автор Й. Гешева, — оказалось не совсем подготовленным принять монархию с ее обязательными нормами, принципами и требованиями»[9]. В этом убедился и «консерватор» К. Стоилов — секретарь князя, совершивший с ним в конце сентября — начале октября 1879 г. ознакомительную поездку по части страны и сам поразив-

[8] *Баева И., Трифонов Ст.* Модерна България. Сборник исторически изследвания в чест на 65-годишнините на проф. д-р Величко Георгиев и акад. Илчо Димитров. София. 1999. С. 5.

[9] *Гешева Й.* Монархическата идея при управлението на княз Александър I. 1879–1886 // Исторически преглед. 2002. No 1-2. С. 27.

inslav

шийся наивности выходившего встречать высокопоставленных гостей народа. Стоилов отмечал в своем дневнике: я начинал скорбеть «и иногда даже отчаивался», видя «простоту и наивность этого доброго народа»[10].

Простые люди с трудом разбирались в хитросплетениях функций институтов власти — монарха, парламента, конституции, да еще правительства с его министрами. Стоилов писал, что «у народа нет своей программы», он не знает, для чего избирает депутатов; из обсуждающихся вопросов его интересует только закон об общинах и некоторые финансовые меры, «другим народ не озабочен»[11]. Очевидно, закон об общинах затрагивал крестьян непосредственно, поскольку касался прежнего главного способа организации их повседневной жизни и управления ею. Новые же органы власти — институт монархии и конституция — оставались, по мнению Й. Гешевой, «почти одинаково абстрактными понятиями». Абстракцией для простых людей были и параметры власти князя, ее божественное по православным понятиям происхождение, хотя в своих указах он писал о себе: князь «по божьей милости и по воле народа».

Что касается более или менее интеллигентной части населения Княжества, из которой в 1880–1890-е гг. формировалась болгарская политическая «страта», то «тоску» по монархии и осознанное желание служить ей испытывали, главным образом, «консерваторы». Между ними и «либералами», политически преобладавшими в то время, сразу же возникли разногласия по поводу самого института монархии и лично князя Александра Баттенберга. Предметом острого спора явился вопрос: что выше в государственной иерархии — монархический институт или конституция.

Спор носил как будто принципиальный характер. Консерваторы выступали за более сложное устройство государственных органов власти, настаивали на введении второй палаты парламента и некоторых цензов в избирательный закон. Главной их идеей было установление сильной власти монарха, расширение его прерогатив как «главного носителя интересов отечества», в том числе за счет ограничения прав Народного собрания.

Если консерваторы готовы были служить в первую очередь князю, а уж только затем конституции[12], то беспокойные либералы, еще не научившиеся отличать свободу от «свободии», никак не хотели признать первенствующую роль монарха в стране, и это свое неприятие не стеснялись демонстрировать открыто. Атмосферу недоброжелательства либералов по отношению к князю Александру отражают дневники К. Стоилова. 21 ок-

[10] *Д-р Константин Стоилов.* Указ. соч. С. 36.
[11] Там же. С. 54.
[12] *Гешева Й.* Указ. соч. С. 25.

inslav

тября 1879 г. при открытии сессии парламента он записал: «воодушевление в отношении князя было невелико; о нем вообще забыли, как, впрочем, и в период самой избирательной агитации — либералы просто не хотели знать его»; в предвыборных листовках лидеры либералов П. Каравелов и П. Славейков не удосужились хотя бы однажды упомянуть имя князя[13].

Борьба вокруг князя принимала малоприятные, **мелочные** формы. Консерваторы, стремясь поднять авторитет монарха и выступая с позиций защиты «княжеской прерогативы до мелких деталей», решили «повысить его ранг» и стали обращаться к нему со словами «Ваше Высочество» вместо предписанного Конституцией «Ваша Светлость», что дополнительно обостряло обстановку, поскольку «либералы» продолжали демонстративно употреблять более низкое звание. Все это доводило князя едва ли не до слез.

В Народном собрании, где большинство имели либералы, депутаты предлагали ограничить прерогативы князя. Обиды, личные и по принципиальным вопросам управления, шли с обеих сторон. Князь нервничал, он мучительно думал об отречении, «так как не видел возможности управлять такими элементами»[14]. Его не устраивало, пишет современник, что оппозиция идентифицировала державного главу с правительством, т. е. не признавала монарха представителем отдельного, самостоятельного института, не считала князя священной личностью.

Выход для себя Александр Баттенберг видел в отмене мешавшей ему конституции. Здесь, вероятно, следует обратить внимание на обстоятельство, связанное с «генетическим» неприятием князем Александром того рода конституционной монархии, которая утверждалась в Княжестве Болгария: в немецких землях предпочтительным при переходе от абсолютного режима к представительному был не отвоеванный народом статут, а октроированный, т. е. «дарованный монархом», — положение, при котором ограничение монарха в конституционном государстве становилось лишь его «самоограничением», — так что на деле монарх сохранял в государстве господствующее положение и именно ему продолжало подчиняться отправление всех существенных государственных функций. На эту правовую особенность, очевидно, воспитывавшую обитателей германских княжеских дворов в определенной ментальности, обратил внимание выдающийся российский правовед С. А. Алексеев[15].

---

[13] *Стоилов К.* Указ. соч. С. 40.

[14] Там же. С. 41.

[15] *Алексеев С. А.* Заслуженный профессор Университета. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. Ч.1. М., 1914. С. IV–V.

inslav

Но Александр Баттенберг был не только немецким принцем, а еще и ставленником российского императора и его племянником, и стало быть мог впитать в себя немало самодержавных замашек, свойственных двору русскому. В этой связи характерно соображение того же уважаемого российского правоведа: в России, — пишет он, — «вооружившись, по привычке ко всему немецкому, доктриной монархического принципа, получилось, что русский монарх и после 17 октября 1905 г. остался самодержавным –сохранил за собой высшую учредительную власть и право во всех внутригосударственных конфликтах говорить последнее решающее слово», т. е. «власть Государя, перестав быть неограниченной, не перестала, однако, быть самодержавной»[16].

В этой логике отмена конституции в 1881 г. в Болгарии и установление режима чрезвычайных полномочий князя выглядят вполне последовательными. Однако кризиса подобный маневр не разрешил. Не имея надежной опоры в политической сфере, Баттенберг не располагал поддержкой и со стороны вооруженных сил[17]. Собственно говоря, строительство армии в то время проходило только через свою начальную стадию, и Баттенберга не устраивало как это делалось. Из-за этого возникали конфликты с военным министром. Положение в армии настолько угнетало князя,что он хотел привезти в Болгарию несколько германских офицеров.

Неустойчивость института монархии выражалась не только в том, что болгары как подданные и оказавшийся на троне князь как их владетель, были не совсем готовы принять друг друга. Тому же способствовало все более разгоравшееся пламя портившихся отношений между Россией и Княжеством, между императором Александром III и Александром I Баттенбергом.

Александр III и его приближенные не в полной мере, очевидно, сознавали, что международное положение России после войны 1877–1878 гг. сильно поколебалось. Да, тяжелая война была победоносной, но за дипломатическим столом Россия понесла невосполнимые потери. Некоторые современные российские историки отмечают, что Берлинский конгресс стал дипломатическим провалом России, что он прозвучал погребальным звоном для русской внешней политики[18]. В этом наши современники вторят ряду исследователей XIX в., утверждавшим, что Россия в результате своей политики не только не добилась поставленных целей, но и оста-

[16] Там же.

[17] *Стоилов К.* Указ. соч. С.41.

[18] См., например, *Боханов А.* Указ. соч. С. 30.

inslav

лась изолированной, без союзников и друзей[19], что она уже не находила в себе сил, чтобы решительно и умно влиять на судьбу балканских народов. Не получалось, в частности, выработать ясную и четкую концепцию управления для своего ставленника князя Баттенберга[20], оказавшегося в трудной ситуации. Более того в 1883 г. российская дипломатия, исходя из собственных интересов, твердо взяла курс на устранение Баттенберга. Правда, на некоторое время положение князя укрепилось благодаря достигнутым им успехам — Соединению Княжества с Восточной Румелией, а затем и победе в Сербско-болгарской войне 1885 г. Но и это не помогло: когда 9 августа 1886 г. группа офицеров-**русофилов** совершила инспирированный переворот, оказалось, что князю не на кого было опереться. Он остро переживал свое детронирование, особенно из-за того, что оно произошло с помощью военных частей и офицеров[21].

В итоге можно сказать, что в целом первая попытка укоренить в освобожденной Болгарии конституционную монархию не удалась. Население и наиболее близкая к «массе населения» либеральная партия относились к институту монархии как к чужеродному телу. Лидер более «продвинутой» в европейском смысле партии консерваторов К. Стоилов, переживая такое отношение к монархии как неудачу и признавая, что «монархический принцип у нас не развит», видел перспективу в том, чтобы «работать для его развития, так как наше будущее, — подчеркивал он, — связано с ним; народ надо научить, что над ним стоит князь, интересы которого являются интересами отечества»[22]. По всей видимости, историческая память народа, на которую ссылаются сторонники признания органичности института монархии для Болгарии, оказалась слишком зыбкой, а главное — XIX век требовал от людей монархических чувств иного рода, чем те, что, возможно, и доходили из далекого средневековья.

В ряду причин относительной неудачи первой попытки укоренения в Княжестве Болгария монархического принципа следует указать на отсутствие **духа государственности** в подавляющей массе болгарского населения, подпитывавшегося «вольницей» правившей либеральной партии.

* * *

Еще большие сложности с утверждением монархии в Княжестве Болгария возникли при княжении следующего владетеля.

---

[19] *Погодин С.Ф.* Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб. 1993 /переиздание/. С. 717.

[20] *Влахов–Мицов Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София. 1992. С.23.

[21] Там же. С. 15.

[22] *Стоилов К.* Указ. соч. С. 44.

inslav

Участники Берлинского конгресса, рекомендуя болгарам установление конституционной монархии, не приложили особых усилий для создания здесь надежного трона и надежной власти. Представители великих держав Запада, отдав всю организационную сторону на откуп России и фактически позволив ей вести в Болгарии собственную игру, причем нередко с использованием нелояльных средств, заставили будущего болгарского царя Фердинанда Кобургского в еще большей мере, чем Баттенберга, испытать на себе вкус горького балканского специалитета — быть объектом игры международных сил.

После изгнания по настоянию России Александра I из Болгарии Княжество оказалось в подвешенном состоянии: российский император отказывался признать законным регентство во главе с председателем Народного собрания Ст. Стамболовым и не считал его вправе предлагать кого бы то ни было на болгарский престол, а Великое народное собрание избирать нероссийского кандидата путем голосования — тактика, свидетельствовавшая, что императорская дипломатия находилась в тисках «освободительной психологии», продуцирующей как бы естественное непонимание освободителей того, что освобождаемые могут стремиться к собственной национальной самостоятельности[23].

Действительно, Россия, выступая против всяких попыток болгар проявить самостоятельность, не стеснялась перейти от политики скрытых угроз к шагам прямого устрашения; в частности, на рейд Варны были отправлены два русских клипера. Такие меры лишь усиливали опасения болгарских «государственников», что Россия, не терявшая цель продвижения к проливам, хочет превратить Болгарию в «задунайскую губернию»[24]. 8 октября 1886 г. Стамболов записывает в своем дневнике: «Знаете, какова сокровенная мысль русских? Они хотят созвать собрание, которое будет им послушным слугой, и избрать русского царя в качестве болгарского князя, но т. к. царь не может прийти сюда, он пришлет комиссара, который все изменит и превратит Болгарию в русскую губернию. Но пока мы у власти, мы не позволим это сделать»[25].

Государство, провозглашенное конституционной монархией и не имеющее владетеля на престоле из-за затянувшихся на целых десять месяцев споров относительно кандидатур на княжеский престол, предлагавшихся Россией, которая в то же время препятствовала выдвижению кандидатуры со стороны болгар, находилось под угрозой потерять свою

[23] *Адлер Фр.* Возрождение Интернационала. Петербург. 1919. С.58.

[24] *Косик В.И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. М., 1993. С.6-8.

inslav

легитимность. Все больше местных политиков стало понимать, что для выхода из странного состояния, в котором оказалось Княжество, для спасения государственного достоинства страны, необходимо проявление сильной воли и установление сильной власти[26]. Стремясь вывести Болгарию из опасного положения, Стамболов и его сторонники решились на отправку в европейские страны специальной делегации в надежде отыскать там подходящую для болгарского престола фигуру. Задача была не из легких, поскольку, как писал глава регентства, «Европа испугалась России и ни одно государство не смеет начать против нее действие, которое может ее спровоцировать»[27]. Действительно, в главных европейских столицах в просьбе делегации болгар было отказано, и им пришлось удовольствоваться в качестве кандидатуры будущего владетельного князя далеко не самым знатным австрийским принцем Фердинандом Саксен Кобург Готским. Другими словами, особого выбора не было, тем более в положении, когда следовало спешить.

Пикантность ситуации, а если говорить в масштабе долговременного государственного строительства новой Болгарии, то и ее рискованность, состояла в том, что Фердинанд, 26-летний подпоручик австро-венгерской армии, принц католического вероисповедания, занял болгарский престол **без согласия великих держав**. И без согласия «клуба» иностранных монархов и их дворов, хотя и находился с многими из них в кровном родстве. Явившись в Болгарию, он не мог надеяться на чью-либо поддержку, и скорее ожидал противодействия со стороны европейских правительств.

Не лишенный авантюрной жилки Фердинанд добрался до «неизвестной, малокультурной страны» весьма нетрадиционным способом. Вот как пишет об этом Х. Р. Мадол, пользовавшийся материалами МИД Германии, включая Прусский тайный государственный архив и лично беседовавший с Фердинандом (его книга написана в 1931 г.):

«Сопровождаемый небольшим числом сторонников, с большей частью которых познакомился недавно, он вообще не был уверен, что доберется до Софии... 10 августа Фердинанд тайно отправился в путь. Железнодорожный вагон ждал его на открытой линии, вдалеке от самой близкой станции: его багаж был внесен туда еще ночью. Фердинанд и его спутники часть пути проехали в разных поездах. Принц ехал во второклассном купе, в гражданской одежде и, не будучи узнанным, доехал до Оршова».

---

[25] Личният архив на Стефан Стамболов. Писма, телеграми, записки и дневници. Т.1. София. 1994. С. 148–149.

[26] *Стоилов К.* Указ. соч. С.9.

[27] Личният архив ... С. 146.

inslav

Здесь, избежав опасности быть плененным противниками затеи регентства, Фердинанд отправился по Дунаю на встречу с болгарской яхтой, где и произошла его первая встреча с Стамболовым[28].

За авантюрным началом, как следствие, посыпались осложнения. Россия объявила решение Великого народного собрания об избрании Кобурга незаконным, Германия заявила, что, принимая престол, Фердинанд нарушает договора Берлинского конгресса. Избранный болгарским парламентом, но непризнанный в международных кругах Фердинанд, сопровождаемый Стамболовым, 13 августа 1887 г. принес клятву верности в старой столице Тырново. В то время как в Тырнове князя Фердинанда (католика) торжественно поздравил православный экзарх Антим, в Софии митрополит Климент выступил в соборе с речью, полной угроз против любой антироссийской меры князя. Так перед новым монархом открылась первая оппозиция и внутри страны, замечает его биограф[29].

Руководил адаптацией Фердинанда в неизвестной стране Стамболов — премьер-министр и министр внутренних дел. Человек незаурядных способностей, властный, жесткий и жестокий он был одним из немногих, кто понимал, что в Княжестве необходимо упорядочить жизнь, добиться внутренней устойчивости — и не на последнем месте — формировать у населения «государственнические чувства». Обладая фактически полнотой власти и не пренебрегая мерами устрашения, насилия, террора, включая убийства, он установил так называемый личный, а по существу диктаторский режим. Кстати, именно в эти годы (1887–1894) в Болгарии были достигнуты первые, существенные для тех условий, успехи в экономической модернизации страны. (Что, на наш взгляд, подтверждает положение о плодотворности в определенных условиях авторитарной модели модернизации).

Что касается Фердинанда, то освободившись в мае 1894 г. от опеки Стамболова и покончив таким образом со своеобразным дуумвиратом, он оказался перед многими трудностями. И прежде всего столкнулся с теми же особенностями, а по существу недочетами конституционного устройства Княжества (и куда только смотрели международные «благодетели и советчики»!), которые раздражали еще первого болгарского монарха. Дело в том, что в 1879 г. под нажимом «либералов» во главе с авторитетным П. Р. Славейковым при выработке конституции ее разработчики отказались от учреждения второй палаты парламента либо Госсовета, из-за чего связь между князем и населением могла осуществляться лишь непос-

[28] *Мадол Х.Р.* Фердинанд, цар на българите. Мечтата за Византия. София. 1992. С.16.
[29] Там же. С. 17.

inslav

редственно, без всяких официальных «прокладок», т. е. самым архаичным образом, как это принято в «простой жизни». На практике получилось, что выполнять роль посреднического органа, необходимого в деле управления государством, пришлось новой в Княжестве структуре — политическим партиям. Правда, им это в той или иной мере удавалось, но лишь пока в государстве было всего две партии — либеральная и консервативная.

По большому счету это были квази-партии, не имевшие под собой какой-либо социальной реальности ни в виде традиции, ни в виде определенных имущественных интересов. Свои названия они заимствовали из английской партийной номенклатуры и идентифицировались главным образом со своими лидерами[30]. На плаву при столь непрочных корнях они держались в большой степени благодаря тому, что сумели быстро организовать свои печатные органы, поскольку считалось, что без газеты партия не может ни существовать, ни руководить (поневоле вспомнишь ленинское: газета, как организатор партии!). Пожалуй, именно распространение живой разнообразной печатной продукции составило своеобразную характеристику общественной жизни Болгарии после ее Освобождения. Партийные газеты были особенно важны в годы, когда аппарат партий только выстраивался; но и позже, уже став традицией, они играли подчас ключевую роль в формировании общественного мнения. Газетные полосы наполнялись острыми злободневными материалами, написанными нередко чрезмерно язвительным языком. При слабости болгарской политической системы в целом партийная печать несла как бы добавочную функцию, восполнявшую «тело» такого важного в парламентской системе органа, как партии.

Когда в 1880–1890-е гг. число партий стало быстро увеличиваться за счет дробления старых и возникновения новых, говорить о какой-либо их посреднической роли между монархом и населением стало все труднее. Дело в том, что в Конституции такая политическая форма, как партия, вообще не упоминалась, специального закона о партиях не существовало и их деятельность никак не регламентировалась. При «разгульной» свободе в годы первоначального накопления капитала партии и их лидеры первостепенной задачей стали считать овладение властью или хотя бы приближение к ней; главным стало извлечение максимальной пользы от близости к власти, удовлетворение собственных интересов. Смотреть на управление меркантильно стало своего рода нормой. Вокруг политических партий начало концентрироваться люмпенизированное чиновни-

[30] *Генов Р.* Българските политически партии и техните английски аналози (1879–1886): опит за сравнителен исторически анализ // Модерна България ... С. 27.

inslav

чество. Партийные лидеры и их антураж стремились использовать свою близость к монарху, заботы о каких-то там национальных или государственных интересах отходили на задний план. А поскольку понятия корректности в политическом обиходе на Балканах в то время вообще не существовало, традиционная межпартийная борьба вносила лишь сумятицу в общество, мешала его консолидации.

Важными соображениями по этому поводу делится болгарский автор Ст. Влахов-Мицов. По традициям средневековой Болгарии, пишет он, власть у нас всегда была источником прямых благ; «османское рабство закрепило эту негативную тенденцию, превратило ее в правило. Дух приспособления у болгарского народа вместе с коррумпированными институтами империи способствовали в последнее столетие дооформлению отношения к власти как к бескомпромиссной борьбе за ее завоевание и ухаживанию за теми, от кого она зависит»[31]. Находясь в оппозиции, партии и их лидеры ругали правителей и князя, продолжает исследователь, а когда получали власть, сменяли обиду на «ласкательства». Политический и чиновничий люмпениат появился в Болгарии после Освобождения, но, вернее, он просто начал свободно воспроизводиться на старых, прежних корнях. Подкупы, доносы, коррупция османских институтов переносились в болгарские учреждения, т. к. отношение к власти психологически оставалось тем же у тех, кто ею не обладал[32].

Эту особенность политической психологии болгар осознавали они сами. Д. Ганчев, секретарь князя, в своих записках констатировал: «Мы, люди того времени, не могли освободиться от нашей сельской материалистичности при оценке знаков внимания княжеского благоволения»[33]. Солидные люди, политические лидеры и чиновники готовы были схватиться между собой железной хваткой, если князь удостоил кого-то более крупным подарком. Они завели, свидетельствует в свою очередь болгарский исследователь Ж. Попов, телохранителей, опасаясь нападений и покушений. В 1883–1885 гг. «у этих здоровенных мужиков» в моде были толстые узловатые дубины. Ж. Попов признает, что «подобные примеры отражают менталитет оформлявшейся генерации политиков в условиях жизни после Освобождения — полуцивилизованных, ориентальских, привыкших к тому, что аргументы усиливаются с помощью кулака, палки, а в крайнем случае и кинжала, ятагана или пули»[34]. О главном герое

[31] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С.66.

[32] Там же.

[33] Цит. по: *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С.84.

[34] *Попов Ж.* Бурният живот на Димитър Петков. София. 1998. С. 40.

inslav

своей книги Димитре Петкове, усилиями которого София из глухой деревушки превратилась в стольный город, Ж. Попов пишет так: «В стремлении служить идеалу он не выносил оппонента — словом и делом Петков устранял всех, кто ему мешал»[35].

Партийная система, являющаяся политическим скелетом общества, начала складываться в Болгарии в 1880-е гг. по «модным» лекалам буржуазно-либеральных стран Европы. Но как мы уже отмечали, эти лекала были трудно применимы к болгарской, еще грубой политической фактуре, с ее главным образом крестьянским наполнением: именно крестьяне с их ментальностью составляли после Освобождения и до конца существования буржуазной Болгарии значительную часть членской и электоральной массы практически всех болгарских партий. Это неразмываемое десятилетиями обстоятельство — **наследие матрицы архаичности** — являлось одной из главных характеристик партийной системы и по существу ее постоянного кризисного состояния.

Слабость партийной системы усугублялась алчностью части граждан, считавших себя достойными создать собственную партию, бороться за свой интерес, отдаваясь тому или иному чужеземному «фильству» — русскому, англофранцузскому, итальянскому, позже германскому, рассеивая таким образом и без того еще не собравшееся, не сформировавшееся в народе **болгарское** национальное, государственническое чувство.

Даже почитаемый слой духовной интеллигенции претерпел изменения в странную казалось бы для себя сторону. При сохранении абсолютной численности духовенства (4200 чел.) его ядро относительно сокращается с 15,3% от всей интеллигенции в 1888 г. до 11,8% в 1893 г. и до 7,1% к 1910 г.[36] То есть духовная служба новый контингент к себе не привлекает. «Священники предпочитают становиться писарями в государственных учреждениях, некоторые — даже служащими. Часть завершивших среднее и высшее богословское образование предпочитает светскую карьеру», — конкретизируется в одном специальном исследовании[37].

Отсюда и **главный конфликт между Фердинандом и политическими деятелями**, занятыми преимущественно собственными делами и внутренней борьбой. Фердинанд на свой манер пытался улучшить их нравы и сформировать хотя бы совсем узкий слой «благородных людей», устраивая торжественные приемы, парады и церемонии, разъясняя правила

---

[35] Там же. С. 197.

[36] *Василева Д.* Светската и духовната интелигенция в България от Освобождението до Балканските войни // Бог и цар в българската история. Пловдив. 1996. С.283.

[37] Там же.

inslav

этикета (над чем, кстати, довольно грубо издевался Стамболов[38]). Некоторым избранным, как, например, К. Стоилову, Г. Начовичу, Д. Грекову Фердинанд хотел присвоить дворянские звания и ввести таким образом европейскую традицию званий благородства и государственных рангов[39]. Офицерам запрещалось жениться на простолюдинках. Но где было взять тогдашним болгарам столько чувства достоинства и благородства! Даже Д. Благоев, противореча собственным прогнозам о быстром росте рабочего класса и скором наступлении эры социализма, не без сарказма признавал в 1912 г.:«Пропорциональная избирательная система не может изменить политические нравы. Корни этих нравов гораздо глубже, чем корни политических учреждений»[40].

Болгарскую **партийно-политическую систему**, сложившуюся в послеосвобожденческий период, на скорую руку, без четко сформулированных лидерами партийных целей в пользу **общегосударственных задач** (хотя каждая партия спешила принять собственную программу), можно охарактеризовать как имевшую «неполное служебное соответствие». В ней отсутствовали рычаги и импульсы для выдвижения выверенных общенациональных идей, в том числе **идеи модернизации самой политической сферы**. Впрочем, иначе и быть не могло: уход от архаики требует большого, очень большого времени, но также больших финансов, международной помощи, самоотверженных крупных национальных деятелей, в удачном случае — харизматического типа, устойчивого положения государства вовне и внутри. Но еще и главного — готовности значительной части населения к преобразованиям. Ничего этого в конце XIX — начале XX в. в Болгарии не было.

К несчастью, недостатки, изначально заложенные в болгарской политической системе, в последующем лишь самопроизводились и углублялись. И если уже на рубеже XIX–XX вв. местная партийно-политическая система стала вызывать в обществе раздражение и постоянные нарекания из-за своей непродуктивности и недееспособности, если уже тогда ее называли прогнившей и требовали наведения порядка и замены ее **властью сильной руки**, то пропаганда последних установок приобрела особенно широкие размеры после понесенного Болгарией двухкратного военного поражения (в 1913 и 1918 гг.). Именно они в межвоенный период вошли в состав лозунгов и программ всех болгарских реакционных политических организаций (военных прежде всего, тайных и откры-

[38] *Мадол Х.Р.* Указ. соч. С. 20.
[39] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С. 63.
[40] *Благоев Д.* Съчинения. Т.7. С. 200.

inslav

тых), требовавших **ликвидации партий вообще** и **установления надпартийного правления**. В 1934–1935 гг. узаконенный Конституцией 1879 г. парламентаризм вместе с остатками политических партий закончил в Болгарии свое существование.

* * *

Говоря о международных условиях, в которых в 1880-е годы происходило становление института монархии в Болгарии, на первый план следует поставить такой фактор, как разрыв дипломатических отношений между Россией и Княжеством в 1886 г. Сам этот акт не означал для сторон наступления «нейтрального времени», времени затишья. Поскольку содержание российско-болгарского конфликта заключалось, как считает отечественный исследователь В. И. Косик, в том, какой из сторон будет принадлежать власть над Болгарией[41], каждая из них продолжала предпринимать усилия для достижения поставленной ею цели. Используя русофильские настроения среди части болгарских офицеров, российская дипломатия поощряла организацию и проведение ими в Болгарии вооруженных выступлений для свержения правительства Стамболова. Такая тактика, на мой взгляд, не делала России чести, тем более, что болгарскими сторонниками линии Петербурга выступали заговорщики, эмигранты, террористы[42].

С точки зрения нашего специального интереса к вопросу об отношении болгарского населения к тем или иным событиям в стране, хочу обратить внимание на любопытный пассаж в цитируемой В. И. Косиком записке болгарского майора Груева от 14 февраля 1887 г., где говорится, что ни интеллигенция, значительная часть которой примкнула к Стамболову, ни народ, терроризированный в своей массе властями и апатично воспринимающий все насильственные перевороты, ни армия, в которой проведена основательная чистка русофильски настроенных офицеров — не могут быть опорою для заговорщиков[43].

Тактика непосредственного вмешательства России в дела полунезависимого Болгарского княжества была рассчитана на сеяние раздора внутри него, что, бесспорно, препятствовало консолидации и без этого не собранного общества; более того, она способствовала отнюдь не безобидному его расколу по линии русофилы — русофобы. Преследование Стам-

[41] *Косик В.И.* Указ. соч. С. 3.

[42] Там же. С. 84.

[43] Там же. С. 17–18.

inslav

боловым своеобразной «пятой колонны» в стране — русофилов привело к первой в истории Болгарского княжества политической эмиграции, состоявшей преимущественно, как это обычно бывает, из представителей политической и творческой интеллигенции (П. Каравелов, И. Вазов и другие).

При таких настроениях в верхушке России по отношению к Болгарии князь Фердинанд, непризнанный ею, а вслед за нею и другими государствами, оказался в состоянии международной изоляции. Но устоял. Даже тогда, когда Россия попыталась составить общее требование великих держав к Фердинанду уехать из Болгарии. Выход из трудной ситуации Фердинанд усмотрел в том, чтобы попытаться укрепить свое положение путем женитьбы и наладить таким образом новые связи со старыми владетельными домами. Целью было — добиться все-таки признания со стороны великих держав.

Однако казалось бы простая операция — найти подходящую невесту — оказалась трудной из-за нежелания европейских правительств обострять отношения с Россией. Королева Виктория приняла Фердинанда как принца Кобурга и своего племянника, но не как князя Болгарии, и не дала никаких обещаний помочь. Примерно то же случилось при германском дворе. Даже относительно какой-нибудь австрийской эрц-герцогини, несмотря на близкое родство Габсбургского и Кобургского домов, Фердинанду не позволяли думать, с сочувствием пишет его биограф[44].

Наконец, Франц-Йосиф облагодетельствовал родственника, рекомендовав ему лишенную владений дочь Пармского герцога из старого Бурбонского рода. Но чтобы свадьба с Марией-Луизой могла состояться (событие произошло в апреле 1893 г.), Стамболову пришлось аннулировать статью Тырновской конституции, согласно которой восточное православие являлось обязательным для престолонаследника.

Россия негодовала. Однако со смертью Александра III в октябре 1894 г. в деле нормализации отношений между Россией и Княжеством Болгария наметились благоприятные тенденции. Для достижения положительного результата Фердинанд все личное поставил на карту, согласившись на условие России, настаивавшей на православной династии в Болгарии, что подразумевало православное вероисповедание родившегося в 1894 г. престолонаследника, уже крещенного по католическому обряду. С трудом уговорив на это Марию-Луизу, которая, кажется, внутренне так никогда и не примирилась с фатальным, с точки зрения

[44] *Мадол Х.Р.* Указ. соч. С. 37.

inslav

глубоко религиозной католички, шагом, князь Болгарии отправился в Ватикан. Но там не добился ничего. «Отказывайтесь от трона!» — несколько раз повторил папа Лев XIII.

Однако вызов трудных обстоятельств Фердинанд принял. 15 февраля 1896 г. (по новому стилю) в Софии был совершен чин присоединения к православию престолонаследника Бориса. Его крестным отцом стал российский император Николай II. Хотя Фердинанд поплатился за содеянное папским отлучением от церкви, благодаря его дипломатическому маневру в международном положении Болгарии и его собственном сразу все переменилось. Все эти годы Фердинанд был персоной нон грата. Женитьбой, рождением престолонаследника и последовавшим затем помирением с Россией князю удалось создать и закрепить династию. Считается, что эти действия шли на пользу болгарскому государству, укрепляли его международный статус[45]. Теперь к софийскому двору спешили посланцы России с официальным признанием Фердинанда. Свои подтверждения его качеств монарха прислали представители великих держав. Только теперь — в 1896 г., спустя девять лет после вокняжения, Фердинанд по-настоящему ощутил свой приход к власти. Как триумфатор он посетил султана, затем отправился в Петербург, Париж, Белград. И везде был принят! Лишь австрийские родственники еще некоторое время бойкотировали его.

Политический триумф Фердинанда, а главное пути его достижения имели в православной стране свою морально-психологическую стоимость. Двукратное свободное и неуважительное обращение князя и его сторонников с Тырновской конституцией, в том числе со статьями по поводу вероисповедания престолонаследника, отлучение самого монарха от церкви — в отлучении Фердинанд находился несколько лет, пока в 1903 г. не умер папа Лев XIII — не прибавляли княжеской власти популярности в народе.

И если при появлении в Княжестве первого его князя Александра Баттенберга К. Стоилов, например, сокрушался, наблюдая отсутствие в народе сакрального чувства к монарху, власть которого в православии считается божественной, и, сокрушаясь, говорил, что это чувство надо пробуждать и воспитывать, то деяния Фердинанда оказывали в этом отношении скорее обратное действие.

Волнения среди формировавшейся общественности по поводу «игр» Фердинанда с религией возникали и раньше, например, когда из-за же-

[45] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С. 62.

inslav

нитьбы князя на католичке и первого крещения престолонаследника по католическому обряду, появилась угроза утверждения в Болгарии католической династии. Тот же К. Стоилов решительно противился этому. «Неправда, — записывал он в своем дневнике,– что князь не может жениться без изменения статьи Конституции... Вначале народ будет настроен против княгини, прибывшей при таких условиях: она докажет, что презирает его историю и традиции... Династия останется чужим, экзотическим растением... Не будем забывать, что многие из погибших на виселицах, были православными попами. Я всегда считал будущее народа тесно связанным с православной верой. Мой идеал болгарского государства — православное государство... Поэтому желаю и династию православную... Мы боремся против иностранной религиозной пропаганды в Македонии, а принимаем ее в нашем дворце»[46].

Гневно обозначил свое отношение к «неправедному поступку» Фердинанда болгарский церкви Иосиф: «Князь **виноват** перед церковью в том, — считал он, — что он насильственно, **против воли народа** и вопреки своей клятве изменил ст. 38 Конституции, крестил своего /только что родившегося наследника/ в католическую веру и телеграфировал папе, что гордится основанием в Болгарии католической династии»[47].

В свою очередь тырновский митрополит Климент в феврале 1893 г. говорил в кафедральном соборе об изменении Конституции как о «родоотступничестве». «Надо знать, — продолжал он, — что каждый, кто посягает у нас на православие, посягает на само существование народа. Кто бы он ни был, пусть обладает самым высоким положением, пусть бы люди считали его величайшим доброжелателем народным, величайшим патриотом, если он посягает на народную веру — на православие, это священное достояние, оставленное нам дедами и прадедами как бесценный залог, как незыблемая основа счастливого и долговечного народного существования, — он не является и не может быть другом народа»[48].

Православные священники своими посланиями и проповедями вносили таким образом собственную лепту в неприятие населением образа действий и фигуры монарха, казалось бы священной для них по определению. За что терпели преследования. Митрополит Климент, в частности,

---

[46] Цит.: Там же. С. 66–67.

[47] Цит. по: *Петков П.*. Православная церковь и государственная власть в Княжестве Болгарии. 1878–1896 // Bulgarien Historical Review. Sofia. 2000. No 3–4. С. 67.

[48] Там же.

inslav

за указанное выше выступление был осужден по обвинению за подстрекательство народа к бунту против особы князя и против правительства.

* * *

Укрепление Фердинанда на престоле совпало с общим осложнением ситуации на Балканах, связанным с **нерешенностью македонского вопроса**. Прежде чем приступить к этому трудному и «нервному» сюжету, вернемся на два десятилетия назад.

Мне уже приходилось обращать внимание на то, что в историографии упор на господстве великодержавных идей во вновь образовавшихся на Балканах государствах (идеи «Великой Греции», «Великой Сербии», «Великой Болгарии») стал в какой-то степени штампом. Оперируя этими понятиями, специалисты, как правило, не стремятся отделить в них иллюзорное от реального, т. е. саму «голую» «национальную идею» (или даже «националистическую идеологию») от соответствующей государственной внешнеполитической практики, которая либо на самом деле базировалась на ней, либо политики только держали ее в уме. Выстраивание же подобных экспансионистских доктрин, созданных в разных балканских странах, в один ряд создает впечатление как одновременности их появления, так и претворения их в жизнь в качестве равного во всех случаях по своему значению фактора. Что не совсем соответствует действительности. К такому мнению меня привели размышления о «болгарской национальной идее», о так называемой Сан-Стефанской Болгарии и о попытках болгарских политиков реализовать свой «национальный идеал», не умерший, кажется, до сих пор.

Провозглашение усилиями русской дипломатии Сан-Стефанской Болгарии после победного завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вызвало в Европе большой переполох своей дерзостью. Собравшийся летом 1878 г. Берлинский конгресс ее не потерпел и расставил совершенно иные координаты на карте Европы: границы Сан-Стефанской Болгарии, просуществовавшей всего три месяца и то лишь на бумаге, оказались значительно усечены. У самих болгар, как констатирует уже упоминавшийся Ст. Влахов-Мицов, **концепции собственных национальных интересов в то время не было**, болгарское общество, говорит он, еще не созрело для самостоятельной политической жизни[49]. Возникшему благодаря русским дипломатам образу Сан-Стефанской Болгарии потребовались затем не менее двух десятилетий, прежде чем он облекся в **национальную**

[49] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С. 11–12.

inslav

болгарскую форму, и, приобретя тогда конкретное политическое звучание, поступил, так сказать, на болгарскую государственную службу.

Я думаю, именно здесь кроется определенное отличие болгарской национальной идеи от первоначального российского замысла. Это обстоятельство, пожалуй, впервые подметил В. И. Косик, хотя и обрисовал его весьма туманно, без пояснений заявив, что Сан-Стефанская Болгария была создана русской дипломатией «с несколько иными целями»[50]. Во всяком случае характерно, что уже в 1886 г., одобряя выработанную российской дипломатией программу действий России на Балканах, император Александр III отказался от прежних видов на Сан-Стефано, написав на предложенном ему проекте: «Не преследовать во что бы то ни стало дальнейшего разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии, а предоставить его последовательное развитие политическим нуждам...»[51]. Частично в таком подходе сказывались прежние обиды императорского двора, обвинявшего «передовых людей болгарского элемента, как и сербского» в готовности «отшатнуться от России и искать поддержки и союза у ее врагов». Но главное — после тяжелой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия уже не находила в себе сил для более активной внешней политики, включавшей возможную новую войну. На долгие десятилетия Россия вынуждена была ограничиться политикой миролюбия, сохранения на Балканах статус кво, не отдавая предпочтения кому-либо из балканских славян, — политикой, которую последние не понимали и не принимали.

Собственно говоря, внешнеполитического миролюбия требовали и внутрироссийские обстоятельства, сложившиеся в царствование Александра III, да и в последующие годы. России действительно необходимо было внутренне «сосредоточиться», как говаривал один из ее министров, в том числе и для того, чтобы несколько самортизировать удар, нанесенный прежде всего по дворянству и крестьянству реформами 1860-х гг. И вместе с тем находить силы, чтобы продвигаться дальше по пути собственной модернизации.

Отсюда и позиция фактического нейтралитета России в отношении македонских притязаний как Болгарии, так и Сербии.

Суть болгарского национального идеала, как известно, заключалась в объединении родственного «болгарского племени», значительная часть которого, как считалось, осталась, согласно решениям Берлинского кон-

[50] *Косик В.И.* Указ. соч. С. 84.

[51] Авантюра русского царизма в Болгарии. Сборник документов. М., 1935. С. 16, 18.

inslav

гресса, за пределами Княжества Болгария. Что впрочем не было чем-то исключительным: высвобождение в XIX в. любого из балканских народов — греческого, сербского, болгарского из-под султанского ига — нигде не происходило полностью и сразу. Но разница между ними была. Она заключалась в том, что Княжество Болгария не только позже своих соседей получило возможность для создания собственного государства и ему предстояло их догонять во всех отношениях, но и в том, что Берлинский конгресс, торжественно провозгласив Сербию, Румынию, Черногорию независимыми государствами, Болгарию оставил в статусе турецкого вассала, который продержался еще целых тридцать лет.

Объединение родственного населения в рамках одной страны можно отнести к объективной задаче государственного строительства (оставим пока за скобками вопрос, насколько это родственное население самоопределилось этнически, т. е. сознательно считало себя болгарами или сербами, греками, македонцами). Но такое объединение предполагало и присоединение к национальному государству территорий, на которых проживали «внешние части» родственного племени, т. е. задача объединения подразумевала внешнеполитическую экспансию. Однако международные условия существования Княжества Болгария в течение ряда десятилетий после Освобождения исключали саму постановку такого вопроса. Поскольку наибольшие ограничения, связанные с вассальным статусом Княжества, распространялись именно на область его внешнеполитических, международных связей. До определенного времени, как свидетельствуют документы некоторых болгарских политических партий, внешняя политика княжеских правительств вообще не имела четко выраженного обозначения[52].

К тому же примерно до конца XIX в. естественным для строителей новой Болгарии было преимущественное внимание к проблемам внутриполитического созидания основ страны.

Слова о страдающих под османским гнетом братьях продолжали звучать и с амвонов, и в Народном собрании, и со множества страниц газетной продукции, но оставались словами. Четкой внешнеполитической позиции не было еще и потому, подчеркивает Ст. Влахов-Мицов, что **формирование болгарского политического национального (государственного) сознания** встречало множество препятствий.

---

[52] *Гришина Р. П.* Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX–первая половина XX в.) // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. СПб. 2004. С. 112.

inslav

В этом с ним можно согласиться. Действительно, во-первых, сама политическая «страта» в стране оставалась очень **слабой и немногочисленной**, по-настоящему выдающихся личностей, которые могли бы повести за собой зарождающееся гражданское общество, практически не оказалось. В качестве исключения следует назвать лишь Ст. Стамболова, проявившего себя политиком, искренне заинтересованным в укреплении молодого государства. К тому же, судя по дневниковым записям Стамболова, главной заботой в период его премьерства являлась работа внешнеполитическая, а именно — отстоять легитимное существование Болгарии, которому, как он многократно повторял, угрожала Россия, готовая присоединить Болгарию к себе в качестве новой губернии. Но и в этом отношении он появился возможно слишком рано, ибо среди населения весьма широкое распространение имело русофильство. Что мешало еще несложившемуся обществу понять собственные национальные интересы и принять идеи Стамболова с их гражданственностью. Да и действовал Стамболов с помощью жестких диктаторских методов, сопровождавшихся арестами, казнями, убийствами. Именно в годы стамболовского правления из-за развернувшихся преследований Княжество покинула значительная группа политической и литературной интеллигенции, составив первую в истории Болгарии политическую эмиграцию в Румынию, Сербию, Россию.

Во-вторых, долгое проживание болгарского населения фактически в «лоне» Султаната также по-своему препятствовало формированию болгарского национального сознания. Хотя после Освобождения Болгарии большая часть турок покинула эту территорию, но немалая часть их сохранила прежнее местожительство. Вековое совместное существование нижних социальных слоев болгар и турок в определенной мере мешало кристаллизации собственно болгарского сознания, поскольку многие детали турецкого быта, языка, обычаев становились как бы общими. Недаром в трудную пору обострения отношений Болгарии с Россией тот же Стамболов, чтобы разорвать круг изоляции, задумывался об автономии Княжества в составе Османской империи.

В-третьих, сам строй политической жизни Болгарии конца XIX в., как мы уже отмечали, заключался в преимущественном удовлетворении партиями и их лидерами собственных интересов, в извлечении максимальной пользы от близости к власти. В годы довольно быстрого экономического развития Княжества (конец 1880-х — начало 1890-х) усилился процесс расколов, расцеплений партий; их становилось все больше, а следовательно больше появлялось и претендентов на близость к власти с ее меркантильными возможностями. Вопрос о власти, замечает Ст. Вла-

inslav

хов-Мицов, стал вымещать проблему национального суверенитета[53]. В свою очередь подчеркну, что хождение в политических кругах различных внешне- и внутриполитических концепций, до конца не разработанных, но предлагавших идеи, тянувшие в разные стороны, в том числе с точки зрения международной ориентации, порождали хаотическое скопление мнений, представлений, проектов, их своеобразно пульсирующую мозаичность, близкую к шизофрении. В этих условиях трудно было ожидать, чтобы кто–то из действующих государственных и партийных лидеров серьезно озаботился вопросами политической модернизации страны, постановкой адекватных социальных целей[54] как интегральной задачи.

Эту лакуну некоторые из них осознали, и то лишь частично, только после двух военных катастроф. В начале 1920-х гг. Андрей Ляпчев, один из наиболее опытных болгарских политиков, вынужден был признать: «Из–за войн и по другим причинам мы упустили создать нашу и переводную литературу для обоснования принципиальных позиций по вопросам общественной солидарности, национализма, экономического развития общества и, в частности, нашей страны с точки зрения личной инициативы, собственности и кооперативного дела. Здесь у нас очень большая празнота», социалисты — тесняки и широкие сделали в этом отношении гораздо больше[55].

Наконец, очень важным обстоятельством являлось сильное давление на болгарское сознание со стороны русофильства и славянофильства. Некоторые болгарские авторы считают возможным говорить о «русофильском синдроме» населения; свою роль играл и «славянофильский синдром». С восстановлением российско-болгарских отношений при императоре Николае II эти элементы внутренней политики получали дополнительную подпитку. Так, в 1902 г. на празднование 25-й годовщины Русско-турецкой войны в Болгарию прибыла русская делегация во главе с великим князем Николаем Николаевичем. В 1907 г. в Софии произошло торжественное освящение памятника Царю-освободителю. Все это питало старое русофильство, возрождало в народе надежды на матушку Россию и, возможно, действительно до некоторой степени расстраивало государственный национализм.

---

[53] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С.62.

[54] См. *Панкратов С.А.* Модернизация как исторический феномен. Учебно–методологическое пособие. Волгоград. 1999. С.10.

[55] Цит. по воспоминаниям секретаря Ляпчева. См. Янчулев М. Септемри 1918–септември 1944 // Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV. А.е. 194. Ч.1. С. 71.

inslav

Указанные обстоятельства надо учитывать без всякой, однако, абсолютизации их, поскольку постепенно оформлялись и противоположные тенденции, — и как это «принято» на Балканах, — выраженные в виде крайнего радикализма. Этому способствовало новое обострение ближневосточного кризиса в конце XIX в.

* * *

Обязанность Турции провести реформы в македонских землях, вытекавшая из ст. 23 Берлинского трактата не реализовывалась в должной степени. Бесплодное ожидание результатов реформ активизировало агитационно-пропагандистскую деятельность всех заинтересованных балканских государств по «оформлению» конкретного (сербского, болгарского или греческого) этнического сознания местного населения. Торопилась в этом отношении и Болгария, но своеобразным способом.

После отказа России в конце XIX в. поддерживать интересы какой-либо балканской стороны в решении македонского вопроса, который таким образом оказался предоставленным как бы саморазрешению, та часть македонского населения, что была настроена проболгарски, стала ориентироваться на мобилизацию собственных сил. В 1893 г. в Солуни возникла **нелегальная** Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО) с целью подготовки вооруженной борьбы. Задачей было добиваться автономии Македонии с последующим ее присоединением к Болгарии. В Софии ВМРО имела связи с болгарским правительством и с Верховным Македонским комитетом, оружие получала из болгарской армии.

Если раньше в Княжестве выходцы из македонских земель атаковали Стамболова как сторонника медленного — эволюционного — пути объединения Болгарии (Стамболов, по-видимому, понимал невозможность в то время военного, радикального пути) и за его неприятие российской политики в отношении Болгарии (македонская эмиграция надеялась, что если русский император восстановит свою гегемонию в Княжестве, то освободит и Македонию), то теперь для руководителей ВМРО, настроившихся на вооруженную борьбу, но не имевших для этого достаточно сил, оставалось только оказывать давление на болгарского монарха — ни ВМРО в Солуни, ни Верховный македонский комитет в Софии не устраивала умеренная (а по существу, никакая) позиция Болгарии.

Фердинанд не был воинственным человеком, не имел военного образования, не обладал ни военной выправкой, ни навыками наездника (коня считал «личным врагом», за что его презирал отличный конник император Франц-Йосиф). Внутреннему состоянию болгарского князя более

inslav

соответствовало следование новой программе реформ в Македонии, разработанной российской и австро-венгерской дипломатией, так называемой Мюрцштегской. Она была направлена на «совершенствование турецких порядков в Македонии», кое-что на ее основе стало делаться в 1904 г., но как и все предыдущие попытки, дело кончилось ничем[56].

ВМРО тем временем требовала от монарха снаряжения и отправки чет из Княжества в Македонию, что было чревато для Болгарии международными осложнениями. В свою очередь Македонский комитет предложил князю проект реформ, предусматривавший введение политической автономии Македонии. Этот проект получил одобрение ВМРО и «в принципе правительства Княжества», после чего стал, считает болгарский исследователь Р. Попов, «основой политики болгарского правительства по македонскому вопросу на долгие годы»[57].

Как **болгаро–македонская** часть общей для балканских стран «македонской проблемы», она требовала от болгарского монарха принятия определенного решения. Ему приходилось учитывать, что жить приходится в стране, где население издавна приспособилось к таким формам самоорганизации, зачастую анархическим, как тайные комитеты, вооруженные четнические отряды, совершающие набеги и быстро укрывающиеся, не стеснявшиеся угрожать главе государства физической расправой. В конце концов поняв, что особых надежд на подавление энергии «македонствующих» в отношении своей особы нет, Фердинанд встал на путь поощрения македонского движения через софийский Верховный македонский комитет[58].

Кроме того, в свой расчет он, вероятно, включал мысль о том, что употребляя монаршьи и государственные усилия в пользу объединения Болгарии, он мог добиться повышения своего авторитета в болгарских политических кругах и популярности в народе. Последнего ему явно недоставало.

* * *

Итак, **в начале XX века** в Болгарии обозначился более определенный, чем прежде, курс **во внешнеполитической стратегии**. Его определенность выражалась в нацеливании армии и страны на подготовку к войне за освобождение порабощенных болгар и за национальное объединение. В

---

[56] *Исаева О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 86.

[57] *Попов Р.* Балканската политика на България. 1894–1898. София. 1984. С.250.

[58] *Влахов–Мицов Ст.* Указ. соч. С. 82–83.

inslav

связи с этим необходимостью стала основательная реорганизация армии. И едва ли не главным ее направлением — «перенастройка» умов и чувств значительной части военнослужащих и военнообязанных, поскольку в предшествовавшие годы **внутренние обязанности армии** являлись преобладающими; до 1900 г. эта тенденция была ведущей, утверждает болгарский историк В. Янчев[59]. «В годы после Освобождения, — пишет он, — вопросы о сущности армии и ее предназначении рассматривались в самом общем плане и очень противоречиво. Противно практической военной политике, направленной на создание сильной, дееспособной и модерно вооруженной армии, способной защитить целостность Отечества и завершить дело национального объединения, в теоретическом плане на первое место были поставлены внутренние, охранительные и репрессивные функции армии»[60].

Чтобы переломить сложившееся представление о внутриполитической функции армии как основной, в Болгарии стали издаваться инструкции с формулировкой новых задач. В 1891 г. последовал закон «Об устройстве вооруженных сил Княжества Болгария», устанавливавший дивизионную структуру армии[61]. **В 1903 г.** болгарские вооруженные силы получили, наконец, отсутствовавшую до той поры **военную доктрину**; ее главным содержанием была нацеленность на национальное объединение[62].

Сколько же требовалось времени и усилий, чтобы развернуть в новом направлении болгарскую военную машину? Ведь до 1-й Балканской войны оставалось всего десять лет!

Если исходить из имеющихся в исторической литературе констатаций, то огромные финансовые вложения в армию и ее вооружение, составлявшие до 25% расходной части бюджета, позволили болгарскому войску уже к 1907 г. стать «одним из лучших в Европе». Накануне Балканской войны оно имело почти в 15 раз больше вооружения, чем во время Сербско–болгарской войны, и не испытывало недостатка оружия во время самой войны[63].

---

[59] *Янчев В.* Войската и гражданските власти. 1878–1912 // Модерна България... С.83.

[60] Там же. С. 67.

[61] *Мишев Р.* Военно обучение и специализация на български офицери в Русия в началото на XX в. // Лстопис на дружбата. Т.8. София. 1981. С. 335.

[62] *Зафиров Д.* Българската армия – монархически и републикански образ // Исторически преглед. 2002. No 1–2. С. 195–196.

[63] *Стошлов П., Йонов М., Петров Л.* Българската армия като институция. 1878–1944 // България 1300. Институции и държавна традиция. Доклади на 3-я конгрес на Българското историческо дружество. София. 1981. С. 374, 377.

inslav

Проблемы были в другом — в формировании командного состава, поскольку в прежние годы должного внимания подготовке высшего офицерства не уделялось. А та, что проводилась, носила, скорее, экстенсивный характер — офицеры набирались военных знаний отовсюду понемножку. Помимо обучения в Военном училище в Софии (открыто в 1878 г.), они направлялись в различные заграничные военные академии[64], главным образом, российские (75% офицеров, подготовленных за границей, получили военное образование в России[65]) и итальянские, в меньшей мере французские. И приезжали оттуда почитателями совершенно разных стратегий. Генерал Михаил Савов, например, предпочитал русскую доктрину с ее наступательностью, генерал Иван Фичев — итальянскую, характерную известной осторожностью. Может быть поэтому он осенью 1912 г., когда в Болгарии стала раздуваться милитаристская кампания, говорил, что страна еще не готова воевать и что чтобы всесторонне подготовить армию, войну следует отложить до весны[66]. Но при начале боевых действий оба генерала вошли в состав оперативного военного руководства.

В 1911 г. в болгарской армии служили 21 генерал, но мало кто из них, как пишут болгарские авторы, мог решиться повести войско на войну. Достаточного опыта у них не было — настоящих больших учений в мирное время не проводилось. В сущности ни один высший офицер, по словам видного болгарского историка Г. Маркова, не видел больше трех дивизий, собранных в одном месте[67].

Фердинанд в качестве главнокомандующего полководческими талантами, как уже говорилось, не обладал. Не имея соответствующего опыта, он и в мирное время избегал руководить ежегодными маневрами и их последующим разбором. Отсюда и отсутствие должного авторитета среди военных.

В результате в Болгарии при приближении войны не оказалось заранее определенного человека, в чьих руках сосредоточилось бы руководство действующей армией. Попытка назначить на этот пост отставного генерала М. Савова, который говорил о себе: «Я не стратег», привела к возражениям со стороны военного министра Никифорова и начальника штаба армии Фичева и к их требованиям, чтобы Савов не вмешивался в

---

[64] *Марков Г.* България и Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913. София. 1989. С.19.

[65] *Мишев Р.* Указ. соч. С 346.

[66] *Фичев И.* Балканската война. Преживелици, бележки и документи. София. 1940. С. 72–73.

[67] *Марков Г.* Указ. соч. С. 24.

inslav

дела высшего командования. Путем компромисса главное командование удалось составить из этих трех лиц, причем каждое из них — «с неопределенной ответственностью»: генерал Савов оказался на положении всего лишь военного советника, хотя и назывался помощником главнокомандующего; генерал Фичев (начальник генштаба) издавал директивы по действующей армии от имени главнокомандующего и отвечал только за их техническое выполнение. А те, кто непосредственно командовал армиями, в свою очередь не принимали Фичева за начальника[68]. Главнокомандующим формально был монарх.

Помимо отсутствия в армии даже во время войны четкой субординации, несоблюдения принципа единоначалия, Фердинанд не мог добиться дисциплины и в **государственно-управленческой сфере**, особенно в условиях 2-й Балканской войны. В книге, посвященной крушению Болгарии в 1913 г., Г. Марков пишет: «Очень много рук держало кормило управления, чтобы можно было удержать избранный внешнеполитический курс... Царь важничал на капитанском мостике и больше смотрел, что происходит на палубе, чем в подзорную трубу. Правительство не было едино. Главное командование то подталкивало его, то просто мешало, руководствуясь своим пониманием соотношения сил, а военные моряки иногда неохотно выполняли приказы»[69].

Может быть именно из-за внутренней несобранности еще неокрепшего со времени Освобождения государства, его политической неконсолидированности, мозаичности интересов политических сил, их ориентации на разные великие державы и других проявлений слабости «головки страны» — на войну решили мобилизовать так много народа: в Болгарии по европейским меркам была проведена сверхмобилизация. Побеждать предстояло массовостью живой силы, физическим напором.

Насколько же народ был готов к этому? Как проявил себя накануне войны и в ходе ее основной солдатский контингент, состоявший по преимуществу из крестьян? Чтобы попытаться ответить на этот важный для нашей темы вопрос, придется коснуться очень деликатной и даже щепетильной проблемы — о действительной глубине национальных чувств широких болгарских масс, поколения которых, как пишется во всех болгарских учебниках, мечтали об объединении и с надеждой ждали «часа икс»[70]. Действительно в историографии с давних пор утвердилось мнение о «взрыве национальных чувств», о всеобщей народной поддержке

[68] Там же. С 26–27.

[69] *Марков Г.* Българското крушение 1913. София. 1991. С. 62.

inslav

грядущей войны за освобождение порабощенных македонских братьев. Эта версия отстаивалась и в болгарской, и в отечественной литературе, вместе с оправданием инициативы Болгарии по созданию Балканского союза и вытекавшей из этого шага неотвратимости 1-й, а частично и 2-й Балканской войны. Представляется, что эта версия верна лишь отчасти.

Мы уже отмечали, что крестьянство в аграрных государствах, где оно является преобладающим большинством, становится главным препятствием на пути модернизации и по-своему сопротивляется ей. В Болгарии селяне, поднявшись на рубеже XIX–XX вв. на массовые выступления против **экономического грабежа** со стороны ростовщиков и т. п., спустя несколько лет сорганизовалось в партию — известный Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Один из его лидеров А. Стамболийский пошел дальше — в сторону политизации Союза, инициировав оппозицию существовавшим **политическим институтам**. Начав с экстравагантного публичного протеста в Народном собрании в июне 1908 г. против существовавшей процедуры, состоявшей в том, что при открытии сессии парламента князь читает тронную речь сидя и в головном уборе, в то время как депутаты слушают его стоя[71], Стамболийский вскоре (май 1909 г.) позволил себе открыто заявить, что недавнее провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с великодержавной политикой Австро-Венгрии является переворотом и угрожает интересам болгарского народа. В первую очередь международной изоляцией и крупными экономическими потерями.

Выступление набиравшего популярность «земледельческого» деятеля было направлено не просто против Фердинанда, но против монархии как института. Среди аргументов Стамболийского преобладали те, что наиболее соответствовали его общинной крестьянской ментальности. «Самозванные устроители переворота, — писал он в газете «Земледелско знаме», — нарушили Конституцию и попытались вплести **народовластие** в сети некоего царевластия...»[72]. Это «царевластие» вызывало полное неприятие Стамболийского, поскольку, по его мнению, торжество демократии несовместимо с торжеством монархии, а триумф демократии предполагает и требует исчезновения и последних остатков монархизма. Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропаганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС — возвращение людей к отнятому у них демок-

[70] *Марков Г.* България и Балканския съюз ... С. 17.

[71] *Матошич Й.* Кървава България. София. 1991. С. 40.

[72] Цит. по: *Христов Хр.* Александър Стамболийски в новата и най-новата история на България // Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. София. 1980.С. 29.

inslav

ратизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему **самоуправление через народовластие**[73].

Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в своих статьях в «Земледелско знаме» в 1909–1911 гг. только собственное отношение к монарху и монархизму, или также и крестьянской массы, следовавшей за БЗНС, — для ответа на него нет достаточных данных. Но несомненно, что в какой–то мере формировал его. И личная его позиция была выражена вполне определенно! «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными главами и народами, — утверждал он, — только совершенно невежественные массы могут питать какую–то любовь к коронованным главам». Он ссылался и на конкретный исторический опыт, который накопился у болгарского населения со времени Освобождения, указывая, что и сами монархи, случайно попадавшие на княжеский престол, сделали все возможное, чтобы укрепить, сцементировать эту ненависть народа[74].

Отторжение у «земледельцев» вызывал не только институт монархии, но и весь «развратный конституционный режим», разлагающийся и выродившийся из–за дворцовых и партийных интриг настолько, что о политических партиях можно говорить, что они «уже отжили свое»[75].

Эти констатации представляются важными не только для того, чтобы проиллюстрировать, хотя в известной мере и косвенно, отнюдь не благосклонное отношение крестьянского люда к институту монархии в Болгарии — ведь все события в стране, в том числе возможная война, связывались прежде всего с именем Фердинанда. Но особенно они важны для того, чтобы лучше понять, как относилось крестьянство к военному способу решения македонского вопроса, участниками которого будут они сами.

Исходная позиция БЗНС, заявленная в его органе «Земледелско знаме», была резко отрицательной по отношению к возможной войне. И здесь надо иметь в виду еще несколько обстоятельств.

Во-первых, предпринимать военные шаги царь всех болгар, как Фердинанд стал именовать себя после провозглашения независимости Болгарии в 1908 г., был вынужден не столько по собственной воле, сколько под давлением «македонствующих» — ВМРО, Верховного македонского комитета и части офицерского состава армии. Свою лепту вносили наибо-

[73] Тодорова Цв. Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски // Александър Стамболийски ... С. 118.

[74] *Христов Хр.* Указ. соч. С.29–30.

[75] *Тодорова Цв.* Указ. соч. С. 118.

inslav

лее «патриотически» настроенные группировки политических деятелей и интеллигенции, горевшие нетерпением. Сам же Фердинанд, как в свое время Стамболов, готов был удовольствоваться эволюционными программами, согласованными на международном уровне, наподобие Мюрцштегской.

Во-вторых, возможность войны с Турцией имела в Болгарии немало противников: это русофильски настроенные политики, прислушивавшиеся к антивоенным советам России и имевшие, кстати, большое влияние на массы. Среди них — деятель «старой» либеральной партии П. Каравелов. Среди них были также деятели Народной партии, группировавшиеся вокруг газеты «Мир»; вплоть до осени 1911 г., когда началась итало-турецкая война и погромы в Македонии, они обвиняли монарха и правительства Демократической партии в подстрекательстве деятельности четников, провоцировавшей массовое истребление населения в Македонии[76].

Иными словами, ситуация, когда в обществе еще только обсуждался вопрос — воевать или следовать путем мира, требовала лоббирования своих интересов заинтересованными сторонами. И «земледельцы» активно принялись за дело. Стамболийский в разгар предвоенной пропагандистской кампании, осуждал «ощетинившуюся от кастового снобизма военную олигархию», войну с Турцией он считал настоящей авантюрой. В отличие от иных противников военных действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план Стамболийский ставил судьбу крестьянства — главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, — заявлял он, — потому что знаем, какие ужасные последствия несет она этому крестьянскому народу, который заполняет казармы и который будет жертвовать самыми жизнеспособными своими чадами на поле брани». А относительно 2-й Балканской войны «земледельческий» лидер говорил, что народ был просто обманут и отдан на заклание «за интересы, **чуждые** ему, но близкие безумной воле царя»[77].

Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение чужды простому народу? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа попытки их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается нацио-

[76] *Стателова Е.* Някои характерни черти на българския буржоазен партиен печат в навечерието на Балканските войни. 1909–1912 гг. // Известия на Института за история. Т. 21. София. 1970. С. 183.

[77] *Христов Хр.* Указ.соч. С.31–32.

inslav

нальными чувствами, что оно в течение еще долгого времени не вполне ощущает свою этническую выделенность из общей массы большого конгломерата балканцев, которым ничто не мешало хорошо понимать друг друга, объясняться на всех вроде бы разных и не обязательно родственных языках, включая греческий и турецкий.

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на этой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многого стоит. Ну и, разумеется, необходим правильный выбор руководителями места и времени начала боевых действий, продуманность стратегии и тактики.

Представляется, что значительная часть этих условий не имела удовлетворительного качества в Болгарии накануне Балканских войн. О состоянии армейского командования мы уже говорили.

Относительно положения в обществе воспользуемся весьма любопытными наблюдениями французского военного атташе, прибывшего в Болгарию в мае 1912 г. Майор К. Л. де Матарел, участник нескольких французских военных кампаний в Африке и, следовательно, достаточно опытный в военном деле человек, проявил себя наблюдательным офицером. В регулярно отправлявшихся им донесениях по своему ведомству он сообщал и о расстановке сил в болгарских верхах, и о настроениях в обществе в связи с готовившимся кровопролитием.

Так, в докладе от 16/29 июня 1912 г., т. е. примерно за полгода до начала Балканской войны, Матарел отмечал, что под армейскими знаменами находится только половина состава военнослужащих, поскольку наступило время уборки урожая; но, передает он слова заместителя начальника Генерального штаба, в случае необходимости всех можно собрать и привести в боевую готовность за 4-5 дней. «Хочет ли общественное мнение войны?» — задается Матарел интересующим и нас вопросом. И на основе собранного им материала отвечает: «По-видимому, нет», упоминая при этом бытующее мнение, что болгарин пробуждается, только если затронут его интересы. И заключает: «А в этот момент ничто им не угрожает и масса остается безразличной»[78].

[78] Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи. Съставители Стефка Славова и Цветана Дойнова. София. 1977. С. 26.

inslav

Француз не удовлетворяется единственной констатацией, наоборот, постоянно следит за изменениями в настроении общества. Вот характерная запись из того же доклада: «...**ни большинство населения**, ни официальные круги, похоже, не хотят войны при нынешнем положении вещей»[79]. Под официальными кругами Матарел скорее всего имел в виду царя и некоторых его приближенных.

Действительно, царь колебался. После изменения статьи 17-й Конституции в 1911 г. в его руках сосредоточилось руководство внешней политикой, вплоть до права заключать тайные союзы и договора без согласования с парламентом, а значит и вся моральная ответственность за принятие рокового решения. Но «умеренному и осторожному» Фердинанду приходилось учитывать настроения и в армии, и в кругах «македонствующих»[80]. К последним присоединились деятели Демократической партии, вдруг пропитавшиеся агрессивным национализмом, так что даже Александр Малинов, вошедший в болгарскую историю как «знаменосец истинной демократии» и «один из крупнейших идеологов и радетелей парламентской демократии»[81], выступил с четким и определенным лозунгом: «Нам нужна Великая Болгария»[82]. Активную милитаристскую кампанию повели «либеральные» партии, для них война выступала единственным средством решения македонского вороса.

В предвоенные годы печать всех партий значительно возросла, газеты перешли на ежедневный выпуск. Они становились своеобразным выразителем общественного мнения[83], «примеряя» к себе имидж «четвертой власти». Обработка населения проводилась также с помощью митингов, собраний и проч., что не укрылось от внимания Матарела. В середине июля — месяц спустя после его первого сообщения — Матарел свидетельствовал: «Действительно, продолжается обработка общественного мнения, но, похоже, что это напрасно ...Короче, в целом общественное мнение остается спокойным и можно верить, что так и будет продолжаться, пока не случится какое-либо из осложнений, рассмотренных в моих последних письмах (турецкая революция, но действительная, а не только ее угроза, высадка итальянцев в Европейской Турции)»[84].

---

[79] Там же. С. 27.

[80] *Исаева О.Н.* Образ царя Фердинанда в донесениях российских дипломатов // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 53.

[81] *Куманов М.* Александър Малинов — познатият и непознатият. София. 1993. С. 5, 120.

[82] *Стателова Е.* Указ. соч. С. 186.

[83] Там же. С. 176.

[84] Балканската война ... С. 42.

inslav

Такое осложнение вскоре действительно явилось, им стала кровавая резня в с. Кочани в 60 км от Софии, по всей видимости спровоцированная с целью «ускорения» движения Болгарии к войне. Но еще до этих событий Матарел сообщал об активизации деятельности милитаристов, особенно армии и «македонцев». В прошлом месяце, писал он, в Софию вернулись из заграничной поездки посланцы ВМРО, которые настоятельно требовали от великих держав вмешаться в македонские дела, но потерпели в этом неудачу. Организацией митингов «македонцы», живущие в Софии (их около 10 000), пытались возбудить общественное мнение и «увлечь таким образом правительство». Но в целом, считал тогда атташе, «они не могут надеяться вовлечь Болгарию в авантюру»[85].

Однако в его докладе от 14/27 июля 1912 г. уже звучит тревога: «В армии офицеры македонского происхождения проявляют в последнее время сверхвозбудимость. Некоторые из них хотели бы даже начать военные действия без объявления войны, чтобы увлечь правительство. С этой целью они пытались договориться и разослали письма в различные гарнизоны в Царстве. Но и самые горячие из них должны были признать бесперспективность проекта и оставили его»[86].

В этой вязкой для поборников войны атмосфере необходимо было реальное кровавое действо, способное вызвать бурное негодование общественности. В донесении от 28 июля/10 августа 1912 г. Матарел недвусмысленно резюмировал: «Резня в Кочани должна была произойти не для того, чтобы привлечь внимание к Македонии, а чтобы **заставить болгар** заниматься ею. Все последнее время они в целом оставались совсем безразличными и были глухи к призывам бунтовщиков. В моем последнем письме я сообщал о напрасной попытке последних вызвать волнения в армии»[87].

Действительно после событий в Кочани «общественное мнение» зашевелилось. 12 августа на конгрессе македонских эмигрантских обществ (участвовало 550 делегатов) была принята резолюция с требованиями — к болгарскому правительству: немедленно объявить мобилизацию, а к правительствам великих держав — предоставить автономию Македонии и Одринско с генерал–губернатором христианином во главе. Свой сигнал получила и пресса — журналисты в Софии на общем собрании решили путем митингов развернуть в народе движение в пользу Македонии.

Одно из последних довоенных сообщений Матарела — от 25 августа/7 сентября сильно отличается по содержанию от предшествующих.

[85] Там же. С. 27.
[86] Там же. С. 42.
[87] Там же. С. 47.

inslav

«Нынешнее положение трудно определить. Мы в ожидании», — в этой фразе атташе ощущается напряженное состояние духа в стране. И дальше Матарел так суммирует свои выводы: «Сведения, которые мне удалось собрать, позволяют мне установить, что 1) Царь и правительство обеспокоены состоянием общественного мнения и боятся, что их толкнут на принятие тяжелых решений под угрозой революции в стране.

2) Сознание *народа* (выделено Матарелом) действительно в пользу войны.

3) Среди части населения и особенно среди македонских бунтовщиков существует большое возбуждение, они заявляют, что предпочитают видеть **Болгарию исчезнувшей**, чем продолжать нынешнее положение.

4) Офицеры македонского происхождения — в нервном возбуждении и требуют защиты членов своих семей, еще находящихся в Македонии...»[88].

В каждом из четырех процитированных пунктов (их на самом деле больше) есть на что обратить специальное внимание. Фактом становится, что **Болгарию подняли на дыбы**, главным образом, провоцирующие действия «македонствующих» и военных; в свою очередь гражданские милитаристы — политические деятели разного рода и часть интеллигенции — помогли собрать максимально большую армию, как только 17 сентября 1912 г. Фердинанд подписал указ о всеобщей мобилизации. **По призыву**, сообщает Матарел, явилось 130 000 человек, к ним стали присоединяться **добровольцы**; вооружается и **организуется в команды и македонское население, насчитывающее в Болгарии свыше 200 тысяч**[89]. (Возможно эти данные о составе откликнувшихся на призыв к войне носят несколько субъективный характер, а сам вопрос требует дополнительного изучения.)

Так дело дошло до 1-ой Балканской войны. Она была отмечена рядом побед болгарского оружия, в ходе ее воины показали немало примеров героизма и себеотрицания, и Болгария вправе гордиться их успехами. С нескрываемым удовлетворением генерал Радко Димитриев писал, что «Болгарский народ дал армии около 12% населения. Такого напряжения Европа не знала до сих пор, разве только в теории. Мы первыми реализовали теорию, создав в полном смысле слова армию — вооруженный народ. В истории новейших войн только буры и черногорцы приближались к такому напряжению»[90].

---

[88] Там же. С. 67.

[89] Мадол Х.Р. Указ. соч. С. 87.

[90] Димитриев Р. Трета армия в Балканската война 1912 г. София. 1922. С. 34.

inslav

Но логика воинственного азарта имеет свои законы. 2-ю Балканскую войну — роковую для последующей судьбы Болгарии — войска начали всего лишь по приказу Главной квартиры — без уведомления правительства перейдя сербскую и греческую границы. Согласно некоторым утверждениям, царь пытался их остановить, но было уже поздно; да и тогдашний министр иностранных дел Н. Генадиев угрожал Фердинанду, что такой приказ будет стоить ему головы[91].

За поражением во 2-й Балканской войне последовал новый катастрофический военный провал Болгарии — на этот раз в мировой войне. Преследуя казалось бы только узкоспециальные, собственные цели, болгарские стратеги не умели понять всей опасности вступления малой «державицы» в **многостороннюю европейскую войну**, капацитета для которой они не накопили. В известной мере искусственно взращенные патриотизм и энтузиазм в рядах армии и частично населения Болгарии могли быть лишь «оркестровым» сопровождением битвы, но не боевым оружием на поле брани начала XX века — века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих; а кроме того — по морально-боевым качествам как высшего военно-политического руководства стран-участниц, так и рядового состава военнослужащих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно социальной области было с ними тягаться.

Примечательны в этом отношении во многом неожиданные для болгарской историографии рассуждения Ст. Влахова-Мицова: болгарская армия, пишет он, проявила в двух балканских войнах исключительный героизм, но на короткое время; в этом сыграла свою роль «настроенность всего народа на политику одного удара»[92]. В качестве важного фактора автор указывает на то, что «для нации в целом оказалось невозможным выдерживать длительное напряжение»; окопная война была очень трудной для болгарской армии, но и продолжительные бои приводили к ее быстрому истощению. «Даже идея национального объединения, — отмечает он, — не могла надолго удержать воюющих болгар от деморализации, в отличие, например, от немцев и русских, которые были в состоянии воевать по 5–6 лет непрерывно»[93].

Далее Ст. Влахов-Мицов оперирует такими цифрами (точность приводимых данных и их объективность оставим на совести автора. — *Р. Г.*):

[91] Балканската война... С.87.

[92] Влахов-Мицов Ст. Указ. соч. С. 106.

[93] Там же. С. 107.

inslav

в 1913 г. Болгария капитулировала, потеряв, по его подсчетам, из 720 тысяч мобилизованных 66 тысяч убитыми и около 60 тысяч ранеными, т. е. потери составили меньше 20%. Тогда как Австро–Венгрия и Германия сдались в конце Первой мировой войны после того, как 90% и почти 65% их армий (соответственно) вышли из строя, а Россия и Франция одержали свои победы, принеся в жертву по 76,3% и 73,3% состава, а Румыния — 71,4%. «Эти цифры, — считает Ст. Влахов–Мицов, — являются объективным сравнительным показателем готовности той или иной нации осуществить свои национальные интересы»[94]. Он отмечает также, что деморализация коснулась и болгарских верхов: большая часть болгарской армии вообще, по его мнению, не участвовала в межсоюзнической войне, а при вступлении румынских войск на территорию Болгарии правительство распорядилось не оказывать им никакого сопротивления; была отвергнута и идея объявить народную войну против нашественников. «Так что вина за первую национальную катастрофу, — заключает автор, — является коллективной»[95].

Последнее утверждение Влахова–Мицова представляется неточным: в круг виноватых он включает, по-видимому, и весь народ и, в частности, его служивых — тех же крестьян, как не проявивших в должной мере «духа нации». Но для формирования такого духа нужно время, а того, что было отпущено историей населению страны, очевидно, оказалось недостаточно. Да, по-видимому, он и не мог быстро сформироваться в по-прежнему преимущественно крестьянской стране с общим невысоким уровнем культуры и грамотности; к тому же массовидная глыба сельского населения вообще не любит и не хочет воевать и не слишком жаждет разделения себя на этнические или национальные группы, тем более, когда это навязывают сверху. «Болгары всегда жили в сравнительно гомогенной и нивелированной этносоциальной и культурной среде», признает известный болгарский ученый М. Лалков[96].

Дальнейшее известно: в 1918 г. Фердинанд вынужден был отречься от престола и вернуться в родной Кобург. Болгария на Парижской мирной конференции была признана агрессором и получила очень тяжелые условия мирного договора. Для ее населения начался период весьма слож-

---

[94] Там же. С. 106.

[95] Там же. С. 105.

[96] Лалков М. Историята като признание и «искра божия» // Модерният историк. С. 11.

inslav

ной адаптации к новым условиям государственно–политической и общественной жизни, который целесообразно рассмотреть отдельно.

В качестве короткого резюме скажем, что успешность попытки привить конституционную монархию на болгарскую почву (как это рекомендовали участники Берлинского конгресса 1878 г.) — с точки зрения прорастания элементов этого института в клетки болгарского общества и приятия в большей или меньшей степени их населением — может быть отнесена лишь к таким его составляющим, как конституционность и парламентаризм. И то только в определенной мере. Что же касается самого института монархии, то хотя он в конечном счете устоял (Фердинанду наследовал его сын, ставший царем Борисом Ш (1918–1944), прочной опоры в Болгарии так и не обрел вплоть до середины 30-х гг. XX в. Ни одному из тогдашних монархов не удалось преодолеть отчужденности народа, разлада между ними и управляемым ими населением. Как не удалось сплотить вокруг престола и политико–экономическую элиту. Неустойчивость положения владетелей внутри страны являлась по существу постоянно действующим фактором, заставлявшим каждого из них часто думать об отречении, как о выходе из положения.

Не менее трудными были их отношения с внешним миром. В рассматриваемые годы болгарским монархам лишь сверхусилиями и чуть ли не чудом удавалось получить признание на международной арене. Почти все время они находились в «подвешенном» состоянии, становясь игрушкой то российской, то иной дипломатии, или находясь под ударами авторитетных, но нелегальных структур, стремившихся использовать монаршью власть в своих интересах.

За период от Освобождения до Балканских войн Болгария сумела пройти некоторый путь экономической модернизации. Строились железные дороги, пристани, фабрики, появились торговые и банковские династии. Страна переживала и периоды экономического подъема, временами существенного, если иметь в виду общий уровень ее развития, например, «золотые годы» начала XX в., когда в некоторых категориях населения сравнительно бодро начался процесс «превращения человека традиционного общества в коммерсанта и предпринимателя буржуазного типа». Однако две военные катастрофы привели не только к существенному торможению этого движения, ослаблению Болгарии в экономическом, политическом и военном отношении, «но, как оказалось, вообще закрыли путь к ее национальному объединению»[97].

[97] Георгиев В. Развитие на политическата система в България. 1918–1944 // България 1300. Институции и държавна традиция. Доклади на 3–я конгрес на Българското историческо дружество. София. 1981. С.295.

inslav

В результате взбалмошная болгарская политическая «элита», обуявшись идеей «Великой Болгарии», не рассчитала сил и потерпела поражение масштаба «национальной катастрофы». При этом не успокоилась, а передала будущему поколению политиков практически «битую карту»: ревизия, а затем и реванш стали главным содержанием не только международных отношений, но и внутренней жизни Болгарии всего межвоенного периода. В таких условиях серьезные модернизационные усилия в социально–экономической сфере страны отходили далеко на задний план.

inslav

Ямбаев М. Л.

Четы ВМОРО — компонент политической системы Болгарии. (Начальный этап их деятельности)

В книге А. В. Амфитеатрова «Страна раздора. Балканские впечатления», вышедшей в России в 1903 г., есть занимательный эпизод. Александр Валентинович, очень известный в ту пору литератор, тогда только что вернулся из поездки по Балканам. Рассказывая читателям о своих впечатлениях, в качестве иллюстрации он приводит и такую сцену. В купе поезда, следующего, судя по всему, из Ускюба (ныне г. Скопье — столица Республики Македония) в Салоники, едут С. Симич, сербский дипломатический представитель в Приштине (и несколько позднее — в Софии, а затем — начальник консульского отдела сербского МИД), некий «высокопоставленный турок Хамди-паша» и сам Амфитеатров. В ходе завязавшейся беседы, Хамди-паша заметил, что в Косовском вилайете «теперь... даже тише, чем было раньше» (разговор происходил в 1901 г.)

— Как, тише?! — возопил Симич, — а аресты ваши ужасные?! Кто из славян под турецкой рукой засыпает с уверенностью, что в ночи не отведут его в тюрьму?

Красивое лицо Хамди (кстати, серба по матери. — *М. Я.)* приняло выражение холодной злобы.

— Позвольте, позвольте! — медленно и полицейски повелительно сказал он. Мы никаких *славян*, никаких *сербов*, никаких *болгар* (выделено в тексте. — *М. Я.)* не арестуем (sic. — *М. Я.*), — мы арестуем подданных его величества султана, злоумышляющих против целости его империи. Если вы покажете нам европейское государство, где политических сепаратистов не арестуют, — мы, пожалуй, даже пустим гулять на свободу всех своих...[1]»

---

[1] Амфитеатров А. Страна раздора. С.-Пб., 1907., С.31.

inslav

И, действительно, с точки зрения не только турецкого правительства и местного законодательства, но и международного права, действовавшие на территории Османской империи организации, традиционно называемые национально-освободительными, являлись не просто внеконституционными, а антиконституционными. И Высокая Порта формально юридически имела все законные основания для их уничтожения.

* * *

Основы самой известной из подобных организаций — Внутренней македонской революционной организации — были заложены в октябре 1893 г. в Салониках (Солуни). На первом заседании «учредительного съезда» Организации присутствовали Д. Груев, Х. Татарчев, И. Хаджиниколов, П. Попарсов, А. Димитров, Х. Батанджиев. Председателем ЦК был избран Х. Татарчев, секретарем Д. Груев. В следующем году к организации присоединились Г. Делчев и П. Тошев. После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т. е., главным образом, реализация его 23-й статьи.

Напомним, что по условиям Договора, подписанного на Берлинском конгрессе 1/13 июля 1878 г., Турция должна была провести в европейских вилайетах (следовательно и в Македонии) определенные реформы. В частности, статья 23 Договора указывала: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. (Устав предоставлял Криту частичную административную автономию, но на деле не был реализован. — *М. Я.*) с изменениями, которые будут признаны справедливыми. Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим трактатом». Статья 62 провозглашала равноправие различных вероисповеданий в Османской империи[2].

В первые месяцы 1894 г. цель Организации была конкретизирована — достижение автономии Македонии. Х. Татарчев вспоминал, что основоположники Организации не могли провозгласить её целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», т. к. осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией,

[2] Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С.192, 205-206.

inslav

а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов». Существенным является признание основателями Организации того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно, сербской пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям Д. Груева, ещё в 1891 г., когда группа студентов из Македонии задумывала в Софии создать революционную организацию, они имели ввиду необходимость противодействия сербской пропаганде, необходимость поставить в повестку дня идею освобождения Македонии, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ»[3].

До 1896 г. Организация, созданная в Салониках, носила название Македонской революционной организации, затем по 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские* революционные комитеты (БМОРК), с 1902 г. по 1905 г. — Тайная македонско-одринская революционная организация (ТМОРО), а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО)[4].

Согласно первому из известных уставов революционной организации — Уставу БМОРК 1896 г. — членом организации мог стать «любой болгарин, ничем себя не скомпрометировавший, который обещает быть полезным революционному освободительному движению». Позднее это слишком узкое в этническом отношении положение было изменено. И членом Организации, по новым уставам, мог стать сначала «любой македонец или одринец (т. е. житель Адрианопольского вилайета. — М. Я.)» (Устав ТМОРО 1902 г.), а затем — «любой живущий в Европейской Турции» (Устав ВМОРО 1905 г.)[5].

Вслед за созданием Солунского (или Салоникского) комитета его руководители приступили к организации местных революционных комитетов по всей Македонии. На съезде Организации в 1896 г. Солунский комитет был признан Центральным, а территория Македонии разделена на революционные округа. Было принято решение об учреждении Заграничного представительства Организации в Софии для связи с междуна-

[3] Пандев К. Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878. // Борбите в Македония и Одринско. 1878-1912. Спомени. София, 1981.С.9; Он же. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878-1903. София, 1979.С.67-70; Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т.1.София, 1983.С.39-40.

[4] Пандев К. Националноосвободителното... С.77, 129, 204.

[5] Он же. Националноосвободителни... С.11.

* От болгарского названия Адрианопольского вилайета (провинции) Османской империи — Одрински

inslav

родной общественностью и поставок в Македонию литературы, финансовых средств и оружия. Первыми заграничными представителями стали Г. Делчев и Г. Петров.

Таким образом, Организация изначально носила проболгарский характер. Ее политические цели отвечали интересам болгарского княжества. Поэтому она пользовалась определенной поддержкой болгарских правительств, пусть даже и неофициальной. Исследователь болгаро-македонского революционного движения К. Пандев отмечал: «В течение известного времени Внутренняя организация поддерживала связи с болгарским правительством. В данном случае обе стороны преследовали свои цели. Организация стремилась использовать материальную и моральную поддержку, которую ей могло оказать правительство. Премьер К. Стоилов*, со своей стороны, стремился оторвать Организацию от Верховного Македонского Комитета, и в то же время показать, что не перестал... интересоваться освободительным делом». В своих отношениях с ВМОРО Стоилов использовал открытые в 1897 г. в Македонии болгарские торговые агентства. Посредством этих учреждений он пытался установить прямой контакт с деятелями Организации. Поэтому секретарями в агентствах были назначены люди близкие к ней — Карайовов, Наумов и др. Кроме того, оказывая помощь, он старался навязать Организации свое влияние, подчинить ее и воспрепятствовать активным действиям, которые могли бы вызвать осложнения. «Естественно, при таких условиях, установленные связи не могли быть искренними и устойчивыми», считает Пандев[6].

В июне 1896 г. Г. Петров был принят болгарским премьером. Петров сообщил о положении дел в Македонии**. Он утверждал, что в Македонии существует почва для революции, говорил о необходимости вооружить население провинции, для чего потребуется 5-10 тыс. ружей и около 100 тыс. левов. Он предложил взять эти деньги «вместе с экзархийскими суммами, а Экзархату*** дать за них расписку». В июле Стоилов принял видного деятеля Организации Х. Матова. Последний получил от Ускюбского экзархийского митрополита Синесия визитную карточку, согласно

[6] Он же. Националноосвободителното... С.172-173.

* Занимал пост главы болгарского правительства в 1894-1899 гг.

** Стоилов записал в дневнике: «Георгий Петров из Прилепа, житель Македонии и агент военного министерства в Македонии».

*** Болгарский экзархат учрежден султанским фирманом (указом) в 1870 г. В его состав были включены две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, если за это выступит 2/3 их православного населения.

inslav

которой являлся «доверенным лицом» митрополита. Стоилов записал в дневнике: «Матов, директор училища в Скопье: революционная идея очень распространена в Македонии; сербская пропаганда не опасна,... есть потребность в оружии»[7].

Основная часть вооружения для Организации поступала из Болгарии, что облегчалось тем, что четыре из шести революционных округов Организации, на которые была разделена территория Европейской Турции — Скопский, Струмицкий, Сересский и Одринский — граничили с Болгарией. Большую помощь в вооружении чет оказывал Верховный Македонский Комитет в Софии. Важным источником снабжения чет боеприпасами была и болгарская армия — вынос оружия из казарм и с армейских складов был постоянным явлением. Кроме того, болгарское правительство выделяло деньги для Организации. Еще летом 1896 г. Д. Груев встретился в Софии с видными деятелями Македонских комитетов Б. Сарафовым и А. Бозуковым, представившими его военному министру Р. Петрову. Груев попросил его помочь оружием для Организации. Министр обещал ему «под свою личную ответственность» 200 винтовок системы Мартини.

Оружие поставляли также греческие, албанские и турецкие контрабандисты[8].

Болгарский историк С. Грынчаров подчеркивал, что наряду с институтами верховной власти, политическими партиями и общественными организациями и т. д. к реальным компонентам политической структуры Болгарии следует отнести еще и «значительную эмиграцию болгар из Македонии и Адрианопольского вилайета», по-своему организованную. Он убедительно показал «постоянное и солидное присутствие македонских болгар абсолютно во всех сферах болгарской общественной, политической и культурной жизни». Следствием этого «специфически болгарского» явления было то обстоятельство, что общественное мнение страны постоянно живо интересовалось действиями болгарского правительства в македонском вопросе и живо на них реагировало[9]. В Болгарии в 1893 г. возникли военные (или офицерские) македонские братства. Представители Внутренней Организации тесно сотрудничали с ними, особенно, после того как их возглавил генерал И. Цончев, оказавший Организации значительную помощь. В 1897 г. он предпринял поездку по Македонии

[7] Там же. С.127.
[8] Там же.
[9] Грънчаров С. България на прага на 20 столетие. София, 1986. С.164-165.

inslav

для ознакомления с нуждами Организации и положением дел на месте. В Салониках он встретился с членами ЦК.

Связи Организации с офицерскими братствами особо беспокоили болгарское правительство. Болгарские торговые агенты в Македонии докладывали, что деятельность Организации направляется неким нелегальным «офицерским комитетом» под руководством высших болгарских офицеров. В октябре 1897 г. солунский торговый агент А. Шопов доложил Стоилову, что «местный комитет имеет своих руководителей в Софии. Ими руководил нелегальный офицерский комитет, во главе которого стояли бывший военный министр Р. Петров и бывший македонский учитель Г. Петров». Торговый агент в Ускюбе Д. Ризов сообщал в марте 1898 г., что «бывший военный министр Р. Петров в компании с македонским бездельником* Гьорше Петровым (родом из Прилепа) якобы составили некий тайный македонский комитет... »[10]

Как руководящий орган легальной организации македонских обществ в Болгарии в марте 1895 г. под руководством Т. Китанчева был создан Македонский Комитет, который после Второго съезда в том же 1895 г. получил название Верховного Македонского Комитета, а в 1900 г. — Верховного Македонско-Одринский Комитета. ВМК своей целью, также как и ВМОРО, провозглашал достижение автономии Македонии. В армии его создание было встречено с энтузиазмом, офицеры сдавали деньги в фонд комитета, заявляли о готовности добровольцами отправиться в Македонию.

Военные братства под руководством Комитета начали готовить засылку в Македонию вооруженных отрядов, которая вошла в историю как «Четническая акция 1895 года». К подготовке были привлечены известные македонские воеводы, ранее промышлявшие, в основном, грабежами богатых турок. Воеводы прекрасно знали приграничную македонскую территорию, где должны были развернуться события. Они дали клятву, что будут придерживаться данных им инструкций: не допускать самовольных действий и поборов, не посягать на мирное турецкое население, оплачивать продукты, забираемые в случае необходимости у сельских жителей и т. д.[11] Было организовано четыре больших отряда и несколько малых чет общим числом около 800 человек.

Первый отряд — «Струмицкая дружина» — под командованием поручика Начева состоял из 160 человек. Его задачей было напасть на город

[10] Пандев К. Указ. соч. С.171-172.; Шопов А. Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С.71.

[11] Силянов Х. Указ. соч. С.56.

* болг. «нехранимайка» — бездельник, лодырь, шалопай.

inslav

Струмицу и уничтожить небольшую артиллерийскую батарею (отделение), расположенную там. Но уже в первую ночь отряд лишился командира. Произошло несколько кровопролитных столкновений с турецкими военными подразделениями. В результате, так и не выполнив задачу, отряд вернулся в Болгарию. В живых осталось 75 человек.

Вторая дружина — «Пирин-планина» — также действовала неудачно.

Самым многочисленным — 200 человек — был отряд воеводы «деда» Стою, действовавший без полномочий комитета. Дед Стою вывел свой отряд к селу Доспат, населенному помаками (болгарами-мусульманами). Отряд Стою напал на село и сжег его. Затем он перебрался в район города Драма, где напал на владение богатого турка, но в ходе завязавшейся стычки воевода был убит. Товарищи Стою разрубили его тело на мелкие куски и разбросали по полю, чтобы не было известно о смерти их воеводы, наводившего ужас на турецкое население этих краёв[12].

29 июня подпоручик Б. Сарафов во главе 45 человек перешел границу и двинулся в направлении города Мелник. Большого труда Сарафову стоило заставить воевод «старой закалки» воздерживаться от поборов с населения, дабы начатое «дело оставалось чистым, патриотическим, политическим». Но разбойное прошлое воевод дало о себе знать — пострадало несколько мирных греков, а греческий священник вообще едва спасся бегством. Акция по взятию Мелника прошла успешно. В отряде Сарафова было всего два легко раненых бойца. Спустя непродолжительное время четники Сарафова покинули город.

Болгарское общество было разочаровано результатами «четнической акции». От нее ожидали совершенно иного масштаба и продолжительности. Всё происшедшее было простым вторжением извне без какой-либо подготовки на местах. Больше всего обескуражили действия воевод. Турки провели анкетирование жителей села Доспат и предъявили Европе неприглядную картину произошедшего. У Т. Китанчева случился сердечный приступ и вскоре он умер[13].

После смерти Т. Китанчева ВМК стал претендовать на руководящую роль в македонском освободительном движении, с 1897 г. Стоилов «всячески стремился умалить значение Комитета в Болгарии»[14]. Между тем, после того как в 1899 г. ВМК возглавил Б. Сарафов с ВМОРО было налажено самое тесное сотрудничество, продолжавшееся полтора года. В состав Комитета неофициально, без избрания на съезде, были включе-

[12] Там же. С.57-58.

[13] Там же. С.58-59.

[14] Пандев К. Националноосвободителното... С.170-171.

inslav

ны заграничные представители Внутренней организации — Г. Делчев и Г. Петров.[15]

* * *

Итак, после основания ВМОРО в 1893 г. ее структуры в течение ближайших лет были созданы по всей территории Македонии. После Салоникского съезда 1896 г. ВМОРО начала деятельность по вооружению населения Македонии. Изначально, по вполне понятным причинам, ВМОРО не имела постоянно действующих чет (вооруженных отрядов). Первые Устав и Регламент организации даже не предусматривали их создания. Были организованы курьерская служба и временные четы, распускавшиеся после выполнения поставленной задачи. Они формировались по мере необходимости из деятелей организации, постоянно имевших при себе оружие, — из курьеров и террористов. Для этой цели привлекались также и македонские разбойники — т. н. харамии*. Создаваемые четы перевозили оружие, совершали «экзекуции» (проводили карательные акции против неугодных им личностей), добывали средства на нужды ВМОРО, но после выполнения задач четники расходились по домам, вновь становясь внешне лояльными подданными Султана.

В 1893-1896 гг. Внутренняя организация довольно успешно конспирировала свою деятельность. Аресты отдельных ее членов не приводили к крупным разоблачениям. В 1895 г. было захвачено два курьера Организации, перевозивших значительное количество оружия. Но даже и под пытками они никого не выдали.

Первым серьезным провалом в деятельности революционных комитетов Организации стало т. н. «Виницкое дело», началом которому послужило убийство ранней весной 1898 г. в селе Виница Косовского вилайета двух турок — кмета (старосты) села и его матери. В ходе расследования было допрошено множество болгар. В результате были найдены склады оружия, но, самое главное, выяснилось, что Македония «покрыта сетью» подпольных революционных комитетов.

«Виницкое дело», а вернее, последовавшие за ним репрессии и усиление преследований со стороны турецких властей, способствовало созда-

[15] Панайотов Л. Вътрешна Македоно-Одринска революционна организация. // 100 години ВМОРО. София, 1994. С.14-15.; Пандев К. Националноосвободителни... С.13-14.

* Харамия, или арамия — во всех южнославянских языках обозначает грабителя, разбойника. Человек, занимавшийся грабежами богатых турок. (См. напр. Македонско-русский словарь. М., 2003. С.27. «Арамија»)

inslav

нию весной 1898 г. первых постоянных нелегальных боевых единиц Организации — чет.

Как указывает болгарский исследователь Тодор Петров, первые террористические группы «для наказания изобличенных шпионов» были созданы по решению ЦК еще в конце 1895 г. Так, в 1896 г. городской комитет Организации в Крушево создал террористическую группу, которая наказывала «провинившихся перед организацией без различия их веры и народности, но также собирала средства на нужды организации, помогала её вооружению»[16].

Опираясь на накопленный опыт, принимая во внимание значение террористических групп и считая необходимым увеличение их количества, ЦК ВМОРО на Салоникском съезде 1896 года обратил на тергруппы особое внимание и официально классифицировал их как тайную полицию Организации. Задачи, структура и состав полиции были подробно изложены и определены в уставе и регламенте ВМОРО, выработанных на основе результатов состоявшихся на съезде дискуссий. Согласно статье 10 устава, каждый комитет организации имел свою тайную полицию, цель которой состояла в том, чтобы следить «за делами внутренних и внешних врагов» и защищать от них подразделения Организации. В зависимости от задач, которые необходимо было выполнять, тайная полиция подразделялась на сыскную и карательную или уголовную. Сыскная полиция выполняла разведывательные функции. Уголовная приводила в исполнение приговоры местных комитетов или ЦК в отношении лиц, «провинившихся по делу Организации». Террористы карательной полиции были обязаны всегда иметь при себе револьвер и кинжал, а во время «акций» — два револьвера*. Террористические группы ВМОРО по состоянию на октябрь 1899 г. функционировали не менее чем в 12 околиях Македонии[17].

О деятельности тергрупп болгарский торговый агент в Скопье Д. Ризов докладывал министру иностранных дел и исповеданий Т. Теодорову в июне 1898 г.: «Около двух-трех недель назад Г. Петров отправил из Софии в Македонию несколько экзальтированных македонских патриотов, с целью убивать людей, и таким образом собирать средства для «дела»... Гьорче [Петров. — *М. Я.*] не забыл произвести этих молодых людей в

[16] Георгиев В., Трифонов С. Гръцката и сръбската пропаганди в Македонии (Краят на XIX — началото на XX век). София, 1995. С.25. Петров Т. Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899-1908). София, 1993., С.12

[17] Петров Т Указ. соч. С.12-14.

* Отсюда пресловутая «стрельба по-македонски» — с двух рук.

inslav

«террористы» — штаб-офицерский революционный чин[18]. Несколько подробнее писал об этой акции заменявший Ризова Наумов: Петров со товарищи «решили взяться за свое старое ремесло — террор». Причем, недавний провал в Винице никак не повлиял на них. «В середине июня через Виницу они отправили семь молодых людей... с террористической миссией убивать всех тех (турок, болгар и пр.), кто так или иначе мешал или мешает революционному делу в Македонии»[19].

В 1899 г. террористические группы были формально распущены и их функции перешли к создаваемым постоянно действующим (регулярным) четам. Но, все-таки, отдельные тергруппы продолжали существовать. Так, например, в 1902 г. в Скопской околии действовали три такие группы (болг. — «дружинки»), уничтожавшие шпионов и собиравшие деньги для организации[20].

Тодор Петров называет регулярные четы «вооруженными силами организации, выполнявшими... роль национально-освободительной армии, которая хотя и была нерегулярной и нелегальной, успешно осуществляла против поработителей политику ВМОРО с помощью оружия, и, по существу, представлявшую армию болгарского населения в Македонии и Адрианопольской Фракии». По словам того же историка, в процессе образования ЦК, окружных, городских и сельских комитетов ВМОРО оформились и руководящие органы нелегальной болгарской власти на территории порабощенных болгарских земель[21]. Через собственные, «неформальные» органы правосудия Организация стремилась ослабить связи крестьян с турецкими властями, прежде всего в интересах своей безопасности. В отдельных районах жителям сел запрещалось контактировать с турецким населением, покупать у него что бы то ни было и работать по найму. Крестьяне были обязаны полностью содержать находящихся в их селе четников[22].

В архивах русских консульств в Македонии всему этому можно найти массу ярких подтверждений.

Консул в Битоли А. А. Ростковский сообщает, например, в ноябре 1901 г.: «Все учителя народных школ назначаются по указанию революционного комитета, которому удалось недавно добиться от экзарха предписания здешним архиереям защищать все прежние привилегии церкви

[18] Георгиев В., Трифонов С. Указ. соч. С.25.

[19] Там же. С.26.

[20] Петров Т. Указ. соч. С.28, 64.

[21] Там же. С.3-4, 9, 10.

[22] Пандев К. Гоце Делчев и четническият институт на ВМОРО // Военноисторически сборник. 1980.N2. С.92-111., С.100-101.

inslav

и не позволять турецким властям отстранять учителей от преподавания из-за их неблагонадежности»[23]. В октябре 1902 года он пишет: «комитеты не позволяют селянам обращаться к властям с жалобами, а заставляют прибегать к суду инсургентов для разбора взаимных претензий»[24]. Генеральный консул в Салониках А. А. Гирс в феврале 1903 г. докладывает: «Во всем здешнем округе (разумею не один Солунский вилайет) едва ли найдется селение покрупнее, в котором не гнездилась бы чета повстанцев. Личный состав этих чет селянам известен. Последние находятся поэтому с ними в постоянном общении и настолько подчиняются их влиянию и власти, что были случаи обращения, всегда успешного, крестьян к четникам за помощью в деле обнаружения виновных в разных преступлениях, обычных в сельской жизни, таких как конокрадство, воровство... » Селения обложены «натуральной и денежной повинностью» для заготовки разного рода запасов[25].

Тот же Амфитеатров писал: «Болгарский агент — священник, учитель, комитаджий, четник — становится негласным правительством страны (Македонии. — *М. Я.*) и как бы ее душой»[26].

И если селяне «несли натуральную и денежную повинность», то горожане из тех, кто побогаче, платили своеобразный «подоходный налог» революционной организации. Отказ от уплаты карался крайними мерами.

Например, летом 1900 года русский консул докладывал о том, что в Битоли все более или менее состоятельные болгары получили письма с требованием предоставить определенные суммы революционным комитетам. Срок выплаты определялся в три дня. В случае неуплаты в срок, приходили еще два письма. Сумма каждый раз удваивалась под угрозой смерти, если оплата не состоится. По дошедшим до сведения Ростковского слухам, болгарский торговый агент в Битоли «хотел было известить свое правительство о преступной деятельности комитетов, но ему под рукою [sic!- *М. Я.*] дали знать, что если министерство и не сочувствует, то во всяком случае не осмелится что-либо предпринять против этих рьяных патриотов». Турки предприняли ряд арестов и, как это часто бывало, совершенно не тех людей. «Благодаря такому неумению турок, — продолжал Ростковский, — комитеты приободрились и решили не приостанавливать своей преступной деятельности... На днях один из получивших ранее извещении о произнесенном над ним смертном приговоре за

[23] АВПРИ.Ф.180 (Посольство в Константинополе), Д.1453.Л.72-74.

[24] Там же. Д.1454.Л.94об.

[25] Там же Д.2289.Л.23об.-24, 25об.

[26] Амфитеатров А. Славянское горе. М., 19 -., С.246.

inslav

отказ дать 500 франков комитету 70-летний [!!!-М. Я.] священник о. Ставре, отправляясь в церковь для очередного служения обедни, подвергся нападению у самого входа в церковь подосланных убийц. Раненный в ногу пулей навылет, о. Ставре узнал одного из убийц, который будучи арестован, выдал не только своего сообщника, но и человек десять приказавших им убить священника. [...] Покушение на убийство о. Ставре* возмутило всех, тем более, что он — первый священник, признавший в Битоли Экзарха и потому считавшийся здесь одним из возродителей болгарской национальности. Но нынешние македонские деятели не стесняются убивать чуть ли не в самой церкви, не признают для себя никаких авторитетов, а только ищут денег под предлогом необходимости вести агитацию, а на самом деле для того, чтобы без труда иметь возможность жуировать. Эти меры устрашения принимаемые комитетами якобы для укрепления болгарской идеи достигают совершенно противоположного результата. Так, например, убийство Абдурахмана бея возле Дибры, совершенное, как говорят, болгарами за то, что он покровительствовал сербской пропаганде, заставило 10 сел Поречья признать себя сербскими из опасения, что албанцы будут мстить болгарам за убийство бея»[27].

В донесении от 25 сентября 1900 г. Ростковский делает следующий вывод: «Вообще следует заметить, что все меры, принимаемые в последнее время комитетами, приносят скорее вред нежели пользу болгарской идее. Не говоря уже о властях, которые стараются всеми силами поддержать другие национальные пропаганды во вред болгарской и потому не дают экзархистам никакой защиты от притеснений мусульман, но и сами богатые турки-землевладельцы заставляют своих крестьян отказываться от болгарской национальности и переходить на сторону сербов, которые считаются лояльными относительно султана, а не такими революционерами, какими являются болгары. Все эти обстоятельства заставляют поневоле простых крестьян избегать всяких сношений с болгарами и дружить с сербами, тем более, что здешнее народонаселение до того развращено, что для него нет ничего священного, ни национальности, ни патриотизма, и потому руководствуется исключительно личной выгодой. Раз им не выгодно быть болгарами, то отчего же не быть сербами. Число убийств все увеличивается и они остаются большей частью ненаказанными, т. к. ни один свидетель из боязни мести не решается давать показания против убийц»[28].

14 февраля 1901 года Ростковский сообщил, что «болгарские революционеры... устраивают в разных горных селах склады оружия и подгова-

[27] АВПРИ. Ф.180. Д.1451. Л.46-47, 48об-49.

[28] Там же. Л.51об.

* Священник осенью 1900 г. все же был убит.

inslav

ривают население весною подняться, чтобы сбросить с себя турецкое иго. Деятельность болгарских революционных комитетов не ограничивается только селами, признавшими себя под ведомством Экзарха, но распространяется и на села, признающие еще Патриарха, причем в последних говорят населению, что будто произошло, по совету России, соглашение между всеми Балканскими государствами об освобождении Македонии от турецкого владычества». При этом, комитеты «усиленно вымогают под угрозами деньги на революционные цели не только у болгар, но и у последователей эллинизма». Комитет раздает ружья греческого образца «Гра» населению, «уверяя его, что само греческое правительство сочувствует восстанию наравне с Болгарией. Кроме того, в казе* Флорина появился какой-то Марко, эмиссар болгарского комитета, объезжающий села и уговаривающий население восстать против турок». Сопровождавший его человек выдавал себя за греческого офицера. Они демонстрировали населению некую бумагу с государственными гербами России, Греции, Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории, в которой обещалась «скорая помощь восставшим». Об этом консулу сообщили селяне, не поверившие провокаторам и явившиеся к нему за разъяснениями. Ростковский убедил их в том, что это «наглый обман». Эта история имела печальное продолжение. На поимку этих активистов комитета были посланы турецкие отряды. Они, конечно же, не смогли арестовать эмиссаров — те давно уже покинули названную казу. Но турецкие обыски в деревнях, сопровождавшиеся издевательствами над крестьянами, продолжались[29].

18 марта 1901 года Ростковский сообщал о судебном процессе над болгарами, обвиненными в организации революционного комитета, а также в убийстве священника Ставре «за отказ дать деньги комитету на революционные цели». Часть обвиняемых была оправдана, 12 осуждены и один из них — убийца — на смертную казнь. На следствии подсудимые сообщили о том, что приказ убить священника, револьвер и деньги они получили от болгарского торгового агента А. Михайлова. На суде они, однако, отказались от признаний, заявив, что их заставили это сделать побоями. Ростковский, числившийся у многих деятелей комитета едва ли не турецким пособником, сомневался в справедливости расследования и обвинений. Тем не менее, факт убийства Ставре членами битольского революционного комитета неоспорим[30].

---

[29] Там же. Д.1453.Л.16-17, 41-42.

[30] Там же. Л.21-22. Константинов Д.К. Битола и Битолско во Илинденската революција на македонскиот народ — 1903. Битола, 1983. С.48.

* Административная единица вилайета.

inslav

Осенью 1901 года Ростковский сообщил о появлении «болгарских банд», участники которых были переодеты мусульманами. Они занимались тем, что подобно настоящим албанским разбойникам, хватали на «больших дорогах» проезжих с целью получения выкупа от родственников. Состоятельные жители Битольского вилайета продолжали получать письма с требованием денежных взносов на нужды комитета под угрозой смерти в случае отказа. По данным Ростковского, собираемые таким образом деньги «служат, большей частью, для подкупа полиции и других турецких чиновников, вследствие чего главные руководители комитетов пользуются полной свободой действий и могут безнаказанно совершать всевозможные преступления». В качестве примера такого рода Ростковский приводит рассказ об убийстве в городе Прилепе «среди бела дня» болгарского учителя «членами комитета за то, что осуждал их революционные стремления». Несмотря на обстоятельства убийства (людное место, светлое время суток), полиция не смогла найти преступника, что и заставило Ростковского подозревать ее в получении взятки от комитета[31].

Как докладывал Ростковский, отношение населения к деятельности комитета было недружелюбным, ибо крестьяне убеждались в невозможности скорого исполнения обещаний комитета (в первую очередь, об освобождении Македонии от турецкого господства), а мирному населению приходилось «расплачиваться перед властями за все поступки революционеров, ускользающих, благодаря взяткам, из рук правосудия». Поэтому, по сообщению Ростковского, крестьяне старались не укрывать «банды» у себя в селах и даже иногда выдавали их властям. Комитет жестоко карал непослушных. 5 января 1902 года Ростковский докладывал: « За последние три месяца было убито 9 мусульман и 18 христиан, доносивших властям о движении банд. В число убитых христиан входят один греческий священник и три болгарки»[32].

Осенью 1901 года Ростковский в одном из донесений высказывает мнение, что руководители комитетов стали приходить «к убеждению о необходимости ускорить события и подготовить к весне резню христиан путем возбуждения фанатизма мусульман. Лучшим средством для достижения этого взрыва комитет считает последовательные убийства турок, которые выведенные из терпения, накинутся на беззащитных христиан, что повлечет за собою, по мнению этих народолюбцев, вмешательство Европы в дела Македонии». Руководители комитетов решили не распускать на

[31] АВПРИ. Ф.180. Д.1453.Л.72-74.

[32] Там же. Д.1454.Л.6-7.

inslav

зиму отряды, как они делали всегда, а предписали им «энергично действовать» для того, чтобы ускорить события и «устрашить население»[33].

* * *

Возвращаясь непосредственно к истории оформления четнической организации ВМОРО, отметим, что в 1897-1899 г. в Македонии действовало более 20 чет под руководством нелегалов (т. е. профессиональных революционеров), или же бывших харамий, «завербованных» организацией. Все это были малочисленные вооруженные формирования в составе 3-4 человек (редко их численность доходила до десяти), что в значительной степени предопределялось необходимостью большей мобильности и маневренности. В этот период они, главным образом, пропагандировали цели организации среди населения Македонии, реорганизовывали и укрепляли ряды организации после провалов, наказывали «провинившихся», добывали средства, при этом старательно избегали столкновений с турецкими отрядами[34]. Четы формировались преимущественно в Болгарии, где македонской эмиграции, как указывалось выше, удавалось поддерживать практически непрерывное политическое напряжение.

Четы как постоянно действующие отряды из нелегалов стали создаваться весной 1898 г. Участники таких чет рекрутировались из лиц, которые преследовались турецкими властями, и не могли после исполнения конкретной задачи «возвратиться к мирной жизни» до следующего задания, как было ранее. То есть новые четы брали на себя функции существовавшей до этого «тайной полиции» Организации[35]. В 1899 г. ЦК ВМОРО направил всем районным руководителям поручение доложить о состоянии революционной деятельности и о потребностях районов. Опираясь на двухлетний опыт деятельности чет Внутренней организации и на сведения, полученные до середины октября 1899 г., ЦК издал циркуляр о создании чет из нелегальных деятелей организации во всех околиях Македонии[36]. Основная и важнейшая задача чет состояла в ведении постоянной агитационно-организаторской работы среди населения Македонии, в организации и укреплении дисциплины среди членов ВМОРО, в приеме новых членов, в расширении революционной сети. Характер реализуемых четами задач (агитационных и организаторских) определил их название — агитационно-организаторские. Произошедшие в

[33] Там же. Д.1453.Л.75-76, 6.

[34] Петров Т. Указ. соч. С.26.

[35] Там же. С.16-17.

[36] Там же. С.25; Пандев К. Указ. соч. С.92-111.

inslav

этот период изменения в развитии четническоой организации были регламентированы рядом нормативных документов — циркуляров и регламентов (или инструкций). В 1900 г. Г. Делчев и Г. Петров (представлявшие Организации в Софии) при содействии болгарских офицеров переработали циркуляр 1899 г. (из 14 пунктов) в проект регламента из 44 статей. В конце 1900 г. или в начале 1901 г. он был направлен в Салоники, где располагался ЦК, для ознакомления и дополнения, а затем для его гектографирования и распространения[37].

В связи с арестом членов ЦК в январе 1901 г. эти планы сорвались, а выработка и издание регламента было отложено на неопределенное время. Спустя несколько месяцев главный инспектор чет Г. Делчев отправился в инспекционную поездку по Македонии. Предположительно именно он как главный инспектор чет поручил члену комитета Битольского революционного округа Г. Пешкову написать регламент для чет.

Вскоре после своего возвращения из Македонии Г. Делчев вместе с Г. Петровым в марте 1902 г. вновь переработал проект регламента для чет от 1900 г.

В начале мая 1903 г. регламент для чет, устав и регламент ВМОРО были обнаружены представителями османских властей в архиве воеводы П. Цветкова, убитого в стычке с турецким армейским отрядом, а через двадцать дней и у погибшего при тех же обстоятельствах воеводы Г. Папанчева.

Копии этих документов были переданы и русским консулам. Самые одиозные их пункты приведены непосредственно в консульских донесениях. Консул в Ускюбе В. Ф. Машков писал в июне 1903 г.: «Один из документов обязывает селян коллективно жаловаться консулам и властям на турецкие насилия». (Имеются в виду параграфы 2 и 12, вменяющие в обязанность четам принуждать селян жаловаться на истязания, которым они подверглись при преследовании четников турецкими отрядами. — *М. Я.)* §4, как пишет Машков, «с удивительным цинизмом рекомендует убивать бесполезных для идеи людей, обвиняя затем через подставных свидетелей в убийстве самих турок». Машков дословно цитирует §4: «Даже нарочно следует убивать вредных и бесполезных христиан в каком бы то ни было селе для того, чтобы можно было обвинить перед судебными властями бекчи (полевого сторожа. — *М. Я.*), кехая (управляющего земельным владением, чифтликом. — *М. Я.*) и спаи (откупщика податей. — *М. Я.*) или деребея (деребей — знатный турок. — *М. Я.*), причем

[37] Петров Т. Указ. соч. С.27, 28, 32, 67; Пандев К. Указ. соч. С.231.

inslav

заставлять двух христиан сообразно с законом свидетельствовать, что убийство совершено одним из перечисленных мучителей».

Под «вредными христианами», комментирует Машков, комитет подразумевает доносчиков, а бесполезными лицами называет не сочувствующих и не помогающих хотя бы деньгами революционному движению». §7 советует преимущественно рекрутировать четы из «разбойников», компрометировавших себя политическими убийствами, как «представляющих собой наиболее надежный для критической минуты элемент»». Даются указания для насильственных денежных поборов. В §§8, 9, 17 и 23 говорится о смертных казнях провинившихся и просто неудобных людей. §10 предписывает «политические поборы... и грабежи»»[38].

Одной из основных задач, стоявшей перед четой согласно документам, было вооружение населения. Для покупки оружия каждая чета должна была иметь наготове собранную сумму денег с 3-4 сел[39]. В докладе русского консула из Битоли в декабре 1902 г. сообщается: «... Инсургентские банды смело обходят села и заставляют селян под угрозой смерти приобретать у них ружья и готовиться на весну к восстанию»[40]. Аналогичные данные и в трех документах за две недели марта 1903 года: «Болгарские революционные комитеты, недовольные проектом новых реформ, прилагают все свои старания, чтобы помешать приведению их в исполнение. С этой целью они убеждают сельское население покупать ружья и присоединяться к бандам, угрожая ему в противном случае смертной казнью. В консульство постоянно являются депутаты сел за советом, что им делать — исполнять ли приказания инсургентов или нет. Выслушав от меня советы не принимать никакого участия в предполагаемом восстании, эти депутаты начинают просить меня защитить их от инсургентов, т. к. те угрожают убить того, кто не будет с ними». И далее: «... Комитеты, не делая никаких различий, притягивают всех к своему делу, заставляя богатых помогать деньгами, а бедных вступать в банды»; «В последние дни участились убийства совершенные по приказанию революционных комитетов. Ежедневно до меня доходят сведения, что то в том, то в другом селе зарезаны сербы или мусульмане. Хотя болгары и уверяют, что они непричастны к убийству сербов и что это дело турецких рук, но я не доверяю их версии, т. к. всякий раз перед убийством сербов в их село яв-

[38] АВПРИ.Ф.180, Д.2021.Л.189об.-190; Там же, Д.1455а.Л.139-143об.; То же в: Пандев К. Уставы и правилници на ВМОРО преди Илинденско-Преображенското въстание // Известия на Института за история. Т.21. София, 1970., С.272.

[39] Петров Т. Указ. соч. С.39.

[40] АВПРИ.Ф.180, Д.1454.Л.117об.

inslav

лялась одна из инсургентских банд и настаивала, чтобы селяне вооружились и примкнули к восставшим. Получив категорический отказ, банда удалялась, грозя ослушникам мщением». «Все население чересчур напугано бывшими расправами со шпионами и потому молчит и не дает сведений ни греческому консулу, ни греческим митрополитам, помогавшим ранее туркам в преследовании болгар». «Не ограничиваясь... убийствами, комитеты приказывают селянам не платить никаких налогов ни за освобождение от воинской обязанности, ни за недвижимость, уверяя их, что по требованию России и Австрии, эти сборы отменены в Македонии... »[41]

То, что в большинстве случаев четы ориентировались на исполнение террористических задач, Тодор Петров объясняет тем, что в четах преобладали бывшие разбойники (пресловутые харамии). Действия так или иначе связанные с террором по своей сути были очень близки недавней деятельности этих гайдуков, в то время как агитационно-организаторские задачи оставались на заднем плане[42].

Если обратиться к статистике, то к концу 1899 г. агитационно-организаторские четы были созданы и действовали приблизительно в одной трети революционных околий Македонии. За небольшим исключением в течение 1901 г. такие четы ВМОРО были сформированы во всех революционных околиях. Но, например, в Скопском санджаке (также одна из административных единиц вилайета) до конца 1902 г. чет не было. В Скопской околии первая постоянная чета появилась только в марте 1903 г. В период с начала 1900 г. до начала 1903 г. на территории Македонии и Адрианопольской Фракии действовало более 120 чет ВМОРО[43].

Уже говорилось о той поддержке четам, которую им оказывал из Софии Верховный Македонский Комитет. Прежде всего, это выражалось в отпуске денег на вооружение, амуницию и одежду, большая часть которых использовалась на нужды формирующихся чет ВМОРО. Несмотря на составленное в конце 1899 г. предписание ЦК ВМОРО о том, чтобы формирование чет происходило исключительно внутри Македонии, организация чет из-за недостатка кадров на местах продолжала осуществляться на территории Болгарии[44].

И без того напряженная обстановка в Македонии неожиданно накалилась весной 1903 г.

---

[41] АВПРИ.Ф.180, Д.1454.Л.117об.; Там же, Д.1455а.Л.43-43об., Л.57-57об., Л.59., Л.67.

[42] Петров Т. Указ. соч. С.51.

[43] Там же. С.50-64.

[44] Там же. С.52, 62.

inslav

15-17 апреля болгарские террористы, имевшие определенные контакты с Внутренней организацией и Сарафовым (последний, в частности, отправил им динамит, присвоенный, правда, руководителем ЦК Внутренней организации И. Гарвановым[45]) осуществили серию взрывов в Салониках[46]. Уже 17 апреля нагнетаемый мусульманский фанатизм вылился в болгарский погром в Салониках. В течение 17-18 апреля происходили повальные убийства. Официально было заявлено о 35 убитых. Но, по другим данным, число убитых доходило до 200-300. Как вместе с солдатами, так и самостоятельно действовали башибузуки-албанцы, «обрушивавшиеся исключительно на ни в чем не повинных жителей низшего класса населения»[47]. В Салониках более половины жителей составляли евреи, видевшие в болгарах опасных конкурентов в торговой сфере. Поэтому неудивительно, что «в числе добровольцев, указывавших полиции и войскам на болгар во время травли последних и на их жилища были евреи, проявлявшие и впоследствии особенное усердие при обыске полицией домов и контор болгарских торговцев и комиссионеров, уже находившихся в заключении»[48].

Сообщения о взрывах дошли и до Битоли. Среди мусульманского населения города поползли слухи о готовящемся нападении комитетских отрядов. 23 апреля начался погром битольских христиан. Как и в Салониках, он продолжался 2 дня. За это время было убито 25 христиан и тяжело ранено 30. Множество брошено в тюрьмы. Почти все турецкие солдаты в Битоли были албанцами. Они и башибузуки стали главными зачинщиками и исполнителями избиения. «... К ним присоединились евреи, нападавшие большей частью на женщин и детей». По данным Ростковского, среди пострадавших 2/3 оказались греками[49].

В Ускюбе, где также стало известно о салоникских событиях, резни удалось избежать, хотя и здесь «в двух мечетях происходили совещания, на которых... <было> решено беспощадно перебить всех болгар, как только будет произведено малейшее покушение». В русское консульство приходили сербы, «прося защиты, т. к. в случае резни, — сообщается в

[45] Димитров Г. Солунски атентати през април 1903 г. // Осемдесет години Илинденско-Преображенско въстание. София, 1988. С.131.

[46] Болгарская историография оценивает эти события как «кровавый предвестник восстания и славный эпизод болгарской национально-демократической революции». Там же. С.129.

[47] АВПРИ.Ф.180.Д.2299.Л.73об-74.

[48] Там же. Л.64-64об.

[49] Там же. Д.1455а.Л.113-114об.

inslav

консульском донесении, — турки вряд ли будут делать различия между сербами и болгарами»[50].

Примечательно, что в данной ситуации четы, эти «вооруженные силы организации, выполнявшие... роль национально-освободительной армии», «представлявшие армию болгарского населения в Македонии и Адрианопольской Фракии» (Т. Петров) не предприняли ничего для защиты этого самого болгарского населения.

Сравнив деятельность революционной организации в Македонии и революционеров в европейских странах, Амфитеатров более чем скептически оценил как результаты деятельности ВМОРО, так и перспективы Организации: «Основная причина неудач македонской революционной организации заключается в том, что она пытается средствами, исторически доказавшими свою разрушительность против государственного порядка на европейский лад, ниспровергнуть систему и власть, ничего общего с европейским порядком не имеющие: что тактикой, которая рушила много европейских правительств, она думает уничтожить военное иго, длящееся в Македонии и Старой Сербии вот уже пять веков; что орудия, победоносные в войне гражданской, междоусобной, применяются к войне внешней, потому что турок — не согражданин и не согосударственник славянина, а был, есть и будет его внешний враг. (...) Нельзя разрушить того, что никогда не существовало, — поэтому нельзя и разрушить «существующего порядка» в христианских областях Оттоманской империи».

«Турецкая система длящейся военной оккупации, замечал Амфитеатров, не выработала под Балканами отношений государства к гражданину, гражданина к государству: существуют только отношения завоеванных к завоевателям...»; «Революционным путем от турок самостоятельно добивались автономии и расширения прав только мусульмане; все автономии, права, льготы, которые имеют турецкие христиане, всегда были есть и будут плодами завоевательных движений Европы, а, точнее сказать, сражавшейся за Европу, как верный, хоть и мало оцененный и часто впросак попадавший, меч ее — Россия»[51].

Для того, чтобы в полной мере оценить расхождение программных лозунгов ВМОРО и ее реальных целей, достаточно сравнить два документа: Устав организации (в двух редакциях) и общий план восстания 1903 г.

Глава 1, статья 1 **устава БМОРК** (1896 г.): «Цель БМОРК — достижение полной политической автономии Македонии и Адрианопольской

[50] Струкова К. Новые документы о положении в Ускюбском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянское источниковедение. М., 1965. С.294.

[51] Амфитеатров А. Указ. соч. С.238, 239, 242, 246-247.

inslav

Фракии». Статья 2: «Для достижения этой цели, они (БМОРК. — *М. Я.*) должны пробудить сознание самозащиты у болгарского населения указанных в статье 1 областей, распространять среди населения революционные идеи через печать или устно, подготовить и поднять повсеместное восстание»[52]. **Устав ТМОРО** (1902 г.). Глава 1, статья 1: «ТМОРО имеет целью сплотить в одно целое все недовольные элементы в Македонии и Адрианопольской Фракии, вне зависимости от народности, для завоевания через революцию полной политической автономии для этих двух областей»[53].

В мае 1903 г. в Софии был выработан документ, направленный в Македонию под названием **«Общий план и цель восстания»**. В нем указывалось, что цель повстанцев состоит не в том, чтобы победить Турцию, а в том, чтобы вызвать эффективное европейское вмешательство, на которое рассчитывает Организация. Поэтому в плане указывалось, что восстание должно выразиться в партизанских действиях и борьба должна быть насколько возможно более длительной[54].

Расхождение программных целей Организации и ее тактики признали в 1925 г. новые лидеры ВМРО: «Даже Ильинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»[55].

Заложенные при формировании боевых единиц ВМОРО принципы (в первую очередь, «кадровая политика") предопределили судьбу этой организации. Сразу после т. н. Ильинденского восстания внутри нее началась настоящая безжалостная междоусобная война, а самым известным «предприятием» Организации оказалось участие в марсельском убийстве 1934 года.

Организация не способная к существованию в мирных условиях была запрещена и разогнана болгарским правительством в 1934 году.

---

[52] Пандев К. Уставы и правилници на ВМОРО преди Илинденско-Преображенското въстание // Известия на Института за история. Т.21. София, 1970. С.245-274.

[53] Там же. С.257.

[54] Пандев К. Четническият институт ВМОРО до 1912 г. // България 1300. Институции и държавна традиция. Т.3. София, 1983. С.231-254.

[55] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч.1. М., 2000., С.272.

inslav

Л.В. Кузьмичева (МГУ)

Йован Ристич о проблемах государственного строительства в Сербии

«Я хочу в Европу съездить, и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно кладбище и не более».

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы.

В этом очерке нам бы хотелось продолжить рассуждения о характере и методах модернизации сербского государства во второй половине XIX в.[1] Одним из первых сербских политических деятелей твердо уверовавших в необходимость модернизации был «творец» сербской истории и одновременно ее исследователь Йован Ристич (1831-1899 гг.).

Крестьянский сын, получивший отличное европейское образование, он с рачительностью и основательностью настоящего хозяина использовал все свои знания и способности на пользу делу, которое исполнял. Его политическая карьера столь плодотворна и успешна, что заслуживает целой серии трудов. Так, анализ деятельности этого выдающегося сербского по-

[1] Кузьмичева Л.В. Сербия между Западом и Востоком: поиски государственного строительства в XIX веке // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева. М.,2003.С.64-76;

Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60-70 гг. XIX в. (Проблема идеологического выбора). // Двести лет новой сербской государственности. СПб., С.150-174.

inslav

литика по достижению Сербией независимости был предпринят нами в контексте изучения событий Великого Восточного кризиса 1875-78 гг.[2].

Можно с уверенностью сказать, что ни одно политическое событие в Сербии 60-90-х гг. XIX в. не обошлось без прямого и непосредственного участия Йована Ристича. Он руководил сербской внешней политикой, добиваясь признания и понимания великими державами сербских интересов, был лидером им же созданной либеральной партии Сербии, неоднократно возглавлял правительство, участвовал в разработке и принятии двух сербские конституций (1869 и 1888 гг.)

По образованию Ристич был историком, и своим коллегам-историкам он оставил серьезные аналитические разборы современной ему политической истории, в которой он был одним из главных действующих лиц. Эти его труды выполнены вполне профессионально — с преамбулой, постановкой задач, научной аргументацией, «историографией проблемы» (которая зачастую являла собой очень резкую критику его политических инициатив), а главное с привлечением документов, многие из которых имелись только в его распоряжении.

Йован Ристич оказал настолько сильное воздействие на формирование всей модели сербского государства второй половины XIX в., что историки долгие годы не решались посвятить ему специальную монографию. Личность Ристича, его многолетняя политическая активность и решающее слово в выборе внешне- и внутриполитических приоритетов Сербии вызывали неоднозначные оценки уже и у современников. Ристич, конечно же, не мог быть обойден вниманием тех, кто занимался сербской историей XIX века[3]. Однако разрубить Гордиев узел проблем, связанных с оценкой вклада Ристича в строительство сербского государства решился с присущей ему смелостью и основательностью известный американский историк Д. Маккензи. В 2004 г. увидела свет его книга о Йоване Ристиче[4]. О сложности поставленной задачи, говорит то, что Д. Маккензи начал готовиться к работе над этой книгой ровно пятьдесят лет назад, как он сообщил в интервью сербским журналистам[5].

---

[2] Кузьмичева Л.В. «Фальшивый партизан русский». Йован Ристич и обретение Сербией независимости // Родина. 2003. No 10. С.70-74.

[3] В связи с 150-летием со дня рождения Й. Ристича в Белграде в 1981 году была проведена научная конференция, результатом которой стал сборник трудов: Живот и рад Јована Ристића // Српска Академија наука и уметности. Научни скупови. Књ.XXV. Председништво. Књ.5. Београд.1985.

[4] Mekenzi Dejvid. Jovan Ristić – evropski državnik. Beograd. 2004.

[5] Дејвид Мекензи. Историчар. Круна српске дипломатије // НИН.16.06.2005. С.36-37.

inslav

Йован Ристич был отправлен за казенный счет в конце 40-х годов в числе нескольких десятков таких же юношей на учебу в Европу. Мальчик мечтал стать историком, но историки стране пока были не очень нужны, а вот дипломаты необходимы. Дипломатических академий тогда еще не существовало, вот и отправили юношу Ристича в 1849 г. в Берлин и Гейдельберг обучаться историческим наукам, справедливо полагая, что дипломат должен во всяком случае быть вооружен историческими знаниями. В Берлине он прослушал курс лекций основателя немецкой историографической школы дипломатии Леопольда Ранке. В 1829 г. Ранке выпустил нашумевшую книгу «Сербская революция» и считался в Европе признанным авторитетом по истории балканских славян. Школа Ранке стала для Ристича основой его научной и практической деятельности. И как Ранке-историк стал творцом идеи Германской империи, так Ристич-историк работал над реализацией идеи воссоздания мощного сербского государства. В 1852 году он получил степень доктора философии в Гейдельбергском университете и отправился в Париж, где овладел необходимым для дипломата французским языком, а также занимался историческими изысканиями в парижских библиотеках. Он вернулся на родину в 1854 г. Мечтой его было занять кафедру истории[6], но пришлось стать правительственным чиновником. Он мечтал стать хорошим историком и специализироваться по дипломатической истории, а стал хорошим политиком, который творил историю дипломатии.

Политическая карьера Ристича стала одной из самых значимых и плодотворных в сербской истории XIX в. Он неоднократно возглавлял сербское правительство, несколько раз был министром иностранных дел, дважды регентом при малолетних Обреновичах. При его непосредственном участии Сербия осуществила главные и решительные действия по пути к обретению статуса независимого государства. Так, в 1867 г. после пятилетних дипломатических усилий Ристича и при помощи России удалось добиться вывода с территории вассального сербского княжества всех турецких солдат. И, хотя формально княжество продолжало подчиняться султану и платить ему дань, этот акт был важнейшим шагом на пути к независимости.

В 1869 г. была принята сербская конституция, разработанная при непосредственном участии Ристича и его единомышленников. Она получила название либеральной конституции и декларировала широкие права сербских органов государственного управления, в первую очередь скуп-

[6] Јовановић Слободан. Јован Ристић — писац и историчар// Јован Ристић. Историски списи. Београд. 1940. Предговор. С.7.

inslav

щины (парламента). Предшествующая конституция была дарована Сербии султаном в 1839 г. называлась «Турецкой конституцией», что подчеркивало контроль Порты за внутренней сербской жизнью. Теперь удалось от этого контроля избавиться[7]. Конституция 1869 г. действовала дольше всех сербских конституций других — с перерывами — 26 лет[8].

И, наконец, решающий шаг и главное дело его жизни — организация вооруженной борьбы за независимость Сербии. Война вассального княжества Сербии против своего сюзерена — Османской Турции, началась в июне 1876 г. и закончилась уже в ходе русско-турецкой войны 1877-78 гг. решениями Берлинского конгресса. Война обескровила Сербское княжество, но ее итогом была политическая независимость.

Пожалуй, только Никола Пашич, творец Югославского государства, соизмерим по масштабам деятельности с Йованом Ристичем. Оба они — и Пашич и Ристич собирались строить в Сербии гражданское общество, но представляли его себе по-разному.

Они различались во многом — в политической судьбе, в степени перенесенной опалы (изгнание и преследование Пашича, а затем тюрьма, конечно, куда более серьезное испытание, чем тяжело переживаемая Ристичем отставка). Но у них было и общее во взглядах, несмотря на принципиальную разницу в оценке движущих сил развития страны. Это общее представление о внешнеполитических целях Сербии. Оба политика считали важнейшей задачей территориальное расширение княжества.

Для Ристича, достижение этой цели было связано с необходимостью добиваться поначалу независимости княжества и его юридического статуса субъекта международного права. На протяжении почти двадцати лет своей своей дипломатической деятельности Ристич ощущал все тяготы политической зависимости автономного сербского княжества. Он сделал все, что было в его силах, для достижения политической самостоятельности Сербии. «Наградой» ему явились обвинения и упреки во всех слоях общества. До конца жизни ему приходилось оправдываться и извиняться за мелкие просчеты и за крупные стратегические ошибки, совершенные в годы борьбы Сербии за независимость.

Последние годы его политической карьеры прошли в письменной и устной полемике со своими политически противниками. Среди них особую активность проявляли лидеры Напредняцкой (прогрессистской) партии Милутин Гарашанин и Милан Пирочанац.

---

[7] См. Љушић Радош. Јован Ристић и уставно питање 1869. године // Живот и рад Јована Ристића. Београд, 1985. С.191-213.

[8] Popović-Obradović Olga. Ideja i praksa ustavnosti u Srbiji 1869-1914: između liberalne i «narodne» države// Rusija, Srbija, Crna Gora. Beograd. 2000. S.28.

inslav

Оппоненты подвергли уничижительной критике усилия Ристича на дипломатическом поприще, полагая что его деятельность была цепью ошибок, не принесших Сербии реальных выгод. Ристич ответил сразу несколькими серьезно документированными статьями и книгами, в которых он убедительно аргументировал каждый свой шаг на внешнеполитическом поприще — от вывода турецких гарнизонов в 1867 г. до начала Сербо-турецкой войны 1876 г.

Особый ответ ему пришлось держать за свое так называемое «русофильство». Нам приходилось уже писать о том, что в это самое его русофильство не верили даже в России. Но вместе с тем он был решительным противником охлаждения отношений с Россией, реально оценивая современную ему политическую ситуацию. Ристич обладал огромным дипломатическим опытом, ему были хорошо известны возможности России как на международной арене в целом, так и в балканских делах в частности.

Антирусские выпады напредняков подвергались едкой критике в газете «Српске новине», органе либеральной партии, авторство многих статей в которой, как можно предположить, принадлежит самому Ристичу. Так в статье под убийственно ироничным названием «Состояние напряженности между Россией и Милутином Гарашининым»(февраль 1888 г.) говорится, что Гарашанин полагает, будто именно его грозные выпады так напугали Россию, что она поспешно вооружается, передислоцирует войска и собирается заключить военный союз с Англией и Францией[9].

Ристич в целой серии своих работ вынужден был объяснять оппонентам, почему Сербия не решилась на самостоятельную борьбу с Турцией, а просила вмешательства в том числе и военного, России. Милутин Гарашанин обвинял Ристича в том, что Сербия свернула с верного пути в 60-е годы «покорно привязав все будущее Сербии к русскому государственному кораблю»[10]. В ответ на это Ристич в очередной раз совершенно определенно заявил, что у Сербии не было никаких шансов ни самостоятельно, ни в союзе с балканскими народами решить свои внешнеполитические задачи. Единственным реальным союзником и покровителем Сербии могла выступить только Россия, при этом Ристич неоднократно повторял, что он всегда рассматривал союз с Россией как средство и путь к освобождению, но не как самое содержание этого освобождения[11].

В своем ответе на обвинения Гарашанина Ристич писал, что события войны 1876 г. ясно подтвердили, что «идея о том, что балканские народы смогут прийти к освобождению **самостоятельно**, оказалась прекрасным

---

[9] Српска независност.1888. No11. 27 .II.

[10] Гарашанин Милутин. Два намесништва. Београд. 1892. С. 40-41.

[11] Ристић Јован. Да кажемо још коју. Београд,1894. С.20.

inslav

и пустым мечтанием, возвращаться к которому больше уже нет возможности»[12]. Ристич и его соратники по Либеральной партии решительно отстаивали тезис о громадном позитивном значении русской поддержки в деле достижения Сербией независимости. Так, когда после изгнания из Сербии митрополита Михаила в австро-венгерской прессе появились статьи приветствующие этот шаг как знак освобождения Сербии от «терроризма русской империи», газета «Српске новине» выступила со следующим заявлением:

«Этот русский терроризм остановил бешеные турецкие орды на Джунисе, в то время как вся неславянская Австро-Венгрия в голос кричала, что Сербию следует стереть с лица земли... Этот русский терроризм развернул над Балканским полуостровом знамя общего освобождения всех христианских народов и принес в жертву миллионы рублей и неисчислимые тысячи сыновей России...»[13]

Второе обвинение, которое выдвинули М. Гарашанин и М. Пирочанац против Ристича — его реакционная внутренняя политика, в особенности в отношении сербского парламентаризма и консервативности статей Конституции 1869 г.

Милутин Гарашанин в обличительной брошюре «Два наместничества» писал: «Конституция, которую наместничество в 1869 г. дало Сербии, была не только неполной, не только ошибочной, но и в полном смысле слова политически аморальной»[14].

Ристич отдавал себе отчет в сдержанности и определенной консервативности конституции 1869 г. Но он подчеркивал, что именно этот постепенный, «умеренный» подход к изменениям политических реалий в стране и есть залог ее стабильности, так необходимой для решения стратегических задач. Юный Ристич принял в 1848 г. в Воеводине участие в революционных событиях, и этот опыт оставил на всю жизнь у него недоверие к такому пути решения государственных проблем, а также откровенную неприязнь к сторонникам революционных преобразований. Умеренность и постепенность, расчет и последовательность — вот принципы, которые он считал необходимыми для достижения поставленной цели, а ей он служил всю жизнь. Об этой своей идее и цели он много размышлял, но открыто сказал в выступлении 17 октября 1882 г. на Съезде «Дружины помощи сербской литературе», отмечая роль своей партии в сербской истории:

---

[12] Ристић Јован. Једно намесништво. Б., 1892. С.17.

[13] Српска независност.1881. No15. 25 .X.

[14] Гарашанин Милутин. Два намесништва. Београд. 1892. С.51.

inslav

«Зачатая в дни известного идеалистического движения (1848), она взрасла во времена, которые не знали теперешнего материалистического течения, а знали чистые, незамутненные народные предания; вполне естественно, что либеральная партия, всею своею прошедшею деятельностью демонстрировала в качестве главной кардинальной задачи своей программы стремление **объединить в естественных этнографических границах разбросанные части нашего народа, вернув ему облик нашей прежней исторической славы и мощи как в политическом так и в церковном отношении»**[15] (выделено нами — *ЛК*).

Сдержанность конституции 1869 г он объяснял так : «... наиболее сильной стороной нашей конституции является то, что она стоит на почве умеренности. Это же самое я сказал бы и обо всех наших свободных учреждениях, в том числе и о прессе, которую мы в 1870 г. привели в рамки законности. Господа мои, не может, реакция наступить от умеренности, она приходит от резких и непоследовательных шагов»[16].

Мы уже подчеркивали, что одной из главных черт Ристича-политика была неизменность и твердость его позиций по жизненно важным вопросам строительства сербского государства. Он мог менять тактику, но его стратегические установки оставались неизменными. Так, 26 января1889 г., спустя почти двадцать лет он вновь повторяет свою мысль в «Обращении к членам народно-либеральной партии»:

«Чтобы сохранить драгоценные народные завоевания, чтобы жить в безопасности и развиваться, мы должны защищаться от двух течений, которые обычно наиболее опасны для всякой конституционности: от реакции и от неумеренности. Ибо также как повсюду гражданские свободы сталкиваются с реакционным давлением, стремящимся их выявить и уничтожить, также с другой стороны неумеренность и чрезмерная активность вызывают реакцию и часто становятся кладбищем народных свобод»[17].

Да, именно об этих кладбище несбывшихся высоких либеральных идей и говорит Ф. М. Достоевский устами Ивана Карамазова, слова которого мы привели в эпиграфе. Русские политики, идеологи и адепты либерализма уже испытали горькое разочарование в результатах европейских революций. Здесь можно привести в качестве ярчайшего примера то, как воспринимал перенесение либеральных идей на русскую почву «отец

---

[15] Архив Историјског Института Српске Академије Наука и Уметности (Архив ИИСАНУ). Фонд Јована Ристића. VIII-2. 8/22О.

[16] Ристић Јован. О слободима и о слободној штампи у Србији. Београд. 1879. С. 20-21.

[17] Архив Историјског Института Српске Академије Наука и Уметности (Архив ИИСАНУ). Фонд Јована Ристића. VIII-2. 8/26.

inslav

русской демократии» А.И. Герцен. Первое разочарование он испытал во Франции, став очевидцем революции 1848 г., (той самой общеевропейской революции, участие в которой раз и навсегда остудило революционный пыл Йована Ристича). Вот как вспоминал об этом спустя много лет А.И. Герцен: «Февральская республика начиналась разочарованием, не верой в себя, а сомнением. Она явилась робко, неоткровенно, дурно одетая и окруженная мещанской родней»[18]. И дальше следует очень важный вывод человека, признавшего в 1863 г. свои ошибки в политическом прогнозировании судьбы отечества: «Освобождаясь втихомолку от идолопоклонства самодержавия мы, не замечая, попадали на тропинку к другой церкви, к другому идолопоклонству, но веры в себе в него не нашли. Для всякого западного народа переход от теологической монархии к теологически-либеральному православию был легок. Наше счастье и несчастье в том, что мы довольствуемся меньшим, чем они, а требуем гораздо больше. Дай нам протестантизм, мы сделаемся духоборцами. Коснись до крепостного права, мы требуем и землю. Чувство говорит нам, отставшим, нам, рабам, что общественная религия, опередившая нас *не наша*, что же удивительного, что все это выражалось неловко, хаотически, с отчаянным нигилизмом и безнадежным православием...»[19]

В отличие от Герцена, прагматик Ристич верит в успех постепенного, поступательного расширения конституционных прав и свобод. Так, сравнивая конституции 1869 г. и 1888 г. он пишет: «В то время как старая Конституция носила характер временного документа, который должен был служить переходным этапом для полного конституционного правления, нынешняя Конституция и по своему свободолюбию и по характеру гарантий, предоставляемых сербским гражданам, придает нашему отечеству облик полностью конституционного государства с достаточно разработанной представительской системой. Она отвечает многим свободолюбивым ожиданиям, а в некоторых отношениях наша Новая Конституция и превысила наши пожелания, которые мы считали своими далекими идеалами»[20].

При этом заслуга Ристича состоит, по нашему мнению, в том, что он трезво оценил потенциал собственного народа и государства. В идеализации сербской действительности его упрекнуть трудно, но при этом

---

[18] Герцен А.И.1831-1863 // Герцен А.И. Избранные сочинения в восьми томах. М.,1975. Т.8. С.166-167.

[19] Там же. С. 170.

[20] Архив Историјског Института Српске Академије Наука и Уметности (Архив ИИСАНУ). Фонд Јована Ристића. VIII-2. 8/26.

inslav

надо сразу оговориться, что Ристич никогда не позволял снисходительного, покровительственного тона в отношении своего народа. Редкий случай среди политиков, когда неудачи в войнах и мирном строительстве не инкриминируются тупости, невежеству и лености населения, с которым приходится жить и работать. Ристича отличает истинный патриотизм, далекий от самолюбования и ложного пафоса. Он педантично разбирает все те следствия **особенности сербской истории**, которые не позволяют механически переносить на сербскую почву западноевропейские институты. Этим он и отличается от столь популярных в современной сербской историографии М. Пирочанца и М. Гарашанина. Особенно ярко это проявилось в споре по поводу возможности создания в Сербии двухпалатного парламента. Еще в ходе работы Конституционного комитета по выработке проекта конституции 1869 г. обсуждалась эта проблема. Главная идея Ристича, который собственно и играл первую скрипку в обсуждении проекта, сводилась к тому, что скупщина должна контролироваться Государственным советом, назначаемым правительством. Сущность проблемы состояла в том, можно ли полагаться на реальную политическую самостоятельность неграмотной массы сербской скупщины?

Этот вопрос вновь дискутировался в сербских политических кругах после выхода в свет в 1881 г. труда члена радикальной партии, профессора государства и права Г. Гершича «Верхняя палата», решительно выступившего против возможности создания верхней палаты в Сербии[21]. Он считал, что интеллигенция, которая могла бы войти в верхнюю палату теперь уже по большей части коррумпирована и оторвана от народа.

Йован Ристич дал исторический анализ этого вопроса в своей речи в конституционном комитете в 1888 г.[22] Ристич детально анализирует ситуацию с двухпалатными и однопалатными парламентами в Европе и отмечает, что последние существуют только у греков, сербов и болгар. Он объясняет это пятивековым перерывом в культурном развитии этих народов и утверждает, что «двухпалатный парламент не может быть полезным там, где он введен силой»[23]. Далее он подробно объясняет свою позицию о введении квалифицированного числа депутатов скупщины из рядов сербской интеллигенции. Но и здесь он учитывает национальные особенности сербского крестьянина: «Народ будет еще очень долго избирать сво-

[21] Јовановић Слободан. Политичке и правне расправе. Друга свеска. О дводомном систему. Београд, 1910. С. 163-185.

[22] Ристић Јован. Говор г. Јована Ристића држан у Уставотворном одбору о новој изборној системи. Београд 1888.

[23] Ibid. S. 4-5.

inslav

их ближайших соседей, в обход предлагаемой интеллигенции. Поэтому недостаточно открыть интеллигенции двери в скупщину, но следует интеллигенцию ввести в скупщину. Число депутатов, которые составляют квалифицированную часть скупщины мы обозначили в одну четвертую от всех депутатов»[24].

Полемизируя с Гершичем в 1888 г. об избирательном законе, Ристич предлагает систему партийных избирательных списков и при этом подчеркивает особенности сербского общества, в котором, как ему кажется, меньше возможностей для конфронтации, чем на Западе. Эти особенности заключается в том, что Сербское королевство — страна гомогенная, где нет конфронтации ни национальной, ни церковной, ни какой–либо иной[25].

Итак, подход к сербской государственной модели у Ристича достаточно взвешенный, базирующийся на необходимости учитывать сербскую специфику, не торопить события и не переносить механически западноевропейскую конституционность на сербскую почву.

Это же отмечал и автор его обширной биографии Б. Петрович, комментируя приводимую им короткую автобиографию Ристича: «Такая либеральная программа, особенно для того времени, могла быть выражена только свободомыслящим человеком передовых взглядов. Здесь и речи нет об «умеренном направлении». Напротив «умеренность» может быть только в реализации и осуществлении этой программы. Общеизвестно, да об этом свидетельствует и вся жизнь и деятельность Ристича, что он ратовал за постепенное проведение реформ и политических свобод в стране. В этом отношении он отличается от многих наших образованных людей, агитаторов политических апостолов и реформаторов, и до него и после него, которые в разные периоды нашей политической жизни наводняли патриархальную Сербию массой «самых передовых» идей и самых широких программ, часто не беря в расчет реальную ситуацию в стране, и еще меньше учитывая политическую зрелость и образованность нашего народа, его обычаи, привычки. и традиции, не принимая в расчет и его многовековое рабство. Эти идеи и, наносящие ущерб и опасные программы, сопровождающиеся искусственными рывками и потрясениями, сделали из нашей страны то, что она сейчас собой представляет.... сегодня мы имеем самую свободную конституцию, современные и свободомыслящие учреждения и законы; у нас парламент с самыми широкими

[24] Ibid. S. 7.
[25] Ibid. S. 13-14.

inslav

правами, но у нас отсутствует то, что держит страну и города, — у нас нет истины ...»[26]

Из материлов биографа Ристича следует, что для Ристича приоритетными были задачи внешнеполитические, и именно им он стремился подчинить систему государственного устройства. Любимое его выражение, (которое он возможно заимствовал из письма к нему в июле 1877 г. А. Орешковича[27]), — «во время шторма кормчий не должен спрашивать пассажиров, как ему управлять кораблем».

Вот яркий тому пример начального этапа государственно-творческой деятельности Ристича. В ноябре 1867 г. Ристич, находившийся на посту посланника в Стамбуле был вызван в Белград телеграммой министра внутренних дел Николы Христича, который сообщал ему, что князь назначает Ристича министром иностранных дел. Петрович пишет, что Ристич был даже несколько оскорблен, потому что, когда в конце сентября он покидал Белград князь ничего ему об этом не сказал. 17 ноября на аудиенции у князя Ристич изложил ему свою программу внешней политики Сербии: вооружаться и готовиться к делу освобождения и объединения сербского народа; договориться с другими «восточными народами»; обеспечить невмешательство Европы. Для этого, прежде всего, добиваться помощи России, которая могла бы сдержать австрийскую интервенцию.

Переходя к вопросам внутренней политики Ристич выделил следующее положение:

Не следует накануне войны менять государственное устройство. По его мнению, постановка сейчас парламентского вопроса может привести к межпартийной борьбе, которая заставит забыть о внешнеполитических задачах. Ристич решительно настаивал на создании министерства из единомышленников и требовал смены как минимум трех министров — юстиции (как человека без авторитета и не способного управлять таким сложным министерством), министров финансов и просвещения — непрофессиональных, не сумевших завоевать авторитет у общества.

На следующий день он перечислил князю основных врагов правительства: 1. Карагеоргиевцы и выступающая за них оппозиция. 2. Сербская интеллигенция. 3. Обреновичевцы, недовольные правительством, которых возглавляет Стевча Михаилович. Ристич предлагал следующую тактику: интеллигенцию приблизить к князю, недовольных «прикормить»

---

[26] Петровић Бранко. Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке. Београд. 1912. С.5-6.

[27] Архив Историјског Института Српске Академије Наука и Уметности (Архив ИИСАНУ). Фонд Јована Ристића. III-4. 3/1319.

inslav

и успокоить, Стевче дать приличный пост. Князь решительно выступал против кандидатуры Стевче Михаиловича. Противником каких бы то ни было перемен в министерстве был Никола Христич, который и сообщил об этом Ристичу, а затем отправился к князю. Князь после разговора с Христичем переменил тон общения с Ристичем на более строгий и заявил, что предложения Ристича его не устраивают. В результате через несколько дней в присутствии Николы Христича и М. Блазнаваца состоялось очень тяжелое объяснение князя с Ристичем, который заявил, что отстраняет Ристича с поста министра коль скоро тот не хочет работать в составе существующего министерства. «Я лучше с такими людьми, как Никола Христич пойду в ад, чем с такими как Вы в рай», — сказал князь. Ристич говорил потом, что если бы князь послушался его, то не только его личная судьба, но и судьба Сербии не была бы такой печальной.

На этом этапе, по-видимому, Ристич правильно формулировал задачу. Внешнеполитические задачи Сербии требовали не парламентских экспериментов, а концентрации всей власти воедино. Собственно либералы поэтому смогли начать войну и добиться серьезных результатов.

inslav

Шемякин А.Л.

Политические партии в независимой Сербии (1881-1914)

«Сербия — странное государство.
В ней партийная борьба косит людей так же,
как осенние ветры ломают тонкие стебельки»

Таса Миленкович
(«Дневник первого сербского ученого полицейского»)

В политсистеме любого современного (modern) демократического государства одно из главных мест занимают политические партии и их взаимоотношения в рамках парламентских процедур. В независимой Сербии — с 1881 г. — также функционировали партии, что дает некоторым сербским историкам право считать, будто на рубеже столетий она «вплотную приблизилась к европейским образцам»[1]. Однако, так ли было на самом деле? Иными словами, — являлась ли сербская многопартийность, которой в 2006 г. исполняется век с четвертью, одним из подлинных критериев модернизации (европеизации) Королевства?

* * *

Но для начала вспомним — с чем вообще было связано зарождение политических партий в передовых государствах Европы? В большинстве случаев, согласно Морису Дюверже, — «с развитием демократии, т.е. с расширением народного волеизъявления и прав парламентов... Чем больше возрастают функции и независимость политических ассамблей, тем настоятельнее их члены ощущают потребность в объединении по призна-

[1] *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918-1919) // Србија на крају Првог светског рата (Зборник радова). Београд, 1990. С.137. См. также: Нова историја Српског народа. Приредио Д.Батаковић. Београд-Лозана, 2000. С.188 и т.д.

inslav

ку родства, чтобы слаженно действовать. Чем более расширяется право голоса и множится число голосующих, тем более необходимым становится организовывать избирателей с помощью комитетов, способных познакомить с кандидатами и привлечь голоса в их пользу. Итак, — заключал французский политолог, — возникновение партий связано с возникновением парламентских объединений и избирательных комитетов»[2].

Соответственно и партия — это, по дефиниции Моисея Острогорского, «сложный механизм, который должен трансформировать энергию избирателей в организованную парламентскую деятельность»[3].

Первой корпорацией, соответствующей такому определению, — т.е. постоянной избирательной организацией, поставившей себе целью бороться за дело большинства под знаменем определенной идеологии, — стал Либеральный комитет в Бирмингеме во главе с Джозефом Чемберленом, вокруг которого в 1877 г. (или *всего* за четыре года до рождения сербских партий) сложилась Национальная либеральная ассоциация[4].

Так, идеологическая составляющая соприкоснулась с социальной компонентой, создав бинарную амальгаму классической политической партии.

* * *

Как и в Европе, возникновение партий в Сербии было связано с появлением и *регулярным* созывом верховного представительного органа — Народной скупщины, что нашло отражение в конституции 1869 г. При всей ее ограниченности, она обеспечивала народному представительству определенные права... Принятие первого национального Основного Закона положило начало так называемому «формационному десятилетию», когда вызревали идеи и оттачивались взгляды различных политических группировок[5]. Особенно это было характерно для будущих радикалов[6]

---

[2] *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С.22.

[3] Цит.по: *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903-1914. Београд, 2003. С.247.

[4] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С.678-679; *Острогорский М.Я.* Демократии и политические партии. М., 1997. С.96-98; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.247.

[5] *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.250.

[6] О «раннем» истории Радикальной партии подробнее см.: *Перовић Л.* Никола Пашић о Радикалној партији пре њеног формалног организовања // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С.53-63; *Шемякин А.Л.* Светозар Маркович и Сербская радикальная партия // Живот и дело Светозара Марковића (Зборник радова). Београд, 1997. С.429-452; *Он же.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). М., 1998.

inslav

и напредняков — либералы, эволюционировав ранее, сформулировали свою доктрину уже к концу 1860-х гг., что и закрепили в тексте «своей» конституции.

Формальные же условия для формирования многопартийной системы в Сербии сложились после обретения полной независимости в 1878 г. и отставки в октябре 1880 г. либерального кабинета Йована Ристича. В январе 1881 г., по одобрении скупщиной закона о свободе собраний и союзов, были образованы Радикальная и Напредняцкая (прогрессистская) партии, соперничество коих оставит глубокий и трагический след в истории Сербии. В сентябре произошла реконструкция Либеральной партии. Однако, несмотря на это, она постепенно сходила с политической сцены.

Линии водораздела между сербскими партиями проходили по поколенческому и идеологическому принципам, которые в значительной мере переплетались[7]. В момент конституирования партий либералы в среднем имели по 50 лет, напредняки — по 41, а радикалы — по 31,5 году[8]. Соответственно и идеологические предпочтения их вождей тесно соотносились с теми доктринами, что доминировали в странах, где они обучались в свое время. Либералы, учившиеся в 50-е гг. в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене, были связаны с консерватизмом Средней Европы и национальными движениями в Италии и Германии. Отсюда их национализм и использование в своей конституционной практике государственно-правовой традиции германских монархий (в первую очередь Пруссии) — конституционных, но не парламентских, где рядом с народным представительством функционировала никак ему не подотчетная и авторитарная исполнительная власть[9]. Пик политического влияния либералов пришелся на 1869-1880 гг. — в этот период они почти беспрерывно управляли Сербией. Их главным историческим достижением стало обретение страной независимости.

Напредняки — эти сливки сербской интеллигенции, — получавшие образование в основном во Франции, находились под влиянием идей

---

[7] *Љушић Р.* Политичке генерације у Србији // Српске политичке генерације. 1788-1918. (Зборник радова). Београд, 1998. С.9-35; *Столић А.* Страначка генерација 1878-1903. // Там же. С.105-113.

[8] *Stokes G.* Politics as Development. The emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia. Durham & London, 1990. P.201.

[9] См.: *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1926. Књ.1. С.25: *Протић М.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1994. С.109; *Вебер А.* Идеи к проблемам социологии государства и культуры // *Вебер А.* Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С.86-89.

inslav

классического, прежде всего — французского, либерализма[10]. Более всего на свете они желали, по словам одного из их лидеров Стояна Новаковича, «сделать из сербского народа... европейский народ, а саму Сербию превратить в европейское государство»[11]. Призванное в октябре 1880 г. князем Миланом Обреновичем к власти напредняцкое правительство с Миланом Пирочанцем во главе и сделало ставку на прямое *заимствование* (а не *приспособление*, как то было у либералов Ристича), т.е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву — причем без учета ее адаптивных способностей, что означало коренную ломку традиций собственного народа. По свидетельствам очевидцев, напредняки собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»[13] и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»[14].

Их правление продолжалась в Сербии до 1887 г., сопровождаясь перманентным внутренним кризисом, кульминацией которого стало знаменитое Тимокское восстание (ноябрь 1883 г.) — политика «шоковой терапии»[15], по выражению современного автора, привела страну на грань гражданской войны. В основе конфликта, в который оказались втянутыми как монарх, так и широкие народные массы, лежало отношение к Европе и современной европейской цивилизации[16].

---

[10] *Stokes G.* Politics as Development... P.297; *Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е С., Фадеева Т.М.* Либерализм Запада. XVII-XX века. М., 1995. С.66.

[11] Архив Србије. Фонд Стојана Новаковића. Бр.548. Л.1.

[12] О реформаторской деятельности напредняков подробнее см.: *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia. 1804-1918. New York & London, 1976. Vol.2. P.416; *Трифуновић М.* Историја Радикалне странке (Од постанка до 1903.). Београд, 1995. С.84; *Батаковић Д.* Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије // Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану (Зборник радова). Београд, 1998. С.317; *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903-1914. Београд, 1998. С.59; *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К.Волкова. М., 2000. С.228-255; *Перовић Л.* Милан Пирочанац — западњак у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Зборник 3. Улога елита. Београд, 2003. С.11-72.

[13] *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. 2-е издание. СПб., 1898. С.90.

[14] *Лавелэ Э.* де. Балканский полуостров. М., 1889. Ч.1. С.204.

[15] *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004. С.86.

[16] Подробнее об этом см.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ.3. С.10; *Шемјакин А.Л.* Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. 1997. Бр.1-2; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови-Сад, 2003. С.193.

inslav

Мощное сопротивление модернизационным акциям сербских «ультралибералов» оказали радикалы. Они были младше напредняков на десятилетие и формировали свои взгляды уже в условиях критики либерализма в Европе, вплотную соприкоснувшись с учением русских народников, с которым познакомились в Швейцарии на рубеже 60-70-х гг.[17]. В ответ на вызов властей радикалы во главе с Николой Пашичем провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что обретенной свободой. Их концепция прогрессивного развития Сербии базировалась на твердом убеждении в необходимости сохранения всех важнейших институтов и норм традиционного уклада жизни (каковые объявлялись ценностями для сербского народа непреходящими) и соответственно на стойком неприятии пути Европы и ее образцов[18]. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — писал в конце 1880-х гг. вождь радикалов, — но идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...»[19]. И даже в середине 90-х он продолжал взывать к Светозару Марковичу — верному ученику русских народников, — разъясняя идейную подоплеку Радикальной партии: «Маркович проповедовал необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат, чтобы нам не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор... Об этом радикалы особенно хлопотали»[20].

«Очередь» Радикальной партии управлять Сербией (не считая краткого периода пребывания у власти в 1889-1892 гг.) придет после физического уничтожения династии Обреновичей в 1903 г. ...

Второе важное различие между партиями в Сербии состояло в неоднородности их социальной основы. В то время, как либералы и напредня-

---

[17] См.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века... Књ.3; *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и русские социалисты в Цюрихе (1868-1872) // Токови историје. Београд, 1997. Бр.1-2; *Трговчевић Љ.* Планирана елита. Београд, 2003.

[18] Об идеологии Радикальной партии подробнее см.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века... Књ.3; *Поповић-Обрадовић О.* О идеолошком профилу радикала 1903-1914. // Токови историје. 1994. Београд, 1995. Бр.1-2. С.59-76; *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-их година XIX века // Српска политичка мисао. 1996. Бр.1-4. С.241-259; *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция. *Мишкова Д.* Сърбският радикализъм през XIX в.: страници от историята на балканския популизъм // Токови историје. Београд, 1999. Бр.1-4. С.36-68; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна...; *Стојановић Д.* Србија и демократија...

[19] Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр.14615-1-27.

[20] *Шемјакин А.* Никола Пашић у успоменама руског путника (прилог проучавању идејног порекла Српске народне радикалне странке) // Токови историје. Београд, 2004. С.106.

inslav

ки объединяли городскую интеллигенцию, государственных чиновников центрального и окружного уровня, часть высшего церковного клира, а также крупнейших торговцев и богатых сельских хозяев; радикалы заручились поддержкой львиной доли крестьян, мелких чиновников, низшего духовенства, сельских учителей и врачей.

Отсюда проистекала и явно неодинаковая численность трех партий, равно как и специфика их организации. Напредняки и либералы являлись крайне малочисленными партиями — наподобие политических клубов, которые, бывало, даже распускались (как это произошло с напредняками в 1896 г.), дабы затем реанимироваться вновь. Они не имели серьезных организационных структур и апеллировали к личным качествам и былым заслугам своих предводителей. Если отталкиваться от типологии М.Дюверже[21], то они напоминали европейские *кадровые* партии.

В отличие от них, сербские радикалы являлись типичной *массовой* партией. Ее организация, которую еще до формального основания апробировал Пашич[22], опиралась на жесткую иерархическую вертикаль: от первичных партячеек в каждой общине, через систему срезских (уездных) и окружных отделений, до Центрального Комитета — как вершины всей пирамиды. Демократические отношения между различными уровнями такой пирамиды быстро заменились отношениями субординации — в условиях строгой, почти военной, дисциплины[23]. Во главе же ее находился непререкаемый лидер — вождь, кем однажды и навсегда (почти на полвека) стал Никола Пашич. Что ж, как выразился классик, «эра авторитарных партий совпадает с выходом на сцену массовых партий»[24].

* * *

Должно заметить, что, несмотря на внешне схожие условия формирования со своими европейскими аналогами, сербские политические партии серьезно различались от них в целом ряде сущностных элементов. Посмотрим, от чего это зависело и к чему приводило?

Во-первых, от принципиальной разницы характера обществ в развитых странах Европы, с одной стороны, и в патриархальной Сербии, с другой. Высочайшая степень социальной гомогенности сербского народа —

---

[21] См.: *Дюверже М.* Политические партии. С.116-122.

[22] *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 165-167.

[23] *Јанковић Д.* Рађање парламентарне демократије. Политичке странке у Србији XIX века. Београд, 1997. С.428.

[24] *Дюверже М.* Политические партии. С.222.

inslav

более 87 % крестьян примерно равного имущественного состояния при фактическом отсутствии буржуазии и аристократии — давали мало простора для деятельности партий в европейском их понимании, которые по дефиниции должны были представлять интересы отдельных социальных групп или классов. «Политические партии, — подчеркивает в данной связи А.Н.Медушевский, — стали новой реальностью конца XIX — начала XX вв., отразив выход на историческую арену широких народных масс, их неоднородность, рост социальных противоречий, раскол общества на слои с различными, а то и противоположными интересами, которые нуждались в особом представительстве»[25].

В Сербии «раскол общества на слои» еще не произошел, и, следовательно, почва для становления классической многопартийности была весьма зыбкой. Радикалы действительно вывели «на историческую арену» крестьянство, но практически все оно, по причине нерасщепленности внутрикорпоративных интересов, оказалось под их знаменами. «Та быстрота, — отмечает Латинка Перович, — с какой они покрыли всю страну сетью своих партийных комитетов, равно как и немногочисленность двух других сербских партий — либеральной и напредняцкой, показывает, что гражданское общество в Сербии 80-х гг. XIX в. находилось еще в зачаточном состоянии»[26].

Политическим следствием данного положения стало то, что при запуске парламентского механизма, столь высокая социальная однородность общества не могла не трансформироваться в монополию «народной партии», или радикалов, выражавших интересы подавляющего большинства населения. После принятия конституции 1888 г. все так и произошло. Несмотря на провозглашенный парламентский режим, в Сербии в 1889-1892 гг. сложилось по сути однопартийное «радикальное царство», как выразился бывший радикал Пера Тодорович[27], — типичный пример партийного государства, когда Корона и другие политические организации низводились до положения маргинальных придатков новой «абсолютной» власти[28].

---

[25] *Медушевский А.Н.* Проблемы современной демократии // *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. С.11.

[26] *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века... Књ.3. С.120.

[27] *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л.Перовић. Београд, 1997. С.206.

[28] Подробнее о функционировании «радикального режима» в 1889-1892 гг. см.: *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. No 4. С.64-81.

inslav

Именно к такому типу «парламентаризма», заметим к слову, — т.е. к тотальной, вечной и *ничем* (даже законом) не ограниченной гегемонии победившего большинства — соратники Н.Пашича всегда и стремились[29].

В этом контексте поистине знаковой представляется реакция сербских партий на государственный переворот, осуществленный Александром Обреновичем 9 мая 1894 г., в результате которого конституция 1888 г. была отменена. В то время, как радикалы решительно осудили действия монарха, напредняки и либералы отмену парламентской конституции приветствовали, ибо, по их мнению, «она давала возможность находиться у власти лишь одной партии — Радикальной, пользовавшейся безраздельной поддержкой народа». Тогда как отмена Основного Закона «дает возможность и партиям, лишенным народной поддержки, с помощью двора приходить к власти»[30].

Налицо крайне парадоксальная ситуация — традиционалистски и антилиберально настроенные радикалы горячо поддерживают парламентскую процедуру, поскольку та обеспечивает им монопольное присутствие во власти; европейски же ориентированные и приверженные самой идее парламентаризма партии отвергают ее — ведь именно она выталкивает их на обочину сербской политики.

Из всего сказанного напрашиваются два промежуточных вывода.

Во-первых, и в этом мы солидарны с Ольгой Попович-Обрадович, «в начальный период парламентского правления в Сербии de-facto сложилась система политического монизма»[31], несмотря на формально провозглашенную многопартийность.

И во-вторых, если согласиться с понятием парламентаризма, как неотъемлемого элемента либеральной доктрины, состоящего в признании обществом необходимости «публичной дискуссии», то в Сербии, как мы уже видели, для нее не существовало ни социальных оснований в виде

---

[29] См.: *Поповић-Обрадовић О.* Идеја и пракса уставности у Србији 1869-1914.: између либералне и народне државе // Русија, Србија, Црна Гора. Хелсиншке свеске. Београд, 2000. С.43; *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) СПб., 2004. С.33-35; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.322-347; *Она же.* Уљс на води: политика и друштво у модерној историји Србије // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804-2004. Београд, 2005. С.133.

[30] *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1935. Књ.2. С.25.

[31] *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији... С.48.

inslav

отдельных общественных групп — возможных субъектов такой дискуссии, ни желания победившей партии идти хоть на какой-то компромисс с оппонентом. Отношение сербских партий (причем всех, без исключения) «к другому» в корне разнилось от того же в Европе. И это второе важнейшее отличие.

И здесь мы подходим к проблеме политической культуры в Сербии, каковую, думается, следует рассматривать двояко — как сверху, так и снизу.

* * *

Что касается политической культуры крайне немногочисленной сербской элиты, то она, разделившись на партии, воспринимала свою политическую роль не иначе, как миссию, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим грешили радикалы, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии, относясь «к другим» не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не разделяет ее позицию[32]. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало. П.А.Кулаковский с полным правом писал И.С.Аксакову в начале 80-х гг.: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»[33]. Не он один констатировал сей факт. Сербский судейский чиновник Никола Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перерезать друг друга...»[34].

Все точно. К примеру, политический «террор большинства», царивший в период правления радикалов в начале 1890-х гг., сменился после их отставки не менее жестким курсом меньшинства. Не имея поддержки в народе, либеральное правительство Йована Авакумовича предприняло самые зверские меры, вплоть до расстрела неугодных, дабы вытеснить своих противников из локальных органов власти накануне «парламент-

[32] *Стојановић Д.* Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С.130-132.

[33] Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф.572. Д. 44. Л.27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.).

[34] АСАНУ. Бр.7213. Дневник Николе Крстића. «Јавни живот» (1895 г.). Запись от 17 сентября.

inslav

ских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим прессом полиции[35].

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялись действиями «снизу» — смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков — так называемый «народный вздох», — когда по всей Сербии прокатились погромы, и было убито 150 человек[36]... Наглядный образчик уровня политической культуры в «современном европейском государстве», как нередко характеризуют свою страну сербские историки[37]. Не лишним, пожалуй, будет здесь и упоминание о давней традиции политических убийств, которая, увы, дожила до наших дней — ровно через сто лет после гибели короля Александра и королевы Драги был убит премьер современной Сербии Зоран Джинджич.

Констатируя низкий уровень политической культуры, отметим, что и последние Обреновичи не ушли от него слишком далеко. Слободан Йованович с полным правом писал: «С точки зрения политических нравов, монархи из дома Обреновичей были не лучше своего народа»[38]. Что, понятно, не могло не повлиять на развитие политического процесса и специфику межпартийной борьбы в стране.

Начнем с того, что отношение обоих королей к партиям было очень негативным — они воспринимали их не как явление (пусть нежелательное, но необходимое), а как потенциальную опасность для себя лично, от какой нужно избавляться. Потому и были всегда в фаворе у монархов внепартийные кабинеты, возглавляемые лично преданными премьерами — Николой Христичем, Владаном Джорджевичем, Алексой Йовановичем, генералом Цинцар-Марковичем и т.д. Отношение же к партиям наглядно иллюстрирует реплика Александра Обреновича при посещении им в 1896 г. Космая. «К какой породе скота относится начальник Космайского округа», — спросил суверен Йована Жуйовича. «К напреднякам», — последовал ответ[39].

---

[35] См.: *Маријан В.* Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд., 1996.

[36] *Антић Ч.* Кратка историја Србије. Београд, 2004. С.83.

[37] *Љушић Р.* Милан Обреновић // *Љушић Р.* Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С.142.

[38] *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ.2 (2) // *Јовановић С.* Сабрана дела. Београд, 1990. Т.7. С.372.

[39] *Жујовић Ј.* Дневник. Приредио. Д.Тодоровић. Београд, 1986. С.56.

inslav

Вместе с тем, когда политика той или иной партии отвечала личным интересам монарха — как это было, например, с напредняками в 1880-1887 гг., Милан Обренович столь бурно их поддерживал, будто являлся, как с горечью заметил П.Тодорович, не королем Сербии, а «членом какого-то парткома»[40]. Причем его опять-таки интересовали не партия или идеология, но лишь конкретные люди и степень их преданности. «Какие напредняки, — говорил он о втором напредняцком кабинете, — в правительстве нет ни одного напредняка; есть я, кто приказывает, и есть Гарашанин, который слушается»[41]. Приведем другой пример монаршего цинизма, в котором, как в капле воды, отразилась вся неорганичность и деформированность сербской модернизации. В 1886 г., т.е. после поражения в Сербско-болгарской войне, Милан Обренович вел переговоры с Ристичем — он был готов дать власть любой партии, которая согласилась бы провести в скупщине новый военный бюджет в 14 миллионов динаров. Либералы ему ответили, что вряд ли смогут исполнить бюджет, если дадут армии 14 миллионов. «Когда же они сказали, что средства нужны еще для школ и судов, король заявил: "Тогда закройте школы и суды. Мне на них наплевать, но для армии деньги должны быть"[42]. К слову сказать, именно этот принцип и был положен в основу военной реформы 1897-1900 гг., которую многие сербские историки считают весьма успешной с профессиональной точки зрения[43]. Но факт, что вылупившиеся из яиц этой реформы птенцы заклевали до смерти Александра Обреновича, ими, как правило, не учитывается. А надо бы[44].

Столь откровенно заявленное стремление Милана и Александра Обреновичей к личной власти («При моем темпераменте я не могу согласиться с положением, которое занимают монархи Румынии и Греции», — повторял король-отец[45]) имело последствием то, что Корона постоянно стравливала политических оппонентов и разжигала тлеющие антагонизмы между партиями — для усиления своих позиций. С этой целью отменялись конституции; чередовались, как перчатки, кабинеты (за пятнадцать лет,

---

[40] *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка // *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Приредила Л.Перовић. Београд, 1997. С.174.

[41] *Пироћанац М.* Белешке. Приредила С.Рајић. Београд, 2004. С.309.

[42] Там же. С.275.

[43] См.: *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897-1900. Београд, 2002.

[44] См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С.188-190.

[45] *Пироћанац М.* Белешке. С.110.

inslav

в 1888-1903 гг., их было двадцать два); производились госперевороты (за десять лет правления юный Александр Обренович совершил это четыре раза)... А что в итоге? Какая национальная сверхзадача была реализована сербскими монархами, полагавшими, что укрепление их абсолютной власти и есть гарантия прогресса Сербии и ее пути в Европу?

Этим важнейшим вопросом задавались и некоторые современники, в частности, первый напредняцкий премьер Милан Пирочанац. В своем дневнике (опубликованном в Белграде несколько месяцев назад) он так размышлял о сложившейся ситуации: «Король сильно ошибается, когда боится образования мощных политических партий в стране. С ними легко править, а без них государственные дела крайне трудно решать». И далее: «Грамотно руководить и ввести в стране полезные институции, уравновесить бюджет и изменить основу налоговой системы — всего этого вряд ли можно добиться, проводя политику, целью которой является перманентный конфликт всех партий». И еще вопрос: «Король делает то, что делают и другие монархи — сохраняет статус кво, в рамках которого он является самой сильной фигурой, но спрашивается — для чего же он нужен, этот статус кво», когда «династия Обреновичей правит страной почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, *каковые уже должны были быть решены прошлыми поколениями* (выделено нами. — *А.Ш.*)...»[46].

Все верно. Вступив первой на Балканах на путь национального освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время. Внутренняя борьба (в том числе и меж- династическая) обескровливала страну, которую просто рвали на части — причем как приверженцы монархического абсолютизма, так и сторонники парламентаризма[47]. Прав современный сербский историк Чедомир Антич: «В истории Сербии Нового времени сербские политические элиты часто испытывали потребность в абсолютной власти»[48]. К чему и стремились в постоянной схватке между собой. Понимание же того, что власть и политика могут иметь какой-то иной характер, у них еще не сложилось... Чем все закончилось, хорошо известно: очередным политическим убийством и переворотом 1903 г.

---

[46] Там же. С.110, 292.

[47] См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии... С.192; *Димић Љ.* Србија 1804-2004 (суочавање с прошлошћу) // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804-2004. С.61-62.

[48] *Антић Ч.* Кратка историја Србије. С.136.

inslav

* * *

Новая эпоха принесла важные перемены в деятельность политических партий. Прежде всего, постоянно действовала «демократическая» конституция 1903 г., в рамках которой и функционировала парламентская система. Петр Карагеоргиевич, в отличие от Обреновичей, не вмешивался открыто в партийную борьбу. Однако появился новый антиконституционный фактор — посадившие его на трон заговорщики, сильно влиявшие на ход политического процесса.

Система партий также претерпела серьезные изменения. В 1904 г. окончательно оформился раскол в среде сербских радикалов: его первые симптомы проявились еще в 1901 г. Независимая радикальная партия (младорадикалы) встала на ноги, сформировав год спустя свой первый кабинет. Либеральная партия трансформировалась в Народную. В 1906 г. была реанимирована Напредняцкая партия. Кроме того, на сцену вышли две «классовые» организации — Социал-демократическая партия и Крестьянское согласие.

Все эти трансформации внесли определенную динамику в политическую жизнь, однако по целому ряду базовых позиций ситуация оставалась прежней.

Во-первых, партийная разделенность в стране по-прежнему не соответствовала политическим пристрастиям населения. На всех предвоенных парламентских выборах обе Радикальные партии стабильно получали 70-75 % голосов[49]. Народ не воспринимал старо- и младорадикалов как что-то принципиально отличное друг от друга — их раскол трактовался в массовом сознании всего лишь как столкновение личных амбиций в едином радикальном поле. Так что былая, сложившаяся еще при Обреновичах, раздвоенность населения страны на *радикалов и не-радикалов*, оставалась актуальной вплоть до 1914 г., когда младорадикалы впервые вступили в антипашичевский предвыборный блок с напредняками и Народной партией. Тем самым, начинали складываться предпосылки для *реального* политического плюрализма и перехода партии Н.Пашича в оппозицию[50]. Однако реализации этой, имевшей, вроде бы, перспективу, тенденции помешало начало Первой мировой войны. Очередные выборы не состоялись, и еще четыре года, т.е. до самого конца существования не-

---

[49] См.: *Поповић-Обрадовић О.* Политичке странке и избори у Краљевини Србији 1903-1914. Прилог историји страначког плурализма // Србија у модернизацијским процесима XX века (Зборник радова). Београд, 1994. С.333-348.

[50] Там же. С.344; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.300.

inslav

зависимой Сербии в 1918 г., вождь старорадикалов оставался в кресле премьера.

Во-вторых (что органично вытекает из первого пункта), разделительные линии в стране и в начале XX в. проходили по *идеологическим*, а не по *социальным* швам, как то было характерно для европейской партийно-политической практики. Сербские социал-демократы, а равно Крестьянское согласие, претендовавшие на роль классовых партий, так и остались маргинальными организациями, поскольку большинство ремесленников определилось в пользу независимых радикалов; крестьянство же традиционно стояло за партию Н.Пашича.

В-третьих, отношения большинства и меньшинства (как в доктринальном, так и политико-культурном смысле) также оставались глубоко традиционными: большинство любыми способами стремилось продавить свою позицию; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что буквально по каждому вопросу имеет отличный от власти взгляд. Обструкции оппозиции с блокированием кворума (по принципу чем хуже, тем лучше), нецензурщина, оскорбления действием — вполне рядовые явления в скупщине в эпоху «золотого века сербского парламентаризма», как частенько трактуется в национальной историографии период 1903-1914 гг.[51]. А как иначе, ведь по словам М.Протича — одного из авторов претенциозной «Новой истории сербского народа», «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии...»[52]. Дефиниция, заметим, сколь броская, столь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая*.

---

[51] *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С.89; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С.282-283; Историја Српског народа. Београд. 1983. Књ.6. Т.1. С.92; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд. 1989. Књ.2. С.546; *Живојиновић Д.* Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ.2. С.115; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881-1903). Београд, 1990. С.17; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С.20-22; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ.2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови-Сад, 2001. С.203-204.

[52] Нова историја Српског народа... С.189.

* Дефицит политической борьбы, как мы уже видели, не наблюдался в Сербии никогда. А потому, при полном отсутствии политической культуры, она и после 1903 г. не могла стать «главным критерием парламентской демократии»... Более объективные (по сравнению с авторами «Новой истории Сербского народа») сербские исследователи осознали это уже давно: «Несмотря на то, что идеологических причин для острого идеологического соперничества не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран

inslav

Следствием же такой «борьбы» были частые роспуски парламента — ни один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок.

И, наконец, в-четвертых, политическим гегемоном на протяжении всего периода 1903-1914 гг. оставалась старорадикальная партия во главе со своим харизматическим лидером Николой Пашичем. При этом как вождь, так и сама партия мало изменились в своем восприятии демократии, парламентаризма, политического плюрализма и других европейских институций и идей. Так, они по-прежнему рассматривали демократию как ничем не ограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм как институционализацию такого права; решительно отвергая при этом плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа[53]...

Что ж, народ сербский действительно поддержал претензии радикалов, которые, правда, были далеки от европейских подходов. Соответственно национальное согласие в Королевстве вызревало после 1903 г. на базе чисто *традиционных* понятий о власти и ее носителях[54]...

* * *

Заключая размышления о сербских политических партиях, приведем две цитаты из работ местных интеллектуалов. Душан Николаевич писал в 1910 г.: «Патриархальная среда должна была за краткое время пережить и переварить то, что формировалось на Западе веками. Она этого не могла. Все это и привело к тому, что мы сейчас, несмотря на все громкие заявления, не являемся европейским государством по сути, но только внешне»[55]. Поэтому-то, вторил ему историк Йован Йованович, «сербские партии, если посмотреть на них с европейского ракурса, являют собой один большой нонсенс...»[56].

депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие сербские политики просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы — шла ли речь о жизненных государственных интересах или второстепенных вопросах» (*Вучковић В.* Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ.XIV-XV. С.175).

[53] *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.259-267.

[54] См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии... С.191-196.

[55] Цит. по: *Стојановић Д.* Србија и демократија... С.378.

[56] Там же. С.381.

inslav

Впрочем, речь здесь идет не только о сербском, но и общебалканском феномене; русская дипломатия еще в начале 1890-х гг. поставила исключительно точный диагноз ситуации в регионе: «Балканские народы — это... политические тела, снабженные всеми конституционными и материальными орудиями новейшей цивилизации, но лишенные умеряющего и облагораживающего нравственного элемента непрерывной истории, живучих преданий и саморазвития» . Что ж, «непрерывной истории и саморазвития» в европейском поле и духе народы из турецкой (азиатской) части Балкан и впрямь были лишены. Отсюда — и вся неорганичность их европеизации в условиях «догоняющего развития». Причем, учитывая нерешенность национального вопроса, практически без шанса догнать...

[57] Архив внешней политики Российской Империи. Ф.Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д.3281 (1891 г.). Л.30.

inslav

Я. В. Вишняков

Внеконституционные факторы и особенности развития сербской государственности в конце XIX-начале XX вв.

В развитии сербской государственности XIX — начала XX вв. можно выделить 3 основных этапа:

1. Начало борьбы за национальную независимость в 1804 г., что тесно связано с процессом замены турецкого аппарата управления сербским. В 1835 г. была обнародована конституция, в 1838 г. принята так называемая «турецкая» конституция, а в 1869 г. — принята новая конституция. В 1878 г. Берлинский конгресс подтвердил государственный суверенитет Сербского княжества, а его территория расширилась за счет присоединения четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого.

2. 80-90 гг. XIX в. характеризуются становлением и развитием трех основных политических партий страны (радикальная, напредняцкая и либеральная), провозглашением в 1882 г. Милана Обреновича королем Сербии и принятием в 1888 г. новой сербской конституции.

3. Начало XX в. знаменовалось принятием новой сербской конституции 1901 г., вводившей двухпалатный парламент, состоявший из скупщины и сената; одновременно происходит нарастание внутрисербского конфликта, вылившегося в убийство короля Александра Обреновича 29 мая 1903 г. и приход к власти Петра Карагеоргиевича (1903-1921). Тогда же с небольшими изменениями была восстановлена конституция 1888 г., формально превратившая страну в конституционную парламентскую монархию.

Таким образом, можно говорить о том, что с начала XIX века в Сербии идет достаточно сложный процесс становления государства и его институтов, тесно связанный с развитием национально-освободительного движения. Это естественным образом наложило определенный отпечаток на характер развития сербского государства и на его особенности. Как спра-

inslav

ведливо в этой связи заметил английский исследователь Ш. Эйзенштадт, «для всех революционных обществ были характерны попытки выдвинуть новые цели, символы и центры; учредить новый политический и культурный порядок, расширить, по крайней мере в символическом плане, участие широких слоев в этих порядках и включить политический и культурный порядки в новую институциональную деятельность»[1]. Для молодого сербского государства выдвижение «новых символов» имело свои специфические последствия: так, например, исчезновение прежнего правящего османского класса поставило на повестку дня вопрос о переустройстве всех общественных отношений и утверждение новых гражданских и политических структур, а провозглашение в 1878 г. государственного суверенитета, кроме всего прочего, внесло вопрос о способе включения традиционного сербского общества в новую европейскую международную систему.

После Берлинского конгресса 1878 г. на Балканах значительно усилились позиции Австро-Венгрии, особенно после оккупации Боснии и Герцеговины. Территория сербского государства оказалась, таким образом, практически в окружении австрийских владений, что естественным образом привело к усилению политического и экономического давления Вены, а в 1880 г. сербский князь Милан Обренович окончательно связал будущее своего государства с австрийскими интересами. Однако это событие имело более глубокие последствия, чем просто смена внешнеполитических приоритетов. В этой связи отметим, что одним из важных факторов, влияющих на характер изменения любого общества, является степень развитости государственных элит, их взаимосвязь как с другими элитами, так и с широкими слоями населения. Сербия же, однако, к началу XX в. представляла собой совершенно патриархальную аграрную страну, где крестьянство составляло более 80% населения. Это была единственная в Европе страна, где практически отсутствовали железные дороги, а промышленность состояла всего из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих. «По роду занятий население современного сербского государства представляет картину весьма слабой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84 процентов жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем в силу парламентского строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии, в зависимости

[1] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М, 1999, С., 288.

inslav

от принадлежности к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет»[2], — отмечал историк А. Л. Погодин. Все это откладывало глубокий отпечаток как на характер власти и бюрократии, так и на отношение общества к формирующимся властным структурам. «Консервативная крестьянская сила, возможно, придавала Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчивость, но, сохраняя традиционный уклад жизни, она, естественно, мешала более быстрой модернизации страны», — отмечает современный исследователь К. В. Никифоров[3]. В этой связи проблема функционирования сербской политической системы, влияние на нее «внешних» сил представляется нам весьма интересной. Не претендуя на комплексное исследование этой, далеко не простой и во многом дискуссионной проблемы, постараемся вычленить лишь отдельные тенденции политического развития Сербии, связанные с превращением внешнего влияния в фактор внутреннего развития и влияния на них «внеконституционных» элементов.

Провозглашение независимости Сербии естественным образом поставило задачу формирования правящей элиты и политических партий. Однако специфика Сербии как раз и состояла в том, что условия ее развития не создавали возможности для формирования управленческого слоя. «Ведь у нас полковники — министры юстиции, философы — министры полиции, таможенные чиновники — министры строительства. Разве тут нужны знания? Нет, для того, чтобы быть министром, достаточно иметь свою программу»[4], — заметил гениальный сербский писатель Бронислав Нушич. А сербский историк П. Сречкович — приверженец идей либеральной партии, в письме вице-директору Азиатского департамента МИД России прямо указывал, что чиновники набирались прямо с улицы: «На упреки новому министру внутренних дел г-ну Рибарацу (министр внутренних дел в 1892-1893 гг. — член либеральной партии — *Я. В.*), зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: "Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет, кто был сапожником, пускай снова тем же занимается"[5].

«Иметь свою программу» — вот, что определяло политическую жизнь Сербии в конце XIX-начале XX в. Именно в конце XIX — начале XX вв.

---

[2] *Погодин А.Л.* История Сербии //История Сербии и Черногории. М., 2002. С. 205.

[3] *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. No 3. 2004. С. 8-9.

[4] *Нушич Б.* Из записок // Избранные сочинения Т. 4. Белград, 1968, С. 24.

[5] АВПРИ. Ф. 340. Опись 584. Д. 32, Л., 3 (об).

inslav

страна вступает в новый этап своего государственного развития, характеризующийся обострением борьбы различных политических сил — радикалов с Николой Пашичем во главе, боровшихся за усиление роли скупщины, и отстаивающие в этой связи «славянские» традиции и ценности, напредняков (М. Пирочанац), выступающих за сильную королевскую власть, ускоренную модернизацию и построение гражданского общества, и либералов (Й. Ристич). Зарождалось и социалистическое движение. В этом процессе, однако, ясно угадывается противоречие: в конце XIX в.в Сербии нет политических партий, как выразителей настроений определенной части или слоя общества, но зато есть политики, каждый из которых выступает со своим видением будущего развития страны.

Следует заметить, что принципиальное различие между современными и традиционными государственными структурами лежит не только в формах и методах управления, но и в конечных целях. Если для современного государства основной задачей является поступательное развитие социально-экономических, политических и государственных институтов, удовлетворение духовных и культурных потребностей общества, достижение определенных внешнеполитических преимуществ, то главная цель традиционного общества — поддержание существующего миропорядка и неизменности его форм. Именно поэтому пример развития сербской государственности прекрасно иллюстрирует то, что процесс вхождения в современное общество зависит не только от темпов изменения экономики, политики, быта, культуры и. т. д., но и от их сбалансированности, умения руководителей государства своевременно вносить коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику, поскольку несовпадение интересов государства и общества может привести страну к дореформенному состоянию или глубокому системному кризису. К. Н. Цимбаев в этой связи отмечал: «Различают два типа кризиса: системный кризис и кризис ответственности. В первом случае кризис рассматривается как угроза стабильности данной системе меж- и внутригосударственных отношений, исходящая, по крайней мере, от одного его участника, который надеется в том случае на выгодные политические изменения. Важнейшим фактором в развитии ситуации (к войне или против нее) становится соотношение интересов участников, осознанно принимающих наиболее выгодное им решение конфликта. Во втором случае кризисная ситуация наступает внезапно и ошеломляет носителей ответственности, оставляя мало шансов на принятие сбалансированных решений, отвечающих их интересам. Важнейшим в развитии ситуации становится фактор времени. Системный кризис и кризис ответственнос-

inslav

ти тесно связаны, поскольку развиваются в рамках одного политического явления"[6].

Подобным примером может служить курс правительства «напредняков» в начале 80-х гг. XIX в., направленный на ускоренное вхождение страны в мировую систему хозяйства, попытку модернизации экономики, что вызвало глубокое неприятие и непонимание патриархального населения. «Страна находится в полном разорении и едва ли можно отыскать средства не только помочь общему бедствию, но и приостановить далее его развитие. Народ так обеднел, что и подати платить не может, а долги и проценты так наросли, наравне с государственными доходами. Итак, вследствие ли этого, или вследствие дурного управления страной, народ охватило раздражение и озлобление, он не доволен ничем, злится до крайних размеров, только выходу ему нет. Он надеялся, во-первых, на либералов, потом на напредняков, а затем опять на либералов, и теперь толпа убеждена, что ее обманывали и те, и другие, и он, наконец, окончательно потерял веру и к тем, и к другим: одна надежда осталась теперь к радикалам. Но, как вам известно, не одна добрая воля радикалов может помочь общему горю, а требуется очень много других, очень важных условий, которые играют первостепенную роль в подобных потрясениях, по которым продолжать волю правительства», — отмечал в феврале 1888 г. в одном из своих писем Н. Г. Гартвигу известный сербский епископ Моисей[7].

Еще одним примером подобной конфронтации может служить пример дискуссии в скупщине в начале 80-х гг. XIX в, между «европеизированными» напредняками и «традиционалистами» — радикалами по поводу строительства, казалось бы, необходимой для развития страны, железной дороги Белград-Ниш. Выступая против этого строительства, лидер радикалов Н. Пашич, утверждал, что «построенная во исполнение чужой воли и на чужие деньги железная дорога угрожала низвести Сербию до положения вечного сырьевого придатка, что со временем могло привести к превращению сербов в народ — пролетарий, находящийся в услужении у богатого Запада, к вырождению их в служащий чуждым целям и не способный к сопротивлению этнографический материал»[8]. Особо при этом

---

[6] См. *Цимбаев К.Н.* Июльский кризис 1914 г. Системный анализ методами конфликтологии. //Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М. 2001. С. 189

[7] АВПРИ. Ф. 340. Опись 584. Д. 31 Л.1-1(об).

[8] Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. М. 2000. С. 242.

inslav

следует подчеркнуть, что в данной ситуации королю не удалось встать над партийной борьбой, выступить гарантом сохранения прав и свобод граждан. «Вместо того, чтобы стать инициатором "рационализации конфликта" и взять в свои руки процесс гармонизации опасно разошедшихся интересов, монарх открыто выступил на стороне сербских ультралибералов (напредняков)»[9]. Можно с уверенностью констатировать, что политической жизни Сербии к началу XX в. свойственно противоречие: с одной стороны, отсутствие авторитета или сакральности королевской власти, а с другой — отсутствие консолидированной и образованной политической элиты, способной сплотить общество, а также традиций парламентаризма западноевропейского образца и культуры политической борьбы. Достаточно указать в этой же связи на типичный для Сербии институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий[10], а также на то, что в течение XIX в. насильственное смещение монарха было скорее правилом, чем исключением. Да и сам факт того, что с 1878 по 1903 г. в Сербии сменилось 20 кабинетов министров, говорит о многом. Многочисленные исследования как российских, так и сербских исследователей блестяще это подтверждают.

Конечно, становление любого общества немыслимо без развития личности и появления социальных лидеров. В политическом смысле можно выделить два типа общественного лидерства. Собственно социальные лидеры, которые четко и понятно формулируют интересы определенных социальных групп и ведут эти группы за собой. Такие лидеры появляются на сравнительно поздних и развитых этапах общественного развития. Ранним этапам более свойственны так называемые «сильные персоны». Это заметные люди, которых игра случая вознесла выше их собратьев и дала им на время возможность распоряжаться судьбой других людей. В отличие от настоящих социальных лидеров «сильная персона» озабочена более всего своей личной судьбой, но она может случайно или осознано «обслуживать» и часть социальных интересов. Иногда эта фигура является яркой, харизматической личностью, но может быть и полной бездарностью, случайно обласканной фортуной. Сербия достаточно долго

[9] Там же С. 247

[10] Об этом пишут как российские, так и сербские исследователи. См., напр., *Никифоров К.В.* Четыре этапа сербской истории // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922-1991). М. 2002. С. 21-35. Так, одной из значительных фигур являлся Й. Ристич, бывший регентом при Милане и Александре Обреновичах. А в 1914 г. принцем-регентом при своем старом отце стал Александр Карагеоргиевич.

inslav

не имела истинных социальных лидеров, зато суррогатных вождей в лице «сильных персон» в период борьбы за независимость появляется великое множество. Все они были далеки от мысли сделать строящееся государство выразителем социальных интересов, их деятельность свелась к стремлению «приватизировать» де-факто часть государственной власти. Яркой иллюстрацией этому является пребывание у власти радикального кабинета (1889-1892 гг.). «За четыре года своего правления радикальное министерство ничего не сделало для облегчения участи низших классов населения, несмотря на все свои обещания. Бюджет с 40 млн. вырос до 60. В обществе повсюду воцарилась настоящая анархия. Общинная власть перешла в руки дурных людей. Администрация состояла только из приверженцев радикальной партии. Государственный долг вырос еще на 140 миллионов», — отмечал тот же Сречкович.[11].

Политические столкновения в конце XIX в. происходили не только на страницах газет или заседаниях скупщины. Осенью 1883 г. вспыхнуло крестьянское восстание в восточной Сербии, получившее название Тимокского (по р. Тимок). Это выступление было использовано Миланом для удара по лидерам радикальной партии, которая перешла на нелегальное положение, а ее лидер Н. Пашич вынужден был уехать за границу. Дальнейшее развитие событий только усугубило внутренний структурный кризис в сербском обществе и привело к кризису режима Милана Обреновича. В 1885 г. Сербия напала на Болгарское княжество. Через месяц война закончилась поражением Сербии. В этой ситуации Милан вынужден был пойти на компромисс с оппозицией. В 1888 г. в Сербии была принята новая конституция, провозглашавшая страну наследственной конституционной монархией, а скупщине была предоставлена законодательная инициатива. В феврале 1889 г. Милан отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына Александра. В помощь новому монарху был назначен регентский совет во главе с Й. Ристичем. А в апреле 1893 г. Александр фактически совершил государственный переворот, провозгласив себя совершеннолетним и взяв власть в свои руки. Вернувшись в страну, Милан стал соправителем сына. В мае того же года была ликвидирована конституция 1888 г., замененная уставом 1869 г. На этом фоне развитие политического кризиса в конце XIX — начале XX в. было неизбежно. Решение Александра Обреновича жениться на своей фаворитке Драге — вдове инженера Машина и бывшей фрейлине королевы Натальи (жены Милана), женщине значительно его старше, и к тому

[11] АВПРИ. Ф. 340. Опись 584. Дело 32. Л. 1(об)-2.

inslav

же имевшей весьма сомнительную репутацию, только способствовало его углублению. Этот шаг Александра отвернул от него значительную часть сербского общества, вызвав в 1900 г. отставку кабинета Владана Джорждевича. Даже Милан Обренович разорвал отношения с собственным сыном. Вскоре после объявления помолвки он порвал с ним и уехал за границу, где и умер в январе 1901 г. В апреле 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, вводившую двухпалатный парламент — скупщину и сенат, которую можно рассматривать как последнюю попытку компромисса лидеров основных политических партий Сербии и Александра. Однако этот акт не снял внутренней напряженности в стране. Сербский король усиливал личный деспотический режим, сформировав в ноябре 1902 г. новое «нейтральное» правительство генерала Цинцар-Марковича и начав проводить при этом политику, направленную на дальнейшее сближение с Австро-Венгрией[12]. Оппозицию режиму Обреновичей вновь составила радикальная партия, поддержанная либералами — Д. Генчичем, А. Новаковичем, Д. Райовичем, В. Петровичем. Неизбежность переворота, который произошел ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г., была очевидна.

Вот что 9 апреля 1903 г. писал по этому поводу В. В. Тржецяк — заведующий российской агентурой Департамента полиции на Балканском полуострове: «Усиление влияния либералов и создание королем Александром нового министерского кабинета под председательством Цинцар-Марковича было с крайним неудовольствием принято радикальной партией, причем уже в декабре месяце прошлого года в Белграде разнесся слух о том, что король Александр намерен окончательно перейти на сторону Австрии, приблизив к себе либералов, в виду чего еще тогда среди недовольных королем радикалов с бывшим посланником в Константинополе г. Пруичем и бывшим посланником в С. Петербурге Новаковичем и вышеупомянутым Святозаром Симичем (бывший заведующий македонскими делами в министерстве иностранных дел Сербии — *Я. В.*) во гла-

[12] В начале XX века взаимоотношения России и Сербии значительно улучшились. Стали расширяться не только политические, но и экономические связи. Но женитьба короля Александра не могла не отразиться и на российско-сербских отношениях. Весной 1901 г. предполагалось посещение Александра и Драги С.Петербурга. Однако визит неоднократно откладывался, и в конце концов, сербская королевская чета так и не была принята российским императорским двором, что еще больше уронило авторитет сербского короля в глазах общества и способствовало активизации деятельности заговорщиков — сторонников провозглашения королем Сербии Петра Карагеоргиевича. Стремясь укрепить свое положение, король Александр пытался переориентировать свою политику в сторону Австро-Венгрии.

inslav

ве, циркулировали слухи об организации в южной Венгрии покушения против короля и королевы и о предполагаемом смещении династии Обреновичей. Одновременно с этим, недовольные поступками короля радикалы пытались воздействовать на него при помощи королевы, обязанной исключительно радикальной партии своим настоящим положением. К сожалению, в последнее время влияние королевы Драги на короля значительно ослабло и она не могла убедить короля Александра уклониться от сближения с либералами и доказать вред сближения Сербии с Австрией. Вследствие этого радикалы ныне крайне озлоблены против королевы Драги и стараются возбудить против нее общественное мнение, доказывая, в виду ее бездетности, необходимость развода короля. Таким образом, в настоящее время король Александр, действуя под влиянием преданных Австрии адъютанта своего Лазаря Петровича и секретаря Петруневича и других либералов-австрофилов, создал весьма серьезное политическое положение в Сербии и своим образом действий восстановил все без исключения политические партии. Дальнейшее осуществление намерений короля и введение в Сербии ограниченной конституции неминуемо повлечет за собой протест большинства сербов и, не располагая достаточной поддержкой среди своих подданных, король вынужден будет или уступить народным требованиям, или искать поддержки у ближайшего своего соседа Австрии. И то и другое решение вопроса вполне согласуется с тайными стремлениями австрийской политики создать в настоящее время, при усилении македонского движения, новые политические осложнения на Балканском полуострове, с целью доказать европейским державам необходимость вооруженного вмешательства для разрешения восточного вопроса. В виду такого положения вещей и крайнего озлобления сербских радикалов, следует ожидать в самом скором времени многочисленных арестов в Белграде по приказанию короля, причем, без сомнений, будут арестованы и интернированы из Сербии большая часть радикалов-русофилов. Агентурным наблюдением по г. Белграду установлено, что радикалы и ныне замышляют и не отказались от мысли произвести покушение на жизнь короля и принимают все меры к тому, чтобы свергнуть династию Обреновичей»[13].

Даже австро-венгерская разведка, как убедительно показала С. И. Данченко в монографии «Развитие сербской государственности и Россия»[14], приняла участие в подготовке покушения на Александра. Этот факт уже сам по себе является еще одним показателем системного внутрисербско-

[13] ГАРФ. Ф. 505. ед.хр. 76. Л.11(об)-13(об).

[14] *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903 М, 1996.

inslav

го кризиса. Ведь именно через эту страну в свое время Милан Обренович пытался «втянуть» в Европу молодое сербское государство. Александр Обренович, однако, своими неуравновешенными и непредсказуемыми действиями стал опасен для Австро-Венгрии, и в этой ситуации кандидатура Петра Карагеоргиевича была для австро-венгерского правительства более предпочтительна. Кроме того, австро-венгерские правящие круги были также обеспокоены сообщениями о намерении Александра заключить персональную унию с черногорской династией о предоставлении сербского престола черногорскому королевичу Мирко, как и попытками сербского короля активизировать политику в Македонии и Боснии и Герцеговине. Косвенно эти данные подтверждаются В. В. Тржецяком, отмечавшим в одном из своих донесений, что Австро-Венгрия всеми силами пытается уронить престиж династии Обреновичей и среди соседних балканских стран: «В Софии из Мюнхена получено 100 номеров газеты «Тополе», органа династии Карагеоргиевичей. Газета эта, наполненная всякого рода инсинуациями по отношению к королю Александру и королеве Драге и вообще к династии Обреновичей, умышленно ныне водворяется при участии австрийских дипломатов в Сербии через территорию Болгарии, несмотря на то, что ближайший путь из Мюнхена в Белград проходит через Австрию.»[15] При этом болгарский князь Фердинанд информировал Александра о готовящемся заговоре. Российская разведка, как следует из донесений В. В. Тржецяка, также неоднократно предупреждала короля об этом. Так, 25 мая сотрудник департамента полиции на Балканах Александр Вейсман докладывал Александру о заговоре против его личности, причем король ответил, что примет все меры к уничтожению заговорщиков, имена которых были, по-видимому, ему известны. За день до совершения убийства Александр получил письмо от полковника генерального штаба Живковича, видимо, входившего в состав заговорщиков и покончившего жизнь самоубийством вскоре после осуществления переворота, предупреждавшее короля о готовящемся покушении. Кроме того, известно, что накануне убийства Александр Обренович пытался принудить Цинцар-Марковича ввести в Белграде осадное положение с тем, чтобы арестовать заговорщиков. Не случайно после 1903 г. многие представители сербских политических кругов находили приют в Австрийской империи. «Эти деятели, составляя в руках Австрии прекрасное оружие для производства дальнейших беспорядков и волнений на Балканском полуострове, составляют: доктор Владан Джордже-

[15] ГАРФ. Ф. 505. ед.хр. 81 Л. 35(об).

inslav

вич с его приверженцами, состоящими, главным образом, из уволенных от сербской службы военных генералов, министров и чиновников, представителей сербской либеральной и напредняцкой партий», — отмечал В. В. Тржецяк[16].

В этой связи мы подходим к еще одной важной проблеме, влиявшей на развитие сербского государства — национальной политике, связанной с новым этапом развития национальных движений на Балканском полуострове. Отметим, что одной из особенностей национального движения в самой Сербии было то, что оно стало зарождаться задолго до того, как сформировалось гражданское общество или какой-либо конституционный порядок. Османское завоевание в этой связи отразилось не только на социально-экономическом и политическом развитии Сербии, но и немало способствовало становлению особого «военного» («четнического») сознания сербского народа, что привело к формированию в обществе конфронтационной психологии, вполне естественной для постоянно воюющей страны. Сербская государственность, формирующаяся в ходе восстания 1804-1813 гг., носила яркий «повстанческий» характер[17], а основой для зарождения политических институтов страны являлись «семейные»[18] отношения правителя со своим народом, что в начале XX в. вызвало естественное противоречие: становление европейских политических норм стало несовместимо с патриархальной моделью развития монархической власти. Как совместить намерение Обреновичей «втянуть» Сербию в Европу и установить абсолютную власть с патриархальным общественным сознанием?

В тоже время постоянное присутствие психологического фактора неизбежности войны в начале XX в. получило новое преломление, тесно связанное с новым пониманием концепции «Балканы для балканских народов» и возрождением идеи об объединении славян в единое государство под сербской гегемонией. Все это использовалось различными политическими силами для достижения своих целей, одновременно вступая в конфликт с формирующимися новыми государственными институтами, что способствовало усилению внутриполитической нестабильности. Мо-

[16] Там же. Л. 18.

[17] *Белов М.В.* Сербская повстанческая государственность и ее идеологическое обоснование // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005 С. 39-53.

[18] Сербия имела давнюю традицию «крестьянской демократии». Отношение народа к своему правителю было лишено какой бы то ни было сакральности. За монархом, как за главой семьи, по справедливому замечанию А.Л. Шемякина, «они признавали лишь первенство, но не превосходство»// *Шемякин А.Л.* народ и власть в независимой Сербии. // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 192.

inslav

жет ли быть устойчиво общество, связанное только эфемерной идеологической доктриной?

Важное значение для практического осуществления данной доктрины в начале XX в. имел македонский вопрос, связанный с определением ее статуса, поскольку Македония согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г. продолжала оставаться под властью Османской империи. Обострению обстановки в регионе способствовал и раскол среди православного духовенства. Еще в феврале 1870 г. султан подписал фирман об образовании самостоятельной болгарской церкви, глава которой получил титул экзарха. Он избирался высшими болгарскими церковными иерархами и должен был быть утвержден патриархом и султаном. Большая часть земель Македонии и Фракии получили право на церковно-национальное самоопределение через плебисцит. События 1875-1878 гг. помешали провести плебисцит до конца, а проблемы, связанные с определением границ экзархата и решением вопроса о внутренней организации новой болгарской церкви повлекли за собой дальнейшее углубление национальных противоречий в Македонии и вызвали новый раскол среди православного населения данного региона, тем более, что с начала 80-х годов XIX в. территория Македонии стала ареной политической борьбы между Болгарией, Сербией и Грецией. Обосновывая правомочность своих претензий, все эти державы ссылались, прежде всего, на «историческое право» обладания данной территорией, а также на этнический состав населения, который трактовался ими в зависимости от их политических интересов.

В 1893 г. в Салониках была основана ВМРО — Внутренняя македонская революционная организация, ставившая перед собой задачу добиться автономии Македонии. В 1895 г. в Софии был образован Верховный македонский комитет, занимавшийся формированием на территории Болгарии вооруженных банд (чет), которые затем перебрасывались на территорию Македонии для организации там террористических актов. В 1902 г. подобная организация была создана и в Белграде. Обстановка в крае накалилась до предела. Вот, например, что писал по этому поводу в 1901 г. военный агент России в Афинах полковник Хольмсен: «Видимо, все дело заключается в том, что македонский комитет, желая вызвать восстание среди жителей, раздает оружие населению, которое, однако, о восстании и не думает. Уверяют, что до сих пор комитету удалось ввезти до 100 тыс. ружей в страну. Оружие было принято более из страха перед зверствами болгарских банд, которые положительно держат весь край в страхе и не останавливаются ни перед какими средствами для достижения своих целей. Священники и частные лица, отказывающиеся принять

inslav

на сохранение оружие, убивались самым зверским образом, причем распространялись слухи, что убийства якобы дело рук турок. Агенты комитета угрозами заставляли селян обращаться к иностранным консулам с жалобами на якобы произведенные над ними насилие со стороны турецких властей»[19].

Однако развитие македонского движения использовалось сербскими политиками не только для осуществления национальных задач, как они их понимали, но и для дискредитации режима Александра Обреновича, естественно, не без помощи австро-венгерских кругов. Тот же Тржецяк отмечал в одном из своих донесений в 1902 г., что «в г. Ниш в местном военно-инженерном складе изготовляются для военных целей динамитные патроны; сербские офицеры, имеющие сношения с местным австрийским вице-консулом Богуславлевичем, вывозят из склада динамит на сербский пограничный пункт Митровицы. < ... > Динамит этот привозился в Митровицы с конечной целью взорвать его, чтобы затем, при посредстве интриг, пустить молву, что таковой заготовлен был по приказанию сербского короля для целей македонского движения < ... > агентурным путем установлено, что упомянутый выше Богуславлевич состоит в близких отношениях с турецким губернатором Салоник Хамди-Пашой, который, совместно с Богуславлевичем, по настоянию австрийской дипломатии, должен был в случае, если удалось бы устроить взрывы сербского динамита в Нише, известить султана, что в Старой Сербии возникает македонское движение»[20]. Некоторые факты позволяют также предположить, что деятели македонского движения, а особенно один его главных руководителей Борис Сарафов, приняли участие в подготовке заговора 29 мая 1903 г., явившись значительной «внекоституционной» силой, роль которой еще предстоит изучить. По крайней мере, В. В. Тржецяк прямо называет этот переворот «результатом анархической деятельности сарафовского македонского комитета»[21]

На этом фоне политическую активность начинает проявлять армия, ставшая к началу XX века еще одной политической силой в молодом сербском государстве. Сербские правители прекрасно понимали ее роль в формирующихся государственных структурах. Еще в 1850 г. под руководством генерала Ф. Заха в Белграде была открыта Артиллерийская школа для всех родов войск. К 1876 г. — времени ее закрытия в связи сер-

[19] Донесение военного агента в Афинах полковника Хольмсена 21 мая 1901 г. // РГВИА. Ф.2000. оп. 1. ед. хр. 862. Л.2 (об).

[20] ГАРФ. Ф. 505. ед.хр. 75. Л.7-7 (об).

[21] Там же. ед.хр. 81.. Л. 18

inslav

бо-турецкой войной, ее закончили около 100 сербских офицеров. Одним из них был известный сербский политик Савва Груич, ставший в 1887 г. генералом, пять раз занимавший должность председателя сербского правительства, бывший военным министром, председателем государственного совета, три раза — министром иностранных дел. С 1878 г. Артиллерийская школа стала называться Белградской военной академией.

Новый этап формирования сербских вооруженных сил приходится на в 80-е гг. XIX в., на фоне сближения с Австро-Венгрией. Именно в это время происходит становление сербской армии именно как политической опоры власти. Милан Обренович провел в 80-90 гг. XIX в. комплексную реорганизацию вооруженных сил страны, сделав г. Ниш военным центром Сербии. Так, например, в 1882 г. в Сербии была введена всеобщая воинская повинность, армия перешла на новую организационно-штатную структуру, появились новые рода войск, в том числе и жандармерия. В 1884 г. были открыты «Курсы генерального штаба». В 1896 г. появился закон об устройстве армии, а Милан стал ее фактическим главнокомандующим. Тем самым к началу XX в. сербская армия, по справедливому замечанию С. И. Данченко, превратившись в один из «важных компонентов государственности»[22], стала реальной политической силой способной влиять на развитие страны. Режим Обреновичей, переставший удовлетворять потребности традиционного сербского общества, во многом зависел от ее лояльности. Политизированные сербские офицеры не могли остаться в стороне от происходящих в стране событий, однако, не имели своей четкой политической платформы и программы, и именно поэтому использовалось оппозицией режиму Александра Обреновича как преторианская сила. Их поднимали и вели «сильные персоны» оппозиции (прежде всего радикалы во главе с Н. Пашичем), о целях которых рядовые военные были часто слабо информированы, а уровень политической культуры сербского офицерства отражал реалии трансформирующегося традиционного сербского общества. Вот, например, как описывает российский военный агент в Белграде Леонтович причины очередного министерского кризиса и отставки в апреле 1901 г. военного министра М. Васича: «Застав неожиданно у себя Маринковича в положении, не оставляющем сомнений в близких отношениях с m-me Васич, военный министр тут же, при пособии своего адъютанта, избил министра народного просвещения и выбросил его буквально из окна»[23]. А Бронислав Нушич

[22] см. *Данченко С.И.* развитие сербской государственности и Россия 1878-1903. М. 1996 С. 397-398.

inslav

весьма тонко подметил: «Если бы меня назначили военным министром, я ввел бы в армии новый головной убор»[24]. И именно офицеры 6 пехотного полка, расквартированного в Белграде[25], непосредственно осуществили знаменитый майский переворот 1903 г., положивший начало новому этапу развития сербской государственности. Переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры, власть была передана демократически избранным государственным структурам[26]. Сразу же после осуществления переворота была созвана скупщина, с небольшими изменениями восстановлена конституция 1888 г., заметим, кстати, действительно одна из самых демократических европейских конституций.

Так можно ли смотреть на Сербию после 1903 г. как на новое молодое демократическое государство западноевропейского типа? На наш взгляд, скорее нет, чем да. Попытка Обреновичей через Австро-Венгрию «втянуть» Сербию в Европу окончилась провалом, что уже само по себе означало победу сил сохранения традиционного уклада, да и «самая демократическая» сербская конституция являлась больше документом политическим, нежели реально отражала потребности традиционного общества и патриархального сербского крестьянства.

1903 г. принес в политическую жизнь страны новые черты. Наряду с «сильными персонами» окончательно формируются подлинно социальные государственные лидеры, где главную роль на себя взял Н. Пашич и руководимая им радикальная партия. И именно сложный характер взаимоотношений радикалов и офицеров-заговорщиков, которые заняли влиятельные посты в военном ведомстве, во многом стал определять политическую жизнь сербского королевства, явившись еще одним «внеконституционным» фактором развития страны. Переворот 1903 г. так и не снял с повестки дня важнейший для Сербии вопрос: «Куда и с кем идти?» Он ярко проиллюстрировал очевидность невозможности продолжения трансформации внешнего влияния в фактор внутреннего развития при сохранении цивилизационных основ сербского общества, взаимного

---

[23] РГВИА. Ф 2000 оп.1., ед.хр. 822. Л.1-1(об)

[24] *Нушич Б.* Из записок... С, 27

[25] Офицерами руководил майор 6-го пехотного полка Мишич. Кроме него, основными организаторами заговора явились Михаил Анжелькович, Лука Лазаревич, Драгутин Димитриевич (Апис), Савва Тривкович, Илья Радиваевич, Милан Лазаревич, Александр Машин и адъютанты короля полковники Наумович и Панайотович.

[26] *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX в. // Славяноведение. No 3. 2004 С. 7-20.

inslav

приспособления традиционных и современных структур, их совершенствования и продуктивного синтеза. Кроме того, «революционная», насильственная ломка традиционных элементов, попытки выхода за рамки «промежуточной цивилизации» привели к трагическим последствиям, как для династии Обреновичей, так и для всей Сербии. В то же время стала очевидна невозможность возращения к традиционному обществу, ликвидации современных общественных отношений и подавление всего европейского на бытовом уровне.

Конфликт перешел в новую стадию, грозя материализоваться во вполне конкретных политических событиях. С одной стороны, депутутаты скупщины, да и сами военные требовали скорейшего удаления заговорщиков из армии, ставя им в вину попрание всех моральных норм. Против «заговорщиков» ополчилась и сербская печать. Фактически все газеты перешли в оппозицию королю и руководителям сербской армии, за исключением газеты «Нови Покрет» («Новый курс»), которую издавали сами «заговорщики». Центрами борьбы против «заговорщиков» стали г. Ниш и Крагуевац, где оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович. Это протвостояние принесло определенные результаты. В апреле 1906 г. в Сербии был назначен новый военный министр Радомир Путник, а 16 мая 1906 г. Петр Карагеоргиевич подписал долгожданный указ об удалении из армии пяти наиболее одиозных офицеров — участников майского переворота. В отставку были отправлены командир Дунайской дивизии полковник Попович, начальник главного генерального штаба полковник Машин, подполковник Мишич, командующий белградским гарнизоном подполковник Лазаревич и командир гвардии короля майор Костич.

С другой стороны, часть «молодых заговорщиков», руководимая Д. Димитриевичем (Аписом), также встала в оппозицию к своим бывшим товарищам, которые искали в перевороте только личных выгод, создав в 1911 г. новое тайное общество — «Объединение или смерть», более известное как «Черная Рука»[27]. Вот, что писал по этому поводу В. А. Артамонов, российский военный агент в Сербии, назначенный на этот пост в 1909 г.: «Для создания нового политического объединения или партии почва давно уже являлась подготовленной. Политические круги в Сербии утомлены борьбой и разочарованы. В коалиционном радикальном кабинете свыше года тянулся кризис. В июне состоялось преобразование

[27] Созданию данного общества способствовал аннексионный кризис 1908-1909 гг, рассматриваемый сербами как национальное унижение. Само название организации говорит за себя — объединение славян под властью сербского монарха

inslav

кабинета в старорадикальный, но кризис не только не избегнут, но и еще более обострился. В мае предстоят выборы. Программа радикалов, не выполненная ими, нуждается в обновлении. Мелочная борьба партий утомила общество; чувствуется необходимость образования новой сильной партии с программой, отвечающей государственным интересам Сербии. Яркая национальная программа могла бы привлечь к себе и объединить членов многих настоящих партий. Такая мысль носилась в воздухе, и авторитетный общественный деятель, вероятно, мог бы ее осуществить. К сожалению, за эту идею взялись люди совершенно неподходящие, вместо партии создали тайную организацию, напугавшую многих, а привлечением нескольких молодых офицеров бросили тень на репутацию офицерского корпуса»[28].

С помощью «молодых» заговорщиков пыталась упрочить свой авторитет и радикальная партия. Большой общественный резонанс в этой связи имело так называемое «дело Рашича и Влаича» — возбужденное в 1910 г. по факту приемки ими некачественных снарядов и орудий от французского завода Шнейдера. «В то время как радикальная партия решила закончить дело с меньшим шумом путем удаления виновных со службы, один из радикалов, депутат Петр Мишич (отставной полковник и один из главных участников заговора 29 мая), не согласился с этим и повел в печати и скупщине ожесточенную кампанию против Рашича, Влаича и их покровителей, нападая особенно на бывшего в то время военным министром генерала Степановича. В результате Степанович покинул пост министра», — писал В. А. Артамонов[29]. С данной организацией были связаны многие государственные чиновники королевства, в частности, М. Милованович — министр иностранных дел и премьер-министр страны. А назначение военного министра прямо зависело от воли организации. После аферы Рашича и Влаича «радикальная партия для удержания на своей стороне молодых заговорщиков возвела на пост министра снова генерала Степановича. Это обстоятельство дало тайной организации возможность стать на ноги, широко заняться вербовкой, а также влиять на военного министра, которого группа Д. Димитриевича забрала в руки»[30], — отмечал Артамонов.

Революционизации сербской армии способствовало и омоложение офицерского корпуса и внедрение нового оружия — пулемета, что карди-

---

[28] *Вишняков Я.В.* Балканы: хватка «Черной Руки» // Военно-исторический журнал. No5. 1999. С. 37

[29] Та же С. 39.

[30] Там же. С. 39-40.

inslav

нально изменило тактику и стратегию ведения войны. В этой связи молодые офицеры, вступая в конфликт со своими командирами — приверженцами старой тактики ведения боя, вступали в ряды «Черной Руки». А вокруг престолонаследника Александра Карагеоргиевича сложилась еще одна преторианская офицерская группа, соответственно и названная — «Белая Рука». Во главе ее стоял П. Живкович — также участник майского переворота 1903 г. Внутрисербский конфликт нарастал, наслаиваясь на новый этап развития общебалканского и мирового кризисов, приведшего в конце концов к первой мировой войне.

В заключение отметим, что среди других «внеконституционных» факторов можно также выделить деятельность дипломатических и военных агентов России — Н. Г. Гартвига и В. А. Артамонова, влиявших на внутриполитический курс страны, особенно после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908-1909 гг. В этой связи особой темой для исследования могут являться взаимоотношения офицеров русской военной разведки и руководителей «Черной Руки». Исследование влияния на становление и развитие сербской государственности турецкого (исламского) фактора также представляется нам вполне перспективным. Однако эти вопросы являются предметом специальных работ.

inslav

Винокуров В.С.

Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века)

С начала XX века практически ни у кого в Сербии не вызывала сомнения необходимость строительства сильной и эффективной армии. В то же время постепенно все более актуализировался вопрос — как к этому прийти при чрезвычайно ограниченных возможностях страны? На этот вопрос партиями, военными и общественными деятелями предлагались зачастую существенно расходящиеся друг с другом ответы.

Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908-1909 годах стала катализатором процесса формирования четкой политической платформы в среде сербского офицерства. Можно констатировать, что в этот период в их идеологии уже не доминирует фактор участия офицеров в майском перевороте 1903 года. Главным вопросом для военной элиты становится вопрос об оптимальном государственном и общественном устройстве, необходимом для объединения югославянских земель.

Надо отметить, что сам по себе кризис не был первым и единственным враждебным актом Австро-Венгрии, направленным против Сербии. Политика дуалистической монархии в начале XX века по отношению к королевству была направлена на максимально возможное ослабление только еще формирующегося государства. Любая попытка самостоятельных действий Сербии на европейской политической сцене воспринималась австрийскими властями как угроза будущему дуалистической монархии.

Оценивая сербско-австрийские отношения того времени, надо сказать об их многоаспектности: если со стороны правящей династии Карагеоргиевичей явно просматривалась практически однозначная ориентация на военный союз со странами Антанты, то в слоях сербской буржуазии довольно распространены были австрофильские настроения, активно подогреваемые содержащимися на средства австро-венгерских деловых кругов печатными изданиями. Способствовали распространению этих настроений и объективные условия, диктуемые потребностями экономики Сербии: невозможностью отказаться от огромного и платежеспособного рынка Австро-Венгрии.

inslav

Аннексия Боснии и Герцеговины резко изменила вектор отношения абсолютного большинства сербов к дуалистической монархии с нейтрально-подозрительного на агрессивно-враждебный[1]. Сербское правительство, понимая опасность признания акта аннексии, вынуждено было поощрять усиление патриотических и шовинистических настроений в обществе, охвативших все без исключения его слои (в различной, разумеется, степени): образовывались патриотические союзы, военизированные «четнические» союзы. Даже дамы высшего общества создали «Коло сербских сестер», с целью помощи стране и ее армии во время, как думалось многим, скорой войны за освобождение южных славян[2]. В сербской прессе становится преобладающим мнение, что «самостоятельное существование Сербии и Черногории не может рассчитывать на будущность без опоры на Боснию и Герцеговину и без политической и экономической связи с ними»[3].

В этом отношении представляет интерес характеристика общественного движения в Сербии, приводимая в донесении русского военного агента: «как в Сербии, так и Болгарии общественное мнение направляется правительством, которое при желании могло бы это движение остановить»[4]. Наряду с этим, аннексионный кризис явился причиной разочарования в демократии как методе государственного управления значительной части общества, многих не устраивала ее неэффективность. Также в это время с новой силой дают о себе знать и антиправительственные настроения, удачно инспирированные и поддерживаемые противниками радикальной партии: «во время аннексионного кризиса среди сербской молодежи систематически разжигаются патриотические чувства, что приводит к серьезным нападкам на правительство как не имеющее должной энергии для осуществления национальных идеалов»[5].

Пропаганда противников режима радикалов имела под собой вполне объективные основания: по настроениям того времени, господствующим в политической элите страны, находящиеся у власти радикалы «засиделись у власти» — настала пора и другим [политикам] попользоваться обеспеченным казенным положением. Такое мнение русского военного агента проистекало из специфики народного хозяйства Сербии:

---

[1] Многие вопросы, связанны с ходом Боснийского кризиса, хорошо изучены в работе Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог Первой Мировой войны. М., 1964.

[2] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7382. Л.37

[3] АВПРИ. Ф.166. Оп.508/1. Д.57. Л.559об.

[4] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7382. Л.54

[5] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7371. Л.37-37об.

inslav

«земледельческая страна в очень ограниченном количестве нуждалась в «личном составе» руководителей из интеллигенции, достаточно большой класс образованных людей не находил в требуемой для себя мере применения своим познаниям в экономике страны и вынужден был искать себе «занятие» в чиновничьей деятельности, которая, в свою очередь, была сильно ограничена возможностями более чем количественно скромного государственного аппарата, не имеющего возможности «вместить» всех желающих получить казенное место»[6]. Соответственно, партия, находящаяся у власти, обеспечивала казенными местами, прежде всего, своих соратников (и свою, так называемую, клиентелу), а уже потом всех остальных, разумеется, по остаточному принципу.

Заметны были признаки недовольства и в рядах армии. Аннексия Боснии и Герцеговины сделала возможным открытое проявление недовольства военнослужащих: так офицеры 2-го кавалерийского полка «Душана Сильного», во главе со своим командиром майором Д. Окановичем подали коллективное прошение об отставке, руководствуясь при этом морально-идейными соображениями — показать ценой своей карьеры, что сербская армия на данный момент не готова к серьезному противодействию многократно превосходящим силам соседа. Причем эта неготовность, по оценкам офицеров полка, во многом происходила из-за пассивности правительства в военных вопросах, больше занятого внутренними интригами и партийной борьбой[7]. Сербский Генеральный Штаб в тот момент был далек от прогнозирования оптимистического для Сербии хода военных действий в случае самостоятельного вступления страны в войну с Австро-Венгрией. Военные действия в этом случае с сербской стороны могли ограничиться только пассивной обороной со сложно предсказуемым исходом[8].

При четком осознании превосходства военного потенциала Австро-Венгрии одним из главных аргументов в пользу эскалации конфликта со стороны сербов была надежда на широчайший отклик и вооруженный отпор на территориях Боснии и Герцеговины. Безусловно, не сбрасывалась со счетов и возможность вмешательства на стороне Сербии европейских стран и, прежде всего, России[9].

Уловив отношение населения к проблеме Боснии и Герцеговины, сербское правительство пытается плавно переключить внимание населения с темы открытого противостояния с Австро-Венгрией на проблему «подде-

---

[6] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.6845. Л.114об.

[7] Вишняков Я.В. Черная рука: паутина над Балканами. // Военно-исторический журнал. 1999. No 5. С.37

[8] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.814. Л.146

[9] АВПРИ. Ф.118. Оп.508/1. Д.57. Л.109

inslav

ржки» единоверцев на аннексированных территориях. В 1908 году после аннексионного кризиса большое значение приобретает деятельность организации «Народная оборона», образованной еще в 1903 году по болгарскому примеру для организации повстанческого движения в Старой Сербии и Македонии. Что характерно, девизом общества был лозунг «объединение или смерть»[10]. В состав общества вошли М. Годжевац, Й. Атанацкович, Л. Йованович, Ж. Рафаилович, Л. Челович, Л. Йованович, В. Карич и В. Маринкович. «Народную оборону», по сути, можно назвать, первой серьезной формой консолидации военных и правительственных элементов (правительство контролировало общество, военные занимались подготовкой и руководством полувоенных формирований). Председателем «Народной обороны» стал бывший военный министр генерал запаса Б. Янкович.

Из–за аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины общество при поддержке правительства значительно активизировалось не только внутри страны, но и за границей. В Сербии образовывались территориальные органы общества, тысячи добровольцев проходили в нем достаточно серьезную военную подготовку. Основное внимание руководство общества уделяло созданию боеготовых отрядов (чет) для проникновения на территорию Боснии и Герцеговины с целью ведения там подрывной, разведывательной работы и мобилизации местного населения. За очень короткое время в «Народную оборону» записалось более 5000 добровольцев (прибывали добровольцы даже из России). Всего было создано порядка 220 местных комитетов и чет. В прессе с достаточной регулярностью появлялись слухи о переходах четниками границ Австро-Венгрии[11].

Офицеры играли главную роль в деле организации, вооружения и обучения чет: «в навербованные четы записалось множество офицеров (действительной службы), которые деятельно занимались их организацией. На базе войсковых частей проводились стрельбы боевыми снарядами. Также активно пополнялись армейские склады: военные мастерские в Крагуеваце и Нише в несколько раз увеличили свое производство»[12].

По имеющейся информации, в организации работы многих молодежных и «сокольнических» организаций на территориях Боснии и Герцеговины и Хорватии принимал участие и подполковник Мишкович — в то время начальник Главного Генерального Штаба[13].

---

[10] Там же. Л.37об.

[11] АВПРИ. Ф.118. Оп.508/1. Д.100. Л.108

[12] АВПРИ. Ф.118. Оп.508/1. Д.57. Л.132

[13] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.113. Л.91об.

inslav

Среди членов общества было много офицеров — сторонников активного вмешательства военных в политику по примеру Греции и Турции. К деятельным членам общества можно причислить и группу тогда еще майора ГШ Димитриевича-Аписа. Уже в это время Апис активно пропагандировал среди своих офицеров идею создания тайного офицерского общества для борьбы с радикалами, по мнению Аписа, «узурпировавшими власть»[14]. Но в то время большинство из входивших в организацию офицеров (в том числе и его председатель) все еще довольно негативно относилось к планам активного вмешательства в политическую жизнь страны а, следовательно, и жесткой конфронтации с режимом радикальной партии.

«Народная оборона», можно сказать, стала удачно предпринятой правительством попыткой отвлечения многих офицеров-заговорщиков от участия в игре на политической сцене. Это желание властей во многом отвечало и чувствам многих из офицеров, считавших свое участие в перевороте 1903 года (и в последующей поддержке Карагеоргиевичей и установившегося режима) вынужденной мерой, необходимой для спасения страны.

После уступок сербского правительства Вене по аннексионной проблеме[15] деятельность «Народной обороны» стала полуофициальной, ее территориальные органы были распущены (31 марта 1909 года), но организация не исчезла, а во многом даже увеличила свое влияние в югославянских землях, сосредоточившись на культурно-просветительской и пропагандисткой работе. После парламентского переворота в Турции в 1908 году, приведшего к власти режим младотурок, пообещавших коренные реформы государства, было решено также распустить и четнические организации на территории Старой Сербии. Но несмотря на частичную легализацию и роспуск чет, военное снаряжение отрядов было сохранено, как, впрочем, и определенные контакты с военным руководством Сербии.

Все более сближаясь с членами Антанты, Сербия ориентирует свою военную доктрину именно на глобальное противостояние с державами Тройственного союза. При этом расчленение Османской империи с последующим присоединением территорий, населенных южными славянами, рассматривается как первоочередная и в общественном смысле чрезвычайно важная, но вполне решаемая собственными военными силами задача. Это уверенность окрепла после неудачных для Турции войн с Италией, показавших всю слабость османской военной машины. Характерно,

---

[14] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7382. Л.54

[15] Эти вопросы подробно исследованы в работе Писарева Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны. М., 1985, а также в недавно вышедшей монографии "Пороховой погреб Европы". М., 2003.

inslav

что предположение о возможности «получения» Македонии было высказано Николой Пашичем еще в 1887 году[16].

В сербском Генеральном Штабе на тот момент полагали, что армия сможет опереться на созданную в мирное время инфраструктуру и территориальные подразделения (отряды и комитеты), подготовленные «Народной обороной», до поры до времени несущие «культурно-просветительскую» функцию, но в «час Х» готовые оказать вооруженную поддержку любым действиям Сербии, для чего эти структуры имели соответствующую подготовку и достаточное количество вооружения.

Для конца XIX в. была характерна и смена управленческих формаций, когда в европейских государствах начинает складываться страта профессиональных политиков, считающих управление государством основным делом своей жизни. Этот процесс сам по себе выводил армию, как руководимую профессионально подготовленными кадрами организацию на первые роли в политической жизни страны.

Прежде всего, необходимо констатировать увеличение роли и значения офицеров как действительной службы, так и находящихся в отставке в развитии парламентаризма в стране. Во многом определяющая роль Народной скупщины в Сербии привнесла ряд новых требований к старшим представителям офицерского корпуса, занимавшим руководящие посты в военном министерстве. Так, одной из весомых причин назначения на должность военного министра стала способность офицера «разговаривать на одном языке с депутатами Скупщины». Вот как характеризует военного министра подполковника Антонича русский военный агент в Белграде: «Антонич не отличается особенными способностями и малоопытен в военном деле, но человек парламентский, обладает известным красноречием, т.е. «может ответить оппозиционным крикунам» (прежнего военного министра генерала Милковича в Скупщине высмеивали и всячески издевались над ним)[17]. К выступлениям военного министра в парламенте было приковано пристальное внимание местных газет, которые сами давали оценку успешности или, напротив, неудачи «увещеваний» министра. В частности, одна из лояльных правительству газет, писала, что, несмотря на то, что С. Степанович, Р. Путник, Ж. Мишич и И. Гойкович являлись выдающимися офицерами, их неминуемый уход с поста военного министра был предопределен неумением успешно отста-

[16] Шемякин А.Л. Сербская национальная идея. Время разочарования и осмысления. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С.152

[17] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.821. Л.6об.

inslav

ивать перед Скупщиной военные законопроекты, вследствие своей, по словам журналиста, «непарламентарности»[18].

Часто даже незначительный служебный промах военного министра становился предметом дискуссии в стенах скупщины. Причем «чрезвычайную» активность в военных вопросах проявляли представители всех без исключения политических фракций, представленных в скупщине — как правительственные, так и оппозиционные. Были и депутаты, которые рассматривали военную сферу в качестве области, так сказать, своей парламентской специализации. Характерный пример тому являл депутат-социалист Т. Кацлерович, который смог добиться от правительства создания депутатской комиссии с целью «обстоятельного» расследования «дела Рашича и Влаича». Кроме того, он с завидной регулярностью отправлял правительству запросы с целью выяснения обстоятельств назначения того или иного военного министра[19].

Нередко депутаты скупщины считали для себя возможным вторжение в сугубо специальные вопросы функционирования военного ведомства: так, предметом разбирательства скупщины стало длительное отсутствие назначений на должности командиров Дунайской и Моравской дивизий, которое, по мнению депутатов, произошло по вине военного министра С. Степановича[20].

Центральной темой депутатских прений, напрямую относящейся к армии, являлось обсуждение военного бюджета[21], нередко проходящее в чрезвычайно возбужденной и нервной обстановке. Для нас представляет наибольший интерес то обстоятельство, что объектом обсуждения в скупщине были далеко не только совокупная сумма затрат военного ведомства, соотношения статей расходов (на закупки вооружений, на личный состав, строительство и т.д.), а, может быть даже в большей степени, — чисто специализированные нюансы военного строительства. В частности, при обсуждении военного бюджета 1911 года депутат Агатонович поставил вопрос о серьезных проблемах сербской армии: по мнению депутата, они заключались: во-первых, в недостаточном количестве офицеров младшего и среднего командного звена при перепроизводстве старших офицеров. По мнению Агатоновича, данное обстоятельство снижает интерес к службе у офицеров, начиная со звания капитана 1-го класса. Эта постановка проблемы была, на наш взгляд, правомерной. В качестве

[18] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7334. Л.7

[19] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7371. Л.20

[20] Там же. Л.20об.

[21] Бјелајац М. Vojska kao faktor modernizacije. // Srbija u modernizijskim procesima 19, i 20. veka. Uloga elite. Књ. 3. Beo., 2003. С.356

inslav

ее решения предлагалось уволить всех старших офицеров, выслуживших положенные сроки в звании от майора включительно.

Во-вторых, депутат упрекал военного министра Радомира Путника и его предшественников на этом посту в отсутствии твердого и последовательно проводящегося в жизнь взгляда на военное строительство: Агатонович указывал на частые изменения приоритетов в области вооружения армии. Закупка всех требуемых вооружений для армии при жестком лимите средств представлялась нереализуемой задачей, соответственно, военный министр должен быть отдавать приоритет тем или иным системам вооружения. Зачастую сменявший его на этом посту «имел слабость» уже к другим системам.

В этом контексте достаточно показательным представляется пример военного министра И. Гойковича, который из-за невозможности по финансовым соображениям закупить 15 горных батарей, так и не пошел на предложение правительства ограничиться 9-ью батареями, жестко отстаивая свои взгляды. В итоге армия на тот момент не получила вообще ни одной горной батареи, а его преемник о горных орудиях и не вспоминал, отдавая приоритет полевой артиллерии[22]. Нередки были обвинения и лично в адрес Путника, якобы, дряхлого и по большей части бездействующего старца, к тому же преследующего нелояльных ему офицеров[23].

Модернизация материально-технической базы вооруженных сил в тех условиях была бы невозможна без поставок вооружения из-за границы. Русский военный агент в Белграде замечал такую особенность закупки вооружений Сербией: «практически любые заказы орудий и снарядов к ним предоставлялись фабрикам того государства, в котором устраивался заем, дающий самую возможность военного заказа, отсюда и невозможность ослабить зависимость Сербии от франко-германской военной промышленности и понизить цены на продукцию»[24].

В понижении цены, а также расширении числа участников объявляемых на закупку вооружений тендеров были в наибольшей степени заинтересованы сами военные, но противиться «политическим обстоятельствам» им было очень трудно. Достаточно характерна история с поставками в Сербию вооружений с французских заводов Шнейдера. В военном министерстве не скрывали своего недовольства продукцией этой компании в виду многочисленных недобросовестных проделок представителей компаний — ни одна поставка для нужд Сербии не обходилась без скан-

[22] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.28-29об.

[23] Там же. Л.14об-15

[24] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7350. Л.18-18об.

inslav

дала, мирового разбирательства, без попыток подкупа или мошенничества, стоивших многим сербским офицерам карьеры[25]. От этого страдали как виновные, так и честные офицеры.

Фигура военного министра становилась чаще всего центральной во всех скандалах, разворачивавшихся вокруг поставок вооружений сербской армии. Так, широкую известность получила история с тендером на поставку горных орудий, выигранным фабрикой Круппа (подписали соглашение о поставке 15 батарей горных орудий). В то время военный министр С. Степанович был обвинен рядом депутатов скупщины в личной материальной заинтересованности — ему инкриминировалось лоббирование интересов Круппа. В качестве обоснования своих доводов депутаты приводили условия конкурирующей с Круппом фабрики Эрхардта, материально более выгодные для сербской стороны. Кроме того, что бы довольно существенным для парламентариев, Степановичу поставили в вину отказ от сотрудничества с анкетной комиссией скупщины, с которой закон обязывал министра взаимодействовать[26].

Довольно интересным представляется проследить за средним уровнем политической активности сербских и российских строевых офицеров (именно регулярных частей, а не привилегированных гвардейских). Показателен в этой связи рапорт австрийских военных аналитиков о состоянии умонастроений и политической активности русских офицеров. Этот рапорт был проанализирован разведкой Киевского военного округа. Австрийцы прежде всего отметили практически полное отсутствие у офицеров интереса к политическим теориям, что объясняется, по словам австрийских военных, с одной стороны, нехваткой свободного времени, а с другой, — недостаточным развитием главной массы русского офицерского корпуса[27]. Таким образом, напрашивается мысль, что высокая политическая активность в Сербии во многом объясняется достаточно высоким образовательным потенциалом офицерского корпуса (разумеется, не всей, а его основной, преобладающей массы).

Победоносные для сербов две Балканские войны не остановили процесс усовершенствования военной системы государства. В Сербии хорошо осознавали, что новая война будет неизмеримо сложнее и кровопролитнее войн с турками и болгарами. Боевой опыт, полученный частями и соединениями в двух войнах, перерабатывался с целью выработки оптимальной структуры вооруженных сил для ведения боевых действий с

[25] Там же. Л.20

[26] Там же. Л.33

[27] АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.10. Л.5

inslav

многократно превосходящими силами противника. Эта задача осложнялась наличием и другой проблемы, в успешном решении которой была напрямую заинтересована и армия — как можно более быстром «переваривании» новоприсоединенных земель, созданию на них устойчивого и подготовленного мобилизационного резерва. Кроме того, сербская армия столкнулась с новой для себя задачей — необходимостью спорадического ведения контрпартизанских действий в мирное время, опыта которого существовавшая тогда структура армии не имела. Все эти обстоятельства, разумеется, до предела осложняли процесс строительства вооруженных сил. Но в еще большей степени этот процесс осложняла, на наш взгляд, имевшаяся на тот момент полифония подходов и концепций к «военной политике» в самом широком смысле этого слова. Диаметрально противоположные идеи высказывали представители действующей армии, старшие офицеры в отставке, представители политически активной части военной элиты (члены «Черной руки»), члены правительства, оппозиционного политического спектра. Практически одной из имманентно присущих проблем этой дискуссии был вопрос о величине текущих военных расходов и, соответственно, планы по их увеличению.

Перевооружение и переход на новую структуру армии проходили на фоне увеличения военного бюджета: в 1908 году военные расходы (в основном на армию и в незначительной степени на пограничную стражу и жандармерию) составляли 21 млн. 724 тысячи динаров, в 1909 году — уже 27 млн. 44 тысячи, в 1910 году — 26 млн. 626 тыс., в 1911 году — 27 млн. 80 тыс.[28]. С другой стороны, прослеживаемая на основе вышеприведенных цифр тенденция к увеличению военных расходов все же уступала общему росту государственных расходов. Так, например, если в 1908 году при доходах государства в 95 млн. 91 тыс. динаров, на военные нужды было решено потратить 21 млн. 724 тыс. динаров, то в 1910 году, когда доходы государства превысили сумму в 120 млн. расходы на армию были немногим более 27 млн.[29] (т.е. при росте доходов за это время на 25,9%, расходы на армию увеличились лишь на 19%). При этом надо отметить, что приведенные цифры на самом деле не совсем корректны, так как по существовавшей тогда практике — иностранные кредиты на закупку вооружений не всегда вносились в бюджет соответствующего года, так как, как правило, были рассчитаны на несколько лет (3 года, 5 лет), но в целом, как нам кажется, объясняют вышеобозначенную тенденцию.

[28] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.8

[29] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.1-3

inslav

В целом военный бюджет Сербии этого времени нельзя назвать сверхмилитаристким, учитывая сложность и взрывоопасность складывающейся ситуации. В то же время, учитывая, что затрачиваемые средства на прочие государственные нужды (образование, здравоохранение и т.п.) на несколько порядков в меньшую сторону отличались от военных расходов, необходимо констатировать, что государственный бюджет Сербии имел преобладающую «военную» составляющую, необходимость которой в обществе в целом не вызывала сомнений и значимых протестов.

Стоит акцентировать внимание на том, что в преобладающей части офицерского корпуса расходы на армию всегда считались недостаточными, офицеры приводили весьма аргументированные доказательства необходимости резкого увеличения бюджетного (кредитного) финансирования, на что правительства практически до самых Балканских войн не шло. Да и сложно себе представить, на основе чего в тех условиях можно было бы добиться увеличения военных расходов на 15-16 млн. динаров при одновременном ассигновании на военную структуру государства 20 млн. динаров (столь жесткие требования особенно сильны в годы Боснийского кризиса)[30]. О недостаточности расходуемых на военное ведомство средств говорит и факт серьезной экономии военными выделяемых средств: так, в частности, практически до самых Балканских войн военное ведомство нормативно сокращало число новобранцев для строевых частей, тем самым уменьшая число обученных военному делу молодых людей. Также часто военные были вынуждены прибегать и к временным мерам — лишению командиров верховых коней, сокращению численности набора в военную академию, ликвидации ряда должностей военных агентов за границей и т.п.[31]

Надо отметить, что именно дискуссии вокруг размера тех или иных статей военного бюджета являлись наиболее проблемной сферой отношений между правительством (часто опирающимся на поддержку скупщины) и представителями военной элиты. Ряд оппозиционных радикалам газет, в частности, «Новое время» прямо назвали политику кабинета в отношении военных расходов «чрезмерно ограничительной», при этом в адрес ряда министров приводились обвинения в постоянном стремлении «делать экономию» бюджета за счет обыкновенных расходов военного ведомства, которое, под давлением кабинета, никогда не могло полностью пользоваться вотированным (одобренным скупщиной) кредитом. По данным газеты, с 1904 по 1910 годы военное ведомство не израсходовало 6 млн. динаров, в 1911 году — 1,8 млн. динаров (порядка 8-12% ежегодных

[30] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.29об.

[31] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7343. Л.2об.

inslav

расходов)[32]. Парадигму финансовых отношений военных с правительством достаточно показательно, на наш взгляд, характеризует история с попыткой покупки военным ведомством земельного участка в пригороде Белграда вблизи Банницкого лагеря: так, из-за недофинансирования этой статьи расходов министерством финансов (в то время пост министра занимал Стоян Протич — один из влиятельных членов правительства), имущество военного министерства находилось под угрозой описи и ареста[33]. Во многом в силу вмешательства в этот имущественный конфликт прессы, военным удалось «отделаться» только срывом сделки.

Уже упомянутый Стоян Протич был, пожалуй, одним из основных сторонников политики «урезания» военных расходов. Вот как характеризует Протича русский военный агент: «влияние г-на Протича весьма сильно в качестве министра финансов, в будущем он может тормозить проведение в жизнь проекта, над которым военное ведомство работало в течение нескольких лет ("Новое устройство армии")»[34]. Военный агент свидетельствует об уменьшении «популярности» военных расходов у радикалов как постоянной тенденции в деятельности кабинета. Причем в случае проявления упорства со стороны военных представителей в деле отстаивания собственных взглядов на величину и состав военного бюджета, правительство могло прибегнуть и к откровенно враждебным действиям: в этом контексте показателен пример генерала Живковича, вступившего в острый конфликт с Протичем по вопросу о покупке земельного участка в пригороде Белграда. После отказа Живковича добровольно уйти в отставку против генерала была развернута массированная пропагандистская кампания в контролируемых радикалами газетах, что сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту военного министра[35].

Жесткие дискуссии в скупщине разгорелись по поводу принятия военного бюджета на 1912 год, когда, казалось бы, уже ни у кого в правительстве и скупщине не могло быть сомнений в отношении близких сроков начала кампании против турок. Несмотря на действительно серьезное увеличение военного бюджета на 1912 год (до 29 млн. 606 тыс. динаров при общем государственном бюджете в 130 млн. 856 тыс.) депутат М. Драшкович настаивал на необходимости включения в структуру военных расходов 1,5 млн. динаров, выплачиваемых военным пенсионерам, а также большей части выплат в качестве процентов по иностранным займам.

[32] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.17об.

[33] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7371. Л.22об.

[34] Там же. Л.24

[35] Там же. Л.23об.

inslav

Кроме этого, депутат акцентировал внимание на необходимости установления более строгого контроля правительства над расходованием финансовых средств военным ведомством, ссылаясь на нарушения, выявленные в ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности в Крагуевацком арсенале[36]. После выступления депутата скупщина приняла решение о включении пенсионных денег в военный бюджет, а также предоставила право контроля и ревизии всех военных магазинов (складов) парламентской военной анкетной комиссии.

Пожалуй, только при принятии «Большой программы вооружений», рассчитанной на три года (1914-1917 гг.), прения в скупщине были сведены к минимуму. Парламент утвердил 87 голосами «за» и одним «против» чрезвычайный кредит в размере 122 млн. динаров, предусматривавший поставку в войска 300 тыс. винтовок маузера, 50 млн. ружейных патронов, 36 горных батарей (и по 1500 снарядов к каждой), 9 батарей полевых гаубиц, 6 батарей тяжелых гаубиц «русского образца» и 500 пулеметов[37]. Эта программа, как и подобная ей программа перевооружения армии России (также рассчитанная до 1917 года), не была выполнена. Здесь, как нам кажется, можно уловить в качестве общей закономерности тенденцию «убыстряющегося» хода истории в предвоенный период: и вследствие этого невозможность «планового» завершения программы модернизации вооружений и перехода на новую организационно-штатную структуру армии. Конкретно же усиление сербской армии было невыгодно Австро-Венгрии в той же степени, в какой и усиление российской армии — катастрофически опасно для Германии. Державы Тройственного союза, обладавшие несоизмеримо меньшими ресурсами по сравнению со странами Антанты, прекрасно понимали, что «время работает против них». И военное руководство Австро-Венгрии, может быть даже лучше германских коллег это осознавало, имея перед глазами примеры недавних победоносных кампаний сербов, особенно кампании с болгарами, начатой Сербией в невыгодных для себя условиях.

Кроме чисто финансовых разногласий военных с радикалами, в целом по своей природе достаточно объективных, существовали и политические разногласия между военной и гражданской элитами. В качестве характерного примера подобных разногласий стоит привести активно муссируемый в сербской прессе вопрос о праве воинских подразделений применять оружие в целях самообороны. Этот вопрос активно обсуждался после столкновений демонстраций социалистов с войсками в Белграде и Крагуеваце

[36] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.19-25

[37] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3152. Л.58-58об.

inslav

в 1911 году[38]. Пресса решительно требовала наказания офицера, не оказавшего должный отпор демонстрантам. В офицерском же корпусе росло возмущение по поводу несовершенства законов королевства, делающих офицера по определению виновным в случае применения им оружия против невооруженных демонстрантов. Это не добавляло популярности существующей демократической практике в стране, и в частности правительству. Тем более что некоторые его видные представители, тот же министр финансов С. Протич, публично выступали против предоставления возможности войскам (прежде всего, разумеется, офицерам) применять оружие с целью собственной защиты[39]. По всей видимости, в этом вопросе правительственные чиновники руководствовались опасением «широкого» толкования офицерами права на применение оружия (полагая, что оно может быть направлено и против них, а также сочувствующих им слоев общества).

Постоянными, время от времени обостряющимися разногласиями между представителями армии и правительства во многом объясняется и так называемая «министерская чехарда» (неоднократные отставки военных министров). При подобном положении новый закон «Об устройстве армии» имел мало шансов на успешное «прохождение» через Скупщину. Каждый новый военный министр должен был детально ознакомиться с законопроектом[40]. При этом военные министры Живкович, Маринкович, Гойкович и Степанович каждый по-своему переделывали законопроект и не успевали в силу непродолжительности срока пребывания в должности «провести» законопроект через Скупщину[41].

С 1909 по 1910 гг. на посту военного министра побывало четыре человека, вследствие чего можно сделать вывод о снижении степени престижности этого поста в армии: в частности, после ухода в отставку генерала Маринковича от этого поста последовательно отказались генералы Степанович и Живкович, и только третий кандидат — начальник Дринской дивизии полковник Гойкович — согласился. Но и пребывание Гойковича на этом посту было недолгим (до февраля 1911 г., т.е. менее года).

Основной причиной ухода в отставку с поста военного министра было несогласие с правительством по поводу выделения финансовых средств на военное строительство. Так, генерал Маринкович в 1910 году, не желая брать на себя ответственность за сокращение по вине Совета минист-

[38] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7371. Л.16-16об.
[39] Там же. Л.26
[40] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3145. Л.7
[41] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7334. Л.1

inslav

ров программы усиления армии, подал в отставку[42]. Сменивший его Илия Гойкович также в качестве одной из основных причин своей отставки называл «затруднения, чинимые ему финансовой комиссией скупщины, а также незаинтересованность правительства в скорейшем прохождении нового законопроекта об армии в скупщине» (по словам Гойковича, за 3 месяца скупщиной было рассмотрено только 90 статей законопроекта из 430-ти)[43]. Кроме того, полковник имел и личный конфликт с посланником Германии в Сербии Рейхенау, которого военный министр обвинил в неприкрытом лоббировании интересов немецких оружейников при проведении тендеров на поставку вооружения для сербской армии[44]. Соответственно, с учетом вышеизложенных фактов определяющим для правительства при выборе кандидатуры на пост военного министра во многом стали не профессиональные и личные качества офицера, а степень его лояльности кабинету.

Сменивший Гойковича на посту военного министра генерал Степанович, пожалуй, наиболее лояльная фигура Пашичу, в свою очередь практически сразу же по вступлению в эту должность вступил в конфликт с Александром Карагеоргиевичем, занимавшим на тот момент должность Главного военного инспектора. В прямые обязанности престолонаследника на этом посту входила оценка эффективности обучения войск и их начальников, боевой готовности и дисциплины подразделений, кроме того Александр должен был регулярно предоставлять королю и военному министру доклады и предложения (проекты), «имеющие целью быстрое улучшение армии»[45]. После назначения военным министром ряда командиров полков без участия военного инспектора между ними разгорелся острый конфликт, к решению которого было привлечено правительство и король Петр. В этом конфликте для нас представляет интерес редко встречающийся альянс кабинета с действующим военным министром, в то время как на стороне Александра выступила определенная часть военной элиты (не только принадлежащая к его придворной группе «Белая рука», но и просто с симпатией относящаяся к Александру, занимающему к тому же одну из высших должностей в армии). Поддержка правительства позволила военному министру одержать победу, но спустя очень непродолжительное время в мае 1912 года Степанович был все же отправлен в отставку королем Петром по пустячному поводу — назначения в свиту короля одного из адъютантов. Представляется, что все же реальной

[42] Там же. Л.28об.

[43] Там же. Л.6об.

[44] Там же. Л.6

[45] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3144. Л.63а

inslav

причиной отставки стал конфликт между военным министром и принцем Александром. В этом конфликте также показательно отношение военного министра и определенной части старших офицеров армии к фигуре престолонаследника. По ряду отрывочных данных мы можем предположить, что степень сакрализации фигуры престолонаследника (будущего монарха) в армии была чрезвычайно низкой: так, адъютанты военного министра считали для себя возможными складывать рапорта, присланные из Главной военной инспекции и подписанные Александром, не читая, в архив[46].

Взаимоотношения офицеров с принцем Александром выстраивались, как нам кажется, в большей степени по линии войско — командир — главнокомандующий, т.е. по имманентно присущей любой военной структуре иерархии. Кроме того, рост в армии популярности престолонаследника можно частично объяснить и восприятием частью офицерского корпуса нового армейского учреждения — Главной военной инспекции — как структуры способной ограничить влияние политиков (фактически назначающих военного министра) на функционирование и планы развития вооруженных сил (на это, в частности, указывал русский посланник в Белграде Н. Гартвиг в 1911 году)[47].

Наиболее тесно задача скорейшего перевооружения армии связана с деятельностью на посту военного министра генерала Божановича. Центральным пунктом в конфликте военного министра и правительства была проблема численности армии мирного времени, а также напрямую связанная с ней ситуация с военным обучением призывного контингента из новоприсоединенных земель (в этих областях в случае мобилизации предполагалось развертывание 20-ти полков, соответственно, уже в мирное время там были образованы 20 полковых окружных команд[48]). По проекту Божановича, для подготовки относительно «качественного» состава призывников следовало в ограниченные сроки «пропустить через регулярную службу как можно большее число призывников, для чего необходимо иметь в мирное время не менее чем 95 тысяч человек, из которых не менее 45 тысяч из «новых» земель (призывать только из «новых» округов не имело смысла — военные настаивали на возможности передачи боевого опыта молодежи от прошедших войны солдат). Надо отметить, что подобная «спайка» частей могла иметь и существенные позитивные последствия в контексте общей политики интегрирования новых земель

[46] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.7371. Л.39об.
[47] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3035. Л.430об.
[48] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.2-2об

inslav

в «Большой Сербии». Содержание столь многочисленной армии, разумеется, требовало резкого увеличения бюджетного финансирования. Правительство определило «аппетиты» военных в этом вопросе чрезмерными, считая возможным развертывание не более чем 50-ти тысячной армии[49].

Позиция правительства встретила резкое неприятие со стороны военного министра, привлекшего к этой проблеме внимание прессы. Со своей стороны правительство также грозило своей отставкой в случае принятия плана Божановича. Попытка поиска нового кандидата на пост военного министра закончилась неудачей, поскольку, по словам русского военного агента, «в Сербии трудно найти офицера, который в вопросе такой важности оказался бы уступчивее генерала Божановича»[50]. По ходу развития конфликта пресса стала активно муссировать слухи о возможности назначения военным министром штатского человека, что, скорее всего, в тех условиях было нереально, так как вполне могло «взорвать» военную элиту. В итоге столкновения военного министра с радикалами победа осталась все же за гражданскими политиками, которых поддержал король. После появления подходящего кандидата на пост министра, Божанович был отправлен (в начале 1914 года) в отставку.

Что интересно, Божанович в ходе конфликта пытался обратиться за поддержкой, а возможно и посредничеством к русскому военному агенту, в разговорах с которым жаловался на близорукость кабинета, не сознающего важность данной минуты, на необходимость принятия скорейшего решения по проблемам чрезвычайной важности: заказе нового оружия и боеприпасов, «пропуске» через кадровый состав армии призванных из новых земель. Кроме того, министр акцентировал внимание военного агента на приготовлениях Болгарии (получении страной чрезвычайного кредита в размере 258 млн. франков, заказе в Германии 500 тысяч винтовок, 36-ти горных батарей, формировании новой, 10-й дивизии)[51]. Подобные оценки полностью смыкались с оценками представителей русской дипломатической службы, считающих, что «Болгария будет воевать сейчас или в течение ближайших трех лет; в стране нет на этот счет никаких разногласий; крайнее истощение страны может только отсрочить начало войны»[52].

Сменивший Божановича полковник Стефанович согласился с планами правительства по существенному сокращению военных расходов, что в обосновании членов кабинета стало следствием ужесточения кредитной

[49] Там же. Л.8

[50] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.5

[51] Там же. Л.9об.

[52] АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.276. Л.2

inslav

политики иностранных банков[53]. Новый военный министр был вообще идеальной для Пашича кандидатом. Вот как характеризует его русский агент: «ему 43 года, офицер Генерального Штаба, пожелавший перевестись в пехоту по антипатии к «партийному духу», царившему в Генштабе, командовал более 6-ти лет полком (и во время обеих кампаний), после войны выполнял очень трудную и деликатную задачу — был председателем комиссии по разграничению в Греции, после чего был назначен военным агентом в Румынию»[54].

Несомненно, шагом, способствующим ослаблению напряженности между военными и светскими элитами, стало учреждение Военного Совета. Учреждая Совет, правящая элита в какой-то степени «переключила» внимание военных кругов и общественности с чрезвычайно политизированного процесса назначения военного министра к кругу проблем текущего функционирования военного организма. Высшие представители армии, должны были в Совете решать «принципиальные вопросы, относящиеся к устройству армии, вооружению, подготовке к войне, требующие для своего изучения большего постоянства и устойчивости (требования, каковым должность военного министра не отвечала)[55].

Особенно ярко противоречия между военными и правительством проявились во время «спора о приоритете» в новоприсоединенных землях. Катализатором конфликта стал указ «О старейшинстве в Новой Сербии гражданских властей над военными», изданный по инициативе Стояна Протича (министр внутренних дел). Надо особо отметить, что военные в ходе боевых действий и сразу же после них стали вести себя достаточно независимо на территории Старой Сербии и Македонии: «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову. Члены правительства, депутаты Скупщины, приехавшие посмотреть Скопье и рассчитывавшие на удобства при железнодорожном переезде были весьма нелюбезно встречены начальником военных сообщений полковником Смиляничем, которому вагоны и поезда были чрезвычайно нужны для перевозки военных грузов»[56]. Приступ ярости у военных вызвало требование одного из родственников министра финансов предоставить железнодорожные вагоны для своих коммерческих дел. В ответ на это помощник начальника Полевого штаба генерал Ж. Мишич (кстати, всегда достаточно лояльно относящийся к радикалам), как пишет военный агент, без церемоний

[53] ГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.12об.
[54] Там же. Л.13
[55] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3152. Л.70об-71
[56] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.17

inslav

«отделал его», а в частном разговоре в крепких выражениях отозвался и о самом министре (г-не Пачу)[57].

С формальной стороны в центре конфликта был вопрос «о первенстве» в новых землях в торжественных случаях (почетное 1-е место на всех мероприятиях всегда отводилось представителям гражданских властей). Дело было в том, что ситуация в новоприсоединенных краях диаметрально отличалась от положения дел в королевстве. Гражданских чиновников, желающих служить в новых краях, несмотря на 10-ти процентную прибавку к жалованию, правительство в достаточном количестве не находило, вследствие чего, чтобы хоть как-то восполнить нехватку чиновников, на службу принимались заведомого негодные лица — не обладавшие требуемым опытом, склонные к вымогательству и плохо образованные[58]. По мнению военных, эти чиновники дискредитировали сербское управление, отталкивая местное население, особенно мусульманского вероисповедания, от Сербии. Вполне объяснимо недовольство военных в этом случае: офицеры вынуждены были подчиняться чиновникам, занимая второе по значимости положение в крае, по сути, находившемся на осадном положении. Нередки были ситуация, когда в небольшом городке срезский начальник — чаще всего полицейский чиновник в возрасте 25-28 лет, только недавно покинувший гимназию, оказывался на всех церемониях старше полкового командира (в чине подполковники или полковника)[59].

В конфликте одну из заметных ролей сыграл Дамян Попович, один из наиболее активных «старых» заговорщиков, отправленный в отставку королем Петром по требованию Англии. 1 ноября 1913 года Попович — командир Вардарской дивизионной области (образованной в новых землях) был произведен в генералы по желанию короля, несмотря на более чем спорные «заслуги» во время военной кампании. Пресса даже требовала отправки его в отставку, обвиняя Поповича в неудаче при штурме Брдицы в Скутарийской осадной операции, стоившей сербам более 1600 убитых[60].

Дамян Попович, удачно уловив тенденцию нарастающего недовольства гражданскими властями, попытался использовать ее в своих целях: прежде всего, для повышения своего авторитета как офицера, жестко отстаивающего интересы военного сословия. Надо отметить, что Попович, в отличие от многих «офицеров-заговорщиков», и до этого времени не пользовался авторитетом в офицерском корпусе, а после неудачи под Скутари о приобретении какого-либо уважения в армии можно было за-

[57] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.16-17

[58] Там же. Л.18

[59] Там же. Л.18об.

[60] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.3об.

inslav

быть. Однако, выступление Поповича против радикального правительства, следствием которого стала отставка генерала, создало ему определенную популярность в офицерской среде, опираясь на которую, генерал был избран председателем управления «Офицерской Задруги»[61].

И все же, представляется, что, конечно же, не проблема первенства на торжественных церемониях была основной линией противостояния военных и правительства. Существенные разногласия между этими двумя силами были и по гораздо более значимому вопросу — он касался системы управления новоприсоединенными землями, на функционирование которой военные имели свой, радикально отличавшийся от правительственных представлений взгляд. В частности, уже вышеупомянутый Живоин Мишич (при поддержке Радомира Путника) настаивал на введении в завоеванных областях военного правления на пять лет, ввиду необходимости окончательного «умиротворения» края[62]. Мишич выдвигал на первый план две проблемы: во-первых, «партизанскую опасность» (как со стороны болгарских чет, так и албанцев): во-вторых, неразвитость административного аппарата Сербии, не способного создать в короткие сроки эффективную и многочисленную чиновничью систему на местах. Генерал акцентировал внимание на том, что неудачи сербской администрации на местах могут создать ей оппозицию в этих краях, в то время как военная администрация, населением определенно будет рассматриваться как «временная». Соответственно, все издержки этой администрации будут отнесены на счет продолжающегося осадного положения, вызванного необходимостью отражения вооруженных акций. Надо отметить, что опасность, особенно со стороны албанцев, на тот момент была действительно велика. Для отражения проникновений вооруженных отрядов албанцев отмобилизовывались крупные контингенты войск, а также перебрасывались дополнительные части из равнинной Сербии[63]. Вторгающиеся на территорию Сербии албанцы часто опирались на поддержку местного мусульманского населения. В правительственных и военных кругах Сербии стало господствующим мнение, что «материальная помощь албанцам редко удерживает их от предательской измены в удобную для них минуту и не раз обращали они оружие, полученное от сербов против славянского населения»[64].

Несмотря на опасность, исходившую от албанцев, но сознавая невозможность введения на завоеванных территориях конституционного

[61] Там же. Л.18об.

[62] Там же. Л.17

[63] АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.113. Л.371

[64] Там же. Л.439

inslav

правления (тогда избирательные права пришлось бы предоставить и несербскому населению[65]), правительство решительно не хотело давать военным право на управление новыми территориями, опасаясь и без того усилившейся в ходе войн военной элиты. Оппозиция, видя удобный для себя случай, пыталась отстаивать «честь офицерского» корпуса, хотя, естественно, преследовала более прагматичные цели, в основном заключавшиеся в ослаблении влияния кабинета Пашича. Так, по некоторым данным, часть представителей «младорадикалов», войдя в контакт с Р. Путником, просила о поддержке армии, обещая после прихода к власти отмену злополучного «Закона о приоритете»[66].

Правительство, в свою очередь, чувствуя бесперспективность столкновения со всей армией, участило обвинения отдельных представителей военной элиты (приверженцев организации «Объединение или смерть»). Отсюда и череда правительственных проверок и выявленные многотысячные растраты в «Офицерской Задруге" — структуре, во многом контролируемой «черноруковцами»[67]. По результатам развития ситуации можно говорить о фактически сложившемся двоевластии военных и гражданских властей на территории Старой Сербии и Македонии, оказывавшем значительное влияние на ход политических событий в самой Сербии[68]. Крайнее недовольство складывающейся ситуацией, а также нападками членов кабинета на армию, выражал король Петр. Во многом только благодаря вмешательству русского посланника Гартвига ситуация не вылилась в открытое неповиновение армии, а правительство Пашича смогло удержаться у власти.

Несмотря на достигнутый между военными и правительством Пашича компромисс, заключавшийся в изменении «Закона о приоритете» (теперь первое место гражданские власти занимали лишь на церемониях, носивших политический характер, в остальных случаях приоритет определялся по старшинству чина), недовольство в офицерском корпусе, судя по донесению командовавшего войсками в Старой Сербии и Македонии П. Бойовича[69], полностью не исчезло.

На основании вышеизложенного можно констатировать наличие сильных конфронтационных элементов в отношениях между представителями правящей и военных элит в предвоенный период. Их противостояние,

---

[65] Там же. Л. 462

[66] Там же. Л.19об.

[67] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.15об.

[68] Pribičević S. Diktatura kralja... С.243

[69] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3168. Л.19об.

inslav

время от времени обострявшееся, значительно тормозило процесс перевооружения армии, а также решение текущих армейских проблем. Для военных управление новоприсоединенными областями не самоцель: они полагали, что от его эффективности зависит реализация государственной политики по интеграции этих земель в «Большую Сербию», частью которой были подготовка и создание в этом крае призывного контингента, размещение постоянных контингентов войск. Кроме того, как нам представляется, пытаясь «обкатать» модель военной администрации, руководство армии могло преследовать и цель определения приемлемости ее на других соседних территориях (в том числе и в самой Сербии) в особый (предвоенный) период, близкое приближение которого особенно остро осознавалось в военных кругах страны.

Было бы упрощением рассматривать обострившуюся перед Первой мировой войной внутриполитическую ситуацию в Сербии по линии противостоянии «Черной руки» правительству (как мы уже писали выше более партийной, нежели офицерской группы). Пожалуй, более правильно говорить о противостоянии светских и военных элит. Нам представляется, что обострение такового противостояния ("министерская чехарда», кампания против предложений Божановича, «Спор о приоритете» и т.п.) были вызваны именно сопротивлением военной элиты возраставшему контролю правительства над армией (по сути, «приватизации» поста военного министра). **Военная элита при этом рассматривается нами в это время как надпартийная, достаточно структурированная корпоративная общность, имеющая собственные взгляды на государственное управление, и пытающаяся их, в меру возможностей, отстаивать и реализовывать.**

В целом Сербия смогла достаточно успешно подготовиться к будущим военным кампаниям. Это объясняется, во-первых, приоритетной значимостью в государстве внешнеполитических задач; во-вторых, действенной поддержкой военных приготовлений Сербии со стороны России и Франции. И, наконец, важнейшим фактором явилось то, что к этому времени в Сербии была создана не только хорошо подготовленная регулярная армия, но и сформирована обладавшая значительным авторитетом в обществе военная элита, которая вне зависимости от политической конъюнктуры последовательно реализовывала программу подготовки государства и общества к будущим военным кампаниям.

inslav

Силкин А.А.

У истоков формирования конституционного и национально-территориального устройства Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев не было государством обретших друг друга после долгой разлуки братьев. Условия его образования служили предпосылкой тяжелых общественных противоречий. В то же время нельзя дать однозначный ответ на вопрос, были ли они непреодолимыми, и был ли неизбежен государственный кризис, постигший страну в конце двадцатых годов XX в. Так или иначе, Королевство СХС стало не «государством примирения»[1], а государством жесткой политической конфронтации.

Общие контуры будущих катаклизмов проявились уже в первые полтора года, предшествовавшие принятию Видовданской конституции. Свидетельством экстремизации общественных настроений является изменение отношения к новосозданному государству политических деятелей, принимавших участие в процессе Объединения. Если в конце 1918 г. по обе стороны Савы, Дрины и Дуная Югославия провозглашалась «землей обетованной» для всего «трехименного народа», то в июне 1921 г. решение о судьбе основного закона страны принимали исключительно сербские политические партии*.

Бойкот представителями католического населения страны голосования по вопросу о принятии конституции, а также совместное заявление всех хорватских партий, включая и слывших приверженцами югославянской идеи, и ультра-националистов франковцев, что принятая конституция не будет иметь никакой «юридической силы»[2] на территории Хорватии, от-

---

[1] Димић Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 29.

[2] Цит. по: Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919-1929. Beograd, 1979. S.112

* Голоса поддержавших конституционный проект мусульман были оплачены.

inslav

ражает как остроту межнационального антагонизма, так и тот факт, что с момента образования Королевства СХС сербскими, хорватскими и словенскими политиками не было найдено механизмов ее сглаживания, как, впрочем, и путей решения прочих многочисленных проблем, обременявших существование страны. В связи с этим очевидна необходимость анализа «провизорного периода», в течение которого отчетливо проявились и кризисные тенденции развития политической системы, и разнонаправленность устремлений югославянских народов.

Публичную политическую жизнь Королевства СХС в период до принятия Видовданской конституции характеризует борьба двух тенденций, которые с известной долей условности можно назвать, с одной стороны, «умеренной», «компромиссной» и, с другой, «конфликтной», «экстремистской». Принадлежность конкретных политических партий к первому течению определялась готовностью в процессе формирования облика нового государства, раздела властных полномочий в центре страны и на местах, учитывать особые интересы других организаций, особенно представляющих иные югославянские народы. Пути решения сложных государственных проблем «умеренные» видели в соблюдении писанных и неписанных правил взаимоотношений ветвей власти и норм парламентской жизни.

Главной же чертой политиков, относившихся ко второму лагерю, можно считать стремление увеличить свой политический вес путем жесткой конфронтации со своими политическими оппонентами. Во взаимоотношениях с ними «экстремисты» не считали себя ограниченными какими-либо парламентскими нормами. Их несоблюдение оправдывалось ссылками на собственное предназначение защищать, часто от всех остальных участников политической жизни, некие высшие интересы. Если «умеренные» стремились к нейтрализации взаимного отчуждения бывших военных противников, то для «экстремистов» оно было предметом политических спекуляций.

В идеологическом плане приверженцев двух соперничавших течений разделяло различное отношение к идее национального унитаризма. «Экстремистов» отличал бескомпромиссный подход — одни видели в ней категорический императив, другие полностью ее отвергали. Приверженцы «компромиссной» линии, признавая, по крайней мере, официально, верность учения о существовании «трехименного сербско-хорватско-словенского народа», не считали его догмой, или побуждением к насильственной политической и государственной унификации.

Члены Народной радикальной партии, в политике которой прослеживались черты «умеренности», не желали лишать свою программу национальной сербской окраски и, соответственно, вопреки мнению своих оп-

inslav

понентов не считали пережитком прошлого «племенные» национальные особенности югославянских народов. Их сохранение, по мнению Стояна Протича, осуществлявшего руководство партией во время отъезда ее бессменного лидера Николы Пашича на Парижскую мирную конференцию, «было основной предпосылкой стабильности государственного объединения»[3]. Эта позиция крупнейшей сербской партии сделала возможным ее партнерство с политическими представителями интересов католического населения. Партнерами радикалов были бывшие деятели Народного Вече Государства СХС — Словенская народная партия (СНП) во главе с Антоном Корошцем и Хорватское объединение (ХО), образованное из Старчевичанской партии права, Прогрессивной демократической партии, Хорватского народного объединения из Боснии и Герцеговины*. Лидеры СНП и ХО приняли на вооружение идеологию Объединения, руководствуясь не столько убежденностью в ее «бесспорной верности», сколько практическими соображениями — ее постулаты лежали в основе «Перводекабрьского акта», гарантировавшего сохранение автономного положения «пречанских»** областей вплоть до принятия конституции[4]. В октябре 1919 г. фракции НРП, ХО (Народный клуб) и СНП (Югославянский клуб) сформировали во Временном народном представительстве Парламентское объединение (ПО).

Представителями «экстремистского» лагеря следует считать Демократическую партию (ДП) и Хорватскую народную крестьянскую партию (ХНКП) Степана Радича, не признававшую легитимность Объединения и стремившуюся добиться привлекательности в глазах народных масс путем жесткого противостояния с официальным Белградом — «виновником» всех социальных и экономических неурядиц послевоенной Хорватии. В рассматриваемый период ХНКП, официально не запрещенная, находилась на полуподпольном положении.

* * *

Конфликтность ДП была предопределена интересами ее создателей. Инициатива образования партии исходила от королевского двора. Алек-

---

[3] Gligorijević B. Parlament i političke stranke... S.39

[4] Obrazovanje Kraljevine SHS. // Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914-1919. Zagreb, 1920. S. 280-283

* Фракция Хорватского объединения во Временном народном представительстве называлась Народный клуб, фракция Словенской народной партии — Югославянский клуб.

** Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

inslav

сандру Карагеоргиевичу, не имевшему возможности активно действовать на публичной политической арене, новая партия была необходима в качестве инструмента реализации его властных амбиций, выходивших далеко за рамки, определенные законом и политическими традициями довоенной Сербии. ДП должна была способствовать ослаблению традиционных политических представителей сербов, хорватов, словенцев и мусульман, чьим интересам противоречило усиление власти принца-регента Александра.

Первой в ряду его противников стояла Радикальная партия, с самого начала XX в. конкурировавшая с династией за право определения официальной политики Белграда. По словам Лазара Марковича, «импульс к созданию Демократической партии придал сам регент..., и он... подталкивал Прибичевича к основанию новой партии, которая была бы способна потеснить радикалов»[5]. Организаторский талант Светозара Прибичевича должен был позволить ему сплотить вокруг себя и разрозненных оппонентов Н. Пашича из числа сербской оппозиции, и югославянски ориентированные группировки из новоприсоединенных областей. Особые надежды возлагались на способности лидера демократов противодействовать центробежным тенденциям, набиравшим силу в «пречанских» регионах. Как писал в своих мемуарах Слободан Йованович, «Прибичевич после объединения был «героем дня». Ему в заслугу приписывалось то, что 1 декабря 1918 года хорваты согласились объединиться с сербами»[6].

С Александром Карагеоргиевичем сербскую оппозицию времен Первой мировой войны* объединяли общие антипатии. Как показал опыт Женевской конференции ноября 1918 г., в целях борьбы с НРП она была готова к созданию самых неожиданных альянсов. Тогда она поддержала «конфедералистскую» позицию Югославянского комитета**, а, вступив в союз с двором и С. Прибичевичем, перешла на сторону ультра-централистов. «Сербиянские политики в Демократической партии были боль-

[5] Цит. по: Gligorijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 64.

[6] Цит. по: Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S.115.

* Сербскую оппозицию составляли Самостоятельная радикальная, Прогрессивная и Либеральная партии.

** Согласно подписанной Пашичем, Трумбичем и Корошцем Женевской декларации, Королевство Сербия признавало Народное Вече в качестве представителя Государства СХС. Вместо присоединения последнего к Сербии, должна была сохраниться его обособленность. Провозглашалось создание «общего министерства для решения задачи организации общего государства».

inslav

ше антирадикалы, чем демократы. Для них тактика значила больше, чем программа»[7].

Для С. Прибичевича и возглавляемой им части бывшей Хорватско-сербской коалиции ДП предоставляла возможность с позиции силы диктовать свою волю многолетним политическим конкурентам в Хорватии. Сотрудничество с Любомиром Давидовичем и его соратниками открывало перспективу распространения своей деятельности на Сербию. Кроме того, С. Прибичевич, как и его новые партнеры, «имел зуб» на радикалов. Те не только «противодействовали распространению его влияния на области, которые Радикальная партия считала своей сферой интересов»[8], но и жаждали «освоить» «пречанские» территории, привлечь на свою сторону тамошнее сербское население и, таким образом, покушались на традиционный прибичевичевский электорат. Так особое недовольство лидера ДП* вызвало присоединение радикалов из Воеводины во главе с Яшей Томичем к НРП.

С. Прибичевичу принадлежала заслуга создания идеологии новой партии. ДП, как и большинство представленных в ВНП объединений, придерживалась принципов «народного единства сербов, хорватов и словенцев», логическим следствием которого было централистское государственное устройство «с одним законодательным органом и одним правительством для всей страны». Однако, по мнению лидера демократов только возглавляемая им партия была способна последовательно воплощать в жизнь идеи Объединения и защищать югославянское государство от внешних и внутренних угроз: «Единственная партия всех племен, всех религий и всех сословий в нашей стране. Демократическая партия основана на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, гражданского равноправия и экономической справедливости»[9].

Если ДП состояла из групп, «представлявших» все части «сербо-хорвато-словенского народа» и объединенных общеюгославистской «надплеменной» идеологией, то остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный» народ был насильственно разделен, «неспособные

---

[7] Matković H. Svetozar Pribićević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 41.

[8] Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 158.

[9] Архив Југославије (Далее - AJ), ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 36.

* Официальным председателем ДП был Л. Давидович. Реальным лидером партии с момента ее создания был Прибичевич. Желание Давидовича реализовать на практике свой формальный статус и идеологические расхождения с Прибичевичем привели сначала к фактическому распаду ДП на «давидовичевцев» и «прибичевичевцев», а в 1924 г. и к официальному разделу организации. Прибичевич и его сторонники

inslav

решать проблемы современного югославянского государства», являлись не более чем «анахронизмом», сербскими, или, еще того хуже, австрийскими рудиментами. По словам Прибичевича, «возникшие еще до войны они не способны понять реалии новой жизни. Поэтому все старые партии следует распустить. Радикальная партия давно дала все, что могла дать... Югославская мусульманская организация имеет слишком отчетливую религиозную окраску... Словенская народная партия это партия католических священников. В ней собраны одни словенцы, и нет хорватов... Другие партии совершенно не актуальны, не знакомы с обстановкой, сложившейся в стране. Надо широко открыть глаза, чтобы эти слепцы не завели нас в пропасть». «Нужна одна большая партия, которая сможет нести ответственность за все государственные дела»[10]. «Один народ — одно государство — одна партия» — заголовок загребского рупора демократов — свидетельство их убежденности в собственной избранности[11].

Подобная позиция стала причиной острого противостояния ДП с остальными организациями, которые она пыталась столкнуть с политического Олимпа. Таким образом, в условиях борьбы с «племенными» партиями, опиравшимися на компактные массы избирателей, проживавших в исторически сформировавшихся областях, этнический и государственный унитаризм, проповедуемый ДП, был, по словам Б. Глигориевича, «практической политической программой, осуществление которой гарантировало партии увеличение ее политического влияния. Принимая этот принцип (якобы единственный, способный обеспечить существование молодого государства) и отвергая принцип представительства во власти отдельных народов, партия обеспечивала себе неограниченную власть»[12].

Демократическо-династический союз методом борьбы со своими противниками выбрал ослабление, или прямое упразднение тех правовых и государственных институтов, в рамках которых они могли угрожать его могуществу. В этом контексте следует рассматривать и ликвидацию хорватской автономии, унаследованной от Австро-Венгрии, и уменьшение роли центрального парламента — Временного народного представительства, в результате чего в первую очередь пострадали радикалы, стремившиеся в условиях опалы, наложенной на них Александром, использовать

[10] Matković H. Svetozar Pribićević... S. 191. (Хотя эти слова были произнесены в 1925 г., они могут служить иллюстрацией убеждений Прибичевича, которыми он руководствовался при формировании ДП.)

[11] Riječ Srba, Hrvata i Slovenaca, 19 februar 1919.

[12] Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 77.

inslav

парламентские процедуры в качестве главного способа оспаривания «руководящей и направляющей роли» демократов. Подтверждением того, что эти, на первый взгляд различные, направления политики ДП имели одну природу, служит тот факт, что С. Прибичевич и предназначение ВНП, и смысл Перводекабрьского акта объединения, гарантировавшего сохранение в неизменном виде «пречанских» областных органов власти как минимум до принятия конституции Королевства СХС, видел лишь в «демонстрации зарубежному миру нашего народного единства»[13].

Хорватия была главным полем борьбы демократов с австрийскими «атавистическими» проявлениями. К таковым С. Прибичевич относил все органы хорватской автономии и, в первую очередь, Сабор. В качестве первого министра внутренних дел он запретил его созыв, целью которого должна была стать ратификация Объединения, аналогичная осуществленной Сербской народной скупщиной 29 декабря 1918 г. Кроме того, в целях приведения в соответствие с принципом «народного единства сербов, хорватов и словенцев» внутреннего государственного устройства были распущены местные органы самоуправления — городские представительства и муниципальные комитеты, — уменьшены полномочия «областных» правительств, была упразднена их ответственность перед представительными органами.

Вызванный централизаторской политикой протест хорватской общественности и, в первую очередь, Хорватского объединения, требовавшего соблюдения условий Перводекабрьского акта, наталкивался на софистическое утверждение С. Прибичевича, что тот не может иметь «никакого государственно-правового характера и не является договором, с одной стороны, сербского правительства и Народного вече, с другой»[14]. «Договоры и соглашения могут быть между чехами и немцами, между народами, которые имеют разные интересы и хотят их согласовать. А между членами одного народа, между сербами, хорватами и словенцами этого не может быть ни в коем случае. Всякое желание договариваться и подписывать соглашения показывает, что они не один народ»[15]. В соответствии с этим тезисом представителя любой политической организации, не являвшегося членом Демократической партии, можно было квалифицировать как «агитатора, подрывающего народное и государственное единство», с которым нужно бороться, используя «все превентивные меры и репрес-

[13] Цит. по: Протић Ст. М. Наша спољна и унутрашња ситуација. (конференција одржана у клубу београдских радикала 2-X-1919.) Београд, 1920. С.23-33.

[14] Цит. по: Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 49.

[15] Цит. по: Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 144.

inslav

сивные средства государственной власти»[16]. В арсенал Демократической администрации входили неподкрепленные решениями суда аресты, введение цензуры, введение ограничений на передвижение как внутри страны, так и за границу.

Доминирующее положение в исполнительной власти, поддержка «внепарламентских факторов» — все это делало в глазах С. Прибичевича излишним само существование ВНП. Усилиями демократов, пользовавшихся обстановкой правового вакуума, в котором находилось молодое государство, законотворческие функции парламента присваивались правительством, издававшим «распоряжения, обладавшие силой закона». Всего в течение «провизорного периода» было издано около восьмисот подобных распоряжений. Достаточным основанием для этого, по мнению С. Прибичевича, было то, что не существовало законодательной базы для работы Временного народного представительства, которое было «навязано», поэтому «спорным является вопрос, может ли оно вообще принимать законы. Из-за его нефункционирования нельзя подвергать опасности государство».

Практическая реализация подобной недемократичной позиции лидера демократов стала возможной только при поддержке двора. Главные усилия с конца 1918 года принц-регент направил на то, чтобы лишить парламент и участвовавшие в его работе партии возможности контролировать работу правительства и определять его состав. Жесткое «неконституционное» давление Александр оказывал на тех, в ком видел себе угрозу и, таким образом, «расчищал площадку» для своей креатуры — Демократической партии. Престолонаследник воспрепятствовал получению Н. Пашичем мандата на формирование первого югославского правительства, чей состав был одобрен и всеми сербскими партиями, и делегацией Народного вече Государства СХС. Еще одним громким случаем «отступления от принципов парламентаризма» стал отказ престолонаследника осенью 1919 г. утвердить состав правительства Парламентского объединения во главе с радикалом Марко Трифковичем. По мнению С. Протича этим нарушалось «право парламента решать вопрос о работе, или падении правительства с того момента, когда корона определилась в кандидатуре будущего премьера».

Идеологическое обоснование подобных мер осуществлял С. Прибичевич. Конфликт двора и демократов, с одной стороны, и ПО, с другой, он характеризовал как революционную борьбу сторонников «идеи единого

[16] Цит. по: Matković H. Svetozar Pribićević... S. 33.

inslav

государства с сепаратистскими сербскими и хорватскими элементами». «Всякая революция противоречит законам, и никто не спрашивает, как осуществлены изменения. Мы проходим период созидания, и государство должно употребить все средства для поддержания общественной безопасности и порядка. Мы не можем обращать внимания на формальности». Неутверждение кабинета М. Трифковича преподносилось как раскрытие «адского заговора, направленного против народа и короны», целью которого было «создание новой Австрии на территории нашего Королевства». Воспрепятствовать этому, по словам С. Прибичевича, мог либо кабинет демократов, либо «внепарламентское правительство», возглавляемое «личностью, не замешанной в межпартийной борьбе»[17].

* * *

Понимание необходимости противодействия вышеописанной политике стало главным мотивом объединения «умеренных» сил, среди которых главная роль принадлежала Народной радикальной партии. Отношения партнеров по Парламентскому объединению не были безоблачными. Их обременяли многолетние противоречия, различия во взглядах на национальные отношения, на ход объединительного процесса и в понимании своего места в новом государстве. Во время войны и в первое время после нее хорватские и словенские политики искали сближения вовсе не с Радикальной партией, а с сербской оппозицией, с которой они так успешно сотрудничали во время Женевской конференции. С помощью будущих членов Демократической партии «пречанские» деятели надеялись сохранить обособленность югославянских территорий распавшейся Австро-Венгрии, приостановив их объединение с Сербией.

Наибольшую антипатию у деятелей Народного Вече СХС вызывал Никола Пашич, которого они обвиняли в желании «вернуть к жизни Великую Сербию Душана»[18]. Иллюстрацией служит описываемый загребским журналом «Новая Европа» эпизод обсуждения «пречанской» делегацией и сербским правительством на Корфу осенью того же года вопросов объединения сербской и бывшей австро-венгерской валютных систем. «Отправился с ними и Лоркович, тогда первый секретарь Народного Вече (Иван Лоркович, бывший член Хорватско-сербской коалиции, в дальнейшем один из лидеров ХО — *А.С.*). Но он не стал встречаться с Пашичем, которого не считал истинным представителем народа. Чистый, настоя-

[17] Цит. по: Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 109, 94, 130, 126.

[18] Смодлака J. Наш задатак. // Nova Evropa (Далее - NE). Knjiga 6, broj 2, Zagreb, 11 septembar, 1922.

inslav

щий демократ-ортодокс, он не хотел контактировать с теми, кто у власти был не по воле народа. Настоящими представителями народной воли... он считал сербскую оппозицию»[19].

Однако первые месяцы существования Королевства СХС показали ошибочность пристрастий «пречан». Руководство НРП оказалось их единственным союзником перед лицом «революции», осуществляемой демократическо-династическим союзом. Создание коалиции стало результатом взаимных уступок со стороны ее участников. В целях сближения с радикалами Народный клуб, громогласно выступавший за сохранение хорватской автономии, свою позицию по проблеме внутреннего устройства страны привел в соответствие с теорией «национального унитаризма», которой он официально придерживался:

«1. Наше молодое государство должно быть конституционной и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей и со столицей в Белграде.

2. Оно должно иметь одну государственную власть для всего Королевства.

3. Оно должно иметь один единственный парламент.

4. Этот парламент должен будет принимать законы для всего королевства.

5. Конституция должна гарантировать широкое самоуправление общины, уезда, жупании и больших территориальных единиц»[20].

В свою очередь руководство НРП согласилось на требования своих союзников в случае формирования кабинета Парламентского объединения обеспечить им властные позиции в органах хорватской автономии и восстановить утраченные ею по воле С. Прибичевича полномочия. Возможность реализации взаимных обязательств представилась членам ПО в феврале 1920 г., когда демократа Л. Давидовича на посту главы правительства сменил радикал С. Протич. СНП и ХО в его правительстве получили по 3 и 4 портфеля соответственно. Баном Хорватии стал один из руководителей ХО Матко Лагиня.

Участники Парламентского объединения по-разному понимали предназначение созданной ими организации. В дальнейшем десятилетняя политическая практика Королевства СХС покажет, что большая часть югославских политиков, в создании политических союзов и коалиций видела по большей части средство достижения тактических целей. И в

[19] Политео И. Иван Лорковић. // NE. Knj. 12, br. 5, s.130. 11 Marta. 1926.

[20] Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 194.

inslav

течение «провизорного периода» основная масса словенских клерикалов, хорватских «заедничаров» и радикалов смыслом своего сотрудничества считала решение локальных сиюминутных задач: защита своих позиций в центральных и местных органах власти, имевших определяющее значение при участии партии в выборах всех уровней, определение параметров аграрной реформы и так далее. Необходимость совместного поиска путей законодательного урегулирования взаимоотношений трех югославянских «племен» была очевидна немногим.

В отличие от большинства партийных функционеров С. Протичу с первых дней существования Королевства СХС было присуще понимание приоритетной важности компромиссного пути решения национально-территориального вопроса для судьбы государства, в целом, и сербского народа, в частности. Временно возглавлявший НРП С. Протич был движущей силой Парламентского объединения и главным идеологом «умеренной» политики. Как и его соратники по Радикальной партии, Протич в создании Югославии видел один из двух возможных путей осуществления давней цели политики Белграда — объединения всех сербов. Однако, если мононациональное «общее государство всех сербских земель»[21] само по себе было бы воплощением интересов сербского народа, то в Королевстве СХС необходимым условием их реализации стало достижение согласия с остальными двумя «титульными» «племенами», имевшими свое представление о собственных «исторических и государственных правах». «Было бы опасно не принимать в расчет мнение тех частей нашего народа, которые веками жили отдельно от нас»[22].

По мнению Протича, основным принципом взаимоотношений Белграда с «пречанами» должно было быть четкое следование документам, положенным в основание Королевства СХС. К таковым он причислял, прежде всего, Корфскую декларацию и Перводекабрьский акт объединения*. Руководствуясь этими соображениями, Протич не мог согласиться с точкой

---

[21] Марковић М. Смисао стварања Југославије. // Југословенска држава 1918-1998. Зб. радова са научног скупа. Београд, 1999. С. 60.

[22] Протић Стојан М. Наша спољна и унутрашња ситуација... Београд, 1920. С. 31.

* Декларация налагала на подписавших ее обязательство построения «общего» государства с «единой территорией и единым гражданством», а также принятие конституции квалифицированным большинством, возможным только, если проект основного закона устраивал «пречан». Перводекабрьский акт помимо повторения тезисов Корфской декларации содержал обещание принца-регента придерживаться демократических, парламентских принципов правления и оставить в сохранности до принятия конституции автономные органы югославянских областей бывшей Австро-Венгрии. (Šišić F. Op. cit. S. 98, 282.)

inslav

зрения С. Прибичевича и его венценосного покровителя, что адрес Народного Вече СХС и полученный на него ответ принца-регента Александра, гарантировавший сохранение органов хорватской автономии, является всего лишь «манифестацией для заграницы». «Эти два акта выражают желания, настроения и мнения народа с обеих сторон Савы и Дуная. Эти два акта имеют свое содержание и свое внутреннее значение... Если мы хотим, чтобы наше слово завтра имело цену, мы должны показать, что мы сами свое слово всегда держим и уважаем».

«Философией» Королевства СХС должна была стать «гармония беспрепятственного правильного развития и индивидуальности, и государственного, общественного целого». Путь к ее достижению Протич видел во внутреннем административном разграничении страны, приемлемом и для хорватов со словенцами, стремившихся к автономному национальному развитию в «исторически сложившихся областях», и для сербов, заинтересованных в сохранении суверенитета центральной государственной власти.

Препятствием на пути достижения «гармонии» была осуществляемая Прибичевичем политика «государственного единства, понимаемого им в наигрубейшей централистской форме», — как «растворение всех индивидуальностей, всех региональных и исторических традиций»[23]. Такого образного определения удостоились действия по «борьбе с антигосударственными элементами» в «пречанских» регионах и планы разделения страны на области в соответствии с «экономико-географическими обстоятельствами». По мнению С. Протича подобные «грубые и опасные меры» едва ли достигали тех результатов, к которым стремились их инициаторы. Однако они гарантированно отравляли взаимоотношения сербов, занимавших ведущие позиции в государстве и несущих полную ответственность за его политику, с остальными югославянскими народами, которые отворачивались от политиков, «запятнавших» себя сотрудничеством с Белградом, и попадали под влияние национальных экстремистов.

Как заметила О. Попович, «по сравнению с соратниками по партии и большинством политиков из Сербии, в целом Протич гораздо лучше понимал смысл национально-политических процессов, происходивших в Хорватии. В то время, когда в рядах сербиянских партий преобладала убежденность в том, что Прибичевич лучший знаток Хорватии, и что его Хорвато-сербская коалиция представляет чаяния большинства хорватов, Протич в июле 1919 г. констатировал, что Народный клуб, хоть и не

[23] Там же. С. 24, 31.

inslav

имевший большого числа сторонников, «гораздо более достоверно представляет настроения хорватской части народа, чем Хорвато-сербская коалиция». Его ослабление означает усиление не коалиции, а господина Радича и франковцев»[24].

Перманентная межнациональная конфронтация делала невозможной воплощение в жизнь замыслов создателей Королевства СХС, само существование которого становилось бессмысленным. «Сербы не должны считать, что могут сохранить это государство и находиться в состоянии войны с почти половиной нашего народа — с хорватами и словенцами... Невозможно, опираясь на штыки, править на благо народа... Было бы лучше, разумнее и для государства полезнее отделиться от своих братьев, чем опираться в этом вопросе на силу». Соответственно и до руководства ХО и СНП Протич пытался донести ту мысль, что пользоваться преимуществами общего государства католическое население сможет только при условии уважения интересов народа-освободителя. В противном случае «каждый пойдет своим путем — сербы с сербами, а хорваты и словенцы, с хорватами и словенцами». При этом первым не останется ничего другого, как вернуться к варианту создания всесербского государства, в состав которого вошли бы полностью или частично «Босния и Герцеговина, Срем и Славония, Далмация и Лика, Бачка, Банат и Бараня»[25].

Воплотить в жизнь идеи Стояна Протича должно было принятие разработанного им проекта конституции, в соответствии с которым Королевство СХС становилось бы парламентской монархией с двухпалатным законодательным органом. Страну следовало разделить на девять областей: 1) Сербию, 2) Старую Сербию с Македонией, 3) Хорватию со Славонией, Риекой, Истрией и Меджимурьем, 4) Боснию, 5) Черногорию с Герцеговиной, Бокой и Приморьем, 6) Далмацию, 7) Срем и Бачку, 8) Банат, 9) Словению с Прекомурьем. Самоуправление областей осуществляли местные законодательные органы — областные скупщины и избираемые из их среды исполнительные — комитеты. Согласно догматичной норме, определявшей характер взаимоотношений местных и центральных властей, «областные законы не могут противоречить конституции и государственным законам»[26]. «Одно государство — один суверенитет»[27]. За его соблю-

[24] Popović O. Op. cit. S. 95.

[25] Цит. по. Popović O. Op. cit. S. 49, 23.

[26] Ustavni nacrt Stojana Protića. // Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914-1943. Beograd, 1987. S. 100.

[27] Цит. по. Казимировић. В. Србија и Југославија 1914 — 1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 423.

inslav

дением следил Государственный совет и стоявший во главе области «наместник», назначаемый королем по предложению премьер-министра.

Проект предоставлял гарантии автономии щепетильным в отношении своих «прав» католическим «племенам». Впервые в истории были объединены словенские земли*. Хорватский народ переставал быть разорванным между Веной и Будапештом. Полномочия областных органов не давали повода сетовать на уменьшение прав Хорватии по сравнению с довоенным временем.

Особое внимание уделялось обеспечению интересов сербского народа в условиях административной децентрализации. Из девяти предусмотренных единиц, за исключением Хорватии, Далмации и Словении, шесть по национальному составу могли считаться сербскими. По мнению Протича, из всех областей только Сербия будет «по-настоящему жизнеспособной, и вскоре настолько окрепнет, что сможет присоединить к себе Южную Сербию с Македонией и Воеводину»[28]. Присоединение Боснии — дело ближайших десяти лет. Путь к подобной консолидации «сербского национального пространства» открывала предусмотренная проектом возможность слияния областей «по требованию, или с согласия населения, которого затрагивают производимые изменения».

В позиции С. Протича по конституционному вопросу проявлялась либеральность его политического мировоззрения в целом. Плюралистический характер внутреннего национально-территориального устройства страны — производная политического плюрализма, которому следовало быть главным атрибутом строившейся политической системы Королевства СХС. Основной ее элемент — дееспособная представительная власть, играющая важную роль в формировании общегосударственного курса. С одной стороны, протичевский проект конституции в случае его принятия исключал возможность бесконтрольной деятельности исполнительной власти. В частности, было подтверждено «бюджетное право» парламента — право контролировать финансовую политику правительства. В отличие от сербской конституции 1903 г., лежавшей в основе проекта Протича, кабинету в случае роспуска скупщины или «откладывания ее сессии» запрещено «продлевать действие бюджета». С другой стороны, создавались препятствия использованию пленарного заседания в узкопартийных интересах в ущерб законодательной деятельности пар-

[28] Цит. по. Popović O. Op. cit. S. 98.

* Во всех конституционных проектах словенские земли либо составляли единую территориальную единицу, либо меньше всего, по сравнению с другими областями, подвергались дроблению.

inslav

ламента. «Кворум, который в соответствии с конституцией 1903 г. составлял половину плюс один голос, Протич уменьшил до одной трети. Помимо этого запретил тот вид обструкции, который заключался в бойкоте заседаний скупщины»[29].

Реализация плана внутреннего устройства страны, предложенного Протичем, была возможна только при условии поддержки его деятельности* со стороны как соратников по Радикальной партии, так и хорватских политиков из числа «буржуазной интеллигенции». Казалось бы, укреплению репутации Протича в рядах радикалов должны были способствовать результаты кооперации крупнейшей сербской партии с «пречанами». Главным было то, что прервалась политическая гегемония ДП во Временном народном представительстве и в правительстве, на посту главы которого демократу удастся сменить радикала только в 1924 г.[30] Не ставился под сомнение статус Протича как главного идеолога НРП.

Для хорватов же Протич был единственным «лучом света в темном царстве» централистов. По словам публициста Йосипа Хорвата, близкого к руководству ХО, в Хорватии Протичу «удалось создать благоприятную психологическую атмосферу»[31]. Респектабельная загребская газета «Обзор» в дни его премьерства писала: «Сегодня хорваты ощущают себя не покоренным народом, а, вместе со своими братьями сербами и словенцами, хозяевами своего дома»[32]. Один из руководителей Хорватского объединения Мате Дринкович величал Протича «одним из умнейших сербиянцев», «великим сербом»[33], «в правление которого страна вздохнула с облегчением..., а народу показалось, что вернутся блаженные времена мира и согласия»[34]. Йосип Смодлака, член делегации Народного Вече СХС, прибывшей в конце ноября 1918 г. в Белград, называл его «первой головой не только среди сербских, но и среди всех наших политиков по необычайной быстроте ума и активности, по политической образованности и опыту»[35].

---

[30] Правительство Любомира Давидовича (27 июля – 6 ноября 1924 г.).

[31] Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 189.

[32] Цит. по. Popović O. Op. cit. S. 31.

[33] Drinković M. Hrvatska i državna politika. Zagreb, 1928. S. 17.

[34] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 17.

[35] Smodlaka J. Zapisi Dra Josipa Smodlake. Zagreb, 1972. S. 68.

* Пост главы кабинета и, одновременно, «министра, ответственного за созыв Уставотворной скупщины» Протич занимал с 19 февраля по 17 мая 1920 г. («Второе правительство Стояна М. Протича») За созыв конституционного собрания он отвечал и в «Первом правительстве Миленко Веснича» до его роспуска 18 августа 1920 г.

inslav

* * *

И все-таки, основа «умеренной» политики — общность позиций по наиболее значительной государственной проблеме Королевства СХС — оказалась весьма недолговечной. Несмотря на весь авторитет Протича среди однопартийцев и на доверие партнеров по Парламентскому объединению, его план «конституционного решения национального вопроса» остался не востребованным ни теми, ни другими. Причины, по которым радикалы, по общему признанию, не слишком рьяные сторонники теории «трехименного народа», отошли от «средней линии», разнообразны. На поверхности лежат сиюминутные тактические соображения членов НРП, не до конца удовлетворенных результатами сотрудничества с остальными членами Парламентского объединения.

В первую очередь, союз с ХО и СНП не принес радикалам явного перевеса над демократами, продолжавшими пользоваться поддержкой Александра Карагеоргиевича. В рядах НРП росла убежденность в том, что политическая «ликвидность» сложного плана Протича весьма неочевидна. Под воздействием Пашича, вернувшегося в страну летом 1920 г. с Парижской мирной конференции, возобладало мнение, что государственная централизация, хоть и не такая жесткая, какой ее видел Прибичевич, — гораздо более простой и эффективный метод как претворения в жизнь интересов сербов, то есть сохранения государственного единства, так и обеспечения руководящей роли партии. Кроме того, в преддверии выборов в Конституционное собрание (Уставотворную скупщину), ДП, тогда самую могущественную организацию в Королевстве СХС, и ее покровителя гораздо спокойнее было видеть в качестве союзников, чем оппонентов. Принятие НРП централистской программы открывало дорогу партнерству двух непримиримых врагов.

По словам О. Попович, «покровительство, оказываемое престолонаследником Александром демократам, особенно сторонникам Прибичевича, демонстрировало, что пользоваться поддержкой двора будет только бескомпромиссная централистская политика и только та партия, которая ее осуществляет. Это убедило Радикальную партию в том, что ее перспективы (уже тогда было ясно, что без поддержки регента на них нечего рассчитывать) не в совместной с хорватскими и словенскими децентралистскими силами борьбе с демократами, на чем настаивал Протич, а в заключении союза с ними»[36].

То, как крах политики С. Протича виделся из Загреба, иллюстрирует парламентское выступление М. Дринковича: «Итак, господа, дважды в

[36] Popović O. Op. cit. S. 33.

inslav

этой стране вынуждено было подать в отставку правительство, из-за того что Радикальная партия выступала в союзе со словенцами и хорватами. Это очень показательно... Господин Протич, правдолюбивый и честный даже в мелочах, всегда призывал нас договариваться и решать все сообща. Когда пришел господин Веснич*, этому настал конец. Это закончилось, так как господина Веснича поставили, чтобы он уничтожил этот договор и это согласие, которое было достигнуто по всей стране»[37].

В результате автором официального совместного проекта Радикальной и Демократической партий, положенного в основу Видовданской конституции, стал не Протич, а другой член НРП Лазар Маркович. В плане определения государственного облика оба проекта «имели в основе сербскую конституцию 1903 г.». Однако в отличие от Протича Маркович и Пашич не принимали в расчет пожелания католического населения Королевства СХС. «Вместо протичевских девяти больших краев предусмотрено 35 областей с населением от 200 до 600 тысяч жителей. Внутреннее управление, в отличие от варианта Протича, не все находится в руках органов самоуправления, а... поделено между органами государственными и самоуправленческими»[38].

Среди других не столь явных, но не менее существенных, причин поворота политики радикалов, в результате которого они, по выражению М. Дринковича, приняли «Демократическое евангелие», следует указать на отсутствие доверия к другим участникам ПО, прежде всего к хорватам, что было одним из проявлений многолетних противоречий Белграда и Загреба, изначально определявших ход развития югославской политической системы. Логика перерождения хорватских «умеренных» из национально-государственных унитаристов в «конфедералистов» во многом раскрывает суть этих противоречий.

* * *

В череде событий, знаменовавших размывание умеренной политической линии, отказ Народного и Югославянского клубов (ХО и СНП) накануне выборов в Уставотворную скупщину от своей прежней программы, основанной на принципах государственного и национального унитариз-

---

[37] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 17.

[38] Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 36.

* Член НРП, посол во Франции Миленко Веснич был вызван в Белград для того, чтобы возглавить «концентрационное» правительство (с участием всех крупных парламентских партий) на период подготовки к выборам в конституционное собрание. Веснич возглавлял правительство с мая 1920 г. по январь 1921 г.

inslav

ма, был одним из наиболее значимых. Еще в августе 1920 г. обе организации подписали так называемый Протокол соглашения, обусловливавший вхождение в состав правительства Веснича*, согласно которому члены «концентрации» соглашались с тем, что кабинет подготовит единый конституционный проект. Радикалами и демократами этот шаг был воспринят как согласие хорватов и словенцев на осуществление «централистского государственного устройства»**. Однако через несколько месяцев, незадолго до выборов в конституционное собрание, из политического лексикона и ХО, и СНП исчезли такие слова как «народное единство» и «трехименный народ». В своих обращениях к избирателям они стали выступать как сторонники «федерализма». В реальности их конституционные проекты были направлены на сохранение границ, отделявших довоенную Сербию от югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, и, следовательно, дробивших сербский народ надвое[39].

По мнению М. Лагини со товарищи[40], страна должна была быть разделена на шесть частей: «1) Сербия со Старой Сербией и Македонией, 2) Хорватия, Славония и Далмация с Меджимурьем, Истрией и островами, 3) Черногория, 4) Босния и Герцеговина, 5) Воеводина (Бачка, Банат и Бараня), 6) Словения». Основной идеей проекта было максимальное ослабление центральной власти, которая ставилась в полную зависимость от областной администрации. «Законодательная власть поделена между государством и областями. Сфера общегосударственного законодательства ограничена четырнадцатью пунктами. Во всех остальных случаях законы издаются областями. В спорных случаях приоритет имеет областное законодательство». Местные власти «оказывают решающее влияние» и на работу центрального парламента и конституционного суда, «формально государственного органа», призванного решать споры о прерогативах центра и регионов.

И, наконец, «государство» утрачивало возможности следить за исполнением тех законов и осуществлением тех функций, которые находились в его компетенции. «Определенно сказано, что у него нет ни таможенной, ни налоговой администрации. Все это находится в ведении областей.

---

[39] Matković H. Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji. // Istorija XX veka. Zb radova. V. Beograd, 1963. S. 60.

[40] Автором конституционного проекта Народного клуба был профессор загребского университета Л. Полич.

* Помимо Народного клуба в состав правительства входили НРП, ДП, СНП.

** Адекватность подобного восприятия подтверждает тот факт, что, не желая подписывать Протокол, противник централизма Стоян Протич подал в отставку с поста «министра ответственного за созыв Уставотворной скупщины».

inslav

Точно также отсутствует и государственная полиция. Если бы государство имело на местах свои собственные органы, в них могли бы работать только «уроженцы этих областей»... государство не имеет никаких прав принудить области к исполнению государственных законов, если они отказываются это делать. Более того, без согласия областей, государство не может никому назначить наказание за деятельность, направленную против конституции и властей». Центральное правительство почти полностью лишено финансовых ресурсов. «Если бы доходы государства были недостаточными, области должны были бы оказать ему помощь. Но выделение этой помощи зависит от доброй воли областных саборов»[41].

Появление подобного проекта, вызвавшего однозначную реакцию у сербских политиков и поэтому не имевшего шансов быть принятым, свидетельствовало о том, что «умеренные хорваты» перестали быть конструктивной оппозицией политике централизации, осуществляемой, хоть и непоследовательно, с момента создания Королевства СХС и встали на путь антигосударственной деятельности и сепаратизма. По словам Л. Марковича, «эта программа ушла так далеко в разъединении нашего государства, что мы (радикалы — А.С.) не могли себе объяснить, как вообще такую программу можно выносить на обсуждение Конституционного комитета. В том проекте говорится в первой статье, что Югославия неделимое государство, а затем сразу королевство разделяется на 6 государств... Принятие такого проекта конституции обозначало бы немедленный конец нашего государственного и народного единства»[42].

С парламентской трибуны М. Дринкович, осознав неуспех своей конституционной инициативы, от имени ХО «отказал Уставотворной скупщине в законности ее деятельности и в праве принимать конституцию для Хорватии и хорватского народа... А в случае, если такая конституция будет принята, заявляем, что она не будет иметь никакой правовой силы, как если бы она и не существовала»[43]. В качестве члена Хорватского блока* ХО вместе с Хорватской республиканской народной партией и Хорватской партией права (франковцами) участвовало в работе «альтер-

[41] Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 40-42.

[42] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XVIII редовни састанак. С. 14; См. также: Marković L. Odgovor na kritike Ustavnog nacrta. // Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914-1929). Beograd, 1991. С. 185.

[43] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXIX редовни састанак. С. 15.

* Хорватский блок был сформирован в августе 1921 г. Распался в 1923 г. накануне вторых, после 1920 г., выборов в скупщину Королевства СХС.

inslav

нативного» белградскому «Хорватского народного представительства», которое провозгласило бойкот экономической политике Белграда (исполнение бюджета, внутренние, внешние займы) и приняло решение о самостоятельном вступлении Хорватии в Лигу наций.

Анализируя трансформацию позиции ХО и близких ему по духу деятелей, таких как А. Трумбич и Й. Смодлака, хорватские исследователи, как правило, приходят к выводу, что она свидетельствовала об их «эволюции», о достижении более высокой степени политической сознательности, о глубоком понимании национальных проблем Королевства СХС[44]. Х. Маткович писал: «Реальные политические обстоятельства, усугубление четко выраженного межнационального антагонизма, растущие антипатии хорватских избирателей осуществляли сильное давление на буржуазную интеллигенцию Хорватии, которая постепенно освобождалась от романтических представлений о племенах одного единого народа»[45].

Согласимся с мнением Х. Матковича, что переход «умеренных» хорватских политиков на «конфедералистские» позиции следует рассматривать и как один из итогов «провизорного периода», и как следствие их субъективных черт, в которых нашло отражение общее состояние хорватского общества после Первой мировой войны. В то же время вызывает возражение утверждение, будто произведенная «трезвыми хорватами» перемена ориентации была каким-то образом сродни пробуждению ото сна. Во-первых, после Объединения принципы «народного единства» вовсе не были атрибутами политика-романтика, а входили в арсенал каждого более или менее прагматичного, независимо от этнической принадлежности, деятеля, признавшего легитимность образования Королевства СХС и стремившегося занять достойное положение во властной иерархии нового государства. Во-вторых, тот факт, что смещение влево повлекло за собой полную утрату Хорватским объединением политической самостоятельности, свидетельствует не о его «эволюции», а, скорее, о деградации — вплоть до установления диктатуры короля Александра «буржуазная интеллигенция» с ее особыми интересами оставалась заложником непредсказуемой политики крестьянского вождя — С. Радича.

Переориентация ХО последовала как реакция на кризис его взаимоотношений с сербским политическим руководством. По мнению большинства хорватских политиков, не ставших, подобно А. Трумбичу, непримиримыми противниками «белградских правителей», вина за этот кризис лежит на руководстве Радикальной партии, отказавшейся от проводимой

[44] Banac I. Op. cit. S. 289.

[45] Matković H. Hrvatska zajednica... S. 60.

inslav

С. Протичем линии компромисса и «соглашения» с хорватами, от своих взглядов на «сербско-хорватский национальный вопрос» и вступившей на путь жестко централистской «Видовданской политики». По мнению Й. Смодлаки[46], принимавшего участие в событиях конца 1918 г., и М. Дринковича, вышедшего из Объединения после его перехода на «федералистские» позиции, глава НРП, «твердый консерватор» Никола Пашич «слишком долго стоял во главе Сербии, слишком долго на том берегу Савы видел только Австрию и был слишком стар, чтобы изменить свои мысли и чувства, как того требовали новые обстоятельства»[47].

Впрочем, некоторые из бывших лидеров Хорватского объединения не столь односторонне смотрели на прекращение сотрудничества с официальным Белградом. Джуро Шурмин считал ошибочным отречение ХО от своей программы и признание С. Радича, деятельность которого «наносит вред хорватскому делу», «главным представителем хорватского народа»[48]. «В Белграде не требуют ничего кроме признания монархии и государства, а обо всем другом можно было бы договориться».

Было очевидно, что характерные черты хорватских умеренных изначально отягощали их отношения с сербскими партнерами. К таковым, в первую очередь, относится ограниченный политический кругозор, сформировавшийся в узких рамках «квази-автономии»[49] в границах Австро-Венгрии. Поэтому, по мнению обозревателя «Новой Европы» Ивана Херцога, «пречанство» не могло дать Югославии «умов, способных к созидательной организационной деятельности»[50]. Того же мнения придерживался и Йосип Хорват: «Пречанских политиков можно было отчасти сравнить с работниками одного большого предприятия, на котором они приобрели знания и навыки только в отдельных областях государственного управления, в то время как политики из Сербии были на руководящих постах маленького, но зато своего собственного предприятия»[51].

«Невежество» «хорватской интеллигенции, из которой вышел руководящий политический слой 1914-1919 гг.», в вопросах государственной деятельности было предопределено системой Хорватско-венгерского согла-

[46] Smodlaka J. Op. cit. S. 68.

[47] Drinković M. Op. cit. S. 17, 69.

[48] Цит. по Matković H. Hrvatska zajednica... S. 108.

[49] Tomasevich Jozo. Peasants, politics and economic change in Yugoslavia. Stanford, London. 1955. P. 233.

[50] Hercog I. Patološka politika (Politički pregled). // NE. Knjiga III, broj 10, s. 312. 11 Novembra 1921.

[51] Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 142.

inslav

шения 1868 г., в соответствии с которой все наиболее важные решения, касавшиеся судьбы Хорватии, «находились вне компетенции местных деятелей» и принимались в Будапеште. В результате, политический взлет «местечковых» лидеров до министерских постов в Загребе и Белграде в конце 1918 г. — начале 1919 г. был сродни назначению подсобных рабочих на руководящие должности в крупной компании. Соответствующим был и уровень представлений руководителей ХО о насущных проблемах страны. Свидетельством служат воспоминания Й. Хорвата о том, как создавалось Хорватское объединение. «Разговоры были бесконечными, как болтовня в кафане. Дискуссии по поводу будущей Конституции и внутреннего государственного устройства напоминали обсуждение какого-то семинара по истории и были абстрактными и бесцельными. Государственно-правовые понятия были ясны далеко не всем»[52]. В этом плане показателен документ, названный «Пунктации Народного клуба» и датированный 31 августа 1919 г., в котором депутаты ХО во Временном народном представительстве условием своего вхождения в кабинет называют принятие ряда мер, направленных на улучшение ситуации в «пречанских» регионах, где наблюдались все пагубные последствия войны.

«1. В Хорватии и Славонии, в Боснии и Герцеговине *незамедлительно* (курсив мой — *А.С.*) произвести видимые перемены к лучшему. Для этого произвести персональные изменения во всех органах общественной администрации...

5. Упразднить *без колебаний* все так называемые военные области (военные округа) внутри границ Королевства, если их существование в соответствии с обоснованием военных властей не будет признано необходимым для обороны нашей страны от внешних неприятелей... (Подразумевался, разумеется, вывод сербских войск с территории Хорватии и упразднение элементов военной администрации. По мнению деятелей ХО, были какие-то области Королевства СХС, которым в 1919 г. не угрожала опасность вовлечения в возможные конфликты с враждебно настроенными сопредельными государствами. — А.С.)

7. Совместными усилиями *партий* увеличить обороноспособность всего Королевства...»[53].

Наиболее выпукло слабости «пречан» проявились в их контактах с сербскими партнерами в ходе войны и в первое послевоенное время. Руководители эмигрантских общественно-культурных организаций, деяте-

[52] Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900-1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 222 - 227.

[53] Цит. по Matković H. Hrvatska zajednica... S. 39.

inslav

ли хорватских, формально автономных, органов внутри страны преподносили себя как лиц, по словам А. Трумбича, «ответственных перед народом» — перед всеми югославянами Австро-Венгрии[54]. По словам Й. Смодлаки, во время войны существовало «три самых главных народных организации», занимавшихся объединением южных славян: две «пречанских» и только одна сербская. К первым относятся «хорватский» Югославянский комитет, и «словенский» Югославянский клуб, — национальное объединение депутатов парламента Австрии (!). Единственной сербской «организацией» было правительство Королевства Сербия[55]. Притязания на представительство «областей, в два раза больших Сербии», во взаимоотношениях сначала Югославянского комитета, а позднее Хорватского объединения и близких к нему политиков, с сербским правительством принимали форму высокомерия и пренебрежения к его роли в процессе Объединения и строительства Королевства СХС. Как говорил в начале 20-х гг. редактор «Новой Европы» Милан Чурчин от имени югославянски настроенной загребской интеллигенции, «...этому, в самом деле, жалкому сербскому, а теперь югославскому правительству (во главе с Н. Пашичем — *А.С.*) мы... ничем решительно не обязаны...»[56].

В отечественной исторической литературе получила подробное описание борьба Анте Трумбича с Н. Пашичем за признание его организации «в качестве политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству»[57]. Впрочем, равноправием дело не ограничивалось. Программой-максимум политэмигрантов было лишение Сербии, в пользу Хорватии, роли «югославянского Пьемонта». Значительные умственные усилия были затрачены на доказательство того, что «в югославянской проблеме хорватский вопрос играет главную роль»[58]. Свидетельством приоритетной «значимости Хорватии в контексте общеюгославянской проблемы» служило и ее мнимое «срединное географическое положение» (по отношению к другим югославянским землям), и роль Загреба в качестве культурной столицы югославян Австро-Венгрии. «Если Хорва-

[54] Цит. по: Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 155.

[55] Смодлака J. Састав прве југословенске владе (Децембар, 1918.) // Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд. 1995. С. 338.

[56] Društveni pregled. // NE. Knj. 10, br. 2, s. 53. 11 Jula 1924

[57] Шемякин А.Л. Первая мировая война. Рождение Югославии. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 1997. С. 365.

[58] Naknadni memoar Jugoslovenskoga odbora predan francuskoj vladi. Paris, 13 marta 1916. // Šišić F. Op. cit. S.54 - 55.

inslav

тия станет центром собирания югославян, — мечтал Трумбич, — то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере». Для Сербии это означало ликвидацию ее государственности, или, по образному выражению одного из авторов «Новой Европы», — «разрушение старого сербского дома и создания нового югославянского, более просторного, удобного, здорового».

Амбициозные планы «пречанских» «геополитиков», не способных что-либо противопоставить военному и дипломатическому авторитету сербского правительства, остались без осуществления. «Господин Пашич» добился «сохранения здания предвоенной Сербии и достройки двух крыльев — хорватского и словенского». «Хотя договоренности на Корфу, в Париже, в Женеве служили залогом построения югославского здания, победила великосербская тенденция. Не получилось пожертвовать... сербской хижиной. Так мы получили не заново основанное государство, а увеличенное старое...»[59].

Тем не менее, временные неудачи не смогли умерить стремления хорватов занять «подобающее» место в политической иерархии новой страны. Перу М. Чурчина, близкого по взглядам Хорватскому объединению, принадлежит подтвержденная практикой реконструкция размышлений «хорватов-югославов»: «Может быть, сербы сильнее физически, как воины, но при строительстве современного европейского государства не все решает физическая сила... Культурно отсталым сербам следует идти за нами хорватами. Это им сейчас, после победы в войне, когда они опьянены своей физической силой, так легко не докажешь... Мы должны, опираясь на западную культуру, придать этому государству черты нашей цивилизации»[60]. В отсутствие каких-либо реальных инструментов давления на своих сербских партнеров главным средством соперничества с ними представители новоприсоединенных областей считали свое интеллектуальное превосходство, в которое свято верили.

Политическая практика первых месяцев «провизорного периода» явила продолжение борьбы хорватских деятелей с главным, по их мнению, конкурентом — Радикальной партией, которая воплощала все отрицательные черты «великосербской» политики. В устранении «сербиянцев», в первую очередь, радикалов, с наиболее главных государственных постов — в этом, по мнению далматинского политика Й. Смодлаки, «осно-

[59] Mitković Dr. Naš politički život.// NE. Knj. 6, br. 2, s. 46. 11 Septembra 1922.

[60] Ć. Tri koncepcije jugoslovenstva.// NE. Knj. 10, br. 2, s. 35. 11 jula 1924. М. Чурчин к сторонникам этой «концепции югославянства» причислял А. Трумбича и лидера ХО Ивана Лорковича.

inslav

ва» будущего благополучия государства, гарантия от «неограниченной власти Пашича и, вообще, гегемонии Сербии». Заложить эту «основу» делегация Народного Вече СХС и подававший ей из Франции советы А. Трумбич попытались уже при формировании первого югославского правительства.

«Представители пречан, желавшие, чтобы в нашем первом правительстве были представлены все части нашего народа «в справедливой пропорции», не могли согласиться на то, чтобы представители Сербии получили половину всех портфелей, включая наиболее важные...»[61]. Высшие соображения не позволяли допустить выходца из Сербии до управления внутренними и внешними делами. «В таких значительных вопросах, от которых зависит счастье, а может быть, и судьба государства, не разбирается ни один сербиянец». Смодлаке вторил метивший в дипломаты А. Трумбич: «Если бы министр иностранных дел был из Сербии, могло бы случиться так, что наше государство не было бы признано, и поэтому наш неосвобожденный народ и дальше остался бы в бесправном положении»[62]. В результате «министром полиции» стал С. Прибичевич, которому предназначалось служить «мостом между сербами и хорватами», доверие которых он заслужил своей прежней деятельностью. Необходимость назначения А. Трумбича на пост министра иностранных дел, несмотря на его прошлый конфликт с Н. Пашичем, состояла в «предоставлении народу и зарубежью доказательств нашей народной солидарности и политической зрелости»[63]. Назначить А. Корошца заместителем премьера нужно было только потому, что он стоял во главе одной из «народных организаций».

Сколь ущербной была логика подобных назначений, столь плачевными были их последствия. Неудачной оказалась дипломатическая карьера А. Трумбича. По словам современного сербского историка М. Белаяца, «вступая, как высокопоставленный политик, в международные отношения, он не обладал необходимыми для государственного деятеля знаниями, которые дает либо образование, либо многолетняя практика»[64]. Уступка ряда южнославянских регионов Италии стала предметом жестокой критики, которой первый министр иностранных дел подвергся со сторо-

---

[61] Смодлака J. Састав прве југословенске владе... С. 341 - 342. Изначальное предложение сербских партий состояло в том, чтобы за ними оставить все уже существовавшие до создания Королевства СХС министерства. Для «пречан» предполагалось образовать несколько новых ведомств.

[62] Цит. по: Čulinović F. Op. cit. S. 155.

[63] Смодлака J. Састав прве југословенске владе... С. 338.

[64] Bjelajac M. Vojni činioci kao dio okolnosti u vrijeme ministrovanja Dr. Ante Trumbića 1918-1920. // Život i djelo Ante Trumbica. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991. S.111.

inslav

ны и сербов, и хорватов. Деятель Радикальной партии М. Стояданович обвинял А. Трумбича в нарушении единоначалия в работе югославской делегации на Парижской мирной конференции: «Руководствуясь исключительно хорватским национализмом, Трумбич, например, настаивал на принадлежности Риеки нам, в то время как Пашич вместо этого хотел получить Скадар, так как предвидел, что так будет легче договориться с Италией: требовать Скадар, уступить Риеку. Результатом тактики Трумбича было то, что мы, в конце концов, потеряли и то, и другое»[65]. В свою очередь в 1925 г. племянник председателя ХКП П. Радич заявил, что Трумбич «действовал за границей, не получив соответствующих полномочий от хорватского народа, и продал хорватов»[66].

Особые надежды в Загребе связывали с деятельностью С. Прибичевича на посту руководителя МВД. С энтузиазмом было встречено начало его противостояния с НРП, совпавшее с образованием Демократической партии. Председатель Старчевичевской партии права Анте Павелич объединение группы Прибичевича с сербской оппозицией даже назвал «крахом централизма». Однако первый министр внутренних дел стал не хорватским агентом в Белграде, а, наоборот, — проводником жесткой централизаторской политики Александра Карагеоргиевича. «Как только он пришел к власти в Белграде, стал проводить политику совершенно противоположную той, которую мы от него ожидали. Когда мы навязали его сербиянцам в качестве министра внутренних дел, никак нельзя было предвидеть, что он в Белграде будет настолько отличаться от того, кем он был в Загребе»[67]. Схожим образом повел себя и А. Корошец, который как католик и давно известный хорватам политик, должен был быть им удобен. Его способность договариваться с сербскими политиками и династией, умение играть на сербохорватских противоречиях сделали его в глазах хорватов едва ли не самым главным источником всех их бед[68].

Таким образом, первые же послевоенные месяцы показали хорватским политикам безосновательность их властных амбиций, реализации которых воспрепятствовало не столько нежелание сербского руководства уступать им свои позиции, сколько политический дилетантизм, выразившийся в полном отсутствии мало-мальски внятных рецептов решения многочисленных проблем Королевства СХС и, в частности, своей «домовины».

---

[65] Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S.143.

[66] Цит. по: Matković H. Hrvatska Zajednica... S.127.

[67] Смодлака J. Састав прве југословенске владе... С. 341.

[68] Drinković M. Op. cit. S. 66.

inslav

Ошибочное представление «пречанских» деятелей о собственном статусе и возможностях, особенно в сравнении с авторитетом легитимного сербского руководства указывало на непонимание условий, при которых политические организации могут претендовать на демократическое, законное представительство народных масс. Позднее низкий уровень политической культуры словенцев и хорватов проявился во время обсуждения конституционных проектов, предлагаемых фракциями Уставотворной скупщины. Народный и Югославянский клубы, заявлявшие наперебой о своей приверженности ценностям западной демократии и парламентаризма и, в то же время, неспособные освободиться от пережитков средневекового сознания, будущий парламент Королевства СХС видели двухпалатным. Помимо «скупщины политической» в его состав входила бы и «социально-экономическая» — представительство «сословий и корпораций»[69].

Поражения представителей загребской буржуазной интеллигенции на внутреннем и внешнеполитическом фронтах ускорили утрату ими роли самопровозглашенных эксклюзивных делегатов от Хорватии, которую друг у друга стали оспаривать прибичевичевские ультра-централисты демократы и сепаратисты радичевцы. В этих условиях хорватские «умеренные» утратили и волю, и заинтересованность в том, чтобы проявлять организационную и идеологическую стойкость. В частности, Хорватское объединение раскололось на немногочисленных сторонников продолжения конструктивного диалога с официальным Белградом, главным образом с королем Александром, и на тех, кто перешел в лагерь сепаратистов, вступив в Хорватский блок.

Идеологическая эволюция А. Трумбича демонстрирует, как по мере утраты своего политического веса «трезвые хорваты» приспосабливаются к конъюнктуре общественных настроений. Во время войны, по словам деятеля ДП Ивана Рибара, «первым из хорватов открыто высказывавшийся за создание унитарного государства», Трумбич в точности, как и его главный «конкурент» Никола Пашич, «априори отвергал федеративное устройство Югославии» из-за невозможности провести разграничительную линию между населяющими ее «племенами»[70]. В декабре 1918 г. глава Югославянского комитета заявлял: «Для меня существует только одна директива — одно государство, основанное на демократических принципах свободы и равноправия. Это наша аксиома. С этой позиции нужно бороться со всеми тенденциями, ведущими к племенному партикуляризму. Наше единство должно стать синтезом народной целостности, в котором

[69] Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 44.

[70] Ribar I. Iz moje političke suradnje (1901-1963). Zagreb, 1965. S. 10.

inslav

должны слиться все народные достижения и особенности... Мы — народ, у которого три имени, три веры, три знамени, но независимо от этого нас не трое, так как ни имя, ни вера, ни знамя это не народ. Народ — это душа, а она у нас одна»[71].

К июню 1921 г. от подобного югославистского пафоса не осталось и следа. В Видовданской конституции, воплотившей принципы унитаризма, первый министр иностранных дел видел только угрозу «административного расчленения Хорватии»[72]. В середине 1920-х гг. после так называемой «капитуляции» С. Радича Трумбич, уже не монархист, а республиканец, претендует на то, чтобы определять направление «семилетней (!) борьбы *хорватского народа* (курсив мой — *А.С.*) за такое государственное устройство, согласно которому хорваты будут иметь собственную законодательную и исполнительную власть — свои Сабор и правительство, от которых хорватский народ никогда не отрекался»[73]. Позднее невозможность достижения поставленной цели заставляет Трумбича констатировать, что в Югославии хорваты находятся на положении «райи», что их «достоинство и национальная честь унижены и оскорблены. В своем доме не имеют никаких прав, только тяжелые и непомерные обязанности»[74]. С Трумбичем был солидарен второй после М. Лагини председатель ХО И. Лоркович: «Хорваты остались без отечества... Ввиду того, что уничтожение Хорватии дело рук всех сербов, без исключения, ибо они хотят, чтобы все сегодняшнее государство было сербским, мы хорваты должны объяснять нашему народу, что он должен требовать создания своего самостоятельного хорватского государства»[75].

Произошедшую с Трумбичем метаморфозу нельзя признать адекватной реакцией на политику «белградских правителей». Заслуживавшая порицания по причине своей неэффективности, она, тем не менее, не могла в столь короткий срок спровоцировать отречение от идей, некогда столь рьяно проповедываемых. В его основе несбывшиеся ожидания от объединения Хорватии с Сербией. Большая часть хорватских политиков готова была сохранять лояльность в отношении официальной идеологии и государственной власти Королевства СХС только до тех пор, пока занимала в ней ведущие позиции. Во время войны и в первое время после нее приверженность национальному унитаризму предоставляла удобную

[71] Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 147.
[72] Ibid. S. 209.
[73] Цит. по Matković H. Hrvatska zajednica... S. 129.
[74] Elaborat o hrvatskom pitanju. // Trumbić A. Izabrani spisi. Split, 1986. S. 339.
[75] Цит. по: Matković H. Hrvatska zajednica... S. 120.

inslav

возможность критики главного конкурента, которого всегда можно было обвинить в «великосербском» уклонизме.

Югославизм как идеология, положенная в основание Королевства СХС, в силу различий его понимания в Загребе и Белграде скорее разделял, чем сплачивал участников объединительного процесса. И до, и во время Первой мировой войны военные и дипломатические завоевания Сербии многими хорватскими политиками с репутацией «югославян» воспринимались с плохо скрываемым раздражением. В частности, уже упомянутый И. Лоркович — «хорват по рождению и югослав по убеждениям», как его охарактеризовал М. Чурчин, после битвы под Куманово ни много, ни мало «испугался, как бы победа не ударила сербам в голову, и, вследствие этого, как бы не нарушилось внутреннее равновесие между сербами и хорватами во вред последним. Испугался и имел для этого основания, и если тогда не нарушилось это равновесие..., то это, очевидно, произошло после мировой войны. В душе Лорковича проявился позитивный, здоровый инстинкт, когда он дрожал от мысли, что опьяненные победой сербы могут обойти хорватов и тем самым подорвать основу единства»[76].

С течением времени «эсхатологические» предчувствия усиливались. Соотечественник Лорковича, деятель Демократической партии Иван Рибар вспоминал: «Он еще в 1917 г. говорил, что ему внушает страх тот час, когда Королевство Сербия со своими союзниками выиграет войну»[77]. Не мудрено, что, не выдержав соперничества и с более удачливыми и последовательными «пророками» «народного единства», и с теми, кто вовремя определил истинные настроения широких масс хорватского народа, загребские «люди политики» не замедлили освободиться от балласта прежних убеждений и «броситься в объятия» Степана Радича.

С лидером ХРКП и его товарищами по Хорватскому блоку франковцами респектабельных руководителей ХО объединяли антипатия и соперничество с Белградом, которые оказались гораздо более действенной политической мотивацией по сравнению с формальной идейной общностью с бывшими сербскими партнерами. Как пишет Д. Станкович, в конце 1918 г. большая часть хорватских политиков — от Хорватского комитета «экзальтированных франковцев», основанного в Граце, и Степана Радича со товарищи, до будущих членов Хорватского объединения, участвовала в движении «хорватских габсбургских легитимистов», после поражения Австро-Венгрии поставивших перед собой цель «сопротивления любой це-

[76] Ćurčin M. Smrt Ivana Lorkovića (tragedija hrvatske inteligencije). // NE. Knj. 13, br. 5, s.132. 11 Marta. 1926.

[77] Цит. по: Matković H. Hrvatska zajednica... S. 13.

inslav

ной «югославянской идее и политике», «подрыва репутации Сербии как победителя в войне», «укрепления хорватского государственного права и хорватства» и, в конце концов, создания «независимой Хорватии»[78].

* * *

Стремительный переход «трезвых хорватов» в непримиримую оппозицию Белграду сербские политики объясняли несколькими факторами, наличие которых определяло умонастроения «освобожденных братьев» в целом. Среди них — «априорно враждебное отношение к власти»[79]. Ранее хорваты занимали «антигосударственную позицию по отношению к венграм, а теперь по отношению к своему собственному государству». Как пишет И. Мештрович в своих воспоминаниях, к которым как к источнику нужно относиться с известной долей осторожности, за полгода до подписания Корфской декларации Божидар Маркович, соратник Л. Давидовича, в частной доверительной беседе так описал известному скульптору суть необходимых мер, которые Белград, по его мнению, должен будет предпринять в отношении Хорватии: «На первые десять лет в этих областях необходимо ввести военную диктатуру... Пока хорваты не ассимилируются и не научатся государственной жизни. Вы, хорваты, не знаете, что такое государство»[80].

Эта «родовая травма» «пречан» была усугублена военной катастрофой, похоронившей Австро-венгерскую монархию и вызвавшей во всех ее пределах тяжелейший социально-экономический кризис, в своих проявлениях стандартный для большинства понесших поражение в Первой мировой войне стран. В первые годы существования Королевства СХС сербские политические обозреватели и общественные деятели, свободные, в отличие от партийных функционеров, от необходимости соблюдать политес, открыто говорили о «больной психике», «нарушении моральных устоев»[81] хорватского общества, проявившемся в широком распространении «антимилитаристских», коммунистических, анархических, атеистических идей.

«Левизна» хорватских высших социальных слоев в полной мере стала очевидной при создании Хорватского блока. Однако уже в «провизорный

---

[78] Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати. 1918-1923. Београд, 1995. С. 27 – 29.

[79] Прибићевић А. Сељачки немири у Хрватској. // Српски књижевни гласник. (СКГ – А.С.) Књига 1. Број 3. С. 205-208. Београд. Септембар - Децембар 1920.

[80] Цит. по: Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 62

[81] Десница У. Анкета о српско-хрватским односима. // СКГ. Књ. VI . Бр. 2. С. 118-119; 2-16 мај 1922; Прибићевић А. Указ. Соч. С. 205-208.

inslav

период» она проявлялась сквозь респектабельную оболочку монархизма и унитаризма загребской проюгославянской буржуазной интеллигенции. Показательна ее открытая и столь претившая настроенным право-монархически сербам симпатия к Советской России и соответственно неприязнь в отношении русских беженцев, принятых Белградом[82]. Так и первый председатель Хорватского объединения М. Лагиня, и А. Трумбич, и «Новая Европа» едва ли не главной задачей внешней политики Югославии провозглашали установление дипломатических отношений с большевиками. В 1924 г. М. Чурчин писал: «Как приверженцы рабочего (и крестьянского), трудового фронта против паразитической капиталистической системы эксплуатации и унижения человеческого достоинства мы приветствуем руководителей сегодняшней России. Мы им желаем успеха на их пути мирного проникновения в народные массы...»[83].

Характеристику хорватской политической и военной элиты, влившейся в ряды государственного руководства Королевства СХС, дает русский Военно-морской агент в Королевстве СХС капитан второго ранга Апрелев в своей докладной записке начальству, датированной 9 ноября 1920 г. Имея возможность общаться главным образом с югославскими военными моряками, которые, по понятным причинам, все были хорватами и словенцами, Апрелев пишет: «Не говоря о молодых офицерах, которые с энтузиазмом хотели видеть в Тухачевском «Наполеона» и, может быть, будущего «императора всех славян», а в Буденном — «современного Мюрата», я к удивлению моему услышал от самого Начальника морского отделения контр-адмирала Коха и его помощника контр-адмирала Викергаузера, что как ни ужасен большевизм, но кто знает, может быть, пройдя через него, Россия уже претворилась во что-то новое и несет теперь именно то, о чем все славяне мечтают: объединение всех славян и освобождение их от хищников мирового капитала».

Особый интерес представляет анализ умонастроений в «пречанских» областях и в частности первого югославского министра иностранных дел. «Он..., отражая общее в то время мнение новых земель Югославии, определенно высказался, что сближение с большевиками для Югославии желательно не только в экономическом смысле (для чего он вступил в сношение с Красиным), но и в решении Адриатического вопроса. Это мнение в период наступления большевиков на Варшаву поддерживалось здешней прессой, особенно хорватской и словенской»[84].

---

[82] Ć. Ruski emigranti. // NE. Knj. 12, br. 6, 21 avg. 1925. S. 163.

[83] NE. Knj. 9, br. 13, s. 386. 1 Maja. 1924.

[84] ГАРФ, ф.6817, оп.1, д. 89, лл. 145-146.

inslav

Более весомой причиной кризиса взаимоотношений хорватских «умеренных» с официальным Белградом, по сравнению с их «детскими болезнями» — политическим инфантилизмом и «левый уклонизмом», была так называемая «австриянщина», выражавшаяся, прежде всего, в высокомерии и двурушничестве. Сербы считали ее недугом всего хорватского общества, находившегося под воздействием австро-венгерской пропаганды, направленной на углубление национально-религиозных противоречий между сербами и хорватами, в расчете на военное рвение последних сулившей им создание «максимально автономной Великой Хорватии в границах Монархии»[85]. По словам Анте Тресича-Павичича, депутата венского парламента, арестованного в 1914 г. за свою просербскую позицию, а после войны ставшего послом Королевства СХС в США, «Загреб всегда мечтал о том, чтобы стать столицей южных славян в Триалистической монархии, радовался безумным обещаниям, и до последнего момента во сне не мог себе представить, что произойдет то, что произошло»[86].

И деятели Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем, и «крестьяне-республиканцы», и загребские «буржуазные интеллигенты» для большей части сербских политиков были «одним миром мазаны». Все они считались настроенными враждебно по отношению к сербам и к новому государству, воплотившему их чаяния. Эта точка зрения объединяла и ярых унитаристов — адептов С. Прибичевича, — и радикалов, и их оппонентов — толерантных деятелей сербской Республиканской партии. Ее лидер Любомир Стоянович констатировал: «Венская печать выставляла нас грубым и некультурным народом... В то время как во всем мире представление о нас изменилось, хорваты продолжают смотреть на нас так, как их научила Австрия. Простой католический мир видит в нас только «схизматиков», жалеет о гибели католической Австрии и не может смириться с тем, что «схизматики» обладают равными с ним правами... А хорватская интеллигенция страдает от мегаломании. Они только себя считают европейцами и западниками, а мы — «балканцы», нуждающиеся в окультуривании и просвещении...»[87].

Проявлением «австриянщины» сербы считали внезапный отказ Хорватского объединения от идеалов «народного единства» и требование со-

---

[85] Иванчевић Д. Г. Стјепан Радић и његова «Миротворна република». // СКГ. Књ. 10. Бр. 6. С. 525-534. 16 новембра 1923; бр. 8. С. 603-607. 16 децембра 1923.

[86] Тресић-Павичић А. Анкета о српско-хрватским односима. // СКГ. Књ. 7. Бр. 2. С. 129-134. 16 Септембра. 1922.

[87] Стојановић Љ. Хрватска «аустријанштина». // СКГ. Књ. 17. Бр. 5. С. 360-361. 1 март 1926.

inslav

хранения «исторических границ областей». Как красная тряпка на быка действовали на большинство сербских политиков, посвятивших жизнь делу собирания сербского народа, ссылки бывших верных подданных Монархии на свое «государственное историческое право». По словам Н. Пашича, «Сербия вела войну под знаменем освобождения и объединения нашего трехименного народа. Она вела ее против всех навязанных нашему народу исторических прав, которые противоречили праву свободного народного самоопределения, и согласно которым в духе габсбургско-венгерской политики создавались разные провинции и совершались переделы[88].

Таким образом, «сербиянцам», интересы большей части которых представляла Радикальная партия, тяжело было себе представить, что при определении внутреннего облика страны возможно достижение согласия с теми, кто «был воспитан в духе ненависти по отношению к Сербии и вообще по отношению к сербской части нашего народа»[89]. Любые маломальские уступки грозили девальвацией давшихся дорогой ценой завоеваний*.

Ставшая очевидной в «провизорный период» нелояльность широких масс «пречан» по отношению к новому государству у сербских политических деятелей и, в целом, у общественности вызывала нескрываемое замешательство и раздражение. Воинственный Александр Карагеоргиевич для умиротворения хорватов грозился командировать генерала Петра Живковича, дабы тот «показал им кузькину мать»[90]. Солидарно с венценосцем выступала и сербская пресса. Особенно показателен в данной связи материал обозревателя «Српског књижевног гласника» (Сербского литературного вестника). Б. Влаича, который вступил в полемику с автором загребской «Новой Европы» М. Ройцем, обвинившим Белград в насильнической политике. В качестве примера таковой тот привел произошедшее на его глазах якобы ничем не мотивированное избиение серб-

---

[88] Писмо Николе Пашића председнику владе Миленку Веснићу од 18. јуна 1920. године. // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 407.

[89] Пашић Никола П. Радикалима и радикалним организацијама. // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 424.

[90] Цит. по: Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 74.

* Упомянутый Л. Стоянович, обличая хорватских политических деятелей, говорил, что «они жестоко заблуждаются, будто мы когда-нибудь допустим, чтобы государством управляли те, кто больше восьмисот лет назад «заключил договор» с венграми, а позднее с австрийцами, кто отказался от управления собственной страной... Неужели вы, отдавшие свое древнее государство в чужие руки, хотите обустраивать и это новое, которое и нам принадлежит!? Нет, братья хорваты, этого быть не может». (Стојановић Љ. Хрватска «аустријанштина»... С. 360-361.)

inslav

ским полковником одного «загребчанина». «Когда нам г. Ройц говорит, что некий полковник на улице любезно подозвал к себе одного господина и начал его бить, у нас нет причин не верить г. Ройцу. Но у нас есть причины не верить этому господину. Тот полковник в своей жизни, должно быть, встретил немало людей и на улице, и в своей канцелярии и не поднял на них руку. Почему же он избил этого господина? Почему сегодня воскрес старый франковский лозунг «Прочь, сербы!»?

Причина не в «бесчеловечности» новой власти, а в противоречиях в умонастроениях сербов, хорватов и словенцев, а точнее — в социально-психическом нездоровье последних. «Намного легче исправить скверную административную систему, чем скверный менталитет широких народных масс», — по мнению белградского политического бомонда, сепаратизм и мятежи не могут быть оправданы изъянами власти, причину проблем Хорватии следует искать в ней самой. «Система государственного управления настроила против себя и сербов из Сербии, но не настроила их против государства. Система государственного управления в Хорватии вызвала протест крестьянских масс, но вместо того, чтобы настроить их против правительства, эта система настроила их против государства. Несомненно, система была скверной: управление осуществлялось не по закону, а посредством указов и распоряжений...

За все, что не предопределено обстоятельствами, несут ответственность люди, правительство. Но протест направлен не против них, а против государства. И в этих правительственных кабинетах кто несет ответственность за политику, проводимую в Хорватии? В наименьшей степени сербы из Сербии. Во всех кабинетах они, как правило, опирались на хорватов и сербов не из Сербии. А бунтуют против Сербии. Почему?... Почему восстали против народного объединения, а не против людей и против методов, которыми оно осуществляется?»[91].

На обострение хорватского вопроса в Белграде смотрели как на прямое препятствие для осуществления сербских национальных интересов. Л. Йованович призывал депутатов Уставотворной скупщины: «Посмотрите, мало где в Европе в последние сорок лет была такая скверная политическая обстановка, как в Хорватии. ...неправильно, говоря о Хорватии, думать только о хорватах и забывать о живущих в Хорватии сербах. Они не согласны с той ситуацией, сохранения которой желают хорваты[92].

---

[91] Привремени. Унутрашња политика — оптужба Г. Рojца. // СКГ. Књ. II. Бр. 8 . С. 636-637. 8-16 април 1921.

[92] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 9.

inslav

Гарантировать осуществление чаяний сербов мог либо централизм, основанный на национальном унитаризме, либо «федеративное устройство государства, но только на «племенной основе», которая подразумевает, прежде всего, объединение в одной федеральной единице всех сербов и их разграничение с остальными «племенными группами»[93]. Второй вариант остался чисто гипотетическим, ибо сербы и хорваты, согласно метафорическому сравнению Пашича, были «переплетены, как пальцы. Как мы сможем провести границы, не повредив рук?»[94].

В этих условиях сербы пришли к заключению о необходимости осуществления «законодательной и правовой организации государства» исключительно своими силами. «С хорватами невозможно договориться, так как они ушли в крайний экстремизм, — утверждал Пашич. — Желательно было бы выработать закон для страны при согласии всех трех частей нашей нации..., но большинство хорватов... не хочет такого согласия. Поэтому нужно через них переступить и принимать конституцию без их участия»[95].

Решение этой задачи привело к ставшим особенно очевидными после созыва Уставотворной скупщины идеологическим и организационным трансформациям «сербиянского» истеблишмента.

В первую очередь изменения коснулись Радикальной партии. Официальные позиции радикалов, да и «сербиянских» демократов, по проблемам межэтнических отношений и государственного строительства были приведены в строгое соответствие с догмами учения о «державном и народном единстве». На смену «компромиссному национальному унитаризму»[96] с оглядкой на «племенные различия» приходил, по крайней мере, формально, унитаризм бескомпромиссный. Направление идеологического развития радикалов зафиксировано в программных документах состоявшейся в декабре 1921 г. партконференции. Докладчик по националь-

---

[93] Цит. по: Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 94.

[94] Цит. по. Stojadinović M. Op. cit. S. 162.

[95] Цит. по: Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 96 - 97.

[97] В течение «провизорного периода» в рядах членов НРП и ДП не было единства мнения по наиболее актуальным вопросам жизни страны, которые трактовались весьма плюралистически. Так Л. Маркович и Божа Маркович в 1919—20 гг. рассуждали о том, что нельзя «не принимать расчет исторически сложившиеся области» (Цит. по. Popović O. Op. cit. S. 35), говорили о «невозможности» и даже «вреде централизма» как системы «государственного управления». (Marković L. Op.cit. S. 127, 70.) Подобные разговоры утратили свою актуальность накануне выборов, когда в Хорватии разразились крестьянские восстания, а лидер хорватского национального движения находился в тюрьме.

inslav

ному вопросу Л. Йованович «категорически отвергал саму возможность наличия у сербов хорватов и словенцев каких-либо специфических отличительных черт, присущих разным племенам («они не народы» — «не племена» — они «части одного народа»)»[97].

Вслед за демократами руководство НРП восприняло тезис о невозможности существования «договоров и соглашений» между «ветвями одного народа». Руководствуясь этим принципом, радикалы проигнорировали положение Корфской декларации и собственной программы от сентября 1920 г. о принятии конституции качественным большинством. В результате согласно регламенту Уставотворной скупщины достаточным было и простое большинство[98].

Сближение радикалов с их извечными оппонентами — демократами — было не только идеологическим, но и организационным. 17 мая 1920 г. было образовано правительство М. Веснича, в которое, помимо остальных партий, вошли ДП и НРП. А 1 января 1921 г. был сформирован двухпартийный кабинет — первый с момента создания Королевства СХС во главе с Николой Пашичем.

Решающую роль в единении централистских сил сыграл принц-регент. Формирование радикально-демократического союза стало результатом вмешательства Александра Карагеоргиевича во внутрипартийную и парламентскую жизнь, состоявшего в поддержке сторонников централизма и ослаблении его противников. Показательны описанные Миланом Античем, дипломатом и министром двора, обстоятельства отставки правительства Парламентского объединения возглавляемого С. Протичем. «В марте, или в мае, 1920 г. король потребовал от Протича подать в отставку. Почему?... Может, из-за того, что Главный комитет радикалов стоял на позиции программы НРП в плане организации внутренней жизни на основе самоуправления, то есть автономии. Протич ответил на это докладом обо всей государственной деятельности, осуществленной его правительством, и в конце сказал, что подает в отставку, которая от него требовалась. Добавил, что лишен власти непарламентским способом. Наверное, его правительство имело большинство в скупщине, т.е. во Временном народном представительстве. После Протича пришел Веснич».

В борьбе с антицентралистами, как в рядах НРП, так и, в целом, по стране, союзником Александра стал Н. Пашич, с которого была снята монаршия опала. «Пашич вернулся из Парижа. Александр долгое время не хотел его принимать. Веснич, намеревавшийся оставить премьерский

[97] Цит. по: Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 134.
[98] Marković L. Op.cit. S. 139, 192.

inslav

пост и вернуться в Париж, ходатайствовал перед королем. Наконец, тот принял Пашича и беседовал с ним три часа. Пашич получил мандат на формирование нового правительства... Возможно, Пашич стал премьером, потому что вместе с королем выступал за централистское государство. После этого, до принятия на Видовдан 1921 г. конституции, реализовывалась только эта программа»[99].

«...И тот, и другой были за сильное государство, централизованное и парламентское. Федеральное не могли себе представить. Видели в нем слабость, а не силу. Федеральное устройство страны было бы козырем в руках соседей, которым не нравилось новое государство»[100].

Таким образом, консолидация приверженцев политики «твердой руки» в отношении хорватов и словенцев сопровождалась удалением с государственного Олимпа склонных к нелегкому поиску согласия со своенравными «братьями».

Подобная позиция была несовместима с принципами «компромиссной» политики, которые исповедовал Стоян Протич, к моменту созыва конституционного собрания оставивший ряды НРП. Не взирая на пороки современной «пречанской» политической элиты, он считал необходимым, прежде всего для реализации интересов сербов, создание такой системы их взаимоотношений с «освобожденными братьями», при которой тем предоставлялась ограниченная суверенитетом центральной власти возможность реализации собственных национальных амбиций. Однако белградскому политическому бомонду гораздо больше импонировала мысль Н. Пашича о недопустимости разделения ответственности за будущее страны с «черно-желтыми».

В Белграде накануне созыва Уставотворной скупщины и во время ее работы радикалы неоднократно предупреждали хорватских и словенских депутатов, что предлагаемые ими сценарии развития Королевства СХС обречены на провал:

Никола Пашич: «Считаю, что делить сербов на несколько областей только для того, чтобы облегчить создание Хорватии и Словении, было бы несправедливо по отношению к нашему народу, которой приложил все усилия для объединения сербов, который воевал, в том числе, и для того, чтобы освободить своих братьев хорватов и словенцев...»[101].

---

[99] Архив Српске Академије Наука и Уметности. (далее АСАНУ) Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

[100] АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9471

[101] Писмо Николе Пашића председнику владе Миленку Веснићу од 18. јуна 1920. године. // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 408.

inslav

Велизар Янкович: «Мы не хотим, как нам предлагают Радич, доктор Корошец, доктор Дринкович и доктор Шурмин, чтобы вышло так, что сербы оказались бы в некой сербиянской провинции, хорваты в хорватской, словенцы в словенской, а черногорцы в Черногории. Еще меньше нам нравится то, что хочет господин др. Смодлака, предлагающий даже ампутировать от Сербии Македонию. Подобные рекомендации мы категорично отвергаем, потому что они очень похожи на австрийские и болгарские схемы, по которым резали тело нашего народа».

М. Спалайкович: «Мы, сербы, после этой великой войны никогда не согласились бы больше на то, что хотя бы один серб был бы не под сербской властью, а оставался под какой-либо другой, даже под властью братьев хорватов. Поэтому, если бы мы проводили границы, они должны были бы протянуться так, чтобы охватить всех сербов, даже и в тех областях, где они составляют меньшинство»[102].

Централистское устройство страны считалось панацеей от всех угроз единству «сербства». Поэтому приоритетной задачей было принятие любой ценой конституции, впоследствии названной Видовданской, а вовсе не следование принципам парламентаризма, уставным положениям и соблюдение собственных обязательств, тем более взятых перед «пречанами»*.

* * *

Завершение «провизорного периода» ознаменовано политическим кризисом. Принятие конституции, во время войны и в первое послевоенное время рассматриваемое как торжественный финальный акт «братского» воссоединения, продемонстрировало антагонистические противоречия сербских и «пречанских» политиков.

С первых дней существования Королевства СХС вопрос его будущего национально-территориального и политического устройства приобрел особую остроту. В Белграде стремились к стиранию внутренних рубежей, отделявших «сербиянцев» от «сербов-пречан». В то время как в Загребе и

[102] Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXI редовни састанак. С 5; XXVIII редовни састанак. С.10.

* Голоса поддержавших правительственный проект конституции депутатов от Югославской мусульманской организации и Джемиета были оплачены денежными компенсациями феодалам-мусульманам при проведении аграрной реформы. Кроме того, НРП дезавуировала содержавшееся и в Корфской декларации, и в партийной программе от октября 1920 г. собственное обязательство настаивать на принятии конституции качественным большинством.

inslav

Любляне в сохранении сербско-австро-венгерской границы, разумеется, в ином виде, видели гарантию беспрепятственного национального развития. При этом нельзя сказать, чтобы сербские, хорватские и словенские партии с самого начала имели четкое представление о внутреннем облике, который должна была приобрести Югославия в результате их совместных усилий.

С конца 1918 г. организации с ярко выраженными «племенными» чертами — Радикальная партия, Югославянский клуб (Словенская народная партия), будущее Хорватское объединение — подверглись жесткому внепарламентскому давлению со стороны двора и созданной по инициативе регента Александра Демократической партии, претендовавшей на роль единственного пророка учения о «народном единстве». Общая угроза быть вытесненными с политической арены стала основой коалиции трех вышеперечисленных организаций, сформировавших Парламентское объединение.

Публично продемонстрированное единство мнений союзников по поводу принципов взаимоотношений государственного центра и регионов, казалось, открывало перспективу «конституционного решения национального вопроса»[103]. Однако, ко времени выборов в Уставотворную скупщину от согласия не осталось и следа. Конституционные проекты Хорватского объединения и Словенской народной партии рисовали картину не единого государства и даже не «союзного государства», а аморфного объединения «малых государств»[104]. Положение совместного проекта радикалов и демократов о разделении страны на 35 областей свидетельствовало об их решимости не принимать в расчет мнение хорватов и словенцев.

Прекращение сотрудничества НРП и представителей югославян-католиков было предопределено несколькими причинами. Во-первых, — конъюнктурными соображениями. Большая часть радикалов полагала, что остаться у руля государства будет гораздо легче, имея союзниками могущественного принца-регента и его фаворита С. Прибичевича, а не их оппонентов с репутацией «племенных сепаратистов». В свою очередь «заедничары» и словенские клерикалы предпочли не идти наперекор настроениям антисербски настроенных масс своих избирателей.

Второй причиной было непреодоленное взаимное отчуждение «сербиянских» и «пречанских» политиков, имевших со времен войны различ-

---

[103] Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988.

[104] Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 43. (Слободан Йованович употребляет термин «државица».)

inslav

ные, часто противоположные представления о смысле югославянского объединения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Чем сильней действительность расходилась с их ожиданиями, тем глубже становилась пропасть между ними.

Политические коллизии «провизорного периода» оказали определяющее влияние на развитие страны. Видовданская конституция не заложила устойчивой основы сосуществования югославянских народов, центра и регионов. Пожалуй, только на протяжении короткого времени, что длилось так называемое «сербскохорватское согласие», борьба за и против ревизии конституции не была основным сюжетом политической жизни Югославии. Кроме того, по прошествии первых двух лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все ее участники в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ, или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого коллективного или индивидуального политического субъекта существовала собственная определявшая его действия мораль — «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т.д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность. К чему это привело. недвусмысленно показывает межвоенная история Югославии.

inslav

А.И.Филимонова

Католическая акция в Югославии 1918-1929 гг.*

В истории развития хорватского национального сознания XIX в. являлся временем национального пробуждения и борьбы за объединение хорватских земель, прежде всего, территорий, принадлежащих к различным государственным объединениям и типам культуры. На переломе XIX — начала XX вв. определялось направление духовного развития и культурного облика хорватского народа, ведущая роль в национальном движении принадлежала молодым представителям интеллигенции, получившим образование в университетах за пределами хорватских земель — пламенным приверженцам идей Масарика и его «реалистической школы». Развиваемые ими на территории Хорватии, Славонии, Срема и Далмации среди аристократии и городских слоев общества идеи либерализма, рационалистической философии и атеизма постепенно доносились и до более широких слоев крестьянства.

Проникновение новых идеологических веяний было воспринято римско-католическим духовенством как посягательство на христианскую духовность, догматы, институты и права римско-католической церкви. Демократическая идеология, в том числе и «священная триада» — «свобода, равенство, братство» и социалистические теории св. престолом в целом ряде энциклик — «Allocutio» (1849), «Quanta cura» (1864), «Sylabus» (1871), «Humanum genus» (1884), «Nobilissima Galorum» (1884), «Immortale Dei» (1885), «Libertas» (1888), «Rerum novarum» (1891), «Graves de communi» (1901 г.), «Fermo preposito» (1905 г.) — подверглись обличению как воинствующие антихристианские доктрины, в противовес которым римская церковь сформулировала учение Социального католицизма (в начале XX в. более распространенным стало название Католическая акция), направленного на укрепление религиозного сознания («католического чувства»)

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект No 05-01-01297а

inslav

и объединение верующих-католиков в систему различного типа римско-католических организаций.

Центрами католического антилиберального движения стали Словения, Хорватия и Славония, главным союзником и опорой римско-католического духовенства в борьбе против демократических идей — «гибельного свободоумия», от которого «исходит ядовитый запах серы»[1], стали иезуиты, в 1900 г. получившие возможность вернуться на югославянские земли.

В рамках Социального католицизма, направленного на консолидацию словенского и хорватского народов на твердой религиозной основе при ведущей роли римско-католической церкви как важнейшего национального института и руководителя общественно-политической жизни, развивались католические движения, католические общества, конгрегации и политические партии.

В Словении влияние католического движения расширялось посредством общенациональных католических конгрессов (1892, 1900, 1906, 1913 гг.), на которых высший католический клир, католические интеллектуалы и политики, близкие к церкви, обсуждали облик будущего католического общества, социальные и экономические реформы, разрабатывали методы, посредством которых наука, искусство, система воспитания и образования должны были перейти под «крыло церкви». В результате в Словении было основано значительное число католических обществ, среди которых наиболее известным и влиятельным являлось «Общество св. Леона» — своеобразный сплав национальной матицы и академической науки, ставшее средоточием национальной интеллектуальной элиты. Задачей его было противостояние вызовам современной философии, контролирование прессы и издательского дела с тем, чтобы не допустить широкого распространения печатных работ, причиняющих вред римско-католической церкви или ущемляющих религиозные чувства католиков.

Первый католический конгресс, предназначенный для хорватов-католиков «всех хорватских земель», был проведен в Загребе в начале сентября 1900 г. Папа Лев XIII поддержал идею съезда духовенства Хорватии, Славонии, Далмации, Истрии и Боснии и Герцеговины, особенно хорватской молодежи, поскольку именно на нее возлагалась обязанность «под знаменем Сердца Иисусова «pro aris et focis» за веру и отечество сражаться отважно и бесконечно»[2]. На конгрессе стратегическая цель

[1] Цит. по: *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790-1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 510.

[2] *Булајић М.* Мисија Ватикана у Независној Држави Хрватској. Београд, 1992. С. 123.

inslav

римско-католической церкви на югославянских территориях была определена как отделение римокатоликов от либеральных идей, тактической задачей стало формирование религиозно-национальной программы хорватского народа.

Участниками конгресса было принято восемь резолюций, касающихся социальной, просветительной, культурной, пропагандистской и политической роли церкви в наступающем XX веке. В первую очередь разграничивались сферы компетенций церкви и государства: в резолюции «О взаимоотношениях государства и церкви» отмечалось, что и церковь, и государство являются богоданными институтами, обязанностью государства является забота о гражданской, светской сфере. Церкви же вверялась «важнейшая сфера человеческой жизни — духовная». Отношения между церковью и государством, обладающими собственными суверенными правами, регулировались на основе взаимной поддержки во всех вопросах (кроме догматических) и договорных начал (конкордата). Католики обязывались соблюдать гражданское законодательство, однако в том случае, если оно будет противоречить церковным установлениям, резолюция предписывала верующим «под руководством епископата» использовать «все **морально оправданные средства** с целью упразднения законов, противоречащим церковным нормам»[3]. Таким образом, римско-католические прелаты признавали безусловный примат церковных постановлений над государственным законодательством и обязывались возглавлять борьбу католического населения с государством, характер которого будет трактоваться церковью как «антикатолический». Указанная резолюция Первого общехорватского католического конгресса является ключом к пониманию политической роли югославянских католических иерархов в Королевстве СХС (с 1929 г. — Королевстве Югославии).

На конгрессе подчеркивалась социально-политическая роль церкви в современном мире: в условиях расширяющегося влияния либеральных изданий, «прибирающих к рукам правителей и народы» и «разлагающих умы миллионов людей», католической печати предназначалась задача стать передовой линией обороны веры и культуры римско-католического мира от разрушительных западноевропейских антихристианских идей[4].

В начале XX в. на югославянских территориях Габсбургской монархии отмечается развитие Католической акции в пяти направлениях: создание массовых католических обществ, политических партий, охват системы

[3] *Korenić S.* Prvi hrvatski katolički sastanak održan u Zagrebu dne 3., 4. i 5. rujna godine 1900. Zagreb, 1900. S. 42-43, 97-98.

[4] Ibid. S. 126-127.

inslav

образования, печати и искусства. Первостепенной ее задачей являлось просвещение всех слоев населения римско-католическим учением с перспективой построения общества, пронизанного католическими христианскими ценностями, второстепенной — борьба с либеральными и революционными течениями.

Первую задачу с успехом выполнил епископ о.Крка А.Махнич, прекрасно осведомленный и осознающий смысл современных идейных и философских течений и их возможную опасность для римско-католической церкви. Он стал основателем хорватского католического движения, магистральным направлением деятельности которого стала работа с молодежью — учениками и студентами, для которых на основе идейного инструментария христианской демократии Льва XIII и европейских социальных католических движений с приспособлением их идеологий к условиям и потребностям хорватского общества создавались молодежные католические организации религиозно-просветительного характера, сначала студенческие и ученические, а затем они распространились на все слои населения. Молодое поколение хорватских интеллектуалов под руководством Махнича посредством публикаций в католических изданиях «Хрватска стража» и «Риечке новине» отстаивало интересы и права римско-католической церкви и участвовало в развернувшихся дискуссиях по поводу ее роли и места в современном мире.

В 1913 г. по проекту Махнича было создана организация «Хорватский католический народный союз», выполняющий функции культурно-просветительного центра для всех хорватов-римокатоликов с целью создания христианской хорватской культуры. Правила ХКНС определяли его задачу как «образование и подготовка крестьян и рабочих для работы в различных партиях и организациях, общинах и государственных органах...» и вовлечение в работу церковных политических организаций всего хорватского народа, «вплоть до последнего человека»[5]. Кроме того, Союз был призван исполнять функции информационного и координационного центра для всех уже существующих католических обществ.

Одновременно с созданием культурно-просветительских обществ был основан «Хорватский христианский рабочий союз» для оказания помощи пролетариату в борьбе с развивающимся капитализмом. Среди студенческих и ученических организаций ведущую роль играли хорватские католическое объединения «Хрватска» (Вена), «Антунович» (Будапешт), «Качич» (Инсбрук), «Препород» (Грац), «Домагой» (Загреб) и др., специально для школьников была создана организация «Сердце Иисуса» с мно-

[5] Ibid. S. 50.

inslav

гочисленными филиалами, католическую интеллигенцию в Дубровнике объединяло «Католическое общество Бошкович». Перед ними ставилась конкретная цель: вытеснять из школ, гимназий и университетов организации «либерально-демократической» направленности.

Хорватские прелаты как «псевдопатриотичное» осудили хорватское национальное движение, развивающееся вне рамок римско-католической церкви, и призвали формировать хорватское национальное сознание исключительно по направлению, заданному церковной иерархией[6].

Главными католическими организациями на селе были «Мариинские конгрегации», созданные иезуитами еще в XVI в., затем реформированные и адаптированные к идеологии социального католицизма. Система мариинских конгрегаций была перенесена на югославянские территории из Австрии сначала в Словению, а затем — в Хорватию. Мариинские конгрегации имели ячейки, объединяющие различные категории населения по территориальному, половому, возрастному и профессиональному критериям. Особое внимание уделялось укреплению католического сознания среди детей (дошкольников объединяло общество «Мариинский садик») и женщин. Под контролем местного священника на собраниях члены общества обсуждали все жизненно важные вопросы через призму социального учения католической веры. Кроме задачи социального и национального воспитания, конгрегации имели и определенную политическую цель: перед выборами в представительные органы проводились специальные заседания, на которых осуществлялась агитация за определенных католических кандидатов. Кто не голосовал за католического кандидата, исключался из конгрегации из-за «нехристианского образа жизни». Влияние «Мариинских конгрегаций» значительно возросло после проведения в монархии в 1910 г. реформы избирательного права, в результате которой в политическую жизнь общества включилось около трех миллионов крестьян.

Различного рода музыкально-хоровые католические общества рассматривались как важные инструмент социальной консолидации населения, образцом для подражания служило объединение «Хорватские кораллы», в котором культивировались национальная музыка и пение.

В области политической сложился блок партий, тяготевших к католицизации хорватского общества на основе принципов Католической акции. Центром притяжения стала «Чистая партия права» Й.Франка («франковцы»), в 1895 г. отделившаяся от правашского движения А.Старчевича и «Хорватское католическое объединение», созданное в Боснии и Герцеговине сараевским архиепископом Й.Штадлером — соратником престо-

[6] *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790-1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 518.

inslav

лонаследника Франца Фердинанда и лидера христианских социалистов Австрии Карла Луегера. В идеологии указанных партий содержались постулаты о переустройстве монархии на основе триализма, о борьбе с растущим сербским национальным движением в империи Габсбургов и включении Боснии и Герцеговины в орбиту хорватских национальных интересов. Курс римско-католических политических групп на католицизацию хорватской национальной политики и активизацию Католической акции значительно усилился после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г.

Таким образом, с 1900 по 1918 гг. хорватский народ находился на историческом распутье между определяющей ролью Ватикана и Католической акции на его судьбу и собственным путем национального развития.

Католическая акция была призвана осуществлять работу с католическим населением таким образом, чтобы в противовес подрывающим основы религиозного сознания либерально-демократическим идеям, «злодейскому капитализму», «экстремистскому марксизму» и национальным течениям, не находящимся «под крылом святой церкви», объединить все слои католического населения, утвердить в его среде преданность св. престолу, подготовить почву для выполнения глобальных стратегических планов Римской курии на Балканах (недаром хорватскому народу римским папой было присвоено почетное звание «Antemurale Christianitatis» — оплот христианства) и сформировать новый тип политической элиты, прошедшей школу католических организаций, в иерархии ценностей которой на приоритетном месте будут находиться права и интересы римско-католической церкви.

На заключительном этапе Первой мировой войны при решении югославянского вопроса в противовес сербскому центру объединения югославянских народов сложился мощный фронт католических политических сил, опирающихся на поддержку Ватикана и привнесших в процесс создания югославянского государства собственную идеологию, методы политической борьбы и свои представления о конечном результате югославянского объединения.

1 августа 1917 г. Бенедикт XV (понтификат 1914-1922 гг.) направил главам союзнических государств ноту с изложением плана мирного урегулирования. Ее автором был высокопоставленный иезуит В.Ледоковский, который в качестве основы послевоенного устройства Европы предложил довоенный статус-кво, т.е. сохранение Австро-Венгерской монархии[7]. Во второй половине 1917 г. св. престол стал инициатором переус-

[7] *Novak V.* Magnum Crjmen: Pola veka klerikalizma u Hrvatskoj. Beograd, 1986. S. 47.

inslav

тройства монархии, при этом ударившись сразу в две крайности: с одной стороны, он предлагал создать «Великую Хорватию» до реки Дрины, а с другой — превратить Австро-Венгрию в федеративное государство и создать в ее границах югославянское национальное образование. Вплоть до окончания войны римской курии не удалось согласовать эти взаимоисключающие варианты.

В конце 1917 г. св. престолом был проведен ряд акций, указывающих на изменение восточной политики римско-католической церкви. В рамках «кирилло-мефодиевской» программы приведения православных народов к унии папа Бенедикт XV подтвердил «почетное наименование» хорватского народа — «столп христианства» («Antemurale Christianitatis»), завершил кодификацию церковного права, в качестве самостоятельной в мае 1917 г. выделил Конгрегацию Восточной церкви и в октябре 1917 г. основал «Папский институт по изучению Востока»[8].

Перед «Божьим народом» римская курия поставила провиденциальные религиозные задачи и неразрывно связала его судьбу с судьбой католической церкви[9]. Целью новых папских учреждений стала подготовка священников к миссии прозелитизма на Балканах и в России[10]. С одной стороны, эти учреждения были призваны ослабить влияние Сербии как центра югославянского объединения, с другой — идея приведения к унии православного населения юга Балканского полуострова курией была высказана открыто.

30 мая 1917 г. на заседании австрийского парламента от имени югославянских народов Габсбургской империи была обнародована декларация, известная как «Майская декларация Югославянского клуба». В декларации указывалось, что народные представители, объединившиеся в Югославянском клубе, на основе принципа национальностей и **хорватского государственного права** выражают стремление к объединению всех земель монархии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в единое самостоятельное государственное образование под скипетром Габсбургской династии[11]. Декларацию подписали следующие члены Югославянского клуба: А.Корошец, И.Шуштершич М.Лагиня, И.Продан, Я.Крек, В.Спичич, Й.Биянкини и др.

---

[8] *Лазић М.* Крсташки рат Независне Државе Хрватске. Београд, 1991. С. 73.

[9] Там же. С. 23.

[10] *Živojinović D.*, Lucić D. Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen. Beograd, 1988. S. 199.

[11] *Petranović B.*, *Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 84.

inslav

Статус православной церкви и сербского народа при объединении католических народов в рамках Австро-Венгрии в декларации не оговаривался, принцип равенства вероисповеданий не упоминался. Конституция монархии и статьи конкордата Австрии с Ватиканом определяли католическое вероисповедание как государственную религию монархии и обеспечивали государственную поддержку и защиту только ей. Принятие сербов в качестве равноправных граждан в югославянское государственное объединение не означало введения равноправия католического и православного вероисповеданий.

В сентябре 1917 г. в Любляне по инициативе епископа А.Еглича состоялась встреча словенских политиков и католического духовенства. Результатом проведенных совещаний стало издание 15 сентября «Люблянской резолюции», которую подписали А.Колан, Й.Груден (каноники), И.Шуштершич (лидер клерикальной Словенской народной партии), А.Еглич (люблянский епископ, идеолог СНП), Ш.Тавчар и К.Триллер (члены СНП) и др. Люблянская декларация более отчетливо повторила тезисы Майской декларации. Майская декларация и резолюция 15 сентября 1917 г. показали неизменность политических предпочтений югославянских католических кругов, связанных с Габсбургской династией и католической церковью. Католическое духовенство Истрии, Дубровника, островов Хвара, Виса, Пага, Пашмана, Крка, Цреса и Лошиня подтвердили свою поддержку Майской декларации, считая, что она оживила политическую деятельность католических кругов на юге монархии и способствовала их вовлечению в решение югославянского вопроса. В заявлениях со стороны католического духовенства из Вараждина, Сеня, Новиграда, Риеки в качестве единственной югославянского объединения признавался принцип хорватского государственного права. Загребская архиепископия также подтвердила свою приверженность принципу хорватского государственного права для обеспечения единства и независимости хорватов, сербов и словенцев. Лидер Партии права А.Павелич назвал Майскую декларацию победой хорватской государственной идеи с точки зрения восстановления древнего хорватского государства на территории вплоть до р.Дрины и Земуна в противовес «югославянству, которое является лишь сном, грезой, фантазией...»[12].

Против Майской декларации осенью 1917 г. выступил боснийский архиепископ Й.Штадлер, заявивший об угрозе поглощения хорватской католической культуры в случае объединения Хорватии с Сербией и Черногорией и потребовавший создания этнически чистого хорватского

[12] Ibid. S. 94–96.

inslav

государства до р. Дрины. Архиепископ противопоставил декларации программу «решения государственно-правового вопроса на юге монархии в хорватском смысле, на основании **хорватского государственного права**, посредством неприкосновенного сохранения хорватской национальной и государственной индивидуальности»[13]. Штадлер заявил следующее: «Мощную Габсбургскую монархию мы рассматриваем как наилучшую защиту против наших исторических противников, которые с удовольствием протягивают руки к хорватским территориям. Мы остаемся традиционно верны императору и империи, но требуем, чтобы государственно-правовой вопрос на юге монархии был решен... таким образом, чтобы **Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Герцеговина и Хорватская Истрия объединились... в единый неделимый государственный союз с Габсбургской монархией**»[14]. Словенцы из этого союза исключались. Штадлер заявил о готовности хорватов оказать им содействие в формировании их собственного национального объединения. Сербов епископ предполагал включить в «Великую Хорватию»[15].

Клерикальные издания — загребские «Новине» и «Католички лист», сплитский «Дан», махничева «Хрватска стража» — требовали от югославянской политической элиты отказаться от свободомыслия и в решении югославянского вопроса подчиниться авторитету католической церкви. «Дан» заявлял, что в противном случае «хорватская идея будет растворена в единстве с сербами»[16]. Епископ Махнич и редактор его газеты «Хрватска стража» иезуит А.Алфиревич считали, что хорваты не могут в полной мере реализовать принцип национального самоопределения, поскольку связаны обязательствами перед св. престолом.

В новых условиях, указывал Махнич, католическая политика должна перейти на новый уровень, к иному образу действий, поскольку в условиях разрыва югославянских народов со своей традиционной покровительницей — Россией — они, наконец, смогут **вернуться к своей истинной вере — католицизму**. Он выразил уверенность, что Сербия с радостью допустит к себе католических миссионеров, особенно в Белград. Махнич утверждал, что **только от политики, проводимой в русле Майской декларации, можно ожидать истинного прогресса католицизма как на Балканах, так и на Востоке вообще**[17].

---

[13] *Šišić F.* Dokumenti o postanku kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914-1919. Zagreb, 1920. S. 103-104.

[14] Ibid. S. 104.

[15] Ibid. S. 104.

[16] Ibid. S. 62-63.

[17] Ibidem.

inslav

Таким образом, поиск путей решения югославянского вопроса для югославянских католических иерархов лежал в плоскости подготовки почвы для создания в будущем югославянском государстве наиболее благоприятных условий для развития католицизма с перспективой превращения данного государства в моноконфессиональное.

В 1918 г. под давлением изменившихся геополитических условий (военного поражения Австро-Венгрии и Германии и итальянской оккупации части югославянских территорий) католические прелаты поддержали идею создания югославянского государства, но при этом они не отказались от выполнения стратегических планов римско-католической церкви.

С 1918 г. отмечается резкое усиление Католической акции. В Королевстве СХС ее целью являлось утверждение и распространение католического мировосприятия во всех сферах жизни. Основное внимание по-прежнему, в соответствии с энцикликой папы 1884 г. (о праве церкви на создание общественных церковных организаций), уделялось формированию религиозных, культурно-просветительных, общественно-политических и спортивных объединений католической церкви среди всех категорий общества, католические иерархи отстаивали идеи необходимости участия церкви в светской власти, в жизни гражданского общества и праве церкви осуществлять контроль над институтом брака и семьи, над религиозным, идейным и нравственным обучением молодежи на всех ступенях образовательного процесса.

30 ноября 1919 г. Бенедикт XV обратился к верующим с энцикликой «Maximum illud», главный смысл которой заключался в усилении миссионерской и прозелитистской активности как первоочередной обязанности каждого католика в мире. Преемник Бенедикта XV, папа Пий XI (понтификат 1922-1939 гг.), в своей энциклике «Rerum ecclesiae» определил дальнейшую политику церкви, которой предстоит завоевать весь мир.

Выполнение миссионерских задач Ватикана в рамках Католической акции происходило по двум направлениям: сначала население православного и любого иного вероисповедания обращалось в католицизм, затем все римо-католики (сербы, немцы, чехи, словаки, словенцы, итальянцы, русины и венгры) Хорватии, Славонии и Далмации объединялись в единую категорию «хорватской национальности». Таким образом, осуществлялась трансформация Хорватии в гомогенную территорию без национальных меньшинств[18].

[18] *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство од илирске идеје до великохрватске реализације 1453—1941. Београд, 1997. С. 156.

inslav

В Дубровнике в период с 1918 по 1941 г. в национальной и социальной сферах проходило два процесса: поддержка и проведение католическим духовенством (особенно через газету франковцев «Prava crvena Hrvatska») хорватской национальной пропаганды и переселение римо-католиков (не сербов) на его территории. Римско-католическая церковь оказала решающее воздействие на ликвидацию сербского идентитета: с одной стороны, население Дубровника сознательно от него отказывалось из опасения восстановить против себя римско-католическую церковь, с другой стороны, переходя в католическую веру, они постепенно утрачивали свое национальное сознание[19].

Методика изменения национального сознания молодежи с югославянского на хорватское показана Б.Перовичем — основоположником хорватского католического молодежного движения в Дубровнике — на примере созданного им католического ученического общества. По его собственному признанию, после создания югославянского государства Дубровник не имел ни одной ячейки хорватского католического движения, «в то время среди учащихся Дубровника, в частности, в дубровницкой гимназии тогда было всего лишь три или четыре ученика, открыто признающими себя хорватами. Так же обстояло дело и в других школах. Все остальные определяли себя как югославяне... Мои первые ученики в обществе были преимущественно югославянами, или, точнее, не хотели называться хорватами... Я, со своей стороны, не ставил вопроса о политической ориентации учеников. Но, организовывая в первую очередь учащихся-католиков, я не хотел привлекать в общество учащихся югославянской ориентации»[20]. Далее Перович указывает, что «по прошествии не очень долгого времени мои ученики отбросили свое романтическое югославянство... Уже на четвертый год существования нашего общества среди них больше не было югославян... Примерно через восемь лет, в тридцатые годы, за время диктатуры Александра.., хорватами стали не только члены общества, но, посредством нашей газеты, и все учащиеся Дубровника, которые объединялись вокруг нашего общества и с нами участвовали в важных событиях, будь то торжество, процессия или культурное мероприятие... Позднее писали, что Перович похорватил учащихся Дубровника, но это была лишь часть правды; не только я работал в этом направлении... Я лишь заставил их ощущать себя хорватами...»[21].

---

[19] Там же. С. 189.

[20] *Perović B.* Hrvatski katolički pokret. Moje uspomene. Roma, 1976. S. 69-70.

[21] Ibid. S. 71.

inslav

Вытеснение сербского населения началось в Дубровнике и Южной Адриатике в конце XIX — начале XX вв., в 30-40-е гг. XX в. римско-католический прозелитизм и коммунистический способ решения национального вопроса стали завершающей стадией процесса, в результате которого сербский идентитет остался лишь на о-вах Адриатического моря Млет, Корчул, Ластово и Вис[22].

О прозелитской активности римско-католической церкви по переведению сербов в католицизм и в хорватов которские власти 14 июля 1924 г. министерству внутренних дел КСХС отправили следующее сообщение: «Разные государства и власти, в течение прошлых веков владевшие Бокой, всеми силами стремились ослабить, уничтожить и вытеснить сербский элемент, который не мог сносить ярмо чужестранного рабства. Австрия, долго управлявшая Бокой, проводила эту политику с наибольшим размахом. Чтобы достичь наилучшего результата, она через католических священников, профессоров и чиновников, не являвшихся жителями Боки, инициировала среди ее населения религиозную ненависть и нетерпимость, а последние 40 лет провоцировала и этническую рознь и вражду, посредством католиков хорватов, которые ей слепо подчинялись и являлись орудием в руках облаченных властью»[23].

23 декабря 1922 г., в первый год своего понтификата, Пий XI издал энциклику «Ubi arcano Dei», в которой главную цель обозначил как «возвращение Христу королевского скипетра в семье и обществе», поставил задачу найти новые организационные формы для охвата всех верующих-католиков и всех сфер общественной жизни. Таким образом св. престол утвердил основные направления Католической акции на европейских землях.

В энциклике папа констатировал наиболее важные нарушения прав церкви в современном мире: «...отлучение религии от школы, косвенные и прямые нападки на веру, в результате которых дети приобретают убеждение, что для благополучной жизни Бог и религия особого значения не имеют... Поскольку школа лишена Бога и его законов, ликвидируется сама возможность формирования совести молодежи и устройства жизни на основах уважения к Церкви — Богом установленной хранительницы, единственно способной объяснить истину.., только она имеет поистине неисчерпаемый источник силы для изгнания из частной и общественной жизни человека материализма, принесшего столько зла; для

[22] *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство од илирске идеје... С. 190.

[23] Цит. по: *Žutić N.* Rimokatolička crkva i Hrvatstvo u Crnoj Gori i Boki u prvoj polovini XX vijeka // Istorija 20 veka. Beograd, 2001. Br. 2. C. 41.

inslav

объединения всех сословий граждан и всех народов в единое тело — истинное братство.., облагородить достоинство человека и общественные институты гражданского общества в направлении глубокого понимания смысла святых обязанностей... Только Церковь — правда и сила Христова — способна должным образом формировать сознание. Не существует ни одного человеческого института, способного обеспечить все народы единым международным законом, подобно существовавшей в средние века христианской обители — Божественного института, принадлежащего всем народам, стоящего над всеми народами и обладающего верховной властью. Лишь Церковь Христова, наделенная божественными полномочиями и обладающая великими традициями, показала способность справляться с такими великими начинаниями... Необходимо вернуть Иисуса Христа в гражданское общество... Поскольку лишь Бог является источником власти, за **Церковью должно быть признано право, определенное ей Создателем, быть наставником и главой всех остальных учреждений** не с целью умалить их власть, но усовершенствовать их и реставрировать Христово Царство»[24].

«Ubi arcano Dei» объединила предыдущие общественно-социальные проекты Пия X и Бенедикта XV и стала единой программой деятельности римско-католической церкви. Особое внимание в энциклике уделялось созданию «разнообразных и полезных учреждений по просвещению умов здоровой религиозной культурой», **«объединению клира и мирян для поддержки и расширения католических миссий среди неверующих с целью расширения Христова Царства и обретения варварскими народами вечного спасения»**, а также объединениям и конгрегациям молодежи, религиозным женским и мужским обществам, задачей которых провозглашалось проведение многолюдных и торжественных манифестаций, крестных ходов и процессий в городах, а также организация многочисленных евхаристических конгрессов (диоцезиальных, общенациональных и международных).

Католическая печать, католические организации, массовые мероприятия религиозного и общественного характера были призваны защитить права церкви, прежде всего относящиеся к воспитанию и образованию подрастающего поколения, в энциклике неоднократно подчеркивалось приоритетное направление Католической акции — воспитание молодежи на твердых христианских (католических) началах. Не менее важной задачей римско-католическая церковь считала отстранение государства

[24] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 63 («Министарство правде КЈ, Поверљива архива»). Фасцикла 6.

inslav

от «дела спасения душ», от «божественного устройства самой Церкви» и от «прав Бога в гражданском обществе».

Комплекс идейных программ и католических организаций, объединенных понятием Католическая акция, по представлениям папы, должны были непрерывно развиваться и укрепляться, пастырям и верующим предписывалось предпринимать новые инициативы в деле укрепления католицизма. Кооперация клира и мирян должна защитить государство от новых опасностей, исходящих, прежде всего, со стороны политических движений, «вторгающихся в людские ума и сердца, заражающих их вирусом морального, правового и социального модернизма»[25].

В отличие от прежней, новая Католическая акция переходила к «тесному сотрудничеству мирян и иерархического апостолата». Это означало, что все существующие до сих пор католические движения и организации передавались в ведение церковной иерархии, которая с этого времени принимала на себя руководство и полноту ответственности за их деятельность.

По поводу участия Католической акции в политических процессах св. престол декларировал ее «полный аполитичный характер», запрет ее «проводникам» на вмешательство в политическую борьбу, из сферы ее компетенции исключался любой вид тайной и секретной деятельности. Основной курс был взят на создание на основе Католической акции **разветвленной общественной структуры, признанной властью**. Католикам, занимающим видные руководящие посты, запрещалось занимать ответственные должности в организациях Католической акции, чтобы ее не дискредитировать.

Однако одновременно указывалось на необходимость «информировать католиков о политических партиях в нужном направлении и научить их пользоваться политикой в интересах церкви»[26]. Непререкаемый авторитет римско-католической церкви, папа Пий XI, в послании к лиссабонскому кардиналу о задачах Католической акции отметил, что «Католическая акция не должна в прямом смысле слова вмешиваться в политику, но своих членов она должна подготовить к управлению политикой, которая во всем должны быть проникнута христианскими принципами»[27].

---

[25] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 63 («Министарство правде КЈ, Поверљива архива»). Фасцикла 6.

[26] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 38 («Centralno presbiro predsedni tva ministarskog saveta 1929-1941»). Фасцикла 611.

[27] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 38 («Centralno presbiro predsedni tva ministarskog saveta 1929-1941»). Фасцикла 611.

inslav

«Католички тједник», рупор Католической акции, выходящий под патронатом архиепископа И.Шарича в Сараево, неоднократно указывал на невозможность для членов Католической акции вступать в партии, в которых доминируют иноверцы. Шарич отмечал, что **«Католическое движение является единым стволом, ветви которого — Католическая акция, религиозные общества, и католическая политика»**, при этом Католическую акцию следует отличать от политических партий. Тем не менее, по мысли Шарича, все указанные сферы деятельности церкви необходимы, поскольку «они являются **различными формами единого Католического движения»**[28].

От непосредственной политической сферы отделялось общественно-социальная, призванная «взращивать» социальных вождей, однако с в. престол рекомендовал напрямую социальные организации не создавать, ограничиваясь косвенной поддержкой их лидеров.

Различным католическим народам Пий XI не предложил единой схемы Католической акции, он поставил одну главную цель: введение христианских принципов во все сферы человеческой жизни. По каждому направлению деятельности Католической акции в определенном церковном диоцезе предписывалось создать собственный координирующий центр. Однако организационная структура и конкретные программы реализации Католической акции на местах могли варьироваться, епископат обладал необходимой свободой маневра.

Так, в Германии епископская конференция поддержала Католическую акцию, но никакие новые организационные формы введены не были. Все уже существующие на тот момент католические организации были переведены под руководство церковной иерархии. Во Франции правила Католической акции были выработаны епископами лишь в 1931 г., они предусматривали две основные формы создания католических организаций: по профессиональному и территориальному критериям.

Основные принципы Католической акции на территории Королевства СХС заимствовались от итальянской Католической акции, которая была строго разделена по диоцезам и находилась в прямом подчинении епископам, назначавшим ее руководителей из рядов либо духовенства, либо мирян. Характер итальянской Католической акции также определялся как аполитичный, ее руководству и рядовым участникам предписывалось «избегать во внешней форме всего, что свойственно и традиционно для политических партий». Профессиональные объединения и ремесленные

[28] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 38 («Centralno presbiro predsedni tva ministarskog saveta 1929-1941»). Фасцикла 611.

inslav

синдикаты, основанные исключительно с духовными и религиозными целями должны были продолжать свою деятельность и «наилучшим образом, в соответствии с католической природой страны согласовывать межклассовое сотрудничество с социальными и национальными целями». Молодежным обществам Католической акции предписывалось вместо спортивно-манифестационной деятельности сосредоточиться на проведении просветительных и культурных мероприятий «с религиозными целями»[29].

Энциклика «Ubi arcano Dei» расколола католический мир Королевства СХС (духовенство и мирян) на сторонников и противников Католической акции. В Хорватии и Словении к тому времени уже существовало разветвленное католическое движение, занимающееся религиозными, просветительными, социально-экономическими и политическими вопросами. В его рамках были созданы многочисленные в основном молодежные (ученические и студенческие) организации религиозного, просветительного и общественно-политического характера, каждая со своим определенным центром.

На хорватских территориях цитаделью молодежного католического движения являлся Сеньорат — структура, объединяющая выпускников высших учебных заведений, осуществляющих генеральное руководство Хорватским католическим движением.

Сеньорат сформулировал собственную идеологию, цели и методы деятельности и не согласился с перспективой перехода руководства движением в руки епископата. Иерархов, в свою очередь, не устраивала ситуация чрезмерного сосредоточения власти и влияния у «сеньоров». Кроме «вопроса о власти», разногласие между Сеньоратом и епископатом заключалась в определении характера югославянского католического движения после 1922 г. Сеньорат твердо придерживался своей прежней позиции, заключающейся в том, что католическое движение хорватов и словенцев в первую очередь должно быть политическим, национальным и социальным. Епископат настаивал на его полном подчинении директивам св. престола и перенесении «центра тяжести» на Католическую акцию.

На изучение смысла и принципов Католической акции и соотнесения нового проекта св. престола с уже существующим католическим движением югославянским прелатам потребовалось определенное время. Период с 1922 по 1927 гг. характеризуется как переходный, в течение ко-

[29] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 372 («Посланство КЈ при светој Столици у Риму 1919-1945»). Фасцикла 10.

inslav

торого церковная иерархия осторожно готовилась к новому виду деятельности.

Рупор загребской архиепископии, «Католички лист» в 1925 г. стал на позицию защиты ведущей роли духовенства в Католической акции в противовес организациям, минующим местных епископов. В газете отмечалось, что все епископы должны стать проводниками Католической акции[30]. Председателем ХКНС, в соответствии с директивами Католической акции, был назначен епископ Й.Ланг.

Перестройка прежнего католического движения являлась следующей первоочередной задачей после создания «апостолата мирян». После проведения в октябре 1927 г. епископской конференции правила всех католических организаций были пересмотрены в сторону реорганизации и согласования со уставом и структурой Католической акции. На конференции было принято решение сохранить аполитичный характер католических организаций, не исключая при этом возможности создания священниками и мирянами особых «политических клубов» при условии соблюдения догматов, моральных принципов и норм римско-католической веры.

«Папской гвардией», главной опорой св. престола при реализации Католической акции в Королевстве СХС являлись молодежные спортивные общества под необычным наименованием «орлы».

«Орловское» движение проникло на югославянские территории из Чехии, распространившись сначала в Словении, а затем в Хорватии. После окончания Первой мировой войны в феврале 1919 г. в рамках Хорватского католического народного союза выделилась «Молодежная секция». После завершения работы съезда хорватской католической молодежи в г. Комце (август 1919 г.) в Хорватии создавались собственные «орловские» организации по образцу словенских «орлов». Загребчане посещали «орловские» слеты в Словении, на Пасху 1920 г. в Загребе под руководством словенца Павлина прошли представления и манифестации «орловских» секций. В том же году в Мариборе прошел общий слет «орловских» организаций, в котором принимали участие около 5 тыс. хорватов. В 1921 г. «Молодежная секция» трансформировалась в отдельную организацию, получившую свое окончательное оформление на Первом конгрессе католических молодежных обществ в Загребе (3 декабря 1922 г.). Председателем ХКМС стал Ханс (Иван) Мерц. Затем был основан единый «Югославянский союз орлов» с центрами в Загребе и Любляне, располагающий 250 филиалами и насчитывающий 5970 членов и 13027 кандидатов[31].

---

[30] Цит. по: *Perović B.* Op. cit. S. 98.

[31] Милошевић З. Ко је Ханс (Иван) Мерц? // Српске органске студије. Пале, 2003. No3. С. 454.

inslav

В 1923 г. «Югославянский союз орлов» разделился на две организации: люблянский центр оставил за собой название «Югославянский орловский союз», его руководство считало, что орловские организации являются светскими, а не церковными и в своей деятельности не должны напрямую зависеть от церкви. Противоположную позицию отстаивали лидеры загребского центра, в 1923 г. принявшего название «Хорватский орловский союз» (ХОС), в первую очередь, Иван Мерц, полагавшие, что «орловство» — не светское, а религиозно-культурное течение, базирующееся исключительно на догматах римско-католической церкви и подчиняющееся церковным иерархам во всем, в том числе и в вопросе формирования национальной идеологии и политики.

Рост «орловских» организаций послужил поводом для Иво Протупилаца, избранного на пост председателя «Хорватского орловского союза», выдвинуть претензии на превращение своей организации в главный мобилизационный центр католической молодежи. Первый шаг в этом направлении был сделан на учредительном собрании Союза в декабре 1923 г., результатом которого стало присоединение Хорватского католического союза учащихся к ХОС.

В этом же году на слете в Брне был проведен «орловский» съезд, принявший решение не ограничиваться рамками спортивной активности и включить в сферу своей компетенции воспитательное и просветительное направления. В результате «орловское» движение укрепилось и стало приобретать все больший размах. В провинциях была поддержана идея создания «орловских» организаций как динамичное развитие одного и того же движения, как новый тип «апостолата», и в уже существующих ученических организациях стали создаваться «орловские» секции. Большинство священников и мирян поддержали новые инициативы руководства «орловских» организаций. Во всех хорватских областях началось возникновение новых «орловских» обществ[32].

«Орловство» стало массовым католическим движением хорватской молодежи. Его главными характеристиками стало единство, дисциплина, строгое подчинение и централизация управления. Однако его неотъемлемой чертой являлась чрезмерная идеализация целей Католической акции, в то время, как его руководство стремилось превзойти и растворить в своем составе прежние католические организации, устранить со своего пути все, что препятствует «свободному полету орлов». И. Протупилац отмечал, что «у всех перед глазами реял идеал великого движе-

[32] Ibid., S. 105.

inslav

ния, которое своей силой, числом и энергией сможет создать мощный католический фронт... Мы все хотели одного: чтобы была создана единая молодежная организация»[33]. Согласно его представлениям, католическое движение не может базироваться на двух разных основах: молодежном движении, с одной стороны, и на «орловском», с другой, поскольку руководство молодежного движения — Сеньорат — отстаивает необходимость существования своего самостоятельного движения, и ряды «орлов» при таком подходе пополняются «по остаточному принципу»[34].

Прежнее Хорватское католическое движение было эффективно, однако, по мнению высших церковных иерархов, в его деятельности присутствовали серьезные проблемы: определенный «любительский компонент», нерешенность вопроса о взаимоотношении руководства движениям с епископатом и неопределенность статуса священников в католических организациях. Кроме того, представители Хорватского католического движения взяли на себя смелость самостоятельно вмешиваться в политическую борьбу. Энциклика «Ubi arcano Dei» повлияла на изменение позиции югославянских католических прелатов: с этого времени они отказались от собственных инициатив, положившись целиком на волю св. престола. На сторону Католической акции перешли иезуиты, архиепископ И.Шарич и духовенство сараевской архиепископии (через свою газету «Католички тjедник» они настаивали на радикальном наступлении Католической акции и на ее ярко выраженном национастическом характере).

11 февраля 1925 г. св. престол выступил еще с одной глобальной инициативой: в послании «Quas primas» учреждался праздник Царя Христа. Таким образом, Пий XI вернулся к тезису о римско-католической церкви, «охватывающей универсум» под единственной властью Царя Христа, т.е. его «наместника на земле» — римского папы. Праздник был установлен с намерением ежегодно напоминать государственным властям всего мира, что в политической, общественной, культурной и иных сферах деятельности следует уважать желания и законы католической церкви.

С 1925 г. в Королевстве СХС отмечается усиление Католической акции. Ее главной целью с этого времени стало превращение римокатоликов в «католиков в истинном смысле этого слова», для которых «существует только одна мысль — Иисус, одна любовь — Церковь, одна страсть — душа ближнего и один-единственный величественный идеал святого отца: окатоличевание Земного шара миссионерами и мирянами-

[33] Цит. по: *Perović B.* Op. cit. S. 104.
[34] Ibid., S. 106.

inslav

апостолами». От римо-католиков требовалось мыслить и говорить: «Мир должен стать католическим»[35].

Задачей «апостолата мирян» являлась поддержка апостольской деятельности духовенства. От мирян-«апостолов» требовалось стать более набожными, более преданными церкви и папе, активно пропагандировать идеи св. престола, способствовать оживлению церковной жизни, защищать интересы церкви, а также своим участием в церковной жизни, воспитанием и образованием детей являть пример истинной религиозно-нравственной жизни.

Отдельные функции в Католической акции вменялись католическим обществам, задачей которых являлось воспитание и формирование католической элиты, т.е. католические организации должны были стать «рассадниками» ватиканской идеологии.

Существенной характеристикой Католической акции была дисциплина, по выражению папы, «цепь», неразрывно связующая церковную иерархию и верующих на основе безусловного подчинения и уважения к иерархам римской церкви.

Обобщенная характеристика Католической акции заключалась в том, что она являлась сотрудничеством мирян в особой миссии церкви: «спасении и освящении душ». Такое сотрудничество существовало на протяжении веков. Но отличительной чертой Католической акции в Югославии после 1918 г. стало массовое привлечение верующих-мирян к социальной деятельности церкви, участие их «в социальном апостолате», т.е. «в расширении социального Королевство Христова». Под Католической акцией понималась та деятельность мирян, при которой они будут содействовать «утверждению Тела Христова в католическом мире» и «расширению христианства среди языческого мира». При этом имелось в виду расширение внутреннего Королевства Божьего не только в душах, это входило в функции и прежних религиозных акций. Новая Католическая акция отличалась тем, что «в мирском человеческом обществе она призвана создать условия и предпосылки все большего расширения внутреннего Королевства Божия»[36].

И. Мерц, идеолог Католической акции, стал римско-католическим политиком, который утвердил принципы Католической акции в общественно-политической жизни хорватского народа и популяризовал ее в молодежной среде. С одной стороны, это является ключевым вкладом Мерца в упрочение принципов католицизма среди верующих, а с другой сторо-

[35] Цит. по: *Милошевић З.* Указ.соч. С. 451.

[36] Цит. по: Там же. С. 452.

inslav

ны, впоследствии, в годы Второй мировой войны, послужило одним из источников идеологии усташей, поскольку Католическая акция тяготела к реализации идей «Великой Хорватии» с границами до р.Дрины, к окатоличиванию и этнической «чистке» сербов с их исторических территорий к западу от Дрины (Крайны, Боснии и Герцеговины, Славонии, Далмации и Воеводины)[37]. Заслуги Мерца в реализации Католической акции были настолько велики, что ему был присвоен «титул» пионера Католической акции. Он пользовался огромным уважением в стане усташей, об этом свидетельствует количество публикаций о нем в период существования НГХ (1941-1945 гг.): в 1941 г. вышло 36 текстов, в 1942 г. — 58, в 1943 г. — 77, в 1944 г. — 43, в 1945 — всего 6 (но такая сравнительно небольшая цифра объясняется не потерей интереса к культовой фигуре, а близившимся концом фашистского режима в Хорватии)[38]. В усташской прессе Иван Мерц представлен как «идеал новой Хорватии», как «святой новой Хорватии»[39], улица в Баня-Луке получила его имя. Римско-католическая церковь установила акции под названием «День Мерца», «Год Мерца», «Молитвенный день Мерца» и т.д., используемые не только для популяризации личности Ивана Мерца и его «святости», но, прежде всего, для расширения идеологии Католической акции.

Протупилац, в отличие от Мерца, не был религиозным фанатиком, однако у него были «великие амбиции»; он был опытным стратегом, великолепным оратором и отличным организатором. Всю свою энергию он посвятил движению «орлов» и сменивших их «крижаров» (крестоносцев). Этому человеку была свойственна железная воля, жертвенность и авторитаризм. Формальные правила для него (в том числе и правила «орлов» и «крижаров») по сравнению с практическими акциями всегда отходили на второй план. Он не выносил длительных философских споров, интеллектуальных дискуссий и обсуждений последних культурных веяний. В своем окружении Протупилац не терпел сильных личностей и интеллектуалов (особенно членов Сеньората и принятых в их среде теоретических дискуссий). Диктаторские приемы в сочетании с долей авантюризма позволили ему реализовывать свою железную волю через «орлов-крижаров». Образ единого «великого» католического молодежного движения органично соединился с его личными амбициями и твердым убеждением в том, что он может выполнить миссию руководства новым мощным «католическим фронтом». В результате его деятельности «орловство»

[37] Там же. С. 457.
[38] Там же. С. 455.
[39] Там же. С. 455.

inslav

(«крижарство») развилось в самую многочисленную и влиятельную организацию на хорватских территориях, оно насчитывало около 40 тыс. человек[40]. Таким образом, заслугой Протупилаца являлось создание организации общенационального молодежного католического движения. После утверждения новой Католической акции основные социально-политические вопросы стали решаться с наиболее радикальных националистических позиций.

К концу 20-х гг. римско-католическая иерархия сконцентрировала свои усилия на ниве религиозной и национально-просветительской деятельности: основывались новые организации (например, «Хорватская католическая неделя» под руководством Ю.Шчетинца), систематически проводились «евхаристические» конгрессы, торжественно отмечался «папский» день, на котором традиционным оратором являлся И.Протупилац. Также расширялась католическая печать, беспрепятственно выходили газеты, ориентированные на учащихся: «Жар» — Дубровник, «Лахлор» — Сплит, «Ружа» — Широки Брег, «Цвиет» — Високо, «Нада» — Травник и др. с задачей осуществления «нового католического ренессанса»[41].

События 1929 г. знаменовали собой начало нового этапа в развитии Католической акции. 6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич провозгласил введение режима личной власти и запретил все существующие политические партии и все (кроме «Югосокола»), общественные объединения, в том числе и католические общества.

Однако меры, предпринятые Белградом, не смогли остановить развитие хорватских католических организаций: «орлы» были переименованы в «Крижарское братство», во главе которого снова стал Протупилац. Газета «Народна политика» продолжала выходить (с 1 июля 1929 г. под названием «Хрватска стража»*), декларируя себя как издание внепартийное и аполитичное. Ее редакцию осуществляли ведущие интеллектуалы из рядов римско-католической клерикальной интеллигенции (Доминик Премуш, Велемир Дежелич-ст., Владимир Кердич, Велемир Дежелич-мл., Мария Матулич, Милан Страхинишчак, Степан Маркулин, Йосип

[40] *Perović B.* Op. cit. S. 110.

[41] *Dimić Lj. Žutić N.* Rimokatolički klerikalizm u Kraljevini Jugoslaviji: 1918-1941: Prilozi za istoriju. Beograd, 1992. C. 391.

* Первой католической газетой была «Riječke novine», основанная в 1912 г., в 1914 г. властями она была запрещена, ее издание было перенесено в Загреб под названием «Novine», затем газета стала называться «Narodna politika».

inslav

Лончарич, Янко Шимрак, Любомир Маракович, Йосип Андрич, Мате Уевич и др.), проповедовавшие римско-католический клерикализм.

В правилах «Крижаров», утвержденных в январе 1930 г., указывалось, что данная организация является «римско-католической религиозной миссией», цели которой заключаются в «соединении с Христом ради победы Христова Креста» посредством просвещения, образования и всеобщего обновления человеческого общества. Задачей общества провозглашалось «создание во всех областях государственной жизни филиалов Крижарского братства и Крижарского сестринства», проведение съездов, курсов, лекций и т.д., фундаментальное христианское образование и духовное совершенствование общества на твердых католических принципах[42].

Загребский архиепископ А.Бауэр, возглавлявший умеренное течение среди римско-католических прелатов по сравнению с франковцами, на начальном этапе развития Католической акции воспринимал ее как средство борьбы римско-католической церкви с идеологией либерализма. Однако в связи с давлением Пия XI на католический епископат европейских стран с целью интенсификации усилий по реализации Католической акции и, несмотря на запрет католических организаций после 6 января 1929 г., А.Бауэр 3 января 1930 г. вынужден был одобрить правила «крижарской» организации, заменившей «орлов» и поддержать намерение И.Протупилаца стать во главе радикальной религиозной организации. Алоиз Степинац, семь лет воспитывавшийся иезуитами в Риме, после смерти А.Бауэра в 1937 г. ставший загребским архиепископом, совместно с И.Протупилацем боролся за легализацию «крижаров», содействовал созданию новой организации Католической акции — «Хрватски юнак» (хорватский герой) с откровенно фашистским характером и во второй половине 30-х гг. провозгласил «новое рождение» Католической акции на хорватских территориях[43].

В результате проведения Католической акции югославянское католическое население, политическая элита которого прошла школу католических движений и организаций, оказалась в более выигрышном положении в аспекте формирования и укрепления, в том числе на территориях со смешанным составом населения хорватского национального и католического религиозного сознания. Православная церковь подобных акций не проводила и оказалась не в состоянии оказать отпор экстремистским националистическим и религиозным устремлениям.

---

[42] Архив Србије и Црне Горе. Фонд 63 («Министарство правде КЈ, Верско одељење»). Фасцикла 6.

[43] *Dimić Lj. Žutić N.* Op. cit. S. 111, 114-115.

inslav

Ар. А. Улунян

Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в.)*

В геополитических взглядах российских правящих кругов с конца XIX в. и вплоть до 1917 г. усиливается борьба между двумя подходами в восприятии Балкан: между традиционализмом прежних этноконфессиональных исторических оценок и новациями при формулировании национальных интересов России. Постепенно приходит понимание фрагментарности балканского геополитического пространства, каждый из этногосударственных элементов которого имеел разновекторную направленность. В то же время, используемый обоими направлениями понятийный аппарат свидетельствовал о его сохраняющейся терминологической неизменности. Так, например, для характеристики конкретных общественно-политических сил балканских стран продолжала применяться терминологическая дихотомия — русофильство и русофобство, — а не термин, более подходящий для обозначения такого явления, как «становление национальных интересов» стран региона.

Для Российской империи Балканы в начале XX в. превращались ее руководящими кругами в одно из важных внешнеполитических направлений и поэтому характеристика протекавших там общественно-политических процессов, а также событий, влиявших на военно-стратегическую ситуацию в целом, приобретала особую роль при формулировании конкретных внешнеполитических шагов. В конце января 1901 г. извлечение из донесений русского военного агента в Белграде Е. А. Леонтовича, поданное на высочайшее имя начальником русского Генштаба генерал-лейтенантом Сахаровым, фактически ставило на повестку дня вопрос о дальнейшей российской политике в Сербии: «Всё, что приобретено сербским делом в Турции, приписывается в Белграде исключительно влиянию и поддержке России. Безуспешность усилий, сделанных в этом направлении предшествующим кабинетом, объясняется тем, что Императорское правительство отняло у Сербии свою покровительственную руку. Пово-

inslav

рот сербской политики в сторону России сопровождался всеобщим ожиданием в стране разрешения, в благоприятном для Сербии направлении, затянувшегося Ускюбского вопроса, когда к нему неожиданно присоединился новый — избрание митрополита сербской национальности в Призрене»[1].

Не менее важным для Санкт-Петербурга становилось болгарское направление. Стремясь не допустить окончательного ухудшения отношений между Болгарией и Россией, болгарский князь Фердинанд попытался использовать как информационный канал воздействия на российские руководящие круги представителей российских военных, полагая, что Генеральный Штаб интересует военно-стратегическая составляющая внешней политики Софии, а не сугубо бюрократическая игра дипломатов. Генерал-майор Протопопов — русский военный агент в Софии — был избран болгарским правителем для передачи по каналам военного ведомства информации, способной заинтересовать и успокоить Россию. В специальном срочном рапорте Протопопов сообщал: «Видимо взволнованный, он [Фердинанд] продолжал говорить о том, что наша дипломатия впала в большую ошибку, считая его не тем, кто он есть в действительности; она приписывает ему цели, которых он вовсе не преследует и исходя из этого и противодействуя его намерениям, направленным не во вред, а в пользу общеславянской идеи, достигает лишь того, что Россия начинает постепенно терять симпатии южных славян. Этим, по его словам, наша дипломатия и лично граф Ламсдорф «сами создают то, в чем обвиняют и что приписывают Фердинанду Князю Болгарскому», т. е. отталкивают от России славян, а в особенности болгар, в сторону Запада и, как наиболее близкой соседки их, — Австрии...»[2].

В этом контексте все более очевидным становилась необходимость для российской стороны определения национальных интересов стран региона и возможных угроз национальной безопасности как им, так и Российской империи. Из всех балканских государств Румыния как в силу своей геостратегической близости к России, особой позиции, занимае-

---

[1] Извлечение из донесений русского военного агента в Белграде Леонтовича. Николай II ознакомился с ма-териалом, как свидетельствует об этом специальная помета на документе, 29 января 1901 г. // Российский государ-ственный военный исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 818. Л. 8, 8об.

[2] Протопопов – в Главный Штаб, София, 15 декабря 1903 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 763. Л.20.

* Фрагменты из статьи Ар. А. Улуняна «Национальная идея» и «национальная безопасность»: русский взгляд на Балканы в сборнике «Национальная идея на европейском пространстве в XX в. ». Ч. 1–2. М. 2005. Отв. ред. Полякова Е. Ю.

inslav

мой Бухарестом на международной арене, так и в виду специфических черт социально-политического и экономического развития продолжала привлекать пристальное внимание российских военных кругов. Социально-экономическая нестабильность в этой балканской стране рассматривалась в аналитических материалах и прогнозах русского военного агента в Румынии в крайне негативном свете и, прежде всего, с позиций оборонных интересов России: «Как известно, в Румынии земельный вопрос разрешён далеко не в пользу крестьян; отсюда — естественный результат — постоянное брожение в умах населения, периодически выливающееся в форме беспорядков. Волнение прекратились, но причины, вызвавшие их, продолжают действовать и скажутся ещё не раз более или менее крупными взрывами. Счастье ещё румынского правительства, что оно имеет дело с населением по характеру своему чрезвычайно мягким и добродушным. Недовольство крестьян своим положением наблюдается во всей Румынии, но нас может интересовать только то, что происходит в Молдавии и, главным образом, в её северной части, где население знает о России и ещё недавно смотрело на неё как на свою естественную покровительницу. При таких условиях, состояние умов молдавских крестьян и лёгкая их возбудимость являются данными, могущими подлежать соответствующему учету»[3].

Достаточно серьезно российской стороной бралось в расчет и обострение румыно-греческих отношений, основной причиной которого стало недовольство Бухареста греческими претензиями в Македонии и той её части, которая была заселена близким румынам этническим населением — куцовлахами. Греческая община в Румынии подверглась серьезным гонениям со стороны официальных властей, получивших поддержку в румынском обществе. Начали закрываться греческие газеты, выходившие в Румынии, высылаться греческие граждане. С российской стороны делался вывод о том, что происходящее «как нельзя более характеризует румын, столь усердно кричащих о “варварстве” и “нетерпимости” других и незамедливающих (так в документе — *Ар. У.*) обнаружить самую узкую и смешную нетерпимость раз дело касается их самих»[4].

В контексте определения национальных интересов в балканских странах особую значимость приобретал вопрос магистрализации регионального пространства. Именно инфраструктурная составляющая националь-

[3] Леонтьев — в Главный Штаб, Бухарест, 12 октября 1904 г. // Там же. Д. 797. Л. 161об., 162 об.

[4] Занкевич — в Главный Штаб, Бухарест, 10 августа 1905 г. // Там же. Д. 797. Л. 227об.

inslav

ной безопасности превращалась в серьезный аргумент внутрибалканского соперничества и борьбы внерегиональных сил за влияние здесь.

В окончательном виде российский план Дунайско-Адриатического железнодорожного пути, как он был сформулирован А. Извольским перед Эренталем, заключался в постройке магистрали по маршруту Видин — Ниш — Приштина — Призрен — Джиованни-ди-Медуа. При этом Сербия получала бы выход к морю. В виде противодействия российскому плану австро-венгерская сторона стремилась реализовать «Салоникский проект», сооружение так называемой Далматинской дороги через Черногорию к Скутари. В результате взаимоминимизирующих планов ни одна из сторон не получала монопольной выгоды. Таким образом, Россия могла поддержать австрийский план железнодорожного строительства Увац — Митровица Далматинской дороги, а Австро-Венгрия — российский план Дунайско-Адриатического пути[5]. Соединение турецких железных дорог и балканско-европейской сети рассматривалось российской военной и гражданской внешнеполитической бюрократией в тесной связи с проблемами национальной безопасности Российской империи в том виде, как они интерпретировались этими институциональными группами. Осенью 1910 г. ими уже отмечалась характерная для железнодорожного строительства Османской империи тенденция, а именно: «ближайшее рассмотрение направления этих [планируемых] дорог показывает, что ныне сданы для постройки лишь дороги, которые имеют стратегическое значение для государства, как совпадающие с определенными направлениями, или связывающие важные в военном отношении районы и пункты. Исключение составляют разве только дороги, строящиеся в Сирии и Палестине»[6]. Данное наблюдение давало основания для вполне конкретных выводов относительно военных приготовлений Османской империи и, прежде всего в восточном секторе балканско-азиатского пространства, хотя и в его западной части ситуация была аналогичной. Более того, с российской стороны отмечали и усиление влияния «германского фактора», что нашло выражение в оценке созданного Германией в Эскешехире санитарного пункта, т. е. в месте пересечения трёх стратегически значимых железнодорожных линий Хайдар-паша — Ангора — Кония.

В свою очередь Австро-Венгрия достаточно активно стремилась продолжить свой план «железнодорожной экспансии», призванный обеспе-

---

[5] Подробнее см.: *Ефремов П. Н.* Внешняя политика России. 1907—1914. М., 1961. С. 81, 84.

[6] Донесение военного агента в Турции Хольмсена в ГУГШ, 26 октября 1910 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4195. Л. 157.

inslav

чить дуалистической монархии статус «посредника» между Западом и Востоком и к июню 1914 г. она стала ходатайствовать перед Портой о предоставлении ей концессии на строительство железнодорожной ветки Гемлен — Брусса и вглубь Османской империи[7].

* * *

Политическая ситуация в балканских государствах вызывала обеспокоенность у российских гражданских чиновников и военных, видевших в ней угрозу имперской национальной безопасности. Наиболее «перспективным» в этом контексте к концу 1907 г. считалось «румынское направление». Среди материалов, затребованных российским военным ведомством и Генштабом в данной связи, был и «исторический очерк Румынии, из которого можно было бы почерпнуть сведения о прежнем политическом и административном устройстве областей, входящих ныне в состав Королевства»[8]. Характеристика действий румынских правящих кругов и возможные варианты поведения Бухареста на международной арене давались российскими экспертами в виде логической схемы, определявшей основной вектор румынской внешней политики: «Особое внимание, которое оказывают в последнее время королю Карлу султан и князь болгарский и одинаково любезное отношение к ним короля, как нельзя больше характеризует внешнюю политику этого монарха, не желающего связывать себя никакими обязательствами ни с Турцией, ни с Болгарией, и стремящегося сохранить полную свободу действий с тем, чтобы в нужную минуту стать на ту или другую сторону — в зависимости от обстановки и указаний свыше — от своих немецких союзников»[9]. В геостратегическом отношении положение Румынии рассматривалось как «чрезвычайно выгодное» на Балканском полуострове[10]. В этой связи стремление Бухареста минимизировать последствия греко-румынского конфликта, достигшего остроты в 1905 г., оценивалось в общем контексте складывавшейся в регионе обстановки и влияния на неё внерегиональных сил, прежде всего великих держав, главной из которых в тот период с позиций интересов Российской империи в представлениях военных

[7] Секретная телеграмма российского посла в Константинополе Гирса в МИД, 22 мая/4 июня 1914 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4183. Л. 1.

[8] Запрос 2-го обер-квартирмейстера генерал-майора Борисова военному агенту в Румынии подполковнику М. И. Занкевичу от 7 декабря 1907 г. // РГВИА. Ф.2000. Оп. 1. Д. 810. Л. 72.

[9] Занкевич — в ГУГШ, 25 июня 1907 г. // Там же. Л. 54, 54 об.

[10] Там же.

inslav

российских кругов была Австро-Венгрия. Поэтому именно усилиям Вены приписывалась активизация румынской внешней политики в отношении Греции, так как «политические и коммерческие интересы Румынии, в противоположность Греции нимало не страдают от настоящего конфликта»[11]. Одновременно считалось, что Австрия «не оставляет идеи создания греко-румынского соглашения на Балканах, в противовес всегда возможному союзу славянских племен полуострова»[12].

Особое значение для определения потенциальных угроз, исходящих национальной безопасности Российской империи от внерегиональных сил, имеющих свои интересы на Балканах, представляло соотношение степени русского влияния в соответствующих странах полуострова и активности там Австро-Венгрии. Болгария и Румыния оказалась в центре противоборства между Веной и Санкт-Петербургом. Внешнеполитическая активность Софии рассматривалась как предзнаменование общих серьезных изменений в положении на полуострове. Делавшиеся в этой связи с российской стороны выводы были достаточно пессимистичны: «К сожалению, нужно признать, что почва для таких (антироссийских — *Ар. У.*) настроений в Болгарии, как и вообще на всём Балканском полуострове, весьма благоприятна»[13]. Ряд мер, предпринятых Австрией при назначении своих военных представителей в Болгарии, лишь подтверждали прогноз о намерениях Вены играть более активную роль как во всем регионе, так и отдельных странах полуострова[14].

Образ действия болгарских и австро-венгерских правящих кругов давался военными представителями российского чиновничества с использованием исторических аналогий и негативного для России опыта, с сильной эмоциональной окраской. Так, в частности, отмечалось желание «болгар держаться по ветру и менять своих богов, как они и делали это неоднократно, например, во времена Стамбулова [Стамболова]»[15], а Австрии приписывалось стремление «где и как можно занять место России в умах, сердцах и расчётах балканских государств»[16].

С российской стороны серьезно рассматривалась возможность подготовки Болгарии к войне с Турцией. При этом считалось, что Австро-Венгрия пытается создать под своей эгидой блок дружественных ей балкан-

[11] Занкевич — в ГУГШ, 24 августа 1907 г. // Там же. Л. 61об.
[12] Там же.
[13] Леонтьев — в ГУГШ, 29 января 1907 г. // Там же. Д. 764. Л. 6.
[14] Леонтьев — в ГУГШ, 5 февраля 1907 г. // Там же. Л. 6.
[15] Марченко — в ГУГШ, 23 апреля 1907 г. // Там же. Д. 6816. Л. 1об.
[16] Марченко — в ГУГШ, 27 декабря 1907 г. // Там же. Л. 2.

inslav

ских государств. Конфиденциальные сведения о деятельности турецкой дипломатии, полученные российским Генштабом, свидетельствовали о попытках Вены сплотить страны полуострова против Турции. Эта деятельность австро-венгерской дипломатии имела, по мнению российской стороны, успех во всех столицах государств региона[17]. В свою очередь осенью 1907 г. Афины попытались заключить со Стамбулом союзнический договор, к которому Османская империя хотела бы присоединить и Румынию, направив, таким образом, совместные усилия трех стран против Болгарии[18]. Но именно из-за греко-румынских разногласий уже на первом этапе, а затем и греко-турецких противоречий этот договор так и не был заключен.

Российский интерес к политике Дунайской монархии в славянской части Балканского полуострова во многом объяснялся тем, что традиционным элементом внешнеполитической доктрины России являлось покровительственное отношение к южнославянским народам, нашедшее своё выражение в идее славянской взаимности, принимавшей нередко форму панславизма. В середине 1907 г. внешнеполитические усилия Вены не прошли мимо внимания российской стороны. В связи с чем отмечались изменения в «отношении Австро-Венгрии к славянским государствам Балканского полуострова» после назначения на пост министра иностранных дел барона Эренталя, который, в отличие от своего предшественника графа Голуховского, «их [славян] политически ласкает и приручает». К числу стран, где, по мнению российской стороны, австро-венгерская дипломатия начала достигать серьезных успехов, принадлежали Болгария, Сербия и Черногория[19]. Но на общем фоне усиления позиций Дунайской монархии в балканском секторе широкой балкано-азиатской полосы среди ряда представителей референтных групп в России уже складывалось мнение об Австро-Венгрии как о своего рода «больном человеке Центральной Европы» (по аналогии с «больным человеком в Европе» — Турцией). Именно поэтому они считали, что в «Европе возникает новый вопрос: о судьбе австрийской империи», которая распадется в ближайшее время в силу внутриполитических конфликтов[20]. В российском общественно-политическом дискурсе латентно присутствовала

[17] Марченко — в ГУГШ, 20 февраля 1907 г. // Там же. Д. 713. Л. 11.

[18] Влахов Т. Криза в българо-турските отношения 1895—1908. София, 1977. С. 118, 119.

[19] Марченко — в ГУГШ, 13 июня 1907 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 713. Л. 33.

[20] *Руммель Ю. В.* Отечественный флот как средство обороны и международной политики. СПб., 1907. С. 7

inslav

тема того или иного объединения Сербии и Черногории с целью создания барьера на пути возможного прорыва Австро-Венгрии на Восток[21].

Такая оценка перспектив существования дуалистической монархии была в тот период в большей степени прогнозом, чем констатацией свершившегося. На практике Вена ещё могла создавать серьезные угрозы национальным интересам России (в их имперской трактовке) на Балканах. Примером тому служили австрийские планы экономического и транспортного освоения полуострова. Приобретение «исключительного (так в документе — *Ар. У.*) права на все концессии в Косовском и Салоникском вилайетах, какового домогается австрийское правительство», рассматривалось представителями российского МИДа как вопрос более серьезный, чем «постройка железной дороги от боснийской границы до Митровицы»[22].

* * *

Балканское направление рассматривалось в кругах российской военной и гражданской внешнеполитической бюрократии как одно из самых важных с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской империи. Младотурецкая революция июля 1908 г. ; объявление независимости княжества Болгарии 22 сентября 1908 г. и провозглашение её царством; аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины 7 октября того же года — всё это было так или иначе связано в представлениях российских правящих кругов и референтных групп с источниками потенциальных угроз или ущерба национальным интересам империи. Интерпретация последних делалась в явно алармистском духе, так как постоянно имелась в виду перспектива «утери позиций и влияния» или усиление «русофобии» в конкретных странах.

Государственный переворот, совершенный в ночь на 31 марта 1909 г. противниками младотурок, существенно ослабил внешнеполитические позиции Османской Империи, так как внутренняя нестабильность в стране позволяла великим державам усилить своё проникновение за кулисы османской внутренней политики[23]. В целях противодействия потенциальным противникам на международной арене османские правящие круги продолжили культивирование панисламистских радикально-

[21] *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 1994. С. 63.

[22] Зиновьев — в МИД. 26 января/8 февраля 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 8. Л. 11.

[23] *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция. 1908—1909 гг. М., 1977. С. 217—221.

inslav

политических устремлений внутри традиционного ислама[24]. Проблема соотношения светской и религиозной власти османского монарха, т. е. между халифатом и султанатом как особыми институтами, приобретала вполне конкретное звучание. В случае их полного объединения такой шаг рассматривался с российской стороны как потенциальная угроза национальной безопасности Российской империи, так как с «Турцией придется серьезно считаться прежде всего тем государствам, которые имеют подданных мусульман». Структурный кризис взаимоотношений Запада и Востока оценивался с российских позиций в предельно ясной системе координат: «независимо от собственно турецкой стороны вопроса будущность халифата и султаната имеет значение и в отношении дальнейшего хода борьбы, уже начавшейся между возрождающейся Азией и обнимавшей её до сих пор Европой. Исход этой борьбы будет зависеть от того, на чью сторону в ней станет мусульманство. Пока оно, скорее, склоняется на сторону азиатов»[25].

Со своей стороны российские власти пытались противодействовать распространению радикального политического ислама. Было созвано особое Совещание с повесткой дня: «по противодействию татаро-мусульманскому влиянию». Суть предложенных мер заключалась в недопущении радикализации и политизации ислама внутри России, а на практике — максимально возможное усиление контроля за наиболее крупной неправославной конфессией[26].

На какое-то время в оценках характера возможных взаимоотношений между Российской и Османской империями в российских правящих кругах и референтных группах выявились диаметрально противоположные подходы. Сторонники первого из них, умеренного, рассматривали Порту как государство, с которым Россия может достаточно мирно сосуществовать. Основным аргументов выступала уверенность во внутренней слабости Османской империи. Такой подход проявлялся на протяжении первых трёх месяцев 1908 г. Вывод, делавшийся в российских информационно-аналитических материалах, был следующим: «в наступательных,

[24] Подробнее см.: *Ertürk H.* Iki devrin perde arkası. Istanbul, 1969; *Hiçyılmar E.* Bergelerle Teşkilat-ı mahsusa. Istanbul, 1979; *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). XIX — начало XX в. М., 1985

[25] Чарыков — МИД, 20 января/2 февраля 1910 г. // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 4226. Л. 60.

[26] См. подробнее: Там же. Д.4226.

inslav

самостоятельных замыслах против нас пока трудно подозревать Турцию, она всё ещё для этого слаба, но несомненно, что она добьётся того отношения к своим политическим целям и задачам, чем раньше и она сможет ещё в союзе с первоклассною державою выступить весьма опасным для нас врагом»[27]. Прогноз будущего Порты был однозначным: страна вскоре вновь «вернётся на старую дорогу по наклонной плоскости», а слухи о возможной войне обусловлены тем, что «восток — страна преувеличений, фантазий и невежества и представляет лучшую почву для их [слухов] распространения»[28]. Сторонники более консервативной оценки планов Турции в отношении России и балканских стран, наоборот, полагали возможным усиление экспансионистских планов Порты.

Летом 1908 г. информация о перспективах действий Турции в отношении России постепенно становилась всё более тревожной, а прежнее отрицание угрозы со стороны Порты в адрес Российской империи менялось на уверенность в реальности такой опасности вследствие ухудшения русско-германских отношений. При этом определялись несколько составляющих: во-первых, собственно германские планы не допустить усиления русско-английских отношений путем демонстрации позиций Германии в Турции[29] и, во-вторых, — политика Порты, которая, заручившись «поддержкою Австрии в Македонии и политическою помощью Германии» перестанет «бояться Балканских мелких государств: Сербии, Черногории и Греции, и, получив большую свободу в Македонии, может обратить больше внимания на оборону Адрианополя, а главное, на наш [российский] Кавказский фронт»[30].

В русских военных кругах всё сильнее нарастали алармистские настроения относительно перспективы столкновения Османской и Российской империй на кавказском направлении. Летом 1908 г. такое развитие ситуации уже рассматривалось российской стороной как реальность. Данное обстоятельство серьезно влияло на достаточно сложные отношения между военными и гражданскими чиновниками, связанными с внешнеполитическими проблемами в военном министерстве и МИДе. Руководитель последнего А. П. Извольский постарался не допустить вмешательства военных в международные дела даже на уровне аналитической рекомендательной работы. Копия сообщения военного агента в Болгарии полковника М. Леонтьева о болгаро-турецких противоречиях и возможных

[27] Хольмсен — в ГУГШ, 1 марта 1908 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57об.
[28] Там же. Л. 58.
[29] Хольмсен — в ГУГШ, 20 июня 1908 г. // Там же. Д. 1011. Л. 186 об.
[30] Хольмсен — в ГУГШ, 27 июня 1908 г. // Там же. Л. 196.

inslav

позициях России, пересланная в феврале 1908 г. в МИД из военного министерства, получила спустя полгода (!) ответ, направленный в военное ведомство. Министр иностранных дел в жесткой и категоричной форме фактически отверг идею русско-болгарского союза против Турции, заявив, что «главною нашей целью в настоящее время... является всемерное устранение возможности новой войны, во всяком случае, устранение с нашей стороны всего того, что могло бы в глазах Порты послужить поводом к агрессивным действиям. С этой точки зрения казалось бы необходимым, чтобы и в Софии военный агент, равно как и дипломатический представитель наш, приняли все усилия к возможному успокоению Княжеского Правительства и отнюдь не давали бы вселяться в умах уверенности о возможности с нашей стороны объявления войны с Турцией»[31]. Срочной шифровкой спустя два дня после получения письма Извольского и по его настоянию, выраженному в резкой форме, до сведения военного агента в Болгарии была доведена директива МИД о политике России в Болгарии[32].

Июльские события в Османской империи, ознаменовавшие начало младотурецкой революции[33], рассматривались в российских правящих кругах с позиций их значимости для национальной безопасности страны. В соответствии с прогнозом военных аналитиков, датированным к 1908 г., «главным центром, который будет давать направление ходу событий в Турции, относится Европейская Турция, где сосредоточены лучшие передовые силы государства, там же находится и самый сложный узел — противоречивые интересы различных народностей Балканского полуострова, — распутать который окончательно далеко не лёгкая задача. Однако и Азиатская Турция, по своему обширному и преобладающему количеству мусульманского населения, должна также иметь большое влияние на дальнейший ход событий в Оттоманской империи»[34]. Тем временем пришедшие к власти младотурки вскоре отказались от провозглашенной ими же политики равенства всех народов, проживающих в империи.

---

[31] Министр иностранных дел Извольский — в Военное министерство, 7 июля 1908 г. // Там же. Д. 6841. Л. 38, 38 об.

[32] Там же. Л. 39.

[33] См. подробнее: *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972; *Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение. М., 1971; *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908-1909 гг. М., 1977.

[34] Турция. Внутреннее положение в прилегающей к Кавказу части Азиатской Турции после восстановления конституции. Из донесения Кавказского военного округа. 1908 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3826. Л. 156 об.

inslav

Политика отуречивания, проводившаяся при прежнем режиме, продолжилась теми же способами и методами. Вновь начались антиармянские погромы и массовые убийства армян. Уже в апреле 1909 г. младотурки провели массовую резню армянского населения в г. Адана, убив свыше 30 тыс. мирных жителей[35].

Внутриполитические перемены в Османской империи как в российских руководящих кругах, так и в референтных группах рассматривались в контексте общих стратегических интересов России. Николай II отмечал в этой связи, что «введение представительного строя в Турции, весьма гадательного в смысле его устойчивости, не может изменить политики России по отношению к ней и народностям Балканского полуострова»[36]. Происходящее в Османской империи характеризовалось российскими гражданскими дипломатическими чиновниками не иначе как «разложение» имперской системы, которая может окончательно прекратить своё существование под воздействием внешних факторов в виде силового воздействия со стороны одной из Балканских стран, в частности, Болгарии. При этом для России внезапное крушение Порты с точки зрения её национальной безопасности, по мнению экспертов российского МИДа, было крайне нежелательным в силу своих последствий для региона и позиций в нем России[37]. Весьма характерно, что определения «внутренний хаос», «дезорганизация» и «распад» использовались в понятийном аппарате представителей военных кругов, а также референтных групп в отношении внутриполитического состояния государств региона для выявления источников основных угроз российской национальной безопасности[38].

В свою очередь военные представители российской бюрократии стремились более детально определить суть происходивших событий в Порте, видя в них начало серьезных процессов, свидетельствующих о надвигающихся изменениях в целом на исламском Востоке: «в мусульманском мире незаметно совершился психологический переворот в сторону либеральных европейских идей, с которыми необходимо считаться, не только новому правительству, но и иностранным державам в определении нового политического курса, который придётся проложить по отношению к Тур-

---

[35] Подробнее о массовых убийствах армян в 1909–1913 гг. и в целом на протяжении конца XIX в. – 20-х гг. XX в. см.: Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1982.

[36] Собственноручная запись Николая II на докладе Чарыкова, 26 августа 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 35. Л. 155.

[37] Чарыков – Сазонову, 14 сентября 1909 г. // Там же. Д. 216. Л. 4.

[38] Всеподданнейший отчет Начальника Закаспийской области за 1911 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4168. Л.3, 3 об.

inslav

ции для использования нового положения в свою пользу»[39]. Внутренние противоречия османского общества давали основания для предположений о наличии в нем мощного конфликтного потенциала. При этом конфессиональный фактор приобретал решающее значение в этих рассуждениях: «Но как примирить христиан с исламом, который проповедывает борьбу с неверными?»[40].

Внутренний кризис Османской империи активизировал внешнеполитические действия Австро-Венгрии на балканском направлении, прежде всего в Боснии и Герцеговине, находящихся под австро-венгерской оккупацией по решениям Берлинского конгресса 1878 г. Попытки расширения Дунайской монархии за счёт включения в её состав этих территорий приобретали вполне реальное очертание. Определение представителями российского военного чиновничества, занятого на внешнеполитическом направлении так называемой центральной проблемы Австро-Венгрии, давалось через интепретацию внутриполитической жизни империи. Противоборство между её австрийской и венгерской составляющими испытывало на себе влияние и ещё одного фактора: «общеславянские вопросы в Австрии силою обстоятельств получили органическую связь между собою и заняли особое внимание государственных людей Австро-Венгрии»[41].

Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, предпринятая 24 сентября 1908 г., оказалась столь стремительной и неожиданной как для России, так и других европейских государств, не говоря о Балканских странах, что казавшееся достигнутое ранее на полуострове положение status quo оказалось под вопросом. Фактически Бухлауские договоренности между Санкт-Петербургом и Веной были нарушены преждевременными и односторонними действиями австро-венгерской стороны, которая стремилась получить максимальную выгоду от нерешительной позиции России. В российских руководящих кругах особое внимание уделялось перспективе развития событий после аннексии Боснии и Герцеговины в контексте тактики создания в Австро-Венгрии особой, выгодной для России ситуации. По мнению Николая II она заключалась в том, что для Сербии и Черногории «из эвакуации Санджака вытекает в будущем возможность, при известных условиях, то есть в случае ликвидации Турецкой Империи, восстановить в этой области границы Сан-Стефанского трактата». Территориальный передел, при котором «на съедение мадьярам» будет отдана Хорватия, а Далмация будет присоединена к Авс-

[39] Хольмсен — в ГУГШ, 11 июля 1908 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д.

[40] Там же.

[41] Марченко — в ГУГШ, 21 августа 1908 г. // Там же. Д. 670. Л. 15.

inslav

трии, в то время как Босния и Герцеговина присоединится к Далмации, «мало печалил» российского монарха по его собственным словам. Столь неожиданный подход к этой теме объяснялся расчетом Николая II на то, что при «слиянии Боснии и Герцеговины с Далмацией дает в последней окончательный перевес славянскому и притом православно-сербскому элементу; оно уничтожит легендарное триединое кроатско-католическое царство «Царство Звонимира», оно даст в венском рейхсрате голосов 20 новых славян и притом православных, и тем закрепит там уже теоретически существующее славянское большинство на благо Крамаржу и его и нашим политическим друзьям. В Загребе сербско-кроатская коалиция не распадется, а ещё теснее сплотится под мадьярским напором, а съесть Кроацию легко и скоро нельзя»[42]. Изменение внутриполитического этногеографического баланса в Австро-Венгрии, способного ослабить её изнутри, достаточно активно рассматривалось как своего рода рабочая гипотеза представителей референтных групп и внешнеполитической бюрократии. Попытки трансформации дуалистической в триединую монархию, сопровождаемые внутренними потрясениями, виделись как самая ближайшая перспектива[43].

На Балканах ситуация развивалась в явно конфликтном направлении. Назревавший в 1905–1907 гг. между Болгарией и Турцией межгосударственный конфликт рассматривался в российском МИДе с точки зрения «механики» его реализации, в связи с чем делалось и соответствующее заключение: «Турция на случай предполагаемого столкновения с Болгариею стремится изолировать последнюю, обеспечив себе содействие Греции, Румынии, Сербии и Черногории»[44]. Заключение осенью 1907 г. договора между представителями болгарского и албанского населения в районах нахии Преспы и казы Корчи в борьбе против греков[45] приобретало особое

[42] Чарыков — Извольскому, 8 сентября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 204. Л.6. Не менее драматично оценивалась возможная судьба российского влияния в регионе и в 1909 г.: «в случае осложнений на Балканах, весь ближневосточный вопрос может быть (аналогично с вопросом аннексии) разрешен без нашего [российского] участия, обрекая нас или на унижение и окончательную утрату престижа, или на серьезную войну» // Военный агент в Вене М. К. Марченко — Начальнику Генерального Штаба генерал-лейтенанту Е. А. Гернгросу, 30 декабря 1909 г. // РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

[43] Выписка из письма графа Бобринского Д. Н. Вергуну, 23 января 1909 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 69. Л.130.

[44] Письмо министра иностранных дел Извольского русским представителям в столицах Балканских государств от 1 февраля 1907 г. // Цит. по: *Агаки А. С.* Указ. соч. С. 54.

[45] Выписка из донесения коллежского ассесора Каля, Битоль, 18 декабря 1907 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 8. Л. 1.

inslav

значение в виду существовавшей заинтересованности в происходящих событиях на Балканах практически всех европейских государств, России и, разумеется, Турции. Для соседних Сербии, Черногории и Греции развитие албанского национального движения имело одно из важнейших значений, так как от его идейно-политической направленности зависел широкий комплекс взаимоотношений на полуострове, имея в виду взаимосвязь этнополитических и внешнеполитических аспектов любой из региональных проблем. Череда восстаний 1903–1907 гг. против османских властей как в самой Албании, так и местах компактного проживания албанцев в Македонии и косовском вилайете[46], была связана в той или иной степени и с национальными движениями соседних народов. Младотурецкая революция сначала была воспринята албанцами как шанс для развития собственного национального движения, но вскоре, по мере перехода младотурок на пантюркистские и имперские позиции, перестала уже оцениваться положительно идеологами албанцев и албанским общественным мнением в целом.

Одновременно, при всей сложности межэтнических и межконфессиональных отношений на Балканах, вопрос о благоприятной реакции со стороны соседних стран и народов для албанцев, сражавшихся с Портой, к 1911 г. уже не являлся проблемой. Во многом это объяснялось общими интересами Софии, Белграда, Афин и Подгорицы на Балканах.

В то же время на полуострове существовали области, потенциально опасные с точки зрения конфликтного потенциала. Так, в частности, ситуация в Македонии вообще являлась основой для долговременных этнополитических и межгосударственных конфликтов, что привело российскую сторону к заключению: «Нет сомнений, что борьба интересов на македонской почве всегда будет разделять Болгарию и Сербию»[47]. Со стороны официальных российских властей в феврале 1911 г. была предпринята попытка усилить своё политическое влияние на события, происходящие в наиболее удаленном секторе Балкан, а именно — в Албании. Развитие албанского национального движения в начале XX в. всё больше свидетельствовало о недалекой перспективе создания на полуострове нового государства. Возникавшие на протяжении последних лет XIX в. и в первые годы XX в. общественно-политические и просветительские албанские организации всё настойчивее выступали за создание собственной го-

[46] Подробнее о развитии национального движения в Албании в этот период см.: *Skendi S.* The Albanian National Awakening, 1878–1912. Princeton, 1967.

[47] Посланник в Болгарии Сементовский — в МИД, 10 января 1908 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 8. Л. 4.

inslav

сударственности[48]. Российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков заявил одному из руководителей албанского национального движения, ставшему после провозглашения независимости Албании 28 ноября 1912 г. главой её Временного правительства, И. Кемалю «о благоприятном расположении России к албанцам и поставил его в известность, что получил поручение от российского правительства предпринять шаги перед Высокой Портой в поддержку предоставления амнистии албанским беженцам в Черногории»[49]. Одновременно русский посол попросил И. Кемаля «оказать влияние с тем, чтобы избежать любого албанского повстанческого движения до тех пор, пока не будут видны результаты предпринятых [послом] шагов и посоветовал достигнуть мирного и братского соглашения между албанцами и их славянскими соседями»[50]. В самом российском МИДе так называемый албанский вопрос стал предметом аналитического рассмотрения ещё в начале XX в., что свидетельствовало об определенном интересе имперского внешнеполитического ведомства в отношении Албании и о поисках неких решений её дальнейшей судьбы[51]. На протяжении 1912 — 1915 гг. со стороны российских экспертов — представителей гражданской внешнеполитической бюрократии — делались вполне конкретные заключения и предположения о границах Албании. Это нашло своё отражение в выводе ряда из них о том, что границы Албании «были не столько этнографические, сколько политические, так как около половины земель, населенных албанцами, не вошли в состав Албанского княжества, а были поделены между соседними государствами»[52]. Проблема паритета Балканских стран, включая как этнополитические, так и военные аспекты международной жизни, превращалась в представлениях

---

[48] *Rahimi Sh.* Gjurmime historike të Rilindjes kombëtare. Prishtinë, 1986. F. 124–130.

[49] Сообщение греческого посольства в Константинополе в МИД Греции. 14 февраля 1911 г. // Ελληνισμός τής Βόρειου Ηπείρου και Ελληνοαλβανικές σχέσεις. Έγγραφα απο το Ιστορικό Αρχείο του Υπουργείου Εξωτερικών. Αθήναι, 1995. Τ. Α'. Σ. 194. Подробнее о российской политике в отношении албанского национального движения в описываемый период см: *Сенкевич И. Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; *Martinović* S. Rusija i albanski nacionalni pokret 1878–1912 godine. Priština, 1983.

[50] Στό ίδιο.

[51] *Никифоров А. А.* Материалы Архива внешней политики России о православном славянском населении Северной Албании во 2-ой половине XIX – начале XX вв.// Становиштво словенског порijекла у Албанији. Титоград, 1991. С. 603.

[52] Цит. по: *Никифоров А. А.* Указ. соч. С. 605. Наиболее известными аналитическими материалами по данной проблеме были составленные российским дипломатом А. М. Петряевым «Записка по албанскому вопросу (1912–1913 гг.)» и пространный очерк «Албания и албанцы» (1915 г.) Именно оии и упоминаются А. А. Никифоровым.

inslav

российской внешнеполитической бюрократии в серьезный вопрос стабильности на полуострове. Албанская тема вызвала к жизни утверждение, суть которого заключалась в том, что «всякий признак объединения какой-либо великой Албании с определением территориальных границ приведет неминуемо к взрыву национальных чувств на Балканском полуострове и представит в этом отношении серьезную опасность»[53].

На протяжении первых трех лет XX в. ситуация на Балканах привлекала внимание политиков и общественного мнения в столицах европейских государств сразу по нескольким направлениям и обуславливалась целой группой факторов: 1) острым внутриполитическим конфликтом в Османской империи, где в её балканских и северо-восточных азиатских владениях усилилось национально-освободительное движение подвластных народов; 2) серьезным внутриполитическим кризисом в Сербии, связанным с кризисом института монархии, и, наконец, 3) обострением внешнеполитической конъюнктуры (австро-венгерско-сербскими противоречиями; соперничеством Великобритании, Германии и Российской империи на Ближнем Востоке и в центрально-азиатском регионе). Заявления, сделанные в частных беседах австрийскими военными деятелями, как, например, находившимся в отставке бывшим начальником австро-венгерского Генштаба графом Беком, наоборот, не оставляли сомнений относительно планов Вены: «Сербия совершенно не создана для самостоятельного существования, а дни Карагеоргиевичей сочтены, если они не переменят своего курса в отношении Австрии. Сербия географически, этнографически, в промышленно-торговом отношении призвана тяготеть к нам [Австро-Венгрии]. Рано или поздно мы её инкорпорируем. Это исторический процесс, с которым нужно примириться. Знатоки дел и наш Гисл (австро-венгерский военный агент в Константинополе — *Ар. У.)*, пророчат близкую катастрофу в Турции. А Россия всё на свое горе, вместо того, чтобы сговориться с нами, поддерживает Болгарию, которая, верьте мне старику, ответит черной политической неблагодарностью... О балканском союзе можно только мечтать. Я улыбаюсь, когда наивные люди о нём говорят. Это детский миф, разбиваемый фактической невозможностью соединить противоположные интересы балканских народцев»[54]. В этой связи становилось важным изучение вероятных действий государств региона в ближайшее время. Особое место в этих

[53] Цит. по: *Шатилова Л. В.* Положение славянского населения в Албании и Македонии в период албанского национального движения 1910—1912 гг.// Становиштво словенског поријекла. С. 698.

[54] Марченко — в ГУГШ, 24 ноября 1909 г. // Там же. Д. 717. Л. 35, 35 об.

inslav

калькуляциях начинает занимать Румыния. Предположения, делавшиеся российской стороной, заключались в выдвижении следующих тезисов: «Болгария — величайший враг Румынии; за спиной Болгарии стоит Россия... Нынешняя Сербия также если не враг, то и не друг Румынии, покровительствуется Россией и дружит с Болгарией... Словом, Румыния видит себя окруженной со всех сторон враждебными ей славянскими государствами, а при таком взгляде и при известных симпатиях короля Карла слухи о заключении договора с Тройственным союзом делаются весьма правдоподобными... Румыны заявляют, что они не потерпят увеличения Болгарии на счет Македонии и что если это случится, то они потребуют "компенсации" в виде присоединения четырехугольника Рущук — Силистрия — Варна — Шумле»[55].

* * *

Характеризуя социально-экономическое положение в балканских государствах и их военно-политический потенциаа представители российских референтных групп использовали присущую для того периода лексику, отражавшую категориально-понятийный аппарат и образ мышления этого социального и профессионального слоя: «Экономическое положение населения в Болгарии относительно прекрасное. В стране безземельного пролетариата не имеется; каждый болгарин имеет землю, сад, виноградник, несколько штук крупного и мелкого рогатого скота и положение его совсем не таково, как, например, в Румынии, где земля главным образом принадлежит крупным собственникам и где большинство населения рабы. Слов нет, что финансовое положение страны плохое, но явилось оно, вследствие посторонних причин — недостатка системы, хищений и неумения распоряжаться поступающими средствами людей, стоящими у власти. Податная же способность населения весьма значительная»[56].

Внутриполитическая нестабильность, характерная для молодых государств Балканского полуострова, была и фоном, и катализатором серьезных изменений в различных областях жизни этих стран. Достаточно трудно было уловить основной вектор на первый взгляд спонтанных и хаотических событий, развитие которых проходило лишь в направлении, понимаемом с позиций национального менталитета и традиций. Развитие внутриполитической ситуации в Греции в ноябре — декабре 1902 г. с точки зрения представителей российских военных кругов оценивалось

[55] Доклад генерал-лейтенанта Сахарова Николаю II из сообщений военного агента Леонтовича, 19 февраля 1901 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 797. Л. 37 об.

[56] Там же. Л. 3 об, 4.

inslav

как усиление протестных форм социальных низов, чреватых насилием, а отдельные политические деятели характеризовались крайне негативно: «Афинская чернь сегодня устроила демонстрации перед королевским дворцом в пользу своего героя — демагога Делиянниса, которого она во что бы то ни стало хочет провести в первые министры»[57]. Одновременно для России, соперничавшей на Балканах с другими великими державами, было важно каждое свидетельство враждебности местных политических сил и общественного мнения в отношении российских конкурентов на полуострове. В этой связи с точки зрения национальных интересов Российской империи и выявления источников угроз её национальной безопасности в 1902 г. была важна враждебность, «которую греки питают к Германии за её политическую роль во время последней греко-турецкой войны»[58].

В свою очередь внутриполитическая ситуация в Болгарии анализировалась российской стороной с учетом возможных негативных для империи изменений и отражала в целом алармистский настрой имперской бюрократии относительно ослабления российского влияния на полуострове. В этой связи, в частности, падение министерства Данева[59] объяснялось «...желанием князя Фердинанда удалить от власти людей, которые... опираясь на симпатии и поддержку России, не подчинялись безусловно его воле, и заменить их людьми вполне ему послушными и заведомо сочувствующими Западу...», поскольку с приходом к власти стамбулистов[60] начался поворот в сторону Запада[61].

Сама ссылка на приход к власти сторонников Ст. Стамболова, использовавшаяся в российских официальных внешнеполитических документах, порождала тревогу в кругах военной и гражданской бюрократии

---

[57] Хольмсен — в Главный Штаб, 20 ноября 1902 г. // Там же. Д. 855. Л. 3 об.

[58] Доклад Начальника Главного Штаба генерал-лейтенанта Сахарова Николаю II, (20-е числа декабря 1902 г.) // Там же. Л. 7об. На документе имеется отметка о том, что Император ознакомился с докладом 26 декабря 1902 г.

[59] С 21 декабря 1901 г. по 3 мая 1903 г. в Болгарии существовало правительство, образованное Прогрессивно-либеральной партией во главе с её лидером Ст. Даневым, выступавшим за более тесные отношения с Россией.

[60] Правильно — стамболистов, т. е. сторонников Ст. Стамболова, выступавшего против односторонней ориентации страны на Россию и известного своей политикой проевропейской направленности, а также попытками заручиться поддержкой у Турции при решении фракийского и македонского вопросов.

[61] Извлечение из донесений наших военных агентов в Болгарии и в Константинополе о положении внутренних дел Княжества и о заказах, сделанных турецким правительством // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 770. Л. 15, 16. До-кумент подписан В. В. Сахаровым 22 августа 1903 г.

inslav

Российской империи. Для неё были глубоко символичны и памятны слова, сказанные ещё в 1894 г. лидером партии, ориентированной на жёсткий курс в отношении Российской империи, когда в ответ на речь премьер-министра К. Стоилова он заявил: «Так как я не могу признать, что у нас была необходимость в России до нынешнего времени, считаю преступлением искать примирения с Россией, только для того, чтобы признать Князя[62]... Нам не нужна официальная Россия! Ни сейчас, ни в будущем! Если мы могли терпеть русскую неприязнь девять лет, и не нанести ущерба нашим интересам, то не верю, что мы можем и девять лет терпеть русскую дружбу без того, чтобы не нанести значительный ущерб нашим подлинным интересам»[63].

Ставка на необходимое сотрудничество с Россией, которую начинали делать правящие круги Румынии, оценивалась в то же время российской стороной крайне противоречиво: «Весьма возможно, и вероятно, ... в недалеком будущем румынскому королевству суждено будет снова войти в сферу русского политического влияния»[64]. Характеристика «официальной Румынии» давалась как «глубоко враждебная России и всему русскому». Крупнейшие руководители политических партий Стурдза и Карп рассматривались не иначе как «недоброжелатели России». Но наиболее резко оценивалась общественно-политическая система страны, что делалось в контексте русских интересов: «К счастью для нас, румынские политические партии и их вожаки отнюдь не служат выразителями чувств и стремлений различных общественных слоев румынского народа. Можно смело сказать, что в Румынии, более чем где-либо народ этот сам по себе, Король же и верхи онемеченной интеллигенции — сами по себе»[65].

---

[62] Имеются в виду события 80-х гг. XIX в., когда 9 августа 1886 г. группа военных, связанных с Россией, совершила государственный переворот, повлекший отречение князя Александра Батенберга — правителя Болгарии. В ходе ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками свергнутого монарха, у власти в стране оказалась группа регентов — Ст. Стамболов, П. Каравелов и С. Муткуров. 7 июля 1887 г. Великое народное собрание избрало князем Болгарии немецкого принца Фердинанда I Сакс-Кобург-Готски. Стамболов играл важную роль на протяжении 1887—1894 гг., когда он занимал пост премьер-министра. Россия долгое время не признавала князя Фердинанда правителем Болгарии в связи с тем, что он был выбран на престол без соблюдения международных договоренностей, гарантами которых выступали великие державы.

[63] Лисицата и лъвът. Фердинанд I на фона на българската психологическа и политическа действителност 1886—1902. Съставители Д Давчева, С. Овчаров. София, 1994. Т. I. С. 170.

[64] Леонтьев — в Главный Штаб,12 сентября 1903 г. // Там же. Л. 139 об.

[65] Там же. Л. 139 об, 140.

inslav

В Черногории, являвшейся важным геостратегическим звеном Балкан с точки зрения российских национальных интересов (как их понимала в конце 1904 г. высшая бюрократия Российской империи), внутриполитическая ситуация также вызывала серьезные опасения с российской стороны. Позиция местного монарха и близких к нему представителей правящего слоя оценивалась военной разведкой как австрофильство, проявление которого особенно ярко последовало после неудач России на Дальнем Востоке[66]. Особое внимание в этом контексте приобретала характеристика черногорского общества и его отношения к России, что свидетельствовало о желании использовать этот потенциал во внешнеполитических целях империи: «Черногорский простой народ вполне бескорыстно любит братьев-русских и отождествляет наши интересы со своими собственными, но черногорское чиновничество, особенно молодежь, воспитанная в Западной Европе, относится к нам весьма недружелюбно, считает получаемую от России субсидию нашим [России] долгом за помощь, оказанную черногорцами в турецкую войну и высказывает мысль, что в случае прекращения субсидии Черногория легко может получить материальную поддержку от всякой другой державы, с которой она согласится действовать заодно»[67].

К началу 1905 г. в Черногории всё более очевидным становился конфликт между князем Николаем, обладавшим фактически неограниченной властью и представителями влиятельного слоя старейшин — Й. Пилетича, П. Павливича, которые были вынуждены эмигрировать из-за преследований со стороны властей. Как внутриполитическая нестабильность в этом одном из беднейших даже по балканским меркам государстве, так и внешнеполитические причины способствовали усилению недовольства жителей страны социально-экономическим положением и авторитаризмом князя. Политическая оппозиция начала объединяться вокруг известных в Черногории военных и политических деятелей Ш. Петровича и Й. Хайдуковича. Стремясь сохранить режим личной власти и модернизировать общественно-политическую систему, князь Николай провозгласил проведение конституционной реформы. С российской стороны эта мера рассматривалась как вынужденная и делался соответствующий вывод о том, что «якобы зарождающийся "новый режим" в сущности, ничего нового в жизнь княжества не внесет, если только не разбудит

[66] Извлечение из донесений военного агента в Черногории подполковника Потапова от 29 октября и 4 ноября 1904 г. Составил генерал-лейтенант Фролов, 16 ноября 1904 г. // Там же. Д. 836. Л.56 об.

[67] Там же. Л. 56, 56 об.

inslav

спящие пока аппетиты населения»[68]. Последовавшие в декабре 1905 г. события — созыв скупщины (местного парламента) и провозглашение конституции, являвшейся копией сербской конституции 1869 г. — показали в определенной степени верность данной оценки, так как глава государства — князь Николай — продолжал сохранять в своих руках всю полноту исполнительной и законодательной власти, а существование новосозданного парламента представляло собой элемент «демократического украшения» власти. Пришедшее на смену находившегося у власти 26 лет правительства воеводы Б. Петровича правительство Л. Миюшковича, назначенное, как обычно, князем Николаем, активизировало политические и экономические связи с Италией, что имело особое значение в условиях поражения России в войне с Японией и продолжавшимися российскими субсидиями, предоставляемыми Подгорице. Подобная позиция являлась отражением общей линии князя Николая.

Противоречивое развитие внутриполитической ситуации в малых балканских странах серьезно влияло на их международные позиции. Сербия, рассматривавшаяся в Санкт-Петербурге как важный союзник России на Балканах, переживала тяжелые времена. Усиление противостояния между королём Александром и офицерским корпусом, в основе конфликта между которыми лежали как личные причины (ненависть в отношении супруги короля со стороны большей части сербского общества), так и внешнеполитические факторы (недовольство проавстрийским курсом монарха), вылилось весной 1903 г. в серьезные и драматические события. Демонстрация в Белграде, показавшая «единство армии и народа против королевского режима»[69], была грозным признаком надвигающихся перемен. Заговор офицеров, большая часть которых была сотрудниками военной разведки (включая и руководителя группы — Др. Дмитриевича (Аписа), серьезно повлиял на внутри — и внешнеполитическую жизнь Сербии. Государственный переворот, проведенный ими в ночь с 28 на 29 мая и повлекший физическую ликвидацию короля Александра и его супруги Драги, способствовал переориентации Сербии во внешней политике на Россию, с которой связывались большие надежды в деле усиления королевства на Балканах и объединения сербских земель в рамках единого государства. Новым королем на срочно созванном заседании распущенного ранее Александром парламента стал Пётр Карагеоргиевич.

---

[68] Потапов — в Главный Штаб, ноябрь 1905 г. // Там же. Л. 64.

[69] *Mackenzie D.* Officer Conspirators and Nationalism in Serbia, 1901—1914 // Essays on War and Society in East Central Europe, 1740—1920. Ed. by St. Fisher-Galati and B. K. Király. Boulder, 1987.P. 123.

inslav

К 1905 г. ситуация на Балканах моделировалась российской стороной в следующем виде: «Румыния очень нервно относится к кризису, происходящему в настоящее время в Австро-Венгрии, в случае отделения Венгрии от Австрии отойдет и населённая румынами Трансильвания, входящая в состав земель Венгерской короны; такому положению вещей здесь [в Румынии] далеко не сочувствуют, предвидя, что самостоятельное венгерское королевство примет самые энергичные меры для мадьяризации трансильванских румын. С другой стороны, Румыния живёт несбыточной мечтой о воссоединении всей румынской национальности под скипетром королевства и Трансильвания издавна составляет предмет её мечтаний. Мечты эти могли бы осуществиться в большей или меньшей степени если бы, в случае открытого разрыва Венгрии с Австрией и вооруженного между ними столкновения, Румыния подала бы руку помощи Австрии, оккупировав по соглашению с ней Трансильванию»[70]. Одновременно в расчёт бралось и обострение румыно-греческих отношений, основной причиной которого стало недовольство Бухареста греческими претензиями в Македонии и той её части, которая была заселена близким румынам этническим населением — куцовлахами. Греческая община в Румынии подверглась серьезным гонениям со стороны официальных властей, получивших поддержку в румынском обществе. Начали закрываться греческие газеты, выходившие в Румынии, высылаться греческие граждане. Греко-румынский спор, развивавшийся с середины 1905 г., лишь способствовал активизации образа нестабильного, подверженного постоянным кризисам балканского геополитического пространства. В этой связи российской стороной делался следующий прогноз на ближайшее время в связи с осложнением отношений между Афинами и Бухарестом: выход куцовлахов в Македонии из юрисдикции константинопольского патриарха и переход под юрисдикцию болгарского экзархата[71]; активизация политической оппозиции в Румынии, использующей факт греческого происхождения премьер-министра Кантакузина и обвиняющей последнего в «потворстве и скрытных симпатиях» грекам с целью достичь падения правящей партии[72]. Сочетание внутренних и внешних аспектов конфликта порождало очередную коллизию в отношениях между Румынией и государствами Тройственного союза. Опасное для России сближение Бухареста с Веной, как и прогнозировалось ранее в российских

[70] Сысоев — в Главный Штаб, 16 декабря 1902 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 826. Л. 10, 10 об.

[71] Там же. Д. 797. Л.228.

[72] Занкевич — в Главный Штаб, 10 сентября 1905 г. // Там же. Л. 201.

inslav

дипломатических кругах, оказалось недостаточно сильным. Конфликт с Грецией, в соответствии с российским видением его динамики во второй половине сентября 1905 г., «вызвал большое неудовольство австрийской дипломатии, ещё недавно мечтавшей о создании греко-румынского соглашения по делам Македонии в противовес славянским народностям... Здесь сильно рассчитывают на содействие Германии, всегда поддерживающей Румынию в Македонском вопросе ценою полного экономического порабощения страны»[73]. В очередной раз этнотерриториальная проблема выступала катализатором не только обострения межгосударственных отношений, но и серьезно влияла на внешнеполитические ориентиры вовлеченных в конфликт стран, давая шанс для победы тех или иных внутриполитических сил, добивающихся доминирования на национальной арене.

К 1907 г. внутриполитическое положение в Румынии, где сформировалась двухпартийная система, рассматривалось российской стороной крайне критично. Как полагали в России, обе партии преследовали «узкопартийные интересы и мало отличаются друг от друга», а присвоенные ими названия «не соответствуют сущности проповедуемых ими идей»[74]. В заключении о ситуации в Румынии, представленном в Генштаб в начале 1908 г., при объяснении причинно-следственных связей общественного кризиса в Румынии превалировал социальный аспект: «Не подлежит сомнению, что с течением времени благодаря обездоленному положению крестьян, в Румынии сложилось слишком много горючего материала, так что достаточно было незначительного толчка, чтобы вызвать взрыв народного восстания... Так как наибольший гнёт народ терпел от арендаторов-евреев, то чисто экономическое по природе своей движение вначале приобрело несвойственную ему по существу националистическую окраску»[75].

Образ Румынии в российских военных кругах, связанных с внешнеполитическими вопросами, в первой трети 1907 г. определялся рядом черт: «бедственным положением сельского населения»; наличием «одной из самых либеральных в Европе конституций» на бумаге, но в действительности решающей ролью «крупно-землевладельческой олигархии»; отсутствием участия в парламентской деятельности крестьянства, составляющего 80% населения страны и фактическим превалирующим значением в ре-

[73] Занкевич — в Главный Штаб, 22 сентября 1905 г. // Там же. Л. 234.

[74] Занкевич — в ГУГШ, 12 марта 1907 г. // Там же. Д. 803. Л. 42.

[75] Выписка из справки по разведывательному отделению об аграрных волнениях в Румынии в марте 1907 г. в связи с положением вопроса о крестьянском землевладении. Участие в подавлении беспорядков в армии. Состав-лена окружным генерал-квартирмейстером генерал-майором Калниным, начало 1908 г. // Там же. Д. 6767. Л.1 об.

inslav

шении государственных дел «небольшой кучки крупных земельных собственников»; невозможностью решения аграрного вопроса при существующем в стране положением. Особое внимание уделялось положению в аграрном секторе Румынии. Оно характеризовалась резко негативно, и главной причиной кризиса в рассуждениях военного агента выступало взаимодействие между новыми социальными слоями румынского общества, в котором шло становление рыночных отношений[76].

Ситуация в Румынии к 1907 г. по ряду обстоятельств была схожей с положением дел в Черногории. Местный правитель князь Николай попытался провести некоторые преобразования (введение конституции, создание парламента и частичная замена обязательных отработок на строительных работах денежным налогом) с целью усилить собственную власть и не допустить расширения недовольства. Наряду с коррупцией и явными злоупотреблениями властей, нарушавших собственные законы, правительство Л. Миюшковича, назначенное князем, проводило непопулярную среди черногорцев политику сближения с Италией. Это воспринималось большинством населения как угроза национальному суверенитету страны и отказ от тесного сотрудничества с Россией, чей престиж среди южных славян и в частности черногорцев, был всегда высок. Князь Николай постарался минимизировать нарастающее недовольство, отправив в отставку правительство Миюшковича и назначив 29 сентября 1906 г. М. Радуловича — лидера оппозиции, председателем нового правительства. В самой Скупштине (парламенте) была создана оппозиционная режиму князя Народная партия, образовавшаяся из общественно-политического объединения — Народного Клуба, — в связи с чем её члены получили название «клубашей». Причинно-следственная связь роста влияния оппозиции и событий осени 1906 г. определялась российской стороной в форме «характеристики момента»: «Издавна царившее в народе глухое неудовольствие правительством, взимавшим с населения большие налоги, но мало заботившимся об его благосостоянии, определилось вполне ясно в сентябре минувшего года, когда 3/4 избранных в Скупштину депутатов оказалось на стороне оппозиции»[77]. Вывод был однозначным: «Черногория со своим Господарем переживает в настоящее время довольно важный исторический момент».

Кризис в Болгарии в начале 1908 г. правительства П. Гудева, возглавлявшего стамболистскую Народно-либеральную партию, рассматривал-

[76] Там же. Д. 6767. Л. 1 об.

[77] Потапов – в ГУГШ, 13 мая 1907 г. // Там же. Д. 844. Л. 138.

inslav

ся российскими внешнеполитическими кругами как преддверие серьезных потрясений во всём регионе. Цепь логических рассуждений обосновывалась российской стороной, прежде всего особенностями политического развития Болгарии и соперничеством внутриполитических сил. Перспектива развития ожидаемых событий давалась в виде ряда заключений. Во-первых, предполагалось, что стамболистская партия, имея в виду невозможность долгого продолжения «финансового напряжения», т. е. больших ассигнований на армию, будет стремиться к войне и стараться сделать её неизбежной. Во-вторых, делался прогноз, что «начинать войну сразу с Турцией было бы неосторожно. Выгоднее начать с Сербии». В соответствии с этой гипотетической схемой болгарская армия должна была перейти границу и занять «южные части Сербии, примыкающие к Македонии, в качестве как бы залога исполнения справедливых желаний Болгарии». В-третьих, делалось заключение, что «опираясь на свою 400 000-ую мобилизованную армию, Болгария вправе будет рассчитывать, что Европа нарушит наконец свое спокойно-равнодушное отношение и согласиться на созыв особой конференции для решения македонского вопроса»[78]. В то же время подобный анализ находился в определенном противоречии с другим, высказывавшимся также представителями русской военной внешнеполитической бюрократии. В соответствии с ним Болгария могла столкнуться с серьезными трудностями, объявив войну Османской Империи, так как последняя, «избавившись от австрийской угрозы, имеет свободу рук против Болгарии и больше не находится в таком плачевном положении, как в момент провозглашения болгарской независимости»[79].

Приход к власти 16 января 1908 г. Демократической партии во главе с А. Малиновым усилил в российском военном ведомстве ожидания конфликта между Болгарией и Портой, так как становилось очевидно, что София тяготилась своим, закрепленным в Берлинском мирном договоре после Русско-турецкой войны 1877–78 гг., статусом зависимого от Османской империей государства. Перед Санкт-Петербургом вставал вопрос о его будущей позиции в прогнозируемом болгаро-турецком конфликте. При этом в расчёт брались и достаточно натянутые отношения между Османской империей и Россией. Интерпретация складывавшейся ситуации, как она виделась представителями российских военных кругов, давалась в виде прогноза: «1) если возникновение осложнений с Турцией приведут к открытию военных действий на Кавказской границе, кажется мне, что одновременное выступление Болгарии на самом опасном для Турции опе-

[78] Леонтьев — в ГУГШ, 6 января 1908 г. // Там же. Д. 770. Л. 53 об., 54.
[79] Хольмсен — в ГУГШ, 31 января 1908 г. // Там же. Д. 6848. Л. 103 об.

inslav

ративном направлении могло бы иметь для нас чрезвычайное значение; 2) возможно, что и без предварительного соглашения болгарская армия будет мобилизована немедленно после объявления нами войны»[80].

Достаточно серьезный характер приобретал внутриполитический конфликт в Греции. С российской стороны всё чаще делался вывод о том, что «недовольство экономическим положением страны, сознание внешнего бессилия, ввиду слабости вооруженных сил, и глубокое разочарование решением Критского вопроса — всё это весьма волнует общество. Недовольство направляется против правящих и руководящих сфер вообще — против парламента и политических партий, против министерства [премьер-министра] и короля. Чувствуется общее желание перемен и улучшения положения»[81]. Прогноз развития ситуации был однозначным: «Греция находится накануне больших внутренних волнений»[82]. Среди сил, стоявших за ожидавшимися «беспорядками», оказалось греческое офицерство. Причина коренилась в действиях принца Константина, культивировавшего атмосферу протекционизма и непотизма в вооруженных силах страны. В их рядах были созданы три тайные офицерские группы, выступавшие с программой военных, гражданских и экономических реформ. В российских внешнеполитических кругах происходящее в Греции оценивалось как анархия[83].

В июле 1909 г. произошло объединение подпольных офицерских групп в одну конспиративную организацию, получившую название «Военная лига». Она возглавлялась полковником Н. Зорбасом и насчитывала свыше 1,5 тыс. офицеров (преимущественно из числа младшего состава). Программа действий Лиги была изложена в специальном меморандуме. Прежде всего выдвигалось требование отстранения принца Константиноса и других членов королевской семьи от руководства вооруженными силами Греции. На посты министров обороны и военно-морских дел должны были назначаться кадровые действующие офицеры. Помимо этого предусматривалось увеличение расходов на армию, введение жёсткого контроля над финансами и снижение налогового бремени. Решительность военных воспринималась с тревогой гражданскими политиками, к которым обратились представители Лиги. В июле 1909 г. со своего поста ушёл премьер-министр И. Теотокис. Заменивший его Д. Раллис, симпатизировавший сначала «Военной лиге», отказался, однако, 27 августа при-

[80] Леонтьев — в ГУГШ, 31 января 1908 г. // Там же. Д. 684. Л. 42.

[81] Артамонов — в ГУГШ, 30 июня 1909 г. // Там же. Д. 855. Л. 116.

[82] Там же.

[83] Артамонов — в ГУГШ, 7 июля 1909 г. // Там же. Л. 120, 120 об.

inslav

нять её делегацию. В ответ на это афинский гарнизон, располагавшийся в местечке Гуди, демонстративно был выведен в город командовавшими им офицерами и фактически взял столицу под свой контроль. «Движение Гуди» (или, как часто ещё называют эти события, «Революция Гуди»), распространилось и на другие части страны. Король был вынужден принять требования восставших. Из армии были спешно удалены все члены королевской семьи, восстановлены в звании незаслуженно уволенные из рядов вооруженных сил ранее офицеры. На смену премьер-министру Д. Раллису пришёл К. Мавромихалис, давно уже поддерживавший контакты с Лигой. События августа 1909 г. были по своему характеру типичным бескровным военно-политическим переворотом, но в рамках существовавшей общественно-политической системы и не затрагивали её основ. Он ставил своей целью проведение частичных реформ под силовым нажимом армии.

Политическая нестабильность в одной из ключевых с точки зрения российских национальных интересов на Балканах стран являлась предметом особой обеспокоенности российских внешнеполитических кругов. Характеристика партийно-политической системы страны, дававшаяся представителями российского чиновничества, занимавшегося внешнеполитическими проблемами, была достаточно жесткой и сводилась к выводу о том, что «партии в Греции — чисто личные, группирующиеся около политических вождей без какой-либо определенной окраски; программы партий не отличаются существенно»; «депутатское кресло обходится кандидату на выборах очень дорого — голоса покупаются»; «вступив во власть, каждая партия спешит сменить всех служащих чиновников до сторожей включительно, заменяя их своими приверженцами»; «некоторая часть бюджета идёт на удовлетворение избирателей партии у власти, создание синекур»; «самый механизм конституционного порядка в Греции (единая палата, всеобщее избирательное право), по признанию самих греков, оказывается несостоятельным и не даёт авторитета решением палаты»; «сделанное одной партией, отменяется следующей»[84].

Незавершенный характер планировавшихся «Военной лигой» преобразований порождал в стране атмосферу ожиданий более решительных действий, что сказывалось на российских прогнозах об установлении в скором будущем «диктатурного (так в тексте — Ар. У.) министерства» во главе с полковником Зорбасом или иным представителем «Офицерского Союза» [«Военной Лиги»], каковое министерство и проведёт необходимые реформы «королевским декретом[85] .

[84] Артамонов — в ГУГШ, 22 сентября 1909 г. // Там же. Л. 144, 144 об.

[85] Артамонов — в ГУГШ, 29 сентября 1909 г. // Там же. Л. 145 об.

inslav

Внутриполитические перипетии в балканских государствах на протяжении 1908–1911 гг. отражали общие тенденции в развитии общественно-политических систем этих стран. Румыния была одной из них. Правительственные изменения, произошедшие в ней в январе 1911 г., повлияли в первую очередь на оценки российской стороны относительно перспектив внешнеполитического курса этой страны: «либеральный кабинет Братиано, около четырех лет управлявший страной, пал. Во главе правительства стоит Г. [осподин] Карп — лидер консервативной партии. Г. [осподин] Карп представляет из себя ярого германофила, с нескрываемым недоброжелательством относящегося к России и славянству»[86]. Политическая культура и политические традиции страны воспринимались в российских кругах с учётом региональных особенностей, характерных для балканского геокультурного пространства. В этой связи отмечалось, что «благодаря своим связям в политическом мире, что очень важно в такой стране как Румыния»[87].

Учет ситуации, складывающейся в одной из важных с точки зрения российской национальной безопасности стран полуострова — Османской империи, становился одной из форм мониторинга за возможным источником угроз Российской империи. К 1911 г. это приобрело конкретное воплощение в виде составленного в Главном Управлении Генерального Штаба «Обзора Турции» — многостраничного документа, содержавшего как социально-политические, экономические, военные данные, так и этно-конфессиональные и культурологические характеристики страны и народов, населявших её. Ряд тезисов, содержащихся в нём, определял образ страны и народа в виде иерархии характеристик, стереотипизация которых позволяла говорить о достаточно цельной представленческой картине: «Европа встретила целый ряд препятствий, главным образом, в полной некультурности турок и полном нежелании и неспособности их к восприятию европейской культуры»; «панисламисткая пропаганда ведётся ещё более усиленными темпами, чем при Абдул-Гамиде и главным образом среди русских мусульман»; «инстинкт простого самосохранения у турок подсказывает им, что иной образ правления, кроме деспо-

[86] Марченко — в ГУГШ, 20 января 1911 г. // Там же. Д. 3093. Л. 21.

[87] П.Карп был жёстким сторонником как можно более активной внешнеполитической позиции Румынии на международной арене и придерживался крайне радикальной точки зрения на отношения с Россией. Подробнее о нём и политике его кабинета в этот период см.: *Gane C. P.* P. Carp ei locul sbu n istoria politicв a юarii. Bucureeti, 1936. V.II.

inslav

тического, политического националистического в Турции неприемлем при малокультурности, инертности господствующей расы»[88].

В 1911 г. уже и в открытой российской периодической печати, подведомственной военному министерству, авторы статей — представители российской военной бюрократии — делали далеко идущие выводы о перспективах воздействия Турции на государственное и социально-культурное поле России: «Наше время — эпоха самоопределения народов Востока. Восток пробуждается... "Пробуждение" русских мусульман и само по себе и по настойчивой пропаганде ислама среди многих миллионов наших инородцев Сибири, Туркестана, Хивы, Бухары, Поволжья и Прикамья, Калмыцких степей и Кавказа заставляет знатоков "мусульманского вопроса" в России признать, что в настоящее время наша государственность оказывается на положении "угрожаемой"... Сущность панисламизма — распространения в мире ислама и сплочения мусульман всего света под единой властью Халифа, верховного имама правоверных, турецкого султана, падишаха»[89]. Подобная постановка вопроса и видение развития ситуации определяли и соответствующую российскую имперскую политику: нежелание допустить этнического и конфессионального взаимодействия проживающих в центральных частях империи тюркских народов и исповедущего ислам населения с неподконтрольными в конфессиональном и политическом отношении силами в Передней и Центральной Азии[90].

Ужесточение запретительных мер произошло ещё в апреле 1910 г. и касалось желающих из числа российских подданных мусульман обучаться в бухарском медресе[91]. Озабоченность российской стороны вызывала и возможность координации деятельности образовывавшихся исламских общественно-политических организаций в Российской империи. Особенно наглядно это проявилось в недопущении представителей от Туркестана в общероссийские законодательные органы в соответствии с новым избирательным законом, последовавшим после роспуска Второй госу-

---

[88] Обзор истории Турции. Составлен ГУГШ 1895 – 1911 гг. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1.Д. 3818. Л. 88, 93, 131.

[89] *Евдокимов Л. В.* Панисламизм и пантюркизм // Военный сборник. 1911. No12. С. 85, 87.

[90] О связях бухарских и российских общественно-политических деятелей, выступавших с идеями тюркской взаимности и конфессионального единства см.: *Эргашев Б. Х.* Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1991. С. 22.

[91] В начале XX в. в Бухарском эмирате существовало 360 мечетей; 140 медресе, в которых обучалось около 20 тыс. будущих священнослужителей; 360 начальных религиозных школ. – *Эргашев Б. Х.* Указ. соч. С. 16.

inslav

дарственной Думы 3 июня 1907 г. Более того, практически оказались лишенными избирательных прав все кочевые народы России, которые получили название «бродячих инородцев»[92].

Подписание 30 апреля 1912 г. военной конвенции между Болгарией и Сербией, а также болгаро-греческого союзнического договора 16 мая того же года стало сигналом к выяснению возможных сроков военных действий против Османской империи, сомнений относительно которых в военных и политических кругах Российской империи уже не оставалось. Представленные по каналам российского Военного ведомства его руководству информация и выводы относительно внутриполитического положения в Османской империи усиливали значимость этого фактора для определения основ внешнеполитического поведения Турции. Однако оценка ситуации в силу «объективной непредсказуемости Востока» (а именно так воспринимались европейцами многие события в этой стране) давалась в допускающем различные варианты виде: «Правительство совершенно бессильно против армии, составляющей ту опору, на которой оно до сих пор основывало свою власть, и можно считать, что если младотурки не справятся с движением, то власти их положен конец... Вступят ли младотурки в борьбу — безнадежную, или постараются ли они более ловкими мерами завладеть движением — вот загадка дня здесь в Турции»[93].

На протяжении 1912–13 гг. в Турции обострилась внутриполитическая борьба между сторонниками партии «Иттихад ве тараки» и их противниками, сконцентрировавшимися вокруг партии «Хюрриет ве иттилаф». Внутриполитический кризис Османской империи, во многом обусловленный искусственным характером объединения в ней различных народов и территорий, а также социально-экономической отсталостью Порты от большинства европейских стран и образовавшихся новых Балканских государств, обостряли межэтнические и межконфессиональные противоречия внутри неё. Уже к 10-м годам XX в. всё активнее на повестку дня внутренней политики Османской империи выходил, помимо других, курдский вопрос. В феврале 1912 г. на совещании ряда курдских племенных вождей, обсуждалась проблема объединения всех курдов в борьбе против Османской империи[94]. На волне всеобщего недовольства 9 июля

[92] История народов Северного Кавказа. С. 471.

[93] Хольмсен – в ГУГШ, 24 июня 1912 г. // Там же. Д. 3242. Л. 18, 20.

[94] Подробнее о курдском вопросе в описываемый период и его роли в политическом развитии Османской империи и Ирана см.: Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987.С. 31–73.

inslav

1912 г. к власти пришли сторонники оппозиции в лице «Хюрриет ве иттилаф». К осени 1912 г. международная ситуация на Балканах всё больше свидетельствовала о неизбежности регионального военно-политического конфликта. Молодые государства полуострова не собирались мириться с сохранением за Османской империей земель, некогда захваченных ею у соответствующих народов региона. Вопрос об освобождении соотечественников и возвращении земель становился главным в складывающейся системе взаимоотношений между Османской империей, с одной стороны, и, с другой — существующими балканскими государствами — Болгарией, Грецией, Сербией, Черногорией. Первая балканская война, начатая антиосманской коалицией вышеназванных стран, в тоже время не принесла окончательного решения этнотерриториального вопроса на полуострове. Достаточно серьезно она повлияла и на внутриполитическое развитие государств региона, включая Османскую империю. Её первым результатом стало провозглашение 28 ноября 1912 г. в г. Влёр независимости Албании, которая была подтверждена 29 июля 1913 г. в Лондоне на конференции послов великих держав.

Тем временем, принятое 9 января 1913 г. на совещании османского правительства решение о согласии с требованиями великих держав передать Адрианополь Болгарии было воспринято младотурками как государственная измена. 10 января 1913 г. их руководители — Махмуд Шевкет-паша, Талаат-паша и зять султана Энвер-бей при поддержке 200 офицеров ворвались на заседание Совета министров, убили ряд высокопоставленных деятелей правительства и арестовали великого везира Кямиль-пашу, шейх-уль-ислама Рашид-бея, министра финансов Абдуррахман-бея. Заговорщики образовали собственное правительство во главе с Махмуд Шевкет-пашой, которое денонсировало предыдущие договоренности о прекращении боевых действий и возобновило войну[95]. Пытаясь обострить противоречия между балканскими союзниками и усилить прогерманскую группировку в Греции, турки разработали и осуществили план физической ликвидации греческого короля Георгиоса I, который был убит 1 марта 1913 г. в Салониках[96]. Новым королем стал прогермански настроенный Константинос I, находившийся в конфронтационных отношениях с премьер-министром страны Э. Венизелосом, ориентировавшимся на Великобританию и державы Антанты.

---

[95] *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок. 1908–1918 гг. М., 1972. С. 226, 227.

[96] *Ulunian Ar.* The Special Branch of the Russian Police: Greece and Turkey Through Intelligence Eyes (1912–14) // Revolutionary Russia. London, 1992. V. 5.

inslav

Внутриполитическое положение в ряде Балканских государств свидетельствовало о начавшихся изменениях в соотношении сил между сторонниками фактически противостоящих военных блоков — австро-германского и Антанты. Так, в частности, в мае 1913 г. ситуация в Греции свидетельствовала, что в её внутриполитических ориентирах наметились серьезные изменения. Для российских национальных интересов, как их понимала правящая бюрократия, создавался очаг угрозы. Её характер определялись следующим образом: «Придворная военная партия вся состоит из офицеров, готовых пресмыкаться перед всем германским и презирает французов; король и принцы, тоже самое, проникнуты германскими идеями к чему ещё присоединяется чувство обиды, что революция, признав деятельность принцев неудовлетворительной, как бы для исправления всего призвала иностранцев; к этому надо присоединить ещё и упоение греков успехами войны...; греки вообще хвастливые после успехов видимо совсем теряют голову»[97].

К весне 1914 г. внутриполитическая ситуация в Османской империи рассматривалась рядом представителей российской военной бюрократии с точки зрения стратегических интересов России в отношении Проливов: «Несомненно право и справедливость здесь [в Турции] страдают в наивысшей степени и возмущение и жалобы греков вполне естественны и понятны. Но если рассматривать этот же вопрос с утилитарной точки зрения будущих русских интересов в Прибосфорском районе, то полагаю, что совершающаяся замена греческого элемента мусульманским может быть нам только полезна»[98]. Столь необычный на первый взгляд вывод базировался на прагматическом, с точки зрения подлинных российских имперских интересов, национальном интересе: недопущении усиления потенциальных геополитических оппонентов Санкт-Петербурга на Балканах.

Исторически обусловленные региональные особенности государств полуострова серьезно повлияли на тесную взаимосвязь их внутриполитического развития с внешнеполитическими ориентирами, а также на позиционирование стран региона в новой системе международных отношений. Широко распространенное в России и за рубежом представление о так называемом национальном вопросе как комплексе конфликтогенных факторов являлось частью стереотипизированного образа балканского геополитического пространства. В то же время в силу исторических условий, к числу которых относились — вхождение большей части

[97] Гудим-Левкович — в ГУГШ, 9 мая 1913 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп.1. Д. 7396.
[98] Леонтьев — в ГУГШ, 15 апреля 1914 г. // Там же. Д. 7414. Л.40 об.

inslav

территории Балкан в состав мультиэтнических империй (Османской и Австро-Венгерской); достаточно позднее по сравнению с остальной частью Европы создание национальных государств; постоянная зависимость внутрирегиональных процессов от внешних факторов, — Балканский полуостров превратился в чувствительный для международных отношений эпицентр конфликтов, способных перерасти из локальных в крупный континентальный[99]. Причинно-следственная обусловленность этно-территориальных противоречий, нередко экстраполированная из этнической области на политическую и наоборот, способствовала определению сущности «Балканского вопроса» как совокупности исключительно этнических составляющих. Перечисленные выше и кажущиеся очевидными характеристики, несмотря на их констатационную по своему содержанию комбинацию конфликтогенных параметров[100], являлись лишь проявлением более сложной, а потому и наименее замечаемой (или минимизированной при формировании соответствующих стереотипов) системы, существующей в рамках так называемого национального вопроса на Балканах. Её сутью было сочетание объективных исторически сложившихся элементов. Именно в силу этого факта происходил всплеск конфликтности в конкретных точках региона, порождая иллюзию существования сплошного «конфликтного поля» и неустранимых перманентных противоречий[101]. Нарицательность вошедшего в историографию и практику термина «балканизация»[102] лишь усилила подобное восприятие ситуации на полуострове. В то же время, такой подход был лишь частично правомерен. В действительности можно было говорить о «национальном вопросе» на Балканах не как о видимой совокупности этно-территориальных проблем, а как о более масштабном явлении, т. е. как *о продолжающемся процессе образования государств на полуострове*. Именно идентификация и позиционирование этнического государства в пространстве Балканского региона и определило черты национального вопроса, составляющими которого стали национальный интерес и национальная безопасность.

---

[99] О классификационных особенностях балканских кризисов см.: Романенко С. Историко-политическая типология кризисов на Балканах XIX — XX вв. и их роль в международных отношениях // Россия на Балканах. Московский Центр Карнеги. Научные доклады. Выпуск восьмой. М., 1996.

[100] *Нюркаева А. З.* Типология балканских конфликтов XX в.// Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5.

[101] *Парушева Д.* Политическая култура и култура в политиката. Балканите в края на XIX и начало XXв.// Историческо бъдеще. С., 1998. Бр. 1.

[102] См. подробнее: *Тодорова М.* Балкани. Балканизъм. С., 1999.

inslav

Систему внутренних элементов национального вопроса на Балканах, то есть то, что могло бы быть определено как его структура, составили несколько основных блоков: 1) геополитический; 2) имиджилогический; 3) историко-геостратегический. Каждый из них, в свою очередь, является совокупностью неизменяемых и неисчезаемых элементов. Геополитический блок в региональном контексте определил базовые категории всей структуры «национального вопроса в регионе». Его элементами стали автохтонность и «пришлость» определенных этносов на Балканах. Из всех них только греки и албанцы относятся к первой категории. Все остальные входят во вторую. Географическое расположение в специфических местных условиях (горный ландшафт, регионально-территориальная разбросанность) сыграли свою роль при создании государств в новое и новейшее время.

Отсутствие централизованной государственности в XIX — XX вв., так или иначе, содействовало конфликтогенности в межэтнических взаимоотношениях. Именно процесс образования новых государств обусловил острое формулирование соответствующей иерархии геополитических преференций и национального интереса: объединение в рамках единого «государственного поля» всего этноса; обеспечение государственного образования соответствующими необходимыми географическими условиями (плодородная равнина, выходы вглубь континента, пропорциональная территории государства береговая линия и горные массивы в виде стратегического барьера четко очерченной этнической территории). Особенно явственно это проявилось в направленности этнической и конфессиональной мобилизации общества на реализацию геополитической идеи. Её содержательной частью являлась идеалистическая концепция «великого государства», базирующаяся в той или иной степени на тезисах «национального очага», «объединения нации» и существовании некой «исторической территории», а также необходимости «исторической компенсации» со стороны соседей. Естественным проявлением этноцентристской идеологии территориального построения государства выступала общественно-политическая модель его устройства, не предусматривающая либерального подхода к решению общественно-политических проблем и отличающаяся нестабильностью в силу зависимости от внешних факторов: определения угроз, поиска союзников и выработки внешнеполитического курса.

Второй блок проблем, включавший имиджелогический аспект, представлял собой фактор идентификации соответствующих этносов в системе взаимоотношений в рамках региона и на более широком международном поле. Позиционирование себя среди непосредственных соседей или

inslav

соседей по региону выступило у балканских народов, при всем существующем локальном внутриэтническом разнообразии, в виде нескольких подходов. Во-первых, он предусматривал наличие или отсутствие в соответствующем соседнем государстве близких или родственных этнических меньшинств. Во-вторых, жёстко определялась историческая аналогия, политическая практика прошлого в контексте взаимоотношений внутри региона и вне его. Реверсивный характер восприятия событий международной действительности на региональном и более широком международном уровне так или иначе связывался с наличием дружеских (союзных, близких, родственных) или наоборот враждебных (исторических противников, исторических недругов) за пределами региона. В общей структуре так называемого Ѣбалканского национального вопросаї гипертрофированная экстраполяция выступила в общественном сознании народов региона в роли видимого прикрытия базового утверждения недопустимости сужения собственного этнического геополитического пространства независимо от того, насколько это соответствовало объективному процессу государственного образования на полуострове. Инициирующим фактором, способствовавшим выходу на первое место представленческих элементов (позиционирование, стереотипы, ревеберации и исторические реверсии), выступал, как правило, сам конфликт, связанный с необходимостью решения внутригосударственных или межгосударственных проблем, а не наоборот. При этом независимо от географического расположения соответствующей балканской страны в самоидентификационном отношении она рассматривалась как «ключевая», имеющая выходы на Запад и Восток, выступая в роли «особого» звена балканской региональной цепи.

Иерархия элементов стереотипизированного образа во внутрирегиональном поле распределялось в виде достаточно гибкой системы, определяя существование третьего, так называемого историко-геостратегического блока. Однако все его составные части, сформулированные в виде нескольких тезисов, активно мобилизовывали историческое сознание. Свидетельством этому служили утверждения об исторической угрозе со стороны конкретных народов/государств полуострова, заявления о потенциальной опасности усиления соседей, гиперболизация исторической обоснованности патронирования со стороны внерегиональных сил конкретных стран, и, наконец, тезис «исторически разделенной нации». При этом выдвижение территориальных претензий обосновывалось не только и не столько прежней принадлежностью конкретной территории данному народу/государству, сколько наличием на ней в данный момент (или ранее, до переселения, изгнания и т. д.) родственного национального меньшинства, оторванного от основной части своего этноса в силу историчес-

inslav

кого факта: существования Османской империи, захватившей данные территории.

Эта «блоковость» структуры национального вопроса на Балканах обусловила соответствующие особенности формулирования концепций национального интереса и национальной безопасности стран региона. В первом случае доминирующим было стремление создать замкнутое этно-территориальное государственное пространство, не допускающее никаких разрывов в виде признания факта существования национальных меньшинств и их формальных территориальных прав. Такой подход, даже в случае существования федерально организованных государственных образований, признавал бы только право находиться на данной территории, а автономизация обуславливалась фактом этнического преобладания на ней в данный момент соответствующей этнической группы, но не ее исторического права на данную территорию. Что же касалось общего смысла национальной безопасности, то она рассматривала главной угрозой возможность потери государственной территории в результате объединения усилий национального меньшинства и близкого к нему (или родственного) государствообразующего этноса соседней страны.

Реализация двух концепций на протяжении XIX–XX вв. вела к обострению конфликтогенности балканского пространства, превращаясь в целую систему этно-территориальных «вопросов». Как это не парадоксально звучит, но именно решенность «государственного вопроса» в его балканской форме — этноцентрической моделе государственно-территориальной организации вела к нерешенности так называемого национального вопроса в целом. Сам же процесс государственного строительства в условиях этнической дисперсии, внутри- и внерегиональных зависимостей, оказался не законченным. На смену практике территориальных приобретений постепенно приходила практика этно-территориального дробления с перспективой возможного объединения этих территорий с родственными народам в рамках уже существующих государственных образований. В этой связи концепции национального интереса и национальной безопасности начали играть роль сдерживающего фактора для процесса такого объединения.

inslav

Многоликие Балканы.
(Вместо заключения)

мы решили поместить в конце книги большую часть официальной рецензии на сборник научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН, кандидата исторических наук Романа Николаевича Игнатьева. Столь необычное решение объясняется тем, что серьезно прочитав предложенные ему тексты, Игнатьев своей рецензией как бы продолжил исследование темы, создав вполне самостоятельное произведение с собственными размышлениями и оценками, со свежими и точными формулировками. Читатель имеет возможность убедиться в этом (из текста рецензии исключена только преамбула):

«...Многоликие Балканы оказываются во многом едины в своем особом варианте государственности, точнее в специфике легитимации власти. Вместе с изучением «фасада» балканского права конца 19 — начала 20 в. (в высшей степени изящно выписанных законов и благородной морали), авторам монографии предстояло объяснить латентные, а иногда вполне четкие формы «парагосударственных» структур, остановиться на самой практике освоения и трансформации европейских понятий и образцов управления, а также вывести из тени на свет пресловутую «балканскую ментальность» — «священную корову» хрестоматий по балканским обществам. Сумели ли авторы сборника представить сообща убедительную полифонию на заявленную тему? Думаю, что да, и в этой полифонии можно вычленить по крайней мере три мелодии.

Во-первых, всю книгу пронизывает вопрос корреляции политических проектов элиты и «обычных» ожиданий массы. Практически каждый из анализируемых здесь сюжетов балканской истории содержит эту «линию фронта», проходящую в национальных историографиях и ярко представленную сегодня в повседневной жизни региона. Во-вторых, мощные всплески «народного» или «национального единения» более или менее совпадают с военными конфликтами, отмеряющими, как кажется, самое время на этом беспокойном полуострове, поэтому оправдан интерес наших авторов к военным (или «паравоенным») людям Балкан. Наконец, вне всякого сомнения, крепкая вера и не менее сильные, обратимся к лексикону 18 столетия, «суеверия» также не были оставлены без внимания участниками коллективного труда.

inslav

Можно ли вести речь о сложном симбиозе государственных и «парагосударственных» структур на Балканах, по крайней мере, со второй половины 19 в. и, как следствие, о *невозможности одной-единственной легитимации власти* в глазах населения? Работа Р. П. Гришиной показывает нам зыбкость критериев легитимной власти в условиях старта модернизации. Политическая дискуссия оказывается в общем чужда массе, однако, и диктаторство не спасет от отравленных ятаганов. Мнение автора «о плодотворности в определенных условиях авторитарной модели модернизации» опирается на достаточное количество прецедентов, и, как кажется, может быть дополнено предположением о том, что авторитарная модель модернизации формируется в условиях неблагоприятного окружения и разъединения общества внутри страны. Любопытный материал об эволюции одной балканской «параструктуры» можно почерпнуть из статьи М. Л. Ямбаева. Заслуживают здесь нашего внимания и замечания Ю. В. Ивановой относительно традиционного мышления на Балканах. Добавим, что мышление это, по всей видимости, было в известном смысле более гибким и отражающим действительное положение вещей яснее, чем мышление современного горожанина. *Не потому ли мы можем видеть двойственность или отсутствие единства там, где наши предки усмотрели бы целое?*

В своей работе М. В. Белов делает акцент на манипуляции массой со стороны военных вождей «искусными риторическими ходами и эффектными мизансценами», обращаясь в основном к анализу исторических документов. Язык документов эпохи, вместе с тем, не всегда достоверно отражает социально-психологические и бытовые особенности изучаемого народа, поэтому о «манипуляциях» и «режиссуре» можно было бы, вероятно, говорить с большей осторожностью тем более, что заслужившие в свое время справедливую критику подходы «великосербской» и «титовской» историографий в «идеологически-философском» обосновании отечественной истории давно уже стали курьезом.

Разбирая дела военные («революционизации сербской армии способствовало и омоложение офицерского корпуса и внедрение нового оружия — пулемета»; см. также об офицерстве, как «надпартийной, достаточно структурированной корпоративной общности» в работе В. С. Винокурова), Я. В. Вишняков указывает нам на пестрый облик «элиты» в целом. «Ведь у нас полковники — министры юстиции, философы — министры полиции, таможенные чиновники — министры строительства. Разве тут нужны знания? Нет, для того чтобы быть министром, достаточно иметь свою программу», — цитирует автор известного сербского писателя.

А. Л. Шемякин проделал блестящий анализ партийной жизни Сербии в период 1880-е — 1914 г. Одна из важных мыслей исследователя — «национальное согласие в Королевстве вызревало после 1903 г. на базе чисто

inslav

традиционных понятий о власти и ее носителях». Впрочем, статья А. Л. Шемякина столь хороша, что ее трудно охарактеризовать в двух словах. Научная сторона представлена безукоризненно и выше всякой критики, а огромный гуманитарный потенциал ученого не нуждается в комментариях, он очевиден. Свободный русский язык автора также не может не вызвать искреннего восхищения! Позволю себе только отметить удивительно актуальное замечание об одной из партий, понимавшей «демократию как ничем не ограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм как институционализацию такого права; решительно отвергая при этом плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа».

Рассмотревший хитросплетения внутри политической элиты возникшего Королевства СХС, А. А. Силкин представил нам сложную модель балканского партийного дискурса в эпоху, наступившую после Великой Европейской войны. Неспособность договориться и взаимные провокации усугубляло отсутствие опыта общей политической жизни у общественных деятелей соединившихся земель, и «в результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность. К чему это привело, недвусмысленно показывает межвоенная история Югославии».

Отметим перспективность исследования А. И. Филимоновой. Свежий взгляд на очень старые проблемы может оказаться весьма полезным. Научное изучение религиозных практик может существенно расширить наше знание о “Homo balkanicus”.

В заключение скажем о некоторых незначительных недостатках. Обзорный или лекционный характер материала не может приветствоваться в подобной коллективной работе, впрочем, к счастью, подавляющее большинство авторов его избежала. Следует отметить, что, вероятно, большего искусства требует исследование офицерского корпуса *как фактора политической модернизации*, чтобы не ограничить изложение памятными датами и общими сведениями по новой истории. Трогательный психологический итинерарий по любви и ненависти отдельного балканского политика к России, встретившийся нам в одной из работ, требует, по меньшей мере, дополнительного комментария. Подчеркнем, что эти замечания не имеют принципиального значения.

Итак, рассмотренная коллективная монография заслуживает самого пристального внимания историков и социологов и, несомненно, скорейшей публикации. Посвященный противоречивому миру Балкан конца 19 — начала 20 в., самый труд отражает новый этап в истории Института Славяноведения РАН, и это очень важное, хоть и, может быть, далеко не главное его достоинство».

inslav

Содержание

Предисловие 5

Аншаков Ю. П. Становление государственности и органов власти в Черногории (XVIII — первая треть XIX в.) 11

Белов М. В. Проблема институализации и легитимации власти в Сербии 1804–1830 гг. 53

Чуркина И. В. Образование партийно-политической системы в Словении (90-е гг. XIX в. — 1914 г.) 82

Иванова Ю. В. Формирование идеи собственного государства в Албании в конце XIX — начале XX в.: принципы Национального Возрождения и традиционное общественное мышление 99

Косик В. И. Размышления о судьбах Болгарии, Стефана Стамболова, государственности 117

Гришина Р. П. Конституционная монархия в Болгариии ее подданные. 125

Ямбаев М. Л. Четы ВМОРО — компонент политической системы Болгарии (Начальный этап их деятельности) 166

Кузьмичева Л.В. (МГУ). Йован Ристич о проблемах государственного строительства в Сербии 187

Шемякин А.Л. Политические партии в независимой Сербии . . . . . (1881-1914) 199

Вишняков Я. В. Внеконституционные факторы и особенности развития сербской государственности в конце XIX-начале XX вв. 215

Винокуров В.С. Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX в.). 233

Силкин А.А. У истоков формирования конституционного и национально-территориального устройства Королевства сербов, хорватов и словенцев. 255

Филимонова А.И. Католическая акция в Югославии 1918-1929 гг. 295

Улунян Ар. А. Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в.) 318

Многоликие Балканы. Вместо заключения. 355

inslav

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Государство и его институты:
гримасы политической модернизации
(последняя четверть XIX — начало XX в.)

Сборник статей

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *И. Ю. Морозова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9.
Тел. (495) 336-45-32
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 13.06.2006. Формат 60×88 1/16.
Усл.-печ. л. 22. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 0273.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40

Printed in Russia

inslav

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

1. Библио-Глобус, 101990, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 921-58-03
2. Дом книги «Москва», 125009, ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60.
6. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, к. 2. Тел. (495)131-11-38
7. ООО «Паолине», ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
8. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», 125267, Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
9. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
10. Магазин «Русское зарубежье» 103375, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
11. Магазин Издательства УРСС, 117312, пр. 60-летия Октября, д. 9
12. Магазин «Музыкальный парк», 109369, Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
13. Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
14. Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 229-88-21, 504-47-95
15. Сеть магазинов «Букбери». Тел. (495) 240-48-09, 240-48-67
16. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
17. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
18. «Новое книжное агентство», 103062, ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ, Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», 191069, ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., д. 62
6. Магазин «Слово», 191186, Невский пр., д. 22-24
7. Издательско-торговый дом «Летний сад», Большой пр. П. С., д. 82. Тел. (812) 232-21-04, 233-19-62
8. Магазин «Гуманитарная книга», 1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 323-54-95
9. Магазин «Академический проект», ул. Рубинштейна, д. 26. Тел. 764-81-64
10. Магазин «Перемещенные ценности», 2-я линия В. О., д. 27
11. Магазин «Подписные издания», 191104, Литейный пр., д. 57
12. Магазин «Культпросвет», 191040, ул. Пушкинская, д. 10
13. Книжная лавка писателей, Невский пр., д. 66
14. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, д. 9

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА» (НОВОСИБИРСК)

http://www.top-kniga.ru. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

inslav

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

XIX
-XX
в е к

inslav